

Оглавление

От составителей.....	7
Сказки	8
Встреча в саду.....	10
В доме у старой графини.....	12
Троекуров и Дубровский	13
Французский учитель	14
Барышня-крестьянка.....	16
Морская прогулка	18
Ноздрев	19
У Собакевича.....	20
Мальчики	23
Муму.....	25
Подвиг князя Андрея.....	26
Дуб	28
Первый бал Наташи Ростовой	29
Старший брат	31
Кукла	33
Каштанка потерялась.....	35
Новые знакомые.....	37
На арене цирка.....	38
Неудачный побег.....	40
Сердце Данко	42
Сын орла.....	44
Волшебный ковер.....	46
Картина в библиотеке	48
Алые паруса	50
Елка.....	51
Прощальный праздник.....	53
Море.....	54
Утро.....	56
Найдем и мы свою долю!.....	57
Ежик	58
Генрих Шлиман	59
Тайна гексаметра	60
Волшебная страна	61
В станционном буфете	63
В кузове грузовой машины	65
Черешня.....	67
Звуки органа	69
Брестская крепость	70
Эхо	72
Зимний дуб	74
Посылка	76
Ножичек с костяной ручкой	78
Мститель.....	80
Золотое зерно	82
Закон набата	84
Скворечник	86

Матренин двор	87
Речка тоже живая!	89
Суд в облаках	90
Расскажи, ветеран	92
Исповедь	93
Охота за птичьими голосами	94
Удивительные птицы	96
Требовательность	98
В мастерской скульптора	100
Лебеди	101
Марьям	103
Торжество природы	105
Живой эфир	106
Самая высокая мечта	108
Море	110
Барсучий нос	111
Прощание с летом	113
Гроза в лесу	115
Поэма из камня	116
Савва Иванович Мамонтов	117
В мире растений	119
Колючее семейство	121
Осина	122
Облепиха	123
Талант!	125
Качающаяся скала	127
Счастье в моем понимании	129
Чувство времени	130
Ассоль	131
Грэй	132
На бревнах	134
Заплаткин	135
Медведь	136
Увлекательное занятие	137
Воспоминание о Крыме	138
Музыка для Золушки	139
Дедал и Икар	141
Мир полон чудес*	142
Мир загадочного»	143
Поступи как друг	145
Старик	147
Под чужим небом	148
Рыбная ловля	149
Мурзик	151
Никита Кожемяка	153
Наука ненависти	154
Родной дом	155
Травы звериные и травы птичьи	157
На Черном озере	158
Воробей и стеклянный букет	160
Знакомство	162

Предательство	163
Таинственный флюгер	165
Мой знакомый бегемот	167
Слепой музыкант	168
Река играет	170
Ожидание бури	171
Охотники на тигров	173
Метличка	175
По грибы	177
Дальше повел нос	178
О карикатуре	180
Оружие смеха	182
Бойе	184
Всем ли доступно наслаждение музыкой?	185
О преимуществах музыки	187
Искусство создания фильма	189
Что же такое торнадо?	191
Жить в согласии с природой	192
Стихии нашей планеты	193
Гроза пришла	194
Белая белка	196
Зорькина песня	197
Родные березы	199
Чудесный доктор	201
Ю-ю	203
В Киеве	205
В поезде	206
Муравейное братство	207
Облик Чехова	208
Чехов	209
В деревне	210
Анна Ахматова	212
Грачи прилетели	214
Байкал	216
Потеря	217
Доктор Янсен	219
Новый житель	220
О способности воспринимать прекрасное	221
Учитель	223
Александр Куприн	224
Дымковская слобода	225
Рахманинов	227
Сенокос	229
Трава	231
Яков Вилимович Брюс	232
Весенний остров	233
Легенда о Коломне	234
Мать	235
О милосердии	236
Сын лесника	237
Щурка	239

Жизнь леса	240
Катя	242
Странная загадка	243
Ты кто?	245
На охоте	247
Бобришный угор	248
О выборе цели	249
Полоцк	250
Чувство родины	252
Ворона	254
В доме Чехова	255
Мудрый совет	257
Голубая стрекоза	259
Переправа	261
Родина	263
Приручение собаки	264
Синий камень Памира	266
Бобр	268
О языке животных	269
Причуды сна	270
Может ли время повернуть вспять?	271
Почему светятся звезды?	272
Спираль времени	274
Магия чисел	275
Крыжовник	276
Нарцисс	277
Переполюх	279
Сталинград	281
В цирюльне	283
Отец и сын	285
Важный момент	287
Вертушинка	289
Ветер-хлебопашец	290
Воспоминания	291
Мое поколение	293
Не может быть	295
Открытие	296
Сила детства	298
Счастье	300
Эксперимент	301
Большая перемена	303
Утя	304
В крепости	305
Печорин	306
Хохлома	307
Встреча с человеком	308
Лебедь и лебедушка	310
Лось и лосиха	312
Белый гусь	313
Арктур и доктор	315
Ученье — свет	317

Собака	318
На войне	320
Под Сталинградом	322
Последний поклон	325
Концерт классической музыки	327
Второй сорт	328
Воскрешение Раскольников	330
Достоевский в Инженерном училище	331
Пушкин в Лицее	333
Свидание с другом	335
Слово о Пушкине	337
Поэзия Пастернака	339
О Шмелеве	341
«Вечерний альбом»	342
Гиляровский	344
Качалов	346
Анна Павлова	348
Улыбка Моны Лизы	350
О Ландау	352
Размышляя о Вселенной	354
О русской интеллигенции	357
Пифагор	359
Эзоп	361
Орфей и Эвридика	362
Национальная библиотека	363
Иван Шамякин	365
Любите читать!	367
Колокольный звон	369
Сады и парки	371
О русской литературе	373
Царь-колокол и Царь-пушка	375
Барбос и Жулька	377
Памяти Чехова	379
Полевые цветы	381
Федор Иванович Тютчев	382
О Горьком	384
«Надежда»	385
Несколько слов о Пушкине	386
В недрах земли	388
Павел Михайлович Третьяков	390
О Петре Ильиче Чайковском	391
Охотничьи собаки	393
Перевал	395
Золотая рыбка	397
Орехи	398
Размышления о «чувстве слова»*	399
В. П. Астафьев. «Последний поклон»	400
«Все это уж было когда-то...»	402
Льняное поле в цвету	404
Старый сад	405
Величественное зрелище	406

Вечер на Кавказе.....	407
Праздник.....	408
«Урядник сокольничьего пути»	409
Подвиг Ивана Федорова	411
Урок корректора Благова	412
Функции русского языка*	414
Система образов-символов в балладе «Светлана» В. А. Жуковского.....	416
Интеллигентный дилетант*	418
Актуальный язык XXI века	419
Неожиданная встреча	420
Рассказ В. Токаревой «Самый счастливый день»	422
Круиз по Оке и Волге	423
Эсперанто и его создатель*	424
Долгожданная гроза.....	426

От составителей

Основная задача сборника — оказать помощь учителям русского языка, работающим в XI классах, при подготовке учащихся к письменным экзаменам по русскому языку.

Тексты для изложений подобраны с учетом наличия в них основных орфограмм и пунктограмм, изучение которых включено в программу по русскому языку за период обучения и воспитания на III ступени общего среднего образования. Материал данного сборника может быть использован учителями для проведения в течение учебного года как обучающих, так и контрольных изложений различного вида: сжатых, подробных, с творческим заданием и др. Отдельные тексты сборника будут предложены на письменных экзаменах по русскому языку за период обучения и воспитания на III ступени общего среднего образования.

В сборник вошли тексты из художественных произведений русской классической, современной, а также из научно-популярной литературы.

Определенной системы в размещении текстов — ни тематической, ни грамматической — не существует, они располагаются свободно.

Сложность подбора связных текстов, отвечающих требованиям нормативных документов по количеству слов, наличию орфограмм и пунктограмм, обусловила некоторые изменения авторских текстов (исключение авторских написаний слов, не несущих яркой смысловой нагрузки; включение некоторых слов и выражений, которые, существенно не изменяя текст, усиливают его орфографическую и пунктуационную наполненность).

Для написания изложений в классах филологического направления гимназий и лицеев предлагаются тексты, помеченные знаком *.

Составители выражают благодарность рецензентам, оказавшим большую помощь в подготовке сборника.

Сказки

Сказок на свете очень много. Есть сказки волшебные. Самые необыкновенные истории происходят в них. Герои попадают в подземные и подводные царства, перед ними раздвигаются горы и непроходимые леса, за одну ночь на пустырях по мановению волшебной палочки вырастают хрустальные дворцы и прекрасные замки. Героям в таких сказках на помощь приходят ковры-самолеты и сапоги-скороходы, шапки-невидимки и скатерти-самобранки.

Там, где у волшебников не хватало силы, выручали могущественные повелители природы — джины. Помнишь слугу старой медной лампы из арабской сказки про Аладдина? Стоит лишь потереть ржавую лампу, как появится джинн и исполнит любое приказание своего господина.

Есть сказки о подвигах былинных богатырей. В этих сказках все огромное, неоглядное. У богатырских коней между ушами целые табуны пасутся. Одним прыжком перепрыгивают такие скакуны через моря и океаны, а от ударов их копыт горы рушатся в прах. Сами былинные витязи сражаются с огнедышащими драконами и змеями, спасают украденных царских да королевских дочерей из заточения или защищают родную землю от чудовищ семиглавых, от разбойных нашествий. Если им случается погибнуть от руки коварного противника, то их воскрешает живая вода.

Есть сказки о животных, в которых звери и птицы живут подобно людям. Строят жилища, ходят друг к другу в гости. Природная сметливость и помощь друзей помогает им избежать беды. У каждого народа свои любимцы среди зверей. У индусов — добрый, могучий и мудрый слон. У кхмеров — хитрая, непоседливая обезьяна. У эскимосов — собака, которая является верным помощником рыбаков и охотников.

А есть сказки, которые похожи на обыкновенные житейские истории. Это так называемые бытовые сказки, которые составляют самую многочисленную группу произведений устного народного творчества.

Сюжеты их незамысловаты. У испанского батрака и норвежского моряка, у турецкого бедняка и португальского рыбака немного было радостей в жизни. И разве могли они отказать себе в удовольствии хотя бы в сказке помечтать о счастье и справедливости.

Бедняка всегда выручает доброта и отзывчивость. Голоден он, а нищему вынесет кусок хлеба, напоит и накормит заблудившегося путника. Сам потеснится, но приютит человека, попавшего в беду. Как правило, прохожий или проезжий потом щедро одарит хлебосольного хозяина.

По-настоящему «бродячим» сюжетом стала история поисков жадным хозяином дешевого работника. На какие только хитрости не пускается жадный наниматель, но смекалистый работник оставляет его с носом.

Впрочем, зависть, корысть, трусость, лживость в сказке всегда бывают наказаны, от кого бы они ни исходили.

Какой мудростью пронизана шведская сказка «Гвоздь из родного дома»! Где бы ты ни был, твоя верность отчему краю поможет и выручит, придаст сил и подскажет правильный путь.

«Нет на земле ценнее плодов, чем те, которые дают человеку знания», — внушает сыновьям отец — герой болгарской сказки «Самый ценный плод». Ему будто вторит старый крестьянин из индийской сказки, наставляя своих детей: «Нет у вас ни стад, ни золота, ни дворцов. Собирайте себе другие богатства: старайтесь больше узнать, глубже понять, чем живет мир вокруг. И никогда не пропадете!»

А разве может когда-нибудь устареть мысль, что человек — сам кузнец своего счастья? «Будь смелым, добрым, не ищи легкой удачи и не чурайся любого труда, — убеждают сказки

многих народов, — и ты обязательно добьешься успеха!» А тот, кто не помнит добра, кто на добро отвечает злом, всегда будет наказан. (497 слов)

По Л. Ханбекову

Встреча в саду

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, окружавших берег. Марья Ивановна прошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке напротив памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела, а Марья Ивановна, со своей стороны бросив несколько быстрых взглядов, успела рассмотреть незнакомку с ног до головы. Той было на вид около сорока лет; лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание:

- Вы, наверное, нездешняя? — спросила она.
- Точно так: я вчера только приехала из провинции.
- Вы приехали с вашими родными?
- Никак нет. Я приехала одна.
- Одна! Но вы еще так молоды.
- У меня нет ни отца, ни матери.
- Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?
- Точно так. Я приехала просить милости.
- Позвольте спросить, кто вы таковы?
- Я дочь капитана Миронова.
- Того самого капитана Миронова, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?
- Точно так.

Дама, казалось, была тронута. Голосом еще более ласковым она сказала:

- Извините меня, если я вмешиваюсь в ваши дела. Я бываю при дворе: изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь.

Марья Ивановна встала и почтительно ее поблагодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверие. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала с внимательным и благосклонным видом, но вдруг лицо ее переменилось. Марья Ивановна, следившая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, минуту назад столь приятному и спокойному. Дама с холодным видом сказала:

- Вы просите за Гринева? Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безнравственный человек и предатель.
- Это неправда! — вскрикнула Марья Ивановна.

— Как неправда? — удивленно возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, это неправда! Я знаю все, я все вам расскажу. Он ради одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то потому только, что не хотел впутывать меня.

Тут Марья Ивановна с жаром рассказала все, что ей было известно.

Дама выслушала ее со вниманием, а потом сказала:

— Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо.

С этими словами она встала и вошла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась на постоянный двор, исполненная радостной надежды. (464 слова)

По А. Пушкину

В доме у старой графини

Германн трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени. В десять часов вечера он уж стоял перед домом графини. Погода была ужасная: ветер выл, мокрый снег падал хлопьями. Фонари светились тускло, улицы были пустынные. Изредка тянулся извозчик на своей тощей кляче, высматривая запоздалого седока.

Германн стоял в одном сюртуке, не чувствуя ни ветра, ни снега. Наконец карету графини подали. Германн увидел, как лакеи вынесли под руки сгорбленную старуху, укутанную в соболью шубу, и как вслед за нею, в холодном плаще, с прической, убранною свежими цветами, мелькнула ее воспитанница. Дверцы захлопнулись. Карета тяжело покатила по рыхлому снегу. Швейцар закрыл двери. Окна померкли.

Германн стал ходить около опустевшего дома. Он подошел к фонарю, взглянул на часы — было двадцать минут двенадцатого. Он остался под фонарем, устремив глаза на часовую стрелку и ожидая назначенный час.

Ровно в половине двенадцатого Германн ступил на крыльцо дома и вошел в ярко освещенные сени. Швейцара не было. Германн взбежал по лестнице, отворил двери в переднюю и увидел слугу, спящего под лампою в старинном запачканном кресле. Легким и твердым шагом Германн прошел мимо него. Зала и гостиная были темны, лампа из передней слабо освещала их.

Германн вошел в спальню. Перед старинными образами теплилась золотая лампада. Полинялые кресла, с сошедшей позолотой диваны, на которых лежали пуховые подушки, стояли в печальной симметрии около стен, обитых китайскими обоями. На стене висели два портрета, писанные в Париже бывшим когда-то в моде французским художником. Один из них изображал мужчину лет сорока, румяного и полного, в светло-зеленом мундире и со звездою; другой — молодую красавицу с орлиным носом, с зачесанными висками и с розою в высоко зачесанных волосах. По всем углам стояли фарфоровые пастушки и пастушки, столовые часы также французской работы, коробочки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия¹. Германн заглянул за ширму. За ней стояла маленькая железная кровать, справа находилась дверь, ведущая в кабинет, слева — другая, которая выходила в коридор. Германн отворил ее и увидел узенькую витую лестницу, которая вела в комнату бедной воспитанницы... Но он воротился и вошел в темный кабинет.

Время шло медленно. Все было тихо. В гостиной пробило двенадцать, по всем комнатам часы одни за другими прозвонили двенадцать, все умолкло опять. Германн стоял, прислонясь к холодной печке. Он был спокоен, сердце его билось ровно, как у человека, решившегося на что-нибудь опасное, но необходимое.

Часы пробили первый и второй час утра, и он услышал дальний стук кареты. Невольное волнение овладело им. Карета подъехала и остановилась. Он услышал стук опускаемой подножки. В доме засуетились. Люди побежали, раздались голоса, и дом осветился. В спальню вбежали три старые горничные, и графиня, чуть живая, вошла и опустилась в свое кресло. Молодой человек увидел в щелку, что Лизавета Ивановна прошла мимо него. Он услышал ее торопливые шаги по ступеням лестницы, и в сердце его отозвалось нечто похожее на угрызение совести и снова умолкло. Германн будто окаменел. (464 слова)

По Л. Пушкину

Троекуров и Дубровский

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил Кирилл Петрович Троекуров. Богатство, знатный род и связи придавали ему большой вес в губернии, где находилось его имение. Соседи были рады угождать его малейшим прихотям, губернские чиновники трепетали при его имени. Кирилл Петрович принимал эти знаки подобострастия как надлежащую дань.

Дом Троекурова всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность и разделять шумные, а иногда и буйные увеселения. Никто не мог отказаться от его приглашения и в определенные дни не явиться с должным почтением в село Покровское.

В домашнем быту Кирилл Петрович обнаруживал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только его окружало, он привык давать полную волю всем порывам своего капризного нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно. Несмотря на это, люди были ему преданы: они гордились богатством и славой своего господина и, подражая хозяину, позволяли себе многое в отношении к своим соседям, надеясь на покровительство барина.

Обычные занятия Троекурова состояли в разъездах по своим обширным владениям, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно им изобретаемых. Жертвою этих проказ обыкновенно бывал какой-нибудь новый знакомый, хотя и старинные приятели Троекурова не всегда их избегали.

Исключением был Андрей Гаврилович Дубровский, отставной поручик гвардии. Он был ему ближайшим соседом и владел семьюдесятью душами. Троекуров, надменный даже по отношению к людям самого высокого звания, уважал Дубровского, несмотря на его незначительное состояние. Некогда они были товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность Дубровского.

Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием вынужден был выйти в отставку и поселиться в своей деревне. Кирилл Петрович, узнав об этом, предлагал ему свое покровительство, но Дубровский поблагодарил его и остался беден и независим.

Когда Троекуров, отставной генерал, вернулся в свое поместье, они встретились и возобновили дружбу. С тех пор оба каждый день бывали вместе, и Кирилл Петрович, отроду не удостоивший никого своим посещением, часто заезжал в домишко своего старого товарища.

Будучи ровесниками, принадлежащие к одному сословию, воспитанные одинаково, они в какой-то мере были схожи и в характерах. В некотором отношении и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих осталось по ребенку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирилла Петровича росла на глазах родителя. Троекуров часто говорил Дубровскому: «Если в твоём Володьке будет толк, так отдам за него Машу и не посмотрю, что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головой и отвечал: «Нет, Кирилл Петрович, мой Володька не жених Марии Кирилловне. Бедному дворянину лучше жениться на бедной дворянке и быть главою в доме, чем сделаться приказчиком при избалованной женщине».

Все завидовали согласию, царившему между надменным Троекуровым и его бедным соседом, и удивлялись смелости последнего, когда он за столом у Кирилла Петровича прямо высказывал свое мнение, не заботясь о том, противоречило ли оно мнению хозяина. Некоторые пытались подражать Дубровскому и выйти за пределы должного повиновения, но Кирилл Петрович так их пугнул, что навсегда отбил охоту к таким поступкам. Дубровский один остался вне общего закона. (488 слов)

По А. Пушкину

Французский учитель

Кирилл Петрович выписал из Москвы для своего сына Саши француза-учителя, который вскоре прибыл в Покровское.

Этот учитель понравился Кириллу Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Троекуров был недоволен только молодостью француза. Для объяснений с учителем он велел позвать к себе Машу, потому что сам по-французски не говорил, и дочь была его переводчиком.

— Маша, скажи ему, что я принимаю его, только чтоб он за моими крестьянками и служанками не смел волочиться, не то я его...

Маша покраснела и, обратись к учителю, сказала, что отец ее надеется на его скромность и порядочное поведение. Француз ей поклонился и ответил, что он постарается заслужить уважение, даже если ему откажут в благосклонности. Кирилл Петрович остался удовлетворен таким ответом и отпустил француза в его комнату.

Маша, воспитанная в аристократических предрассудках, не обратила никакого внимания на молодого француза. Учитель был для нее лишь род слуги, а слуга не казался ей мужчиною. Не заметила она и впечатления, произведенного ею на месье Дефоржа, ни его смущения, ни изменившегося голоса. Потом она встречала его довольно часто в доме, не удостоивая своим вниманием.

Но неожиданным образом отношение Маши к месье Дефоржу переменялось.

На дворе у Кирилла Петровича обычно воспитывались несколько медвежат. Они составляли одну из главных забав Покровского помещика. Маленьких медвежат приводили ежедневно в гостиную, где Кирилл Петрович целыми часами возился с ними, стравливая их с кошками и собаками. Взрослых медведей сажали на цепь перед окнами барского дома. Случалось, что их впрягали в телегу, насильно сажали в нее гостей и пускали их скакать по окрестностям.

Но лучшей шуткой считалась у Кирилла Петровича следующая. Проголодавшегося медведя запрут в пустой комнате, привязав веревкою за кольцо, ввинченное в стену. Веревка была длиною почти на всю комнату, так что только один противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Нового гостя приводили к дверям этой комнаты и нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине со зверем. Бедный гость, до крови оцарапанный, в оборванной одежде, скоро отыскивал безопасный угол. Однако он был вынужден иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъяренный зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина!

Через несколько дней после приезда учителя Троекуров вознамерился проверить француза в медвежьей комнате. Для этого Кирилл Петрович однажды утром призвал учителя к себе и повел его темными коридорами. Вдруг боковая дверь отворилась — двое слуг быстро втолкнули в нее француза и заперли комнату на ключ. Опомившись, учитель увидел привязанного медведя. Зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошел на него. Француз не смутился, не побежал, а ждал нападения. Когда медведь приблизился, Дефорж вынул из кармана маленькой пистолет и выстрелил. Все сбежались на звук выстрела, двери отворились, Кирилл Петрович вошел, изумленный развязкой своей шутки.

Троекуров хотел узнать, кто предупредил Дефоржа о комнате и зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за дочерью. Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — ответил учитель, — но я всегда ношу при себе пистолет, потому что не намерен терпеть обиду, за которую не могу потребовать удовлетворения ввиду моего положения.

Маша посмотрела на него с изумлением, а затем перевела его слова отцу. Кирилл Петрович помолчал, потом, обратясь к своим людям, сказал:

— Каков молодец! Не струсил!

С той минуты он полюбил Дефоржа и больше не думал его испытывать. (553 слова)

По А. Пушкину

Барышня-крестьянка

Алексей Берестов произвел на местных барышень неизгладимое впечатление. Он явился перед ними мрачным и разочарованным, говорил об утраченных радостях, об увядшей своей юности и носил на пальце черное кольцо с изображением мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново, и барышни сходили по нему с ума.

Но больше всех интересовалась молодым Берестовым дочь Муромского Лиза. Их отцы были в ссоре, и она еще не видела Алексея.

Ей было семнадцать лет. Черные глаза оживляли ее смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и, следовательно, избалованное дитя. Ее резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаяние английскую гувернантку.

У Лизы была служанка Настя. Она была постарше, но так же ветрена, как и ее барышня. Лиза очень любила ее, поэтому открывала ей все свои тайны и вместе с нею обдумывала новые затеи.

— Как бы мне хотелось его увидеть! — сказала Лиза со вздохом.

— Да что же тут мудреного? Их имение от нас недалеко, пойдите гулять в ту сторону или поезжайте верхом и точно встретите его. Он же каждое утро ходит с ружьем на охоту.

— Да нет, нехорошо. Он может подумать, что я специально за ним гоняюсь. А знаешь что? Наряжусь я крестьянкою!

— Ив самом деле: наденьте рубашку, сарафан, да и ступайте смело. Обещаю вам, что Берестов уж вас не прозевает.

На следующий же день Лиза приступила к исполнению своего плана. Она послала купить на базаре полотна, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан, засадила за шитье всех служанок. К вечеру все было готово. Лиза примерила обновку и принялась вертеться перед зеркалом. Никогда еще она не казалась себе такой милой. Затем она начала изображать крестьянскую девушку: на ходу низко кланялась, говорила на крестьянском наречии, смеялась, закрываясь рукавом, и заслужила полное одобрение Насти. Одно затрудняло ее: она попробовала было пройти по двору босая, но исколола свои нежные ножки. Находчивая Настя сняла мерку с Лизиной ноги, сбегала в поле к Трофиму-пастуху и заказала ему пару лаптей.

На другой день, ни свет ни заря, Лиза проснулась. В доме все еще спали. Верная Настя за воротами ожидала пастуха. Заиграл рожок, и деревенское стадо потянулось мимо барского двора. Трофим, проходя мимо Насти, отдал ей маленькие лапти. Лиза тихонько нарядилась крестьянкою, вышла на заднее крыльцо и через огород побежала в поле.

Ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой радостью. Боясь встречи с кем-нибудь из знакомых, она, казалось, не шла, а летела. Приближаясь к роще, стоящей на рубеже отцовского владения, Лиза пошла медленнее. Сердце ее, само не зная почему, сильно билось. Но боязнь, сопровождающая юные проказы, составляет главную их прелесть.

И вот Лиза вошла в сумрак рощи. Веселость ее притихла. Девушка шла по дороге, окруженной с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг внезапно появившаяся легавая собака залаяла на нее. Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос:

— Не бойся, милая, собака моя не кусается.

Лиза уже успела оправиться от испуга и сумела воспользоваться обстоятельствами. Притворяясь полуиспуганной, полужастенчивой, она сказала:

— Нет, барин, боюсь: она, видишь, какая злая, опять кинется.

Алексей в это время пристально глядел на молодую крестьянку:

— Как тебя зовут, душа моя?

— Акулиной, — отвечала Лиза.

Так молодые люди познакомились. Они, не замечая, как бежит время, еще долго проговорили в роще и договорились встретиться завтра. (525 слов)

По А. Пушкину

Морская прогулка

Смеркалось, я сидел в своей комнате и заканчивал пить второй стакан чая; вдруг дверь скрипнула, за моей спиной послышался легкий шорох платья. Я вздрогнул и обернулся — это была она, дочь хозяйки! Девушка села напротив и безмолвно устремила на меня свои глаза. Не знаю почему, но этот взгляд показался мне очень нежным, а лицо ее было покрыто тусклой бледностью, свидетельствующей о душевном волнении. Так продолжалось некоторое время. Я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, предложив ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обняла меня и поцеловала. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал ее в объятиях со всей силой юношеской страсти. Она, словно змея, выскользнула у меня из рук и шепнула на ухо: «Сегодня ночью, когда все уснут, выходи на берег». Потом красавица стрелою выскочила из комнаты, опрокинула в сени чайник и свечу, стоявшую на полу. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда все на пристани умолкло, я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она дожидалась меня на краю спуска к морю. «Идите за мной», — сказала девушка, взяв меня за руку, и мы стали спускаться. Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительных маяка, сверкали на темно-синем небе. Тяжелые волны мерно и ровно катились одна за другой, едва приподымая одинокую лодку, причаленную к берегу. «Сядем в лодку», — сказала моя спутница. Я колебался, но отступать было поздно. Сев в лодку, я не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем. «Что это значит?» — спросил я сердито. «Это значит, — отвечала она, крепко обняв меня, — что я тебя люблю». Ее щека прижалась к моей, и я почувствовал на своем лице ее дыхание.

Вдруг что-то шумно упало в воду. Я схватился за пояс — пистолета нет. И тут ужасное подозрение закралось мне в душу. Оглядываюсь и вижу, что мы отплыли далеко от берега, а я не умею плавать! Хочу ее оттолкнуть от себя, но она крепко вцепилась в мою одежду. Вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я удержался, и между нами началась отчаянная борьба. Бешенство придавало мне силы, но я заметил, что уступаю моей противнице в ловкости. «Чего ты хочешь?» — закричал я, крепко сжав ее маленькие руки. Ее пальцы хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку. «Ты видел Янко, ты донесешь на нас», — злобно прошипела она. Вдруг девушка сверхъестественным усилием повалила меня, мы оба по пояс свесились из лодки, ее волосы касались воды. Я смог упереться коленкой в дно, схватил ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил ее в волны. Было уже довольно темно, голова ее мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видел.

На дне лодки я нашел половину старого весла и после долгих усилий причалил к пристани. Пробираясь берегом к своему жилищу, я невольно всматривался в сторону берега. Постепенно мои глаза привыкли к темноте, тогда я увидел на берегу дочку хозяйки и почти обрадовался этому. Она выжимала из своих длинных волос и одежды морскую пену. (493 слова)

По М. Лермонтову

Ноздрев

Таких людей, как Ноздрев, всякому приходилось встречать немало. Они называются разбитными малыми, считаются еще в детстве и в школе хорошими товарищами, но при этом бывают весьма больно поколачиваемы.

В их лицах есть что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся: не успеешь оглянуться, как они уже говорят тебе «ты». Кажется, что дружбу заведут навек, но почти всегда так случается, что подружившийся подерется с ними в тот же вечер на дружеской пирушке.

Ноздрев в тридцать пять лет был таким же, каким был в восемнадцать и двадцать: он любил погулять. Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков километров, где была ярмарка со всякими приемами и балами. Ноздрев в мгновение ока был там, азартно спорил и заводил сумятицу за карточным столом, потому что имел страсть к картам. Играл он не совсем честно, и часто все оканчивалось тем, что Ноздрева били или же задавали трепку его густым и очень красивым бакенбардам. Иногда он возвращался домой только с одной бакенбардой, при этом довольно редкой. Но здоровые и полные щеки его так хорошо были устроены, что бакенбарды скоро вырастали вновь и были даже лучше прежних. Станным было то, что через некоторое время Ноздрев как ни в чем не бывало опять встречался с теми приятелями, которые его поколотили, и ни одним словом не напоминал о произошедшем.

Ноздрев был в некотором отношении человек исторический. Ни на одном приеме, где он присутствовал, не обходилось без истории. Что-нибудь непременно происходило: или выведут его под руки из зала жандармы, или вытолкают свои же приятели. Если же этого не случится, то Ноздрев мог наврать и нагородить такой чепухи, что самому делалось совестно. Например, вдруг скажет, что у него есть лошадь с какой-нибудь голубой или розовой шерстью, или придумает еще что-нибудь.

Есть люди, имеющие страсть навредить ближнему без всякой причины. Эту странность имел и Ноздрев. Тому, кто ближе с ним сходил, он скорее всех начинал вредить. Ноздрев распускал небылицы, глупее которых трудно выдумать, расстраивал свадьбу, торговую сделку или вовсе считал вас своим врагом. Но если вы случайно встречались с ним, то Ноздрев обходился с вами вновь по-дружески и даже спрашивал: «Почему никогда ко мне не заедешь?»

Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек. В первые минуты знакомства он предлагал вам ехать куда угодно, организовать любое коммерческое предприятие, менять все на все. Ружье, собака, лошадь — все было предметом обмена. Но предлагал он это не для личной выгоды, а просто от какой-то неутомимости характера.

Если на ярмарке Ноздреву посчастливилось обыграть какого-нибудь простака в карты, он накупал кучу всего, что первым попадалось ему в лавках на глаза. Хомуты, платки, лошадей, изюм, серебряный рукомоийник, голландскую ткань, муку, табак, пистолеты, селедку, картины, точильный инструмент, сапоги, посуду покупал Ноздрев, пока у него хватало денег. Однако редко случалось, чтобы все покупки были доведены до дому. Почти в тот же день накупленное спускалось другому игроку. Иногда к этому даже прибавлялась собственная трубка, а в другой раз коляска с кучером и лошадьми. После этого сам он отправлялся искать какого-нибудь приятеля, чтобы воспользоваться его экипажем.

Вот каким человеком был Ноздрев! (495 слов)

По Н. Гоголю

У Собакевича

Деревня Собакевича показалась Чичикову довольно велика. Два леса, как два крыла, окружали ее справа и слева. Посреди виднелся деревянный дом с красной крышей и темно-серыми стенами. Было заметно, что при его постройке архитектор беспрестанно боролся со вкусом хозяина. Архитектор хотел симметрии, хозяин — удобства, вследствие этого он заколотил на одной стороне все окна и оставил только одно маленькое, понадобившееся для темного чулана.

Сам двор был окружен крепкой и непомерно толстой деревянной решеткой. Помещик, казалось, очень заботился о прочности хозяйственных строений, поэтому на конюшни, сараи и кухни были употреблены толстые бревна, предназначенные на вековое стояние.

На деревенских избах мужиков не было резных узоров и прочих затей, зато все было пригнано плотно и добросовестно. Даже колодец был сделан из такого крепкого дуба, какой идет только на мельницы да на корабли. Словом, все, что видел Чичиков, было в каком-то крепком, но неуклюжем порядке.

Коляска Чичикова подъехала к крыльцу, на котором сразу же показался лакей. Он ввел Чичикова в сени, где его ожидал сам хозяин. Увидев гостя, он сказал отрывисто: «Прошу!» — и повел его в комнаты.

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, тот ему показался весьма похожим на медведя средней величины. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета. Ходил Собакевич также по-медвежьи: ступни он ставил вкривь и вкось и беспрестанно наступал на чужие ноги.

Есть на свете такие лица, при отделке которых природа не употребляла никаких мелких инструментов, а просто рубила с плеча:хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и пустила на свет. Именно такое лицо было у Собакевича. Чаше он смотрел вниз, шеей не ворочал вовсе и из-за этого редко глядел на того человека, с которым разговаривал. Чичиков еще раз взглянул на него искоса и подумал, что здешний хозяин — совершенный медведь. Его даже звали Михайлом Семеновичем.

Проводив Чичикова в гостиную, Собакевич показал на кресла, сказав опять: «Прошу!» Чичиков сел, взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах были полководцы, изображенные во весь рост. Все эти герои были очень полными и имели такие огромные усы, что дрожь проходила по телу. Хозяин был здоровым и крепким человеком и, видимо, хотел, чтобы комнату его украшали тоже крепкие и здоровые люди. У окна висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета, тоже очень похожий на Собакевича.

Гость и хозяин не успели помолчать двух минут, как вошла хозяйка, дама весьма высокая. Двигалась она степенно и держала голову прямо, как пальма.

— Это моя Феодулия Ивановна! — сказал Собакевич.

Феодулия Ивановна попросила садиться и сделала движение головою, какое обычно делают актрисы, представляющие королев. Затем она уселась на диване и более уже не двинула ни глазом, ни даже бровью.

Все хранили молчание. Чичиков еще раз окинул взглядом комнату. Все в ней было прочно, в высочайшей степени неуклюже и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома. В углу гостиной стояло на четырех нелепых ногах пузатое ореховое бюро, напоминавшее медведя. Стол, кресла, стулья, казалось, говорили: «И я тоже очень похож на Собакевича!» (484 слова)

По Н. Гоголю

Ключница или ключник?

Чичиков не заметил, как въехал на средину большого села. В глаза сразу бросалась какая-то особенная ветхость деревенских строений: бревна изб были темными и старыми, крыши напоминали решето, окна были без стекол, некоторые заткнуты тряпкой.

Вскоре стал виден господский дом. Этот странный замок выглядел каким-то дряхлым инвалидом. Местами он был в один этаж, местами в два. От стен дома кое-где отвалилась штукатурка, было видно, что они много претерпели от дождей, вихрей и осенней непогоды. Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или забиты досками. Зеленая плесень покрыла ветхое дерево на ограде и воротах.

Вблизи дом выглядел еще печальнее. Ничего не заметно было оживляющего картину: ни отворявшихся дверей, ни выходявших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома. Только главные ворота были раскрыты, потому что в них въехал мужик с нагруженной телегой. В другое время ворота были заперты, так как в железной петле висел огромный замок.

У одного из строений Чичиков заметил какую-то фигуру, которая начала ругаться с приехавшим мужиком. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура. Платье на ней было совершенно неопределенное, но похожее на женское. На голове красовался колпак, какой носят деревенские дворовые бабы. И только голос казался несколько сиплым для женщины. «Баба!» — наконец решил Чичиков, рассмотрев фигуру попристальнее.

Фигура тоже разглядывала Чичикова очень внимательно. Казалось, гость был для нее в диковинку, потому что она осмотрела не только его, но и кучера, а также лошадей, начиная с хвоста и заканчивая мордой. По висевшим у нее за поясом ключам и по тому, как она бранила мужика, Чичиков решил, что перед ним ключница.

- Послушай, матушка, барин дома?
- Нет дома, — прервала ключница, но через минуту спросила: — А что вам нужно?
- Есть дело!
- Идите в комнаты! — проворчала старуха.

Чичиков вступил в темные сени, из которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, лишь чуть-чуть озаренную светом. Когда глаза Чичикова свыклись с полумраком, он был поражен представшим беспорядком. Казалось, что в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромодили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул, а рядом с ним часы с остановившимся маятником, к которому паук уже приладил паутину. На бюро лежало множество всякой всячины: куча исписанных бумажек, какая-то старинная книга в кожаном переплете, лимон, весь высохший и ставший не более лесного ореха, отломанная ручка кресла, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек тряпки и два пера, запачканные чернилами.

С середины потолка свисала люстра в холщовом мешке, от пыли сделавшаяся похожей на шелковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что было недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, потому что пыли там было столько, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки. Заметнее прочего высывался оттуда отломанный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога.

Пока Чичиков рассматривал это странное помещение, отворилась боковая дверь и вошла та самая ключница, которую он встретил на дворе. Но тут Чичиков понял, что это был скорее ключник, чем ключница. Ключница не бреет бороды, а этот брил, хотя довольно редко, потому что подбородок походил у него на щетку с железной проволокой, которой на конюшне чистят

лошадей. Чичиков с нетерпением ожидал, что хочет сказать ему ключник. Тот тоже чего-то ждал. Наконец Чичиков, удивленный таким странным поведением, решился спросить:

- А где же хозяин?
- Здесь хозяин, — сказал ключник.
- Где же? — удивился Чичиков.
- Вы что, батюшка, ослепли? Я хозяин!

Здесь Чичиков поневоле отступил назад и пристально поглядел на странное существо. Ему случалось встречать немало людей всякого рода, но такого он еще не видывал. (580 слов)

По Н. Гоголю

Мальчики

Однажды, возвращаясь с охоты, я попытался найти самый короткий путь к дому, но заблудился. Вечер медленно перешел в ночь. Я, уже не стараясь узнавать окрестные места, решил идти наугад. Около полудня я брел, с трудом переставляя ноги. Казалось, что никогда мне не приходилось бывать в этих пустынных местах. Нигде не было видно ни огонька, не слышно ни звука. Бесконечно тянулись поля, словно из-под земли вставали перед самым моим носом кусты.

Вдруг сквозь едва прозрачный сумрак ночи я увидел перед собою огромную равнину и узнал наконец-то, куда я зашел. Это был Бежин луг. Вдали виднелся огонек костра и тени сидящих возле него людей.

Я благополучно спустился вниз, но вдруг две большие лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Раздались детские голоса, и два мальчика быстро поднялись с земли, подбежали ко мне и отозвали собак.

Это были крестьянские ребята из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют кормиться в поле на ночь, потому что днем мухи и оводы не дают им покоя. Выгонять вечером и пригонять утром табун — большой праздник для крестьянских мальчиков.

Я сказал ребятам, что заблудился, и подсел к ним. Мы немного поговорили. Потом я прилег под обглоданный лошадьми кустик и стал наблюдать за мальчиками.

Ребятишки сидели вокруг костра. Тут же находились и те две собаки, которым так хотелось меня съесть. Они еще долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства. Постепенно рычание перешло в слабое повизгивание. Мне кажется, что так они сожалели о невозможности исполнить свое желание.

Сидящих у костра мальчиков было пять. Старшему из всех можно было дать лет четырнадцать. Его звали Федей. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и полувеселой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал по всем признакам к богатой семье и выехал с ребятами в поле ради забавы.

У второго мальчика, которого звали Павлушей, волосы были всклокоченные, черные, глаза серые, лицо бледное, рот большой, но правильный, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый, а все-таки он мне понравился. Павлуша говорил очень умно, в его голосе звучала сила. Одеждой своей он похвастаться не мог: вся она состояла из старой рубахи да заплатанных штанов.

Лицо третьего, звавшегося Ильюшей, было довольно непримечательно: вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то болезненную заботливость. Его светлые, почти белые волосы торчали из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. Ему, как и Павлуше, на вид было не более двенадцати лет.

Костя, мальчик лет десяти, возбуждал мое любопытство своим задумчивым и печальным взором. Лицо его было невелико и в веснушках, но странное впечатление производили его большие, черные, блестящие глаза. Казалось, что они хотели высказать то, для чего в языке не было слов.

Ваню, последнего мальчика, я вначале не заметил. Он лежал на земле, прикрытый куском рогожи, и только изредка высовывал из-под нее свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Вскоре ребята перестали обращать на меня внимание и вновь вернулись к прерванной беседе.

Прошло около трех часов с тех пор, как я присоединился к мальчикам. Но уже склонились к темному краю земли многие звезды, еще недавно высоко стоявшие на небе. Все затихло кругом, как обычно затихает к утру. Природа спала крепким предрассветным сном. Постепенно угас и разговор мальчиков. Собаки дремали, лошади тихо стояли, понутив головы. Сладкое забытие напало на меня, вскоре оно перешло в дремоту. (552 слова)

По И. Тургеневу

Муму

Это произошло вечером. Герасим шел по берегу реки и глядел на воду. Вдруг ему показалось, что что-то барахтается в тине у самого берега. Он нагнулся и увидел небольшого, белого с черными пятнами щенка. Бедняга, несмотря на все свои старания, никак не мог вылезти из воды, бился, скользил и дрожал всем своим мокреньким и худеньким телом. Герасим поглядел на несчастную собачонку, подхватил ее одной рукой и вытащил из воды, а потом с этой необычной ношей пустился большими шагами домой.

Он вошел в свою каморку, уложил спасенного щенка на кровать, прикрыл его старым тулупом, быстро сбегал в конюшню за соломой, потом в кухню — за чашечкой молока. Осторожно откинув тулуп и разостлав солому, Герасим поставил молоко на кровать. Бедной собачонке было всего недели три, у нее недавно прорезались глаза, и она еще не умела пить из чашки, только дрожала и щурилась. Герасим взял собачку легонько двумя пальцами за голову и пригнул ее мордочку к молоку. Собачка вдруг начала с жадностью пить, фыркая, трясаясь и захлебываясь. Всю ночь Герасим возился с ней, укладывал ее, грел и обтирал. К утру он сам заснул рядом с ней каким-то радостным и тихим сном.

Не каждая мать так ухаживает за своим ребенком, как ухаживал Герасим за своей питомицей. Первое время собачка была очень слаба, худа и некрасива. Но через восемь месяцев, благодаря постоянной заботе своего спасителя, превратилась в красивую собачку испанской породы. У нее были длинные уши, пушистый хвост и большие выразительные глаза.

Собачка страстно привязалась к Герасиму, не отставала от него ни на шаг и все ходила за ним, повиливая хвостиком. Немые знают, что их мычанье обращает на себя внимание других, поэтому Герасим назвал собачку Муму. Все люди в доме ее полюбили и тоже звали Мумуней. Она была чрезвычайно умна, ко всем ласкалась, но любила одного Герасима. Герасим сам ее любил без памяти, и ему даже было неприятно, когда другие ее гладили. Очень он боялся за нее!

Муму будила его по утрам, дергая за одеяло, подводила к нему за повод старую лошадь, на которой Герасим возил воду. С этой лошадью Муму очень подружилась. Собачка с важной мордочкой ходила вместе с Герасимом на реку, караулила его метлы и лопаты, никого не подпускала к его каморке. Муму будто чувствовала, что только в Герасимовой каморке она была полная хозяйка, поэтому, войдя в нее, тотчас с довольным видом вскакивала на кровать. Ночью она не спала, но не лаяла без причины, как глупая дворняжка, которая, подняв морду и зажмурив глаза, лает на луну или звезды просто от скуки. Тонкий голосок Муму никогда не раздавался даром: либо чужой близко подходил к забору, либо где-нибудь поднимался подозрительный шум или шорох. Словом, она сторожила отлично.

В господский дом Муму не ходила. Когда Герасим носил в комнаты дрова, собачка всегда оставалась на дворе и терпеливо ожидала его у крыльца, наострив уши и поворачивая голову то направо, то вдруг налево при малейшем стуке за дверями.

Так прошел год. Герасим, нашедший существо, которому он смог подарить тепло своей души, был доволен судьбой. (485 слов)

По И. Тургеневу

Подвиг князя Андрея

Туман начал расходиться, и на противоположной возвышенности уже виднелись неприятельские войска. Все лица вдруг изменились, и на них отразился ужас. Предполагалось, что французы должны были быть в нескольких верстах, а они появились неожиданно здесь.

Князь Андрей увидал внизу направо поднимавшуюся колонну французов. Она находилась не дальше пятисот шагов от того места, где стоял Кутузов. «Вот она, решительная минута! Дошло до меня дело», — подумал князь Андрей. Но в тот же миг все застлалось дымом, раздалась близкая стрельба, и испуганный голос в двух шагах от князя Андрея закричал: «Братцы, бежим!»

Смешанные, все увеличивающиеся толпы солдат побежали назад. Было не только трудно остановить эту толпу, но было невозможно самому не побежать назад вместе с толпой.

Болконский старался не отставать от нее, недоуменно оглядываясь и не понимая того, что делалось перед ним. Через какое-то время князь Андрей смог добраться до Кутузова, у которого по щеке текла кровь.

— Вы ранены? — спросил он.

— Раны не здесь, а вот где! — сказал Кутузов, прижимая платок к щеке и указывая на бегущих.

С величайшим усилием выбравшись из потока убегающих людей, Кутузов со свитой, уменьшившейся вдвое, поехал на звуки выстрелов русских орудий. Князь Андрей старался не отставать от Кутузова.

На спуске горы в дыму стояла еще стрелявшая русская батарея. Ее атаковали французы. Увидав Кутузова, они выстрелили по нему — полковой командир схватился за ногу, упало несколько солдат, подпрапорщик, стоявший со знаменем, выпустил его из рук. Знамя зашаталось и упало.

Кутузов с выражением отчаяния оглянулся и попытался что-то сказать, но князь Андрей, чувствуя слезы стыда и злобы, подступавшие ему к горлу, уже соскакивал с лошади и бежал к знамени.

— Ребята, вперед! — крикнул пронзительно Болконский, схватив древко знамени и с наслаждением слыша свист пуль, направленных, очевидно, именно против него. Несколько солдат упало. Едва удерживая в руках тяжелое знамя, князь Андрей

бежал вперед с несомненной уверенностью, что весь батальон побежит за ним.

Действительно, вначале тронулся один солдат, потом другой, и весь батальон с криком «ура!» побежал вперед и обогнал его.

Князь Андрей со знаменем бежал с батальоном. Он слышал над собою непрекращающийся свист пуль, справа и слева от него охали и падали солдаты. Но он не смотрел на них, он вглядывался только в то, что происходило впереди него.

Вдруг Болконский почувствовал, что его как бы со всего размаха ударили крепкой палкой по голове. Было немного больно, а главное, неприятно, потому что эта боль отвлекала его и мешала смотреть вперед.

«Что это? Я падаю?» — подумал он и упал на спину. Князь Андрей раскрыл глаза, надеясь увидеть, чем кончилась борьба французов с русскими, но над ним не было ничего, кроме высокого неба с тихо ползущими по нему серыми облаками. «Как тихо, спокойно и торжественно,

совсем не так, как мы бежали, кричали и дрались. Как же я не видал его прежде? Все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. И как я счастлив, что узнал его наконец». (463 слова)

По Л. Толстому

Дуб

На краю дороги стоял дуб. Он был, вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными суками и корой, заросшей старыми болячками. С огромными, неуклюже, несимметрично растопыренными корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиниться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца.

Этот дуб как будто говорил: «Весна, и любовь, и счастье! И как не надоест вам все один и тот же глупый, бессмысленный обман! Все одно и то же, и все обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон смотрите, сидят задавленные мертвые ели, всегда одинокие, и вон я растопырил свои обломанные, ободранные пальцы, выросшие из спины, из боков — где попало. Как выросли — так и стою, и не верю вашим надеждам и обманам».

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу. Цветы и трава были и под дубом, но он все так же, хмурый, неподвижный, уродливый и упорный, стоял посреди них.

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб, — думал князь Андрей. — Пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем: наша жизнь кончена!» Целый ряд мыслей, безнадежных, но грустно-приятных, в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея. Во время этого путешествия он как будто вновь обдумал всю свою жизнь и пришел к тому же успокоительному и безнадежному заключению, что ему начинать ничего было не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая...

Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь домой, въехал опять в ту березовую рощу, в которой этот старый, корявый дуб так странно и памятно поразил его. «Здесь, в этом лесу, был этот дуб, с которым мы были согласны. Да где он?» — подумал князь Андрей, глядя на левую сторону дороги. Сам того не зная, он любовался тем дубом, которого искал, но теперь не узнавал его.

Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия — ничего не было видно. Сквозь столетнюю жесткую кору пробивались без сучков сочные, молодые листья, так что верить нельзя было, что это старик произвел их. «Да это тот самый дуб», — подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное весеннее чувство радости и обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг в одно и то же время вспомнились ему. И Аустерлиц с высоким небом, и Пьер на пароме, и девочка, взволнованная красотой ночи, и эта ночь, и луна — все это вдруг вспомнилось ему.

«Нет, жизнь не кончена в тридцать один год, — вдруг окончательно и бесповоротно решил князь Андрей. — Мало того, что я знаю все то, что есть во мне, надо, чтобы и все знали это: и Пьер, и эта девочка, которая хотела улететь в небо. Надо, чтобы не для одного меня шла моя жизнь, чтобы на всех она отражалась и чтобы все они жили со мной вместе». (501 слово)

По Л. Толстому

Первый бал Наташи Ростовой

Наташа с утра этого дня не имела минуты свободы и ни разу не успела подумать о том, что ей предстоит.

В тесноте и неполной темноте колыхающейся кареты она в первый раз живо представила себе то, что ожидает ее там, на балу, в освещенных залах. Там будут цветы, музыка, танцы, государь, вся блестящая молодежь Петербурга. То, что ее ожидало, было так прекрасно! Она не верила даже тому, что это будет, так это было несообразно с холодом, теснотой и темнотой кареты.

Она поняла все только тогда, когда стала подыматься с Соней впереди матери между цветами по освещенной лестнице. Она почувствовала, что глаза ее разбегались; она ничего не видала ясно, пульс ее забил сто раз в минуту, и кровь стала стучать у ее сердца. Впереди, сзади них так же тихо переговариваясь и так же в бальных платьях входили гости. Зеркала по лестнице отражали дам в белых, голубых, розовых платьях, с бриллиантами и жемчугами на открытых руках и шеях.

Наташа смотрела в зеркала и в отражении не могла отличить себя от других. Все смешивалось в одну блестящую процессию. Наташа слышала и чувствовала, что несколько голосов спросили про нее и смотрели на нее. Она поняла, что она понравилась тем, которые обратили на нее внимание. Это наблюдение несколько успокоило ее. «Есть такие же, как и мы, есть и хуже нас», — подумала она.

В бальной зале она увидела Пьера. Он продвигался через толпу, как будто отыскивая кого-то. Наташа с радостью смотрела на знакомое лицо Пьера и знала, что тот отыскивал в толпе их, а в особенности ее. Пьер обещал быть на балу и представить ей кавалеров.

Но, не дойдя до них, Безухов остановился подле невысокого, очень красивого брюнета в белом мундире. Наташа тотчас же узнала его: это был Болконский, который показался ей очень помолодевшим, повеселевшим и похорошевшим.

Больше половины дам имели кавалеров и шли или приготавливались идти танцевать полонез. Наташа чувствовала, что она оставалась с матерью и Соней в числе меньшей части дам, оттесненных к стене и не взятых в танец. Она стояла, опустив свои тоненькие руки, сдерживая дыхание, глядя перед собой с выражением готовности на величайшую радость и на величайшее горе. Ее не занимали ни государь, ни все важные лица; у нее была одна мысль: «Неужели так никто не подойдет ко мне, неужели я не буду танцевать, неужели меня не заметят? Нет, этого не может быть! Они должны же знать, как мне хочется танцевать, как я отлично танцую и как им весело будет танцевать со мною». Глаза Наташи наполнялись слезами.

Полонез закончился. Через некоторое время раздались отчетливые, мерные и увлекательные звуки вальса. Прошла минута — никто еще не начинал.

Пьер подошел к князю Андрею. Болконский вышел вперед, по направлению, которое ему указывал Пьер. Отчаянное, замирающее лицо Наташи бросилось в глаза князю Андрею. Он узнал ее, угадал ее чувство, понял, что она была начинающая, вспомнил ее разговор на окне и с веселым выражением лица подошел к графине Ростовой.

— Позвольте вас познакомить с моей дочерью, — сказала краснеющая графиня.

— Я имею удовольствие быть знакомым, ежели графиня помнит меня, — сказал князь Андрей с учтивым и низким поклоном и подошел к Наташе. Он предложил ей тур вальса. То замирающее выражение лица Наташи, готовое на отчаяние и на восторг, вдруг осветилось счастливой, благодарной, детской улыбкой.

«Давно я ждала тебя», — как будто сказала эта испуганная и счастливая девочка своей просиявшей из-за готовых слез улыбкой, поднимая свою руку и кладя ее на плечо князя Андрея.
(554 слова)

По Л. Толстому

Старший брат

Я был только одним годом и несколькими месяцами моложе Володи; мы росли, учились и играли всегда вместе. Мы никогда не задумывались, кто из нас старше, а кто младше. Однако к годам двенадцати или около того я начал понимать, что Володя не товарищ мне по годам, наклонностям и способностям. Мне даже казалось, что брат сам сознает свое первенство и гордится им. Такую уверенность внушало мне мое самолюбие, страдавшее

при каждом столкновении с Володей. Мне казалось, что в забавах, в учении, в ссорах, в умении держать себя — во всем он лучше меня. Это отдаляло меня от брата и заставляло испытывать мучительные моральные страдания.

Например, когда Володе в первый раз купили голландские рубашки, мне было очень обидно не иметь таких. Если бы я прямо сказал об этом, то уверен, что мне стало бы легче. А так мне казалось, что он, всякий раз поправляя воротнички, нарочно хочет обидеть меня.

Но ничему я не завидовал так, как благородному и откровенному характеру Володи, особенно проявлявшемуся в ссорах, случавшихся между нами. Я чувствовал, что он поступает хорошо, но не мог подражать ему.

Однажды я подошел к его столу и нечаянно разбил пустой разноцветный флакончик.

— Кто тебя просил трогать мои вещи? — спросил вошедший в комнату Володя, заметив беспорядок, произведенный мной в симметрии разнообразных украшений его столика. — А где флакончик?

— Нечаянно уронил, а он разбился.

— Сделай милость, никогда не смей прикасаться к моим вещам, — сказал он, составляя куски разбитого флакончика.

— Пожалуйста, не командуй, — ответил я. — Разбил так разбил, что тут говорить!

И я улыбнулся, хотя мне совсем не хотелось улыбаться.

— Несносный мальчишка, разбил, а еще смеется!

— Я мальчишка; а ты большой, да глупый.

— Я не намерен с тобой ругаться, — сказал Володя, слегка отталкивая меня, — убирайся.

— Не толкайся!

— Убирайся!

— Я тебе говорю, не толкайся!

Володя взял меня за руку и хотел оттащить от стола, но я уже был раздражен до последней степени, поэтому схватил стол за ножку и опрокинул его. Все Володиные фарфоровые и хрустальные украшения с дребезгом полетели на пол.

— Отвратительный мальчишка! — закричал Володя, стараясь поддержать падающие вещи.

Выходя из его комнаты, я подумал, что мы поссорились навсегда.

До вечера мы не говорили друг с другом. Я чувствовал себя виноватым, боялся взглянуть на него и целый день не мог ничем заняться; Володя, напротив, вел себя самым обычным образом и после обеда разговаривал и смеялся с нашими сестрами.

Мне неловко и совестно было оставаться наедине с братом, поэтому я старался поскорее выйти из комнаты, если в ней находился Володя. Вечером мы столкнулись в гостиной. Несмотря на то что мне хотелось подойти и помириться с ним, я, проходя мимо брата, постарался сделать сердитое лицо. Володя в это самое время поднял голову и с чуть заметной добродушной улыбкой смело посмотрел на меня. Наши глаза встретились, и я понял, что он понимает меня, но какое-то непреодолимое чувство заставило меня отвернуться.

— Николенька, полно сердиться! Извини меня, если я тебя обидел, — сказал он самым простым голосом и подал мне руку.

Что-то вдруг стало давить у меня в груди, но это продолжалось только одну секунду, потом на моих глазах показались слезы, и сразу стало легче.

— Прости меня, Володя! — сказал я, пожимая его руку.

Володя смотрел на меня, однако как будто никак не мог понять, отчего у меня слезы на глазах. (526 слов)

По Л. Толстому

Кукла

Марусе опять стало хуже. На все наши попытки развеселить ее она смотрела своими большими и неподвижными глазами равнодушно. Тогда я решился обратиться к своей сестре Соне.

У нее была большая кукла с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами. Это был подарок нашей покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды.

Я отозвал сестру в боковую аллею сада и попросил дать мне куклу на время. Я так живо описал ей бедную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня отдала мне куклу и обещала в течение нескольких дней играть с другими игрушками.

Действие этой нарядной барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, давно уже не сходявшая с постели, стала ходить, водя за собой свою белокурую дочку, и временами даже бегала.

Зато мне кукла доставила много тревожных минут. Дня через два няня заметила пропажу и стала везде разыскивать куклу. Соня старалась унять ее, но своими наивными уверениями, что кукла ушла гулять и скоро вернется, только вызывала недоумение и возбуждала подозрение.

Через некоторое время Маруся опять слегла. Ей стало еще хуже: лицо ее горело странным румянцем, она уже никого не узнавала. Кукла лежала рядом с ней.

Я решил, что куклу можно унести обратно, потому что Маруся этого уже не заметит. Но это было ошибкой! Как только я вынул куклу из рук лежащей в забытьи девочки, она открыла глаза. В ее исхудалом личике мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишиться мою маленькую подругу первой и последней радости ее недолгой жизни.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головой, смотрел на меня вопросительным взглядом. Я постарался придать себе беспечный вид и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уж забыла.

Но нянька не забыла. Через четыре дня меня позвали в кабинет к отцу. Я робко вошел. Отец неподвижно сидел в своем кресле перед портретом матери. Я слышал тревожный стук собственного сердца. Наконец он повернулся. Лицо отца показалось мне страшным.

— Ты взял у сестры куклу?

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ли ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить, как святыней? Ты украл ее?

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул вдруг отец, отталкивая кресло. — Ты украл ее и снес! Кому ты снес ее? Говори!

Лицо отца было бледно, глаза горели гневом. Я весь съежился.

— Не скажу! Никогда не скажу вам. Ни за что!

Я знал, что отец страшно вспыльчив, что в эту минуту в его груди кипит бешенство. Что он со мной сделает? В эту критическую минуту вдруг за открытым окном раздался резкий голос Тыбурция:

— Пан судья! Вы человек справедливый. Он не сделал дурного дела. Вот кукла.

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу. В лице отца отразилось изумление.

— Что это значит? — спросил он.

— Я охотно расскажу вам все, что вы желаете знать. Выйдите, пан судья.

Я все еще стоял на том же месте, как дверь кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я почувствовал что-то на своей голове и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций в присутствии отца сказал:

— Приходи к нам, отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой. Она умерла.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но именно в этом человеке я нашел что-то родное, чего тщетно искал в нем прежде. Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл. Соня сама дала мне на время.

— Да, я знаю. Я виноват перед тобою, мальчик, постарайся когда-нибудь простить меня.

— Ты отпустишь меня на гору?

Отец молча кивнул головой. В глазах его светилась задумчивость и тихая нежность. (591 слово)

По В. Короленко

Каштанка потерялась

Молодая рыжая собачка бегала взад и вперед по тротуару и беспокойно оглядывалась по сторонам. Изредка она останавливалась и, жалобно скуля, приподнимала то одну озябшую лапу, то другую. Бедняжка старалась понять: как могло случиться, что она заблудилась? Она отлично помнила, как она провела день и как попала на этот незнакомый тротуар.

День начался с того, что ее хозяин, столяр Лука Александрович, надел шапку, взял под мышку какую-то деревянную штуку, завернутую в красный платок, и крикнул:

— Каштанка, пойдем!

Услышав свое имя, собачка вышла из-под верстака, где спала на стружках, сладко потянулась и побежала за хозяином. Заказчики Луки Александровича жили очень далеко. Каштанка помнила, что по дороге она вела себя крайне неприлично. От радости, что ее взяли гулять, она прыгала, бросалась с лаем на проезжающие экипажи, забегала во дворы и гонялась за собаками. Столяр то и дело терял ее из виду, останавливался и сердито кричал на нее.

Побывав у заказчиков, Лука Александрович зашел на минутку к сестре, от сестры пошел он к знакомому переплетчику, от переплетчика в трактир. Таким образом, когда Каштанка попала на незнакомый тротуар, уже вечерело.

Вдруг загремела музыка. Каштанка оглянулась и увидела, что по улице прямо на нее шел полк солдат. Не вынося музыки, которая расстраивала ей нервы, она заметалась и завывала. Видя, что хозяин не протестует, Каштанка еще громче завывала и бросилась через дорогу на другой тротуар.

Когда она опомнилась, музыка уже не играла и полка не было. Собачка перебежала дорогу, подбежала к тому месту, где оставила хозяина, но столяра уже там не было. Она бросилась вперед, потом назад, еще раз перебежала дорогу, но столяр точно сквозь землю провалился. Каштанка стала обнюхивать тротуар, надеясь найти хозяина по запаху его следов, но все запахи перемешались, так что ничего нельзя было разобрать.

Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина, а между тем становилось темно. По обе стороны улицы зажглись фонари, в окнах домов показались огни. Шел крупный, пушистый снег и красил в белое мостовую, лошадиные спины, шапки извозчиков. Чем больше темнел воздух, тем белее становились предметы. Мимо Каштанки, толкая ее ногами, безостановочно взад и вперед проходили незнакомые люди. Они куда-то спешили и не обращали на Каштанку никакого внимания.

Когда стало совсем темно, отчаяние и ужас овладели собачкой. Она прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать. Долгое путешествие с Лукой Александровичем утомило ее, уши и лапы озябли, и к тому же она была ужасно голодна. За весь день в одном из трактиров около прилавка она нашла и съела только колбасную шкуру.

Когда пушистый снег совсем облепил ее спину и голову, Каштанка от изнеможения погрузилась в тяжелую дремоту у дверей незнакомого подъезда. Вдруг дверь щелкнула, заскрипела и ударила ее по боку. Собачка вскочила. Из отворенной двери вышел какой-то человек. Так как Каштанка взвизгнула и попала ему под ноги, то он не мог не обратить на нее внимания. Он нагнулся к ней и спросил:

— Я тебя ушиб? Что же ты скулишь? Где твой хозяин? Ты потерялась? Бедный песик! Что же мы теперь будем делать?

Уловив в голосе незнакомца теплую, душевную нотку, Каштанка лизнула ему руку и заскулила еще жалобнее.

— А ты хорошая, смешная! — сказал незнакомец. — Делать нечего, пойдем со мной! Может быть, ты для чего-нибудь пригодишься.

Каштанка пошла. Через полчаса она уже сидела на полу в большой, светлой комнате и, склонив голову набок, с умилением и с любопытством разглядывала свое новое жилище. (543 слова)

По А. Чехову

Новые знакомые

Когда Каштанка проснулась, было уже светло и с улицы доносился шум, какой бывает только днем. В комнате не было ни души. Каштанка потянулась, зевнула и прошлась по комнате. Она обнюхала углы и мебель, заглянула в переднюю и не нашла ничего интересного.

Кроме двери, которая вела в переднюю, в комнате была еще одна дверь. Подумав, Каштанка поцарапала эту дверь, налегла на нее грудью, отворила и тотчас же почувствовала странный, очень подозрительный запах. Предчувствуя неприятную встречу, ворча и оглядываясь, Каштанка вошла в маленькую комнатку с грязными обоями и в страхе попятилась назад. Она увидела нечто неожиданное и страшное: пригнув к земле шею и голову, растопырив крылья и шипя, прямо на нее шел серый гусь. Несколько в стороне на матрасике лежал белый кот. Увидев Каштанку, он вскочил, выгнул спину дугой, задрал хвост, взъерошил шерсть и тоже зашипел. Собачка очень испугалась, но, не желая выдавать своего страха, громко залаяла и бросилась к коту. Тот еще сильнее выгнул спину, зашипел и ударил Каштанку лапой по голове. Каштанка отскочила, присела на все четыре лапы и залилась громким, визгливым лаем. В это время гусь подошел сзади и больно долбанул ее клювом в спину.

— Это что такое? — послышался громкий, сердитый голос, и в комнату вошел новый хозяин Каштанки. Он подошел к коту, щелкнул его по выгнутой спине и сказал:

— Федор Тимофеевич, что это значит? Драку подняли? Ложись!

Потом, обратившись к гусю, он крикнул:

— Иван Иванович, на место!

Кот покорно лег на свой матрасик и закрыл глаза. По выражению его морды и усов было видно, что сам он был недоволен, что погорячился и вступил в драку. Каштанка обиженно заскулила, а гусь вытянул шею и заговорил о чем-то быстро, горячо и отчетливо, но крайне непонятно.

— Ладно, ладно! — сказал хозяин. — Надо жить мирно и дружно. А ты не бойся. Они хорошие, тебя не обидят.

Он вышел из комнаты, а Каштанка села и стала наблюдать. Кот неподвижно лежал на матрасике и делал вид, что спит. Гусь, вытягивая шею и топчась на одном месте, продолжал говорить о чем-то быстро и горячо. По-видимому, это был очень умный гусь: после каждой длинной тирады он всякий раз удивленно пятился назад и делал вид, что восхищается своею речью.

Послушав его, Каштанка принялась обнюхивать углы. В одном стояло маленькое корытце, в котором она увидела моченый горох и размокшие ржаные корки. Она попробовала горох, но он был невкусным, затем Каштанка попробовала и стала есть корки. Гусь несколько не обиделся, что незнакомая собака поедает его корм. Наоборот, он заговорил еще горячее и, чтобы показать свое доверие, сам подошел к корытцу и съел несколько горошинок.

Через минуту послышалось хрюканье. Каштанка заворчала и на всякий случай приняла очень храбрый вид. Дверь отворилась, и в комнату вошла черная свинья. Не обращая никакого внимания на ворчанье Каштанки, свинья подняла вверх свой пяточок и весело захрюкала. По-видимому, ей было очень приятно видеть кота и гуся. Вначале она подошла к коту и слегка толкнула его под живот своим пяточком, потом о чем-то заговорила с гусем. В ее движениях, в голосе и в дрожании хвостика чувствовалось много добродушия. Каштанка сразу поняла, что ворчать и лаять на таких субъектов бесполезно. (504 слова)

По А. Чехову

На арене цирка

Человек во фраке и в белой жилетке заглянул в комнатку и сказал:

— Сейчас ваш выход.

Хозяин достал из-под стола небольшой чемодан, затем сунул туда кота и собаку. Стало темно. Каштанка топталась по коту, царапала стенки чемодана и от ужаса не могла произнести ни звука, а чемодан покачивался, как на волнах, и дрожал.

— А вот и я! — громко крикнул хозяин.

Собачка почувствовала, что после этого крика чемодан ударился о что-то твердое и перестал качаться. Послышался странный звук: кто-то хлопал и хохотал так громко, что у чемодана задрожали замочки.

Потом что-то щелкнуло, крышка чемодана открылась, и яркий свет ударил Каштанке в глаза. Она выпрыгнула из чемодана и, оглушенная гулом и хохотом, быстро забежала вокруг своего хозяина и залилась звонким лаем.

— Дорогой дядюшка! Дорогая тетушка! Милые родственники, как я рад! — закричал хозяин.

Он упал животом на арену, схватил кота и собаку и принялся обнимать их. Каштанка, пока хозяин тискал ее в своих объятиях, мельком оглядела тот мир, в который занесла ее судьба. Она была поражена его грандиозностью и на минуту застыла от удивления и восторга. Потом она вырвалась из объятий хозяина и от остроты впечатления закружилась на одном месте волчком. Новый мир был велик и полон яркого света. Куда ни взглянешь, от пола до потолка видны были одни только лица, лица, лица...

— Тетушка, прошу вас сесть! — скомандовал хозяин.

Помня, что это значит, собачка вскочила на стул и села. Она

посмотрела на хозяина. Глаза его глядели серьезно и ласково, но на лице была нарисована широкая неподвижная улыбка. Сам он хохотал, прыгал и делал вид, что ему очень весело в присутствии множества людей. Каштанка поверила его веселости, подняла вверх свою мордочку и радостно залаяла.

— Сейчас мы с дядюшкой будем плясать, — объявил хозяин публике.

Кот в ожидании, когда его заставят делать глупости, стоял и равнодушно поглядывал по сторонам. Плясал он вяло, небрежно и угрюмо. По его движениям, по хвосту и по усам было видно, что он глубоко презирал и толпу, и яркий свет, и хозяина, и себя. После танца он зевнул и сел.

— Тетушка, — сказал хозяин, — а теперь мы с вами споем.

Он вынул из кармана дудочку и заиграл. Собачка, не вынося

музыки, беспокойно задвигалась на стуле и завывала. Со всех сторон слышались аплодисменты и хохот. Во время исполнения одной очень высокой ноты наверху среди публики кто-то громко ахнул.

— Папка, а ведь это наша Каштанка! — крикнул детский голос.

— Каштанка и есть! — подтвердил мужской голос.

Кто-то свистнул, и два голоса громко позвали:

— Каштанка! Каштанка!

Собачка вздрогнула и посмотрела туда, где кричали. Она вспомнила эти два лица, спрыгнула со стула, перескочила через барьер, потом через чье-то плечо и очутилась в ложе. Чтобы попасть на следующий ярус, нужно было перескочить высокую стенку. Каштанка не смогла допрыгнуть и сползла назад по стене. Ее подняли, а потом она переходила с рук на руки, лизала чьи-то лица, поднималась все выше и выше и наконец попала на галерку.

Спустя полчаса собачка весело бежала за Лукой Александровичем и Федюшкой. Каштанка глядела им обоим в спины, и ей казалось, что она никогда не терялась. (492 слова)

По А. Чехову

Неудачный побег

Королёвы весь день ожидали приезда Володи. Наконец они увидели, что к их дому подъехали сани, и всей семьей выбежали в переднюю. Когда Володя вошел, то мать бросилась обнимать и целовать его, сестры подняли визг, а отец Володи, пытаясь пробиться к сыну, взволнованно воскликнул:

— А мы тебя уже заждались! Хорошо доехал? Дайте же ему с отцом поздороваться!

Когда первый порыв радости прошел, Королёвы заметили, что в передней находится еще один маленький человек. Володя спохватился:

— Это мой товарищ Чечевицын, он учится во втором классе. Я привез его погостить у нас.

Через некоторое время все сидели за столом и пили чай. Три сестры Володи не отрывали глаз от нового знакомого. Чечевицын был такого же возраста и роста, как Володя, но не так пухл и бел, а худ, смугл и покрыт веснушками. Он все время молчал и ни разу не улыбнулся. Мальчик был так занят своими мыслями, что когда его спрашивали о чем-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Девочки заметили, что Володя, всегда веселый и разговорчивый, на этот раз говорил мало и вовсе не улыбался. Пока сидели за чаем, он обратился к сестрам только раз с какими-то странными словами. Володя указал пальцем на самовар и сказал:

— А в Калифорнии вместо чая пьют джин.

После чая все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для елки. В предыдущие свои приезды Володя тоже занимался приготовлением украшений для елки, но теперь он и Чечевицын не обратили никакого внимания на разноцветную бумагу. Мальчики сели у окна, раскрыли географический атлас и стали о чем-то шептаться. Все это было загадочно и странно.

Катя и Соня, старшие сестры Володи, стали зорко следить за ребятами. Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкрались к двери и стали подслушивать их разговор. Они узнали, что ребята собирались бежать куда-то в Америку добывать золото. У них для дороги было уже все готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля. Еще они узнали, что мальчикам придется пройти пешком несколько тысяч километров, по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступить в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации. Володя и Чечевицын увлеченно говорили, перебивая друг друга. Себя Чечевицын называл Ястребиным Когтем, а Володю — бледнолицым братом.

На следующий день Чечевицын целый день рассматривал карту и что-то записывал, а Володя угрюмо ходил по комнатам и ничего не ел. К вечеру он расплакался. Идя спать, Володя долго обнимал отца, мать и сестер. Катя и Соня все понимали, а младшая Маша не понимала ничего.

Утром оказалось, что мальчиков дома нет. Поднялась невообразимая суматоха! Отец бегал искать детей на реку и в соседнюю деревню. Вечером из города приезжал урядник¹, писал в столовой какую-то бумагу. Мама плакала.

Беглецов нашли на следующий день. Их задержали в городе на вокзале, когда они пытались узнать, как найти магазин, где продается порох.

Когда ребят привезли домой, то Володя, войдя в переднюю, зарыдал и бросился матери на шею. Девочки с ужасом думали о том, что теперь будет. Они слышали, как папа повел Володю и Чечевицына к себе в кабинет и долго там говорил с ними, а мама тоже говорила и плакала.

Послали куда-то телеграмму, и на другой день приехала мать Чечевицына, чтобы увезти своего сына.

Когда Чечевицын уезжал, то лицо у него было суровое, надменное. Прощаясь с девочками, он не сказал ни одного слова, только взял у Кати тетрадку и написал в знак памяти: «Ястребиный Коготь». (582 слова)

По А. Чехову

Сердце Данко

В старину жило на земле одно племя. В нем были веселые, сильные и смелые люди. Но вот однажды пришла беда: явились откуда-то иные племена и прогнали прежнее в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый. Его ветви так густо переплелись, что сквозь них не было видно неба, а лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда солнечные лучи падали на воду болот, от нее поднимался ядовитый смрад, и люди гибли один за другим.

Нужно было уйти из этого леса, и для этого были две дороги. Одна дорога вела назад, но там были сильные и злые враги, другая — вперед, но там стоял стеной непроходимый лес. И всегда вокруг тех людей было кольцо тьмы, которое точно собиралось раздавить их. Тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота.

Ничто не изнуряет тело и душу так, как изнуряют ее тоскливые думы. И люди ослабли. Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, и трусливые слова стали слышны в лесу. Сначала они были робкие и тихие, а потом сделались все громче и громче. Некоторые захотели идти к врагу и принести ему в дар свою волю. Испуганные смертью, они перестали бояться рабской жизни. Но тут появился Данко и спас всех. Вот что он сказал своим товарищам:

— Что мы тратим силы на тяжелые думы да тоску? Вставайте, пойдем в лес и пройдем сквозь него. Имеет же он конец, потому что все на свете имеет конец!

Люди племени посмотрели на Данко и увидели, что в его глазах светилось много силы и живого огня.

— Веди нас! — закричали они.

Данко повел их. Это был трудный путь! Было темно. Болото на каждом шагу разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей. Деревья преграждали дорогу могучей стеной. Их ветки переплелись между собой, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил тем людям пота и крови. Долго они шли. Все гуще становился лес, все меньше было сил!

Но однажды грянула гроза. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько было их на свете с той поры, как появился мир. Утомленные люди пали духом. Остановились они среди тьмы и стали судить Данко.

— Ты повел нас в чашу и этим погубил! За это погибнешь сам!

А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко посмотрел на тех, кого хотел спасти. Много людей стояло вокруг него, но не было на их лицах благородства, они стали как звери. Ему нельзя было ждать пощады от них. Тогда в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и знал, что без него они погибнут..

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь, вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям.

Данко бросился вперед, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям. Зачарованные, они устремились за ним. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слез. А Данко был впереди, и сердце его все пылало и пылало!

Внезапно лес расступился, и люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождем. Гроза была позади них, а тут сияло солнце, блестела трава в брильянтовых каплях дождя и золотом сверкала река.

Данко бросил радостный взор на свободную землю и засмеялся, а потом упал и умер. А люди, радостные и полные надежд, не заметили его смерти. (600 слов)

По М. Горькому

Сын орла

Далеко за морем жило могучее племя. Люди племени мирно пасли стада, а силу и мужество тратили на охоту за зверями. После удачной охоты они пировали и пели песни.

Однажды во время пира орел, спустившийся с небес, унес одну девушку. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали обратно на землю. Тогда люди пошли искать девушку, но не нашли ее. А потом о ней забыли, как забывают обо всем на земле.

Но через двадцать лет она, измученная, иссохшая, вернулась, а с нею был юноша, красивый и сильный, как она сама двадцать лет назад. Женщина рассказала, что это молодой сын орла, а его отца уже нет. Когда орел стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы и насмерть разбился о них.

Все смотрели с удивлением на юношу и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. Когда пришли старейшины племени, то он говорил с ними, будто был равным им. Это оскорбило старейшин. Они сказали, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и даже вдвое старше его. А сын орла, смело глядя на них, отвечал, что он единственный, таких больше нет. Все чтут их, а он не хочет делать этого. Тогда совсем рассердились старейшины и сказали:

— Ему нет места среди нас! Он должен уйти!

Юноша засмеялся, подошел к одной красивой девушке и обнял ее. Она была дочь одного из старейшин, осудивших его. Хотя он был красив, девушка оттолкнула его. Сын орла рассердился и ударил красавицу. Из ее уст брызнула кровь, девушка вздохнула и умерла.

Всех, кто видел это, сковал страх: впервые при них так убивали женщину. Потом, когда люди одумались, то схватили его, связали и стали придумывать казнь, достойную преступления. Только мать его стояла на коленях и плакала, не смея молить о пощаде для сына. Долго спорили люди племени, а один мудрец сказал:

— Спросим его, почему он сделал это?

Долго люди говорили с ним и поняли, что никого и ничего на земле, кроме себя, он не видит. Всем стало страшно от мысли, на какое одиночество он обрекает себя. Тогда мудрец заговорил снова:

— Его наказание находится в нем самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут с небес, на которых не было туч, грянул гром. Это силы небесные подтвердили речь мудреца. Все поклонились и разошлись. А этот юноша громко смеялся вслед людям.

И вот юноша стал жить свободно и вольно. Он приходил в племя и похищал все, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары.

Долго он так жил, очень долго. Но однажды сын орла подошел близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

— Не троньте его! Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло. Вдруг он бросился на людей, подняв камень, но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему в ответ ни одного. Тогда сын орла, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но нож сломался, как будто его пытались вонзить в камень.

— Он не может умереть! — произнесли удивленные люди.

Сын орла лежал кверху лицом и видел, что высоко в небе черными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. С той поры он остался один. Ему нет жизни среди людей, и смерть не хочет брать его.

Так был наказан человек за гордыню. (592 слова)

По М. Горькому

Волшебный ковер

Хотя эта история не обходится без волшебства, тем не менее она настоящая и правдивая.

Наш герой родился в Бразилии, его звали Сантос Дюмон. Родители его, французские переселенцы, были людьми состоятельными. Они ничего не жалели, чтобы дать сыну хорошее образование. Это не было трудно, так как мальчик отличался блестящими способностями.

Был он также величайшим Мастером в постройке и запуске разнообразных воздушных змеев. В этом искусстве ему не было равных среди сверстников не только в Бразилии, но и во всей Америке, если не во всем мире.

Однажды вечером в их дом в гости пришел старый профессор. Он изъездил весь земной шар и, кажется, знал все на свете. После ужина Сантос провел гостя в свою комнату. Глаза профессора, никогда не оставлявшие наблюдения, медленно блуждали по темному потолку, по голубым и розовым стенам, потом опустились к полу. Вдруг он воскликнул с удивлением:

— Какой странный ковер! Давно ли он у вас?

— Его давно хотели выбросить, но он мне почему-то нравится, и я попросил оставить его. Он ужасно старый. Посмотрите, в некоторых местах протерся насквозь, — ответил мальчик.

— Обрати внимание, что расположение цветов, окраска и орнамент несомненно индийского стиля, но какие странные буквы... На индийском ковре не может быть этой арабской вязи. Очень жаль, что на самом интересном месте дыра. Я могу прочесть ясно только одно слово. Оно означает «лечу». А если это тот самый волшебный ковер-самолет из арабских сказок «Тысяча и одна ночь»? Береги это сокровище!

С этого дня старый ковер сделался любимой вещью мальчика. Он приобрел в его глазах таинственную красоту после того, как ученый коснулся его своими всезнающими пальцами.

Однажды теплым вечером Сантос сидел на ковре и машинально обводил указательным пальцем причудливый узор арабских букв. Мальчик не очень удивился, когда на ковре черное изображение парящей птицы вдруг зашевелилось. Правое крыло стало опускаться вниз, левое поднималось вверх, птица отделилась от ковра и сделала полный круг по комнате.

Вдруг оба конца ковра плавно сжались и расправились в виде двух твердых крыльев, а в руке у мальчика очутилась гладкая рукоятка рычага. Он слегка потянул ее к себе, и стены комнаты мгновенно расступились, веселый ветер бурно пахнул в лицо, а волшебный ковер стремительно полетел вверх к голубому небу.

Через несколько мгновений город оказался внизу. С высоты он казался очень странным и маленьким. Ветер бил прямо в глаза. Легко и послушен был руль в руке Сантоса. Это несложное управление покорной птицей было так просто, что его можно было сравнить только с удовольствием плавать в спокойной и слегка прохладной воде.

Город уже давно остался позади. Быстро мелькнули под ковром пестрые заплаты огородов, темные курчавые четырехугольники кофейных плантаций, белые ниточки извилистых дорог, синие ленточки рек. Теперь направо возвышались величественные горы, поросшие густым лесом, а налево лежала голубая бухта, а в ней крошечные белые и темные мошки — парусные суда и пароходы, а еще дальше густо синело и спокойной стеной поднималось кверху море, упираясь в ясное розово-синее небо.

Вдруг где-то близко залаяла собака, загремели отворяемые ворота, лошадь застучала копытами. Мальчик глубоко вздохнул. Он по-прежнему сидел в своей комнате на ковре. Что с ним было? Спал он или так ушел в свои мечты, что на минуту позабыл о действительности? На это трудно ответить.

Теперь последнее слово о Дюмоне. В конце девятнадцатого столетия он стал одним из первых летчиков, совершивших настоящий полет на аэроплане. На своем летательном аппарате Сантос вычертил изящную восьмерку между башней Эйфеля и собором Парижской богородицы. К этому времени он окончательно забыл о волшебном ковре с арабской надписью и о своем сказочном полете. Но когда Сантос Дюмон, закончив свою

блестящую воздушную задачу, повернул аппарат и стал возвращаться к ангарам, то его осенила странная, но многим знакомая мысль: «Но ведь все это со мною когда-то уже было! Но когда?» (598 слов)

По А. Куприну

Картина в библиотеке

Когда дух исследования заставил Грэя проникнуть в библиотеку, его поразила царившая кругом тишина покинутости. Темные ряды книжных шкафов местами примыкали к окнам, заслоняя их наполовину, между шкафов были проходы, заваленные горами книг. В одном проходе лежали раскрытые альбомы с выскользнувшими внутренними листами, в другом — свитки, перевязанные золотым шнуром, в третьем — чертежи и таблицы, ряды новых изданий, карты, а дальше — толстые пласты рукописей, насыпь миниатюрных томов, трещавших, как кора, если их раскрывали.

Шкафы были плотно набиты книгами. Они казались стенами, сложенными из разнообразных переплетов, грубых, нежных, черных, пестрых, синих, серых, толстых, тонких, шершавых, гладких. Огромный глобус стоял на круглом столе.

Обернувшись, Грэй увидел над дверью огромную картину. На ней был изображен корабль, поднимающийся на гребень морского вала. Он шел прямо на зрителя. Пена неслась в воздух. Паруса, полные неистовой силы шторма, валились всей громадой назад, чтобы, перейдя вал, выпрямиться, а затем мчаться судно к новым лавинам. Разорванные облака низко трепетали над океаном. Тусклый свет обреченно боролся с надвигающейся тьмой ночи. Но всего замечательнее была в этой картине фигура человека, стоящего на баке спиной к зрителю. Она выражала все положение, даже характер момента. Поза человека ничего собственно не говорила о том, чем он занят, но заставляла предполагать крайнюю напряженность. Завернутые полы его кафтана трепались ветром, белая коса и черная шпага вытянуто рвались в воздух. Богатство костюма указывало в нем капитана, он был, видимо, поглощен опасным моментом и кричал, но что? Видел ли он, как валится за борт человек, приказывал повернуть или, заглушая ветер, звал боцмана?

Не мысли, но тени этих мыслей вырастали в душе Грэя, пока он смотрел на картину. Вдруг показалось ему, что слева подошел, став рядом, кто-то невидимый. Стоило повернуть голову, как причудливое ощущение исчезло бы без следа. Грэй знал это. Но он не погасил воображения, а, наоборот, прислушался. Беззвучный голос выкрикнул несколько отрывистых непонятных фраз, раздался шум — эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку. Все это Грэй слышал внутри себя. Он осмотрелся, но паутина фантазии уже рассеялась, связь с бурей исчезла.

Грэй несколько раз приходил посмотреть на эту картину. Она стала для него тем нужным словом в беседе души с жизнью, без которого трудно понять себя. В маленьком мальчике постепенно укладывалось огромное море. Он сжился с ним, выискивая в библиотеке и жадно читая те книги, за золотой дверью которых открывалось синее сияние океана. Там двигались корабли. Часть их теряла паруса, мачты и, захлебываясь волной, опускалась во тьму пучин, где мелькают фосфорические глаза рыб. Другие, схваченные бурей, бились о рифы и переживали долгую агонию, пока новый шторм не разносил их в щепки. Третьи благополучно грузились в одном порту и выгружались в другом. Их экипаж, сидя за трактирным столом, воспевал плавание и любовно пил ром. Были там еще корабли-пираты, у которых черный флаг и страшная, размахивающая ножами команда. Были корабли-призраки, сияющие мертвенным лунным светом. Были военные корабли с солдатами, пушками и музыкой; корабли научных экспедиций, высматривающие вулканы, растения и животных; корабли с мрачной тайной и бунтами; корабли открытий и корабли приключений.

И в этом мире возвышалась над всем фигура капитана. Он был судьбой, душой и разумом корабля. Его характер определял досуг и работу команды. Он обладал в глазах подчиненных магическим знанием, благодаря которому уверенно вел корабль по необозримым пространствам океана. Он отражал бурю противодействием системы сложных усилий, убивал панику короткими приказами, плавал и останавливался, где хотел, распоряжался отплытием и загрузкой, ремонтом и отдыхом.

Такое представление о капитане заняло главное место в сознании Грэя. Осенью, на пятнадцатом году жизни, Артур Грэй тайно покинул дом и проник за золотые ворота моря. (570 слов)

По А. Грину

Алые паруса

Ассоль читала. По странице полз зеленоватый жучок, останавливаясь и приподнимаясь на передних лапках. Уже два раза не без досады его сдували на подоконник, откуда он появлялся вновь. На этот раз ему почти удалось добраться до руки девушки, державшей угол страницы. Ассоль хотела решительно сдуть гостя на траву, но вдруг случайный переход взгляда от одной крыши к другой открыл ей на синей морской щели уличного пространства белый корабль с алыми парусами.

Она вздрогнула, откинулась, замерла, потом резко вскочила, едва сдерживая слезы потрясения. Корабль в это время огибал небольшой мыс, держась к берегу углом левого борта. Негромкая музыка лилась в голубое небо с белой палубы под огнем красного шелка.

Не помня, как оставила дом, Ассоль бежала к морю, подхваченная неодолимым ветром событий. На первом углу она остановилась почти без сил: ее ноги подкашивались, а дыхание срывалось. Вне себя от страха потерять волю, она топнула ногой и побежала дальше. Временами то крыша, то забор скрывали от нее алые паруса. Тогда, боясь, что они исчезнут, как призрак, она торопилась миновать мучительное препятствие. Только снова увидев корабль, Ассоль останавливалась, чтобы облегченно вздохнуть.

Тем временем в Каперне произошло такое замешательство, такое волнение, какие не уступят эффекту знаменитых землетрясений. Никогда еще такой большой корабль не подходил к этому берегу. У корабля были те самые паруса, имя которых звучало настоящим издевательством. Мужчины, женщины, дети, одетые во что попало, впопыхах мчались к берегу. Жители наскикивали друг на друга, кричали и падали. Они не могли смириться с фактом, опровергающим все законы бытия и здравого смысла. Скоро у воды образовалась толпа, и в нее стремительно вбежала Ассоль.

Пока ее не было, ее имя произносили с нервной тревогой и злобным испугом. Говорили больше мужчины, остолбеневшие женщины молчали, но если уж которая начинала говорить, то ее слова, как яд, выплескивались наружу. Как только появилась Ассоль, все смолкли и со страхом отошли от нее. Ассоль осталась одна среди пустоты знойного песка, растерянная, пристыженная, счастливая, с лицом не менее алым, чем ее чудо, беспомощно протянув руки к высокому кораблю.

От него отделилась лодка, полная загорелых гребцов. Среди них стоял тот, кого, как ей показалось, она смутно помнила с детства. Он смотрел на нее с улыбкой, которая грела и торопила. Но тысячи последних смешных страхов одолели Ассоль. Боясь последней таинственной помехи, девушка вбежала по пояс в теплое колыхание волн, крича:

— Я здесь, я здесь! Это я!

Взмахнул смычок — и торжественно грянула мелодия. От волнения, движения облаков и волн, от блеска воды и дали девушка почти не могла различить, что же движется: она, корабль или лодка. Все вокруг Ассоль двигалось, кружилось, сверкало и пело.

Но весло резко плеснуло вблизи нее. Она подняла голову. Грэй нагнулся, ее руки ухватились за его плечи. Ассоль зажмурилась, затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и сказала:

— Совершенно такой.

— И ты тоже, милое дитя! Я пришел. Узнала ли ты меня? — вынимая из воды мокрую драгоценность, сказал Грэй. (469 слов)

По А. Грину

Елка

В гостиную втащили большую елку. Сторож долго прилаживал к ее стволу крест. Затем дерево подняли, и оно оказалось таким высоким, что нежно-зеленая верхушка почти уткнулась в потолок.

От ели веяло холодом, но ее слежавшиеся ветви понемногу оттаяли, поднялись, распушились, и по всему дому запахло хвоей. Дети принесли в гостиную коробки с елочными украшениями, подставили к елке стулья и стали ее наряжать. Но скоро оказалось, что украшений мало. Пришлось опять вырезать снежинки, клеить бумажные цепи, золотить орехи, привязывать к пряникам и яблокам серебряные веревочки. За этой работой дети просидели весь вечер, Лиля, опустив голову с измятым бантом на локоть, даже заснула у стола.

Настал сочельник. Елку украсили, опутали золотым дождиком, повесили гирлянды и вставили свечи в цветные зацепочки. Когда все было готово, матушка сказала:

— А теперь, дети, идите, до вечера в гостиную не заглядывать.

В этот день обедали поздно и на скорую руку. В доме была суматоха. Мальчики слонялись по дому и ко всем приставали с вопросом: скоро ли настанет вечер? Даже домашний учитель Аркадий Иванович, надевший черный долгополый сюртук и накрахмаленную рубашку, не знал, что ему делать. Он ходил от окна к окну и посвистывал.

Детям казалось, что в этот день солнце страшно медленно ползло к земле. Но постепенно лиловая тень от колодца на снегу становилась длиннее. Наконец матушка велела идти одеваться.

Нарядный Никита на цыпочках вышел в коридор и увидел важно идущую ему навстречу девочку в белом. Это была Лиля. На ней было воздушное белое платье и большой бант в волосах, уложенных в шесть пышных локонов.

Дети уселись на диван у дверей гостиной. Появился Виктор в синем гимназическом мундире со светлыми пуговицами и с таким тесным воротником, что трудно было разговаривать. Виктор сел в кресло и тоже замолчал. В гостиной было слышно, как матушка и тетя Аня разворачивали какие-то свертки, что-то ставили на пол и тихонько переговаривались. Виктор подкрался к замочной щелке, но с той стороны щелка была заложена бумажкой.

В это время двери раскрылись. Дети соскочили с дивана. В гостиной от пола до потолка елка сияла множеством свечей. Она была похожа на огненное дерево, которое переливалось золотыми искрами. Свет от нее шел густой, теплый, пахнувший хвоей, воском, мандаринами, медовыми пряниками.

Потрясенные дети стояли неподвижно. Тогда матушка заиграла на рояле польку. Играя, она обернула к елке улыбающееся лицо и запела. Аркадий Иванович подбежал к детям, схватил за руки и галопом помчался с ними вокруг елки. Полы его сюртука развевались.

Затем дети начали снимать с елки фрукты и сладости. Захлопали хлопушки, запахло хлопушечным порохом, зашуршали обертки конфет. Вскоре настала очередь подарков. Лиле досталась огромная кукла, сидящая под елкой на корзинке с кукольным приданым. Там же находились пакеты с подарками для мальчиков. Виктор получил полк солдат с пушками и палатками, а Никита — настоящее седло, уздечку и хлыстик.

Матушка опять заиграла на рояле, но свечи уже догорали, и Аркадий Иванович, смешно подпрыгивая, тушил их. Елка тускнела. Матушка закрыла рояль и велела всем идти в столовую пить чай.

После чая Аркадий Иванович устроил игру в фанты, но дети устали, наелись и плохо соображали, что нужно делать. Матушка сказала, что елка кончена.

Перед сном Никита посмотрел в окно: высоко в небе блестела луна, окруженная радужным белым кругом. Деревья в саду стояли огромные, белые. Казалось, что они выросли, вытянулись под лунным светом. Никита представил, что он находится в зачарованном царстве. Только там бывает так странно и так счастливо на душе. (546 слов)

По А. Толстому

Прощальный праздник

Взрослые по случаю отъезда с дачи решили устроить прощальный праздник. Петя никогда не забудет этого дня.

Утром под абрикосовыми деревьями был накрыт громадный стол, уставленный букетами полевых цветов. Середину его занимал сдобный пирог величиной с велосипедное колесо. Все дачники были приглашены к утреннему чаю.

День, начавшийся так торжественно, продолжался в том же духе и закончился детским костюмированным вечером с музыкой и фейерверком. Все дети надели заранее сшитые маскарадные костюмы. Девочки превратились в русалок и цыганок, а мальчики — в индейцев, разбойников, японских самураев, матросов. У всех были прекрасные, яркие, разноцветные костюмы. Шелестела ткань юбок и плащей, качались на проволочных стеблях искусственные розы, струились шелковые ленты бубнов.

Но самый лучший костюм, конечно же, был у Пети. Отец собственноручно мастерил его два дня, то и дело роняя очки или ножницы. Он несколько раз переворачивал баночки с клеем и краской, бормотал в бороду страшные проклятья по адресу устроителей «этого безобразия» и всячески выражал свое отвращение к «подобной глупой затее». Но Петя понимал, что отец хитрит. Он просто боялся, что костюм выйдет плохой, боялся осрамиться и подвести сына. Как он старался! Зато костюм получился просто замечательный!

Это были настоящие рыцарские доспехи, искусно склеенные из золотой и серебряной елочной бумаги, натянутой на проволочный каркас. Шлем, украшенный пышным султаном, выглядел точно так, как у рыцарей из романов Вальтера Скотта. Даже забрало поднималось и опускалось.

Все это было так прекрасно, что Петю поставили во второй паре рядом с Зоей, самой красивой девочкой на даче. Она была одета в розовый костюм доброй феи. Они прошли под руку вокруг сада, увешанного китайскими фонариками. Невероятно яркие кусты и деревья, охваченные зелеными и красными облаками бенгальского огня, вспыхивали то здесь, то там в таинственной тьме сада. Четыре ракеты выползли с шипением из гущи бенгальского дыма и с трудом полетели в небо. В беседке при свечах, поставленных под стеклянные колпаки, ужинали взрослые.

А еще где-то в мире была луна. И это выяснилось лишь тогда, когда Петя и Зоя очутились в самой глубине сада. Сквозь дыры в листве проникал такой яркий и такой волшебный лунный свет, что даже белки девочкиных глаз отливали серебристой синевой. Такой же синевой блеснула в кадке под старым абрикосовым деревом темная вода, в которой плавала чья-то игрушечная лодочка.

Тут мальчик и девочка, совершенно неожиданно для самих себя, поцеловались. После этого Петя и Зоя до того смутились, что с преувеличенно громкими криками побежали в разные стороны куда глаза глядят.

На следующий день после праздника дачники начали разъезжаться по домам. Вскоре поселок совсем опустел. Зоя с родителями уехала рано утром. В опустевшем саду Петя постоял возле заветной кадки под абрикосовым деревом, похлопал прутиком по воде. Нет, и кадка была не та, и вода не та, и старое дерево не то. А ведь как весело, как празднично было здесь совсем недавно! Сколько хорошеньких девочек и озорных мальчишек! Сколько проказ, скандалов, игр, драк, ссор и примирений! А теперь все вокруг стало чужим, все потеряло очарование, все смотрело на Петю как бы из далекого прошлого. (482 слова)

По В. Катаеву

Море

Низкое солнце ослепительно било в глаза. Степь обрывалась сразу. Серебряные кусты дикой маслины, окруженные горячим воздухом, дрожали над пропастью. Крутая дорожка вела зигзагами вниз. Ноги бежали сами собой, их невозможно было остановить.

До первого поворота Петя еще кое-как боролся с силой земного притяжения. Он пытался притормозить и хватался за сухие корни, висевшие над дорожкой, но корни рвались, из-под каблучков сыпалась глина. Мальчик был окружен облаком пыли, которая набивалась в нос, в горле першило. Пете это надоело. Будь что будет! Он взмахнул руками и понесся вниз. Шляпа, полная ветра, колотилась за спиной, матросский воротник развевался, в чулки впивались колючки.

Мальчик со всего маху вылетел на сухой и еще не обогретый солнцем песок берега. Этот песок был удивительной белизны и тонкости. Вязкий и глубокий, усеянный ямками вчерашних следов, он напоминал манную крупу.

Чудеснейший в мире пляж, растянувшийся под обрывами, казался диким и совершенно безлюдным в этот ранний час. Чувство одиночества охватило мальчика. Но теперь это было гордое и мужественное одиночество Робинзона на необитаемом острове.

Петя первым делом стал присматриваться к следам. У него был опытный, проницательный глаз искателя приключений. Он был окружен следами и читал их, как увлекательные книги Майн Рида.

Черное пятно на стене обрыва и серые уголья говорили о том, что ночью к берегу приставали на лодке туземцы и варили на костре пищу. Лучевидные следы чаек свидетельствовали о штиле и обилии возле берега мелкой рыбешки. Длинная пробка с французским клеймом и побелевший в воде ломтик лимона, выброшенный волной на песок, не оставляли сомнений в том, что несколько дней назад в открытом море прошел иностранный корабль.

А солнце еще немножко поднялось над горизонтом. Море светилось такой нежной, такой грустной голубизной августовского штиля, что невозможно было не вспомнить строчки Лермонтова:

Белеет парус одинокий

В тумане моря голубом...

Петя залюбовался морем. Сколько ни смотришь на море, оно никогда не надоест. Оно всегда разное, новое, невиданное.

Море меняется на глазах каждый час. То оно тихое, спокойное, светло-голубое. То оно яркосинее, пламенное, сверкающее. То под свежим ветром становится вдруг темно-синим, шерстяным, точно его гладят против ворса. То налетает буря, и оно грозно преображается.

Но главное очарование моря заключается в какой-то тайне, которую оно всегда хранит в своих глубинах. Разве нельзя считать тайной его фосфорическое свечение, когда в безлунную июльскую ночь рука, опущенная в черную теплую воду, вдруг озаряется, будто вся осыпанная голубыми искрами?

Петя решил на прощанье наскоро выкупаться. Но едва мальчик бултыхнулся в море и поплыл на боку, расталкивая прохладную воду коричневым плечиком, как забыл все на свете.

Переплыв прибрежную глубину, Петя добрался до первой мели. Он взошел на нее и стал прогуливаться по колено в воде, разглядывая сквозь прозрачную толщу песчаное дно. На первый

взгляд могло показаться, что дно необитаемо. Но стоило только хорошенько присмотреться, как на мелководье обнаруживалась жизнь. По дну передвигались, то появляясь, то зарываясь в песок, крошечные раки. Чуть дальше медуза висела прозрачным куполом с кистью таких же прозрачных щупалец.

Прогулявшись по мелководью, Петя испустил вопль восторга и ринулся с мели на глубину, чтобы нырять там с открытыми глазами.

Через несколько минут мальчик вынырнул на поверхность, чтобы набрать побольше воздуха, но вдруг увидел на обрыве отца. Тот размахивал соломенной шляпой и что-то кричал.

Голос отца вернул Петю к горькому чувству разлуки с морем, с которым он встал сегодня утром. Петя быстро надел костюм прямо на мокрое тело и стал взбираться по дорожке вверх. (544 слова)

По В. Катаеву

Утро

Петя проснулся и был поражен, увидев себя в городской комнате среди забытой за лето мебели и обоев. Сухой луч солнца, пробившийся в щель между шторами, пересекал комнату. Пыльный воздух был как бы косо распилен сверху донизу. Ярко освещенные пылинки, ниточки, ворсинки, движущиеся и вместе с тем неподвижные, образовали полупрозрачную стену. Крупная осенняя муха, пролетая сквозь нее, вдруг вспыхнула и тотчас погасла.

Не слышалось ни кряканья уток, ни громкого кудахтанья курицы, снесшей за домом яйцо, ни глупой болтовни индюков. Не было слышно даже веселого чириканья воробьев, качающихся перед самым окном на тоненькой веточке шелковицы, согнувшейся под ними в дугу.

Звуки города слышались снаружи и внутри квартиры. На крышке пианино всякий раз начинала дрожать вазочка, когда под окнами проезжали экипажи или проносились автомобили. В столовой легко гремели стулья. Музыкально журчала струя воды из крана, в которой мыли стаканы и чашки. Из кабинета раздавался голос отца, который казался мужественным и по-городскому чужим.

Электрический звонок наполнял коридор, хлопала то парадная, то кухонная дверь, и Петя вдруг стал узнавать по звуку, которая из них хлопнула.

И вдруг среди всего этого гомона раздалось какое-то очень знакомое шипенье. Что-то щелкнуло, завелось, и один за другим послышались четкие удары. Что это? Да ведь это же часы! Те самые знаменитые столовые часы, которые, как гласила семейная легенда, папа подарил маме, будучи еще женихом. Как Петя мог о них забыть?! Это они отсчитывали время! Мальчик не успел сосчитать сколько, но что-то много. Петя вспомнил, что на даче он вставал в семь.

Мальчик вскочил, поскорее оделся, умылся в ванной и вышел в столовую, жмурясь от солнца, лежавшего на паркете горячими косяками.

— Как не стыдно! — воскликнула тетя, качая головой и вместе с тем радостно улыбаясь загоревшему и выросшему за лето племяннику. — Уже одиннадцать часов. Мы тебя нарочно не будили, потому что хотели посмотреть, до каких пор ты будешь валяться в постели, дачный лентяй. Скорей садись. Тебе с молоком или без? В стакан или в твою чашку?

Как это он забыл? У него была своя чашка, фарфоровая, с незабудками и золотой надписью с поздравлением. Пете подарили ее в прошлом году на именины.

Мальчик обвел глазами стол и увидел самовар. На его ручках грелись уложенные бублики. Оказывается, он об этом тоже забыл. А вот сахарница в форме груши и щипчики в виде цапли. А что это в руках у отца? Газета! Петя совсем забыл, что в природе существуют газеты!

Одним словом, вокруг Пети оказалось такое множество забытых за лето предметов, что у него разбежались глаза.

Он поскорее выпил чай и отправился во двор, чтобы повидаться с мальчиками. Но там никого не было. Тогда Петя решил пойти к морю, но ему не разрешалось ходить одному на берег. Мальчик засунул руки в карманы и покрутился равнодушно под окнами. Затем так же равнодушно, чтобы не возбуждать подозрений, он вышел на улицу, походил для виду возле дома, завернул за угол и со всех ног бросился к морю.

На середине переулочка он наткнулся на знакомую фигуру. Кто это? Да ведь это же лучший друг Гаврик! (487 слов)

По В. Катаеву

Найдем и мы свою долю!

Григорий расседлал коней, стреножил их, положил под куст седла, оружие. Обильная роса лежала на траве, и трава от росы казалась сизой, а по косогору, где все еще таился утренний полумрак, она отсвечивала тусклой голубизной. В полураскрытых чашечках цветов дремали оранжевые шмели. Звенели над степью жаворонки, в душистом степном разнотравье дробно выстукивали перепела: «Спать пора! Спать пора! Спать пора!»

Григорий примял траву возле куста и прилег, положив голову на седло. И громкий щебет перепелов, и усыпляющее пение жаворонков, и теплый ветер из-за Дона — все располагало ко сну. Григорий не спал много ночей подряд и, побежденный сном, закрыл глаза. Акси́нья сидела рядом, молчала, задумчиво обрывая губами фиолетовые лепестки пахучей медвянки. Затем она наклонилась к Григорию, отвела с его лба нависшую прядь волос, тихонько коснулась губами щеки и сказала шепотом:

— Гришенька, сколько седых волос у тебя. Стареешь, стало быть? Ты же еще недавно парнем был...

Григорий спал, слегка приоткрыв губы, мерно дыша. Его черные ресницы, с сожженными солнцем кончиками, чуть вздрагивали, шевелилась верхняя губа, обнажая плотно сомкнутые белые зубы. Акси́нья всмотрелась в него внимательнее и только сейчас заметила, как изменился он за эти несколько месяцев разлуки. Что-то суровое, почти жестокое было в глубоких поперечных морщинах между бровями ее возлюбленного, в складках рта, в резко очерченных скулах. И она впервые подумала, как, должно быть, страшен он бывает в бою на коне и с обнаженной шашкой.

Через несколько минут Акси́нья тихонько встала, перешла поляну, стараясь не замочить юбку росой. Где-то недалеко бился о камни и звенел ручеек. Она спустилась к роднику, напилась холодной воды, умылась и досуха вытерла зарумянившееся лицо платком. С ее губ все время не сходила тихая улыбка, радостно светились глаза. Григорий снова был с нею! Снова призрачным счастьем манила ее неизвестность...

Много слез пролила Акси́нья бессонными ночами, много горя перетерпела за последние месяцы. Еще вчера на огороде, когда бабы, половшие по соседству картофель, запели грустную песню, у нее больно сжалось сердце. Она невольно прислушалась, как жаловался на окающую судьбу высокий женский голос, и не выдержала — слезы так и брызнули из ее глаз! Акси́нья хотела забыться и работой заглушить зашевелившуюся под сердцем тоску. Но слезы застилали глаза, капали на зеленую картофельную ботву, на обессиленные руки, и она уже ничего не видела и не могла работать. Бросив мотыгу, легла она на землю, спрятала лицо в ладонях и дала волю слезам.

Только вчера она проклинала свою жизнь, и все окружающее выглядело серо и безрадостно, как в ненастный день, а сегодня весь мир казался ей ликующим и светлым, словно после благодатного летнего ливня. «Найдем и мы свою долю!» — думала она, рассеянно глядя на резные дубовые листья, вспыхнувшие под косыми лучами восходящего солнца.

Возле кустов и на солнцепеке росли душистые пестрые цветы. Акси́нья нарвала их большую охапку, осторожно присела неподалеку от Григория и, вспомнив молодость, стала плести венок. Он получился нарядный и красивый. Акси́нья долго любовалась им, потом воткнула в него несколько розовых цветков шиповника и положила возле головы Григория. (478 слов)

По М. Шолохову

Ежик

Однажды осенью шел я по берегу ручья и под кустом заметил ежа. Он тоже заметил меня, быстро свернулся в клубок и грозно зафыркал. Было очень похоже, будто вдали шел автомобиль. Я прикоснулся к нему кончиком сапога — еж зафыркал еще более грозно и попытался своими иголками проколоть мой сапог, но скатился в ручей. В воде еж мгновенно развернулся и поплыл к берегу, как маленькая свинья, только вместо щетины на спине были иголки. Я взял палочку, подцепил ею ежа, положил в свою шляпу и понес домой.

Мышей в доме у меня было много. Я слышал, что ежи их ловят, и решил: пусть он зиму живет у меня и ловит мышей.

Положил я этот колючий комок посреди комнаты и сел писать, а сам уголком глаза все смотрю на ежа. Он недолго лежал неподвижно. Как только я затих у стола, ежик развернулся, огляделся, побродил по комнате, выбрал себе место под кроватью и там совершенно затих.

Когда стемнело, я зажег лампу, и вдруг ежик выбежал из-под кровати и пустился бегать по комнате. Он, конечно, подумал, что это луна взошла в лесу; при луне ежи любят бегать по лесным полянкам. Я взял трубку, закурил и пустил возле луны облачко. Стало совсем как в лесу: и луна, и облако, а ноги мои вроде стволов деревьев. Все это, наверно, очень нравилось ежику: он так и шнырял между моими ногами, принюхиваясь и почесывая иголками задники моих сапог.

Прочитав газету, я уронил ее на пол, перешел на кровать и уснул. Сплю я всегда очень чутко. Слышу: какой-то шелест у меня в комнате. Чиркнул спичкой, зажег свечку и заметил, как еж мелькнул под кровать. А газета лежала уже не возле стола, а посередине комнаты. Я оставил гореть свечу, а сам не сплю, думаю: зачем ежику газета понадобилась? Скоро мой жилец выбежал из-под кровати и бросился прямо к газете. Несколько минут он покрутился возле нее, потом как-то ухитрился надеть себе на колючки уголок газеты и потащил ее, огромную, в угол.

Тут я понял: газета ему напоминала сухую листву в лесу, он тащил ее себе для гнезда. В скором времени еж устроил себе под кроватью настоящее гнездо. Кончив это важное дело, он вышел из своего жилища и остановился против кровати, разглядывая свечу-луну.

Я встал, взял тарелку, поставил ее на пол, принес ведро с водой и стал то наливать воду в тарелку, то опять выливать в ведро. Так я пытался изобразить лесной ручей.

— Иди, — говорю, — видишь, я для тебя луну устроил, а вот тебе вода.

Он осторожно двинулся вперед. Я тоже немного подвинул к нему тарелку. Ежик подошел к ней, обнюхал и стал лакать, а я легонько по колючкам рукой провел, будто погладил. Когда ежик напился, я говорю:

— Давай спать.

Лег и задул свечу. Не знаю, сколько я спал, но вскоре сквозь сон услышал, что опять у меня в комнате идет работа. Зажигаю свечу и вижу, что ежик бежит по комнате, и на колючках у него яблоко. Прибежал в гнездо, положил его там и за другим бежит в угол, где у меня стоит мешок с яблоками. Так на своих колючках он перетаскил к себе около десяти яблок.

По вечерам, садясь пить чай, я иногда сажал его к себе на стол. Молока ему налью в блюдечко — выпьет, булочки дам — съест. Вот так и устроился на зиму у меня жить ежик. (536 слов)

По М. Пришвину

Генрих Шлиман

Примером того, что невозможное можно сделать возможным, что мечты могут осуществиться, если с несокрушимой верой и энергией претворять их в реальность, является немецкий археолог Генрих Шлиман.

Он родился в тысяча восемьсот двадцать втором году в семье священника. С детства Генрих страстно любил читать. Из всех книг его особенно потрясли «Илиада» и «Одиссея».

Это поэмы, в которых древнегреческий слепой поэт Гомер примерно в восьмом веке до нашей эры описал события Троянской войны и героические деяния древних греков. Десятилетний Генрих ни на минуту не сомневался, что все, о чем повествовал Гомер, действительно произошло. Мальчик решил, что когда вырастет, то обязательно побывает в Трое.

Когда юный Генрих рассказал взрослым о своем плане, они снисходительно посмеялись над ним. «Разве ты не знаешь, — сказал отец, — что история Троянской войны — это не более чем красивая легенда? Города Трои никогда не существовало. Это научно доказано! За многие столетия от Трои не было найдено ни одного камня. Все это лишь плод фантазии Гомера».

Поначалу разочарование мальчика было безграничным, однако чем чаще он перечитывал обе поэмы, тем сильнее в нем крепло убеждение, что взрослые ошибаются. Постепенно он начал мечтать уже не о путешествии в Трою, а о поисках Трои. Генрих решил найти город и доказать, что в поэмах Гомера описываются действительно происходившие события, причем они описываются не в общих чертах, а в мельчайших подробностях.

План мальчика долгое время казался неосуществимым. Генрих очень рано потерял родителей. Оставшись сиротой, он пошел работать в лавку своего дяди. Когда мальчик сновал между бочками с селедкой и мешками с картошкой, Троя казалась ему даже дальше Луны. Задумавшись порой о бесстрашном Ахилле или сокровищах царя Приама, он не раз получал подзатыльники от своего дядюшки, которому важнее был точный вес мешков с товаром, чем фантазии племянника, помешавшегося на Гомере и Древней Греции.

Хотя Шлиман посещал школу лишь короткое время, он сумел самостоятельно изучить древнегреческий язык, чтобы читать произведения Гомера в подлиннике. Кроме того, он прочитал все доступные ему книги по археологии и изучил по ним основы этой науки. Вдобавок он выяснил, что археологические экспедиции и раскопки стоят очень дорого. Он же был беден, поэтому вначале решил разбогатеть, чтобы осуществить свою мечту.

Генрих ушел из дядюшкиной лавки и поступил продавцом в один из торговых домов Амстердама. Будучи человеком трудолюбивым, настойчивым и смекалистым, он очень быстро смог добиться успеха. Накопив некоторую сумму денег, он основал собственные фирмы в России и Америке. В сорок один год Шли-ман стал обладателем огромного состояния. После этого он полностью отошел от дел и посвятил остаток жизни осуществлению своей детской мечты.

Как закончилась эта почти сказочная, но произошедшая в действительности история, известно всем: Генрих Шлиман нашел город, которого, по мнению ученых того времени, не существовало. Он нашел его точно на том месте, где он, судя по описанию Гомера, и должен был находиться.

Но это еще не все. Среди развалин города он нашел и легендарные сокровища троянских царей, о которых так часто мечтал среди бочек и мешков в лавке своего дядюшки. (478 слов)

По энциклопедии «Что такое? Кто такой?»

Тайна гекзаметра

У меня была бессонница. Окно было открыто. Я слышал плеск самой ничтожной волны и треск стручков акации из сада. Обыкновенно созревшие стручки лопались в дневную жару, но иногда они раскрывались и ночью. Мне казалось, что я один не сплю на всей огромной земле, и если я затаю дыхание, то смогу даже уловить тихий звенящий звук от движения звезд в мировом пространстве. Древние греки верили в этот звук и называли его «гармонией сфер».

Затем я вспомнил знакомую девочку Лилю, учившую стихи Пушкина на берегу моря. Я начал вслух повторять тот же пушкинский гекзаметр, что читала Лиля. Шумели равномерно волны, и первая строка стихов неожиданно слилась с размером волны. Пока я проговаривал эту фразу, волна успела набежать на берег, остановиться и отхлынуть. И вторая пушкинская строка с такой же легкостью вошла в размер второй волны.

По законам гекзаметра в середине строки надо делать небольшую паузу, то есть цезуру, и только после этого произносить конец строки. Я снова повторил первую строку. Пока я говорил, волна набежала на берег. После этих слов я остановился, выдерживая цезуру, и волна тоже остановилась, докатившись до небольшого вала из гравия. Когда же я произнес конец строки, то мой голос слился с шорохом уходящей волны, не опередив его и не отстав ни на мгновение.

Я сел на кровати, пораженный тем, что мне сейчас открылось в шуме волн. Надо было проверить эту удивительную, как мне показалось, случайность еще на одном примере. Я вспомнил строки другого поэта и произнес их вслух. Снова гекзаметр повторил размер волны.

Было ясно: протяженность волны совпадает с протяженностью строчки гекзаметра. Я угадывал в этом какую-то тайну, хотя и пытался уверить себя, что совпадение случайно.

Мои мысли опять вернулись к Лиле, к ее слепой тете в черных очках, которую девочка так бережно водила за руку... Вдруг как будто вспышка молнии прорезала ночную тьму. Слепая женщина и слепой поэт!

Гекзаметр создал слепой Гомер! Жизнь существовала для него лишь во множестве звуков. И мне вдруг стало ясно, что Гомер, сидя у моря, слагал стихи, подчиняясь размеренному шуму прибоя. Самым веским доказательством, что это действительно так, служила цезура посередине строки. По существу она была не нужна. Гомер ввел ее, следуя той остановке, какую волна делает на половине своего наката.

Гомер взял гекзаметр у моря. Он воспел осаду Трои и поход Одиссея торжественным напевом невидимых ему морских пространств. Голос моря вошел в его поэзию плавными подъемами и падениями, голос того моря, что гнало, шумя и сверкая, веселые волны к ногам слепого поэта.

Нашел ли я разгадку гекзаметра? Не знаю. Я хотел рассказать кому-нибудь о своем открытии. Но кому какое дело до Гомера!

Мне хотелось убедить кого-нибудь, что рождение гомеровского гекзаметра — частный случай в ряду еще не осознанных возможностей нашего творческого начала. Живая мысль часто рождается из столкновения вещей, не имеющих на первый взгляд ничего общего между собой. Что общего у кремня и железа? Но их столкновение высекает огонь. Что общего между шумом волн и стихами? А их столкновение вызвало к жизни величавый стихотворный размер. (485 слов)

По К. Паустовскому

Волшебная страна

Жил в Кастилии старый идадьго. Он был одинок. В доме у него жила только старая нянька. Она с трудом готовила самую простую еду и ничего уже не помнила. Бесполезно было даже разговаривать с ней.

Идадьго целыми часами сидел в потертом кресле около окна и читал книги. Изредка он смотрел за окно. Там торчало черное сухое дерево и тянулось по горизонту скучное плоскогорье. Эта область Испании была пустынна и неприветлива, но идадьго к ней привык.

Он был уже немолод, чтобы покинуть свой дом ради утомительных и долгих путешествий с их возможными неприятностями. Да и для чего путешествовать, если во всем королевстве у него не было ни родных, ни друзей!

Однажды в дом постучался человек в грубом плаще. За ужином у пылающего очага он рассказал идадьго, что вернулся из опасного плавания, куда король, соблазненный речами какого-то итальянца Колумба, послал несколько кораблей.

Они долго плыли через океан и слышали голоса сирен. Они плыли дальше и видели море, покрытое морской травой. В траве цвели большие синие цветы. Внезапно на горизонте открылась новая земля, которая была неведомой и прекрасной. Ветер с ее берегов приносил ласковый шум леса и опьяняющий запах растений.

Капитан поднялся на мостик, вынул шпагу, поднял ее к небу. Это был знак того, что они открыли новую страну, которую называли Эльдorado. Там горы полны драгоценных камней, золота и серебра.

Идадьго молча слушал этот рассказ.

Уезжая, странник достал из кожаной сумки розовую морскую раковину из страны Эльдorado и подарил ее старому идадьго в благодарность за ужин и ночлег. Это была безделица, и потому идадьго ее принял.

Странник уехал, а ночью началась гроза. Молнии медленно загорались и гасли над каменистой равниной.

Раковина лежала на столе около постели идадьго. Он проснулся и увидел ее, озаренную вспышками небесного огня. В глубине раковины сверкнуло и погасло видение волшебной страны, созданной из розового света, пены и облаков.

Молния погасла. Идадьго дождался следующей вспышки и снова увидел страну в раковине, еще более отчетливо, чем в первый раз. С отвесных ее берегов лились в море, пенясь и сверкая, широкие каскады воды. Что это было? Должно быть, реки. Он даже как будто почувствовал свежесть этих рек. Лицо ему запорошила водяная пыль.

Идадьго боялся зажечь свечу, чтобы при ее грубом свете не убедиться, что все это лишь обман зрения и никакой страны в раковине нет.

Так он просидел до утра. В лучах рассвета раковина оказалась ничем не замечательной. В ее глубине не было ничего, кроме чуть заметного дымчатого сияния, будто загадочная страна отодвинулась за ночь на тысячи километров.

В тот же день идадьго уехал в Мадрид. Там он пал на колени перед королем, умоляя его дать королевское соизволение на снаряжение за свой счет корабля, чтобы отплыть для поисков неведомой страны. Король был милостив и разрешил ему это.

Идадьго плыл на запад несколько месяцев. Он пил только воду и ел очень мало. Он старался не думать о волшебной стране, боясь, что никогда не доплывет до нее. А если и

увидит, то она окажется скучной равниной, на которой растет только колючая трава, а ветер гоняет по ней серые столбы пыли.

Однажды матросы выловили в воде сломанную ветку. Это означало близость земли. Ветка была покрыта большими листьями, похожими на перья страуса. Листья пахли сладко и освежающе. В эту ночь никто на корабле не спал.

И вот на следующее утро в блеске утренней зари их взору открылась страна, сияющая разноцветными стенами гор. Прозрачные реки низвергались с этих гор в океан. Над зеленью лесов летали стаи веселых птиц. Блаженный запах цветов и плодов долетал с берега. Казалось, что каждый глоток этого запаха вливает бессмертие. В лучах восходящего солнца страна напоминала алмазный пояс, брошенный в море богиней утренней зари...

Так, говорят, была открыта Флорида. (597 слов)

По К. Паустовскому

В станционном буфете

Худой старик с колючей щетиной на лице сидел в углу станционного буфета. Над заливом свистящими полосами проносились зимние шквалы. У берегов стоял толстый лед. Сквозь снежный дым было слышно, как грохочет прибой, налетая на крепкую ледяную корку.

Старик зашел в буфет, очевидно, погреться. Он ничего не заказывал и понуро сидел на деревянном диване, засунув руки в рукава неумело заплатанной рыбацкой куртки.

Вместе со стариком пришла белая мохнатая собачка. Она сидела, прижавшись к его ноге, и дрожала.

Рядом со столиком пили пиво молодые люди. Снег таял у них на шляпах, и талая вода капала в стаканы с пивом и на бутерброды с копченой колбасой. Но молодые люди спорили о футбольном матче и не обращали на это никакого внимания.

Когда один из молодых людей взял бутерброд и откусил сразу половину, собачка не выдержала. Она подошла к столику, стала на задние лапы и заискивающе начала смотреть в рот молодому человеку.

— Пети! — тихо позвал старик. — Как тебе не стыдно! Зачем ты беспокоишь людей?

Но Пети продолжала стоять, и только передние лапы у нее дрожали и опускались от усталости. Когда они касались мокрого живота, собачка спохватывалась и подымала их снова.

Но молодые люди не замечали ее. Они были увлечены разговором и то и дело подливали себе в стаканы ледяное пиво.

— Пети! — снова позвал старик. — Ступай сюда!

Собачка несколько раз быстро мотнула хвостом, как бы давая

понять старику, что она его слышит и извиняется, но ничего с собой поделать не может. На старика она не взглянула и даже отвела глаза совсем в другую сторону. Она как бы говорила: «Я сама знаю, что это нехорошо. Но ты же не можешь купить мне такой бутерброд».

— Эх, Пети! — шепотом сказал старик, и голос его дрогнул от огорчения.

Пети снова вильнула хвостом и умоляюще посмотрела на старика. Она как бы просила его больше ее не звать и не стыдить. У нее самой нехорошо на душе, и она, если бы не крайность, никогда бы не стала просить у чужих людей.

Наконец один из молодых людей заметил собаку.

— Попрошайничаешь? А где твой хозяин? Гражданин, раз собаку держите, так должны кормить. А то некультурно получается: собака у вас милостыню выпрашивает!

Молодые люди захохотали. Один из них бросил собачке кусок колбасы.

— Пети, не смей! — крикнул старик. Обветренное его лицо и тощая жилистая шея покраснели.

Собачка сжалась и, опустив хвост, подошла к старику, даже не взглянув на колбасу. В это время старик начал судорожно рыться в карманах, достал немного мелочи и пересчитал ее на ладони, сдувая мусор, прилипший к монетам. Пальцы у него дрожали.

— Еще обижается! Какой гордый нашелся! — произнес один из компании молодых людей.

Старик не проронил ни слова. Подойдя к стойке, он хрипло произнес:

— Один бутерброд.

Продавщица подала на тарелке два бутерброда.

— Один! — сказал старик.

Женщина тихо ответила:

— Берите. Я на вас не разорюсь.

— Спасибо.

Старик взял бутерброды и вышел на платформу. Там никого не было. Он сел на скамейку, дал один бутерброд Пети, а другой завернул в серый носовой платок и спрятал в карман.

Собачка судорожно ела, а старик, глядя на нее, говорил:

— Пети, Пети! Глупая собака!

Но собачка не слушала его. Она только ела. Старик смотрел на нее и вытирал рукавом глаза. Вероятно, они слезились у него от ветра. (521 слово)

По К. Паустовскому

В кузове грузовой машины

В июле тысяча девятьсот сорок первого года я ехал на военной грузовой машине в Тирасполь.

Бурая пыль, раскаленная солнцем, взрывалась клубами под колесами машины. Солнце дымилось в обесцвеченном небе. Вода в алюминиевой фляге нагрелась и пахла резиной. За Днестром гремела канонада.

В кузове ехали несколько молодых лейтенантов. Иногда они начинали стучать кулаками по крыше и кричали: «Воздух!» Водитель останавливал машину, мы выскакивали, отбегали подальше от дороги и ложились. Тотчас со злорадным воем на дорогу пикировали черные немецкие самолеты.

Иногда они замечали нас и били из пулеметов. Но, к счастью, никто не пострадал. Самолеты исчезали, и оставался только жар во всем теле от раскаленной земли, гул в голове и отчаянная жажда.

После одного из таких налетов водитель неожиданно спросил меня:

- Вы о чем думаете, когда лежите под пулями? Вспоминаете?
- Вспоминаю, — ответил я.
- И я вспоминаю, — сказал, немного помолчав, водитель. — Леса наши вспоминаю.
- Я тоже вспоминаю свои леса, — ответил я.

Водитель натянул пилотку на лоб и дал газ. Больше мы не разговаривали.

Пожалуй, никогда я не вспоминал с такой остротой любимые места, как на войне. Я ловил себя на том, что нетерпеливо жду ночи, когда, лежа в кузове грузовой машины и укрывшись шинелью, можно будет вернуться мыслью к этим местам и пройти по ним медленно и спокойно, вдыхая сосновый воздух. Я говорил себе: «Сегодня я пойду на Черное озеро, а завтра, если буду жив, на берега Пры». И у меня замирало сердце от предчувствия этих воображаемых походов. В своих мечтах я всегда выходил из родного дома ранним утром и шел по пустынной деревенской улице мимо старых изб. Мне казалось, что не может быть в жизни большего счастья, чем опять увидеть эти места и пройти по ним, забыв обо всех заботах и невзгодах, слушая, как легко стучит в груди сердце. Так я думал, лежа в кузове грузовой машины.

Поздняя ночь. Со стороны станции ухают взрывы — там идет бомбежка. Над головой падает трассирующим снарядом голубоватая звезда. Я ловлю себя на мысли, что невольно слежу за ней и прислушиваюсь, когда же она взорвется? Но звезда не взрывается, а безмолвно гаснет над самой землей. Как далеко отсюда до знакомого березового перелеска, до торжественных лесов! Там теперь тоже ночь, но беззвучная, пылающая огнями созвездий, пахнущая не бензиновым чадом и пороховыми газами, а устоявшейся в лесных озерах глубокой водой и хвоей можжевельника. Сесть бы сейчас у костра, слушать тихий треск сучьев и думать о том, что жизнь необыкновенно хороша, если ее не бояться и принимать с открытой душой.

Так я бродил в воспоминаниях по лесам, потом по строгим набережным Невы или по голубым ото льна холмам суровой псковской земли. Я думал обо всех этих местах с такой болью, как будто потерял их навсегда, как будто больше никогда в жизни их не увижу. Очевидно, от этого чувства они приобрели в моем сознании необыкновенную прелесть.

Я спрашивал себя, почему я не замечал этого раньше, и тут же догадывался, что, конечно, я все это видел и чувствовал, но только в разлуке черты родного пейзажа возникли перед моим внутренним взором во всей своей захватывающей сердце красоте. (498 слов)

По К. Паустовскому

Черешня

Саженец был крохотный. Одарка несла его, будто худенького цыпленка, и чувствовала, как царапались корешки о ладони.

Саженец Одарке дал дед с такими словами: «Тебе, Одарка, сегодня исполняется семь лет. Посади эту черешню, пусть она растет с тобой, потому что человек должен сажать деревья, а не рубить их».

Девочка сама копала ямку под саженец. Боязливо наступая ступней на ребро холодной лопаты, она долго ковыряла под окном землю и впервые в жизни узнала, как нелегка земляная работа.

Дедушка сидел на завалинке и наблюдал за внучкой. Когда ямка сделалась глубокой, он присел возле девочки, скрюченными пальцами бережно размял каждый комочек земли и взял саженец. На раздвоенном стволе устало обвисали листья, лишь один стоял заячьим настороженным ушком.

Дед бережно расстелил нити корешков в ямке и, держась одной рукою за тонюсенький ствол саженца, другою рукою разгребал и рыхлил землю, которую ловко кидала лопатой Одарка.

Девочка принесла в ведерке воды и осторожно вылила ее под черешню, едва видную из земли. Потом Одарка сидела рядом с дедом, смотрела на хиленький раздвоенный саженец и очень сомневалась в том, что из такой былиночки вырастет большое дерево.

Дедушка рассказал, что черешня у них считается святым деревом. Во всей округе существует древний обычай — не есть ягод черешни восемь лет, если умрет кто-то из родных. Еще маленький, посадил он мать этого саженца, и выросла она под небо, но сам он за всю жизнь так и не попробовал ни одной ягодки: вот такая твердая вера в их роду. Пусть же Одарка помнит и чтит старые обычаи. «А деревце это, — показал дед на росточек черешни, — пусть будет счастливее своей матери».

Солнце скатывалось за сады. Унялся шум на селе. К саженцу подлетела запоздавшая пчелка, неуверенно опустилась на него, прощупала хоботком единственный, через силу бодрящийся листок и улетела в глубь сада, видимо, сообщить жителям своего улья, что появилось на свете новое деревце.

День за днем, год за годом росла черешня. Через восемь лет она выглянула из-под крыши и поймала вершинкой теплый ветер. Набухли на ветвях молодой черешни почки — брызнуло деревце душистыми каплями цветов. И тогда поспешили к черешне пчелы и шмели, перестали облетать ее птицы, и люди больше не обходили ее взглядом.

В конце мая на черешне робко высветилось несколько ягодок, которые начали наливаться соком. Ягоды как будто сами просили сорвать их и попробовать. Одарка потянулась к солнечным ягодам, сорвала одну и долго разглядывала ее, дивясь тому, что маленький росточек обратился в плодоносящее дерево. «Нельзя!» — Одаркина мать увидела на ладони девушки ягоду и швырнула ее на землю. В ту весну умер дед, который помогал маленькой Одарке сажать деревце.

Прошло много лет, но за всю жизнь Одарка так и не попробовала ягод черешни. У дерева высох один ствол, а второй с безнадежной настойчивостью все еще устремлялся в небо. Старая Одарка целыми днями сидела на завалинке и ждала, медленно впадая в дремоту, с войны внука.

Однажды Одарку тронули за плечо. Она нехотя открыла глаза и долго рассматривала человека, стоящего перед ней. Он о чем-то просил Одарку, показывая на черешню. «Сруби ее, горе наше сруби!» — прошептала сквозь слезы старушка.

Черешню срубили, а ночью содрогалась хата бабушки Одарки от орудийных залпов. Утром сад опустел. Бойцы ушли вперед и увезли с собой орудие.

В селе сделалось тихо, а в хате бабушки Одарки посветлело. Она не сразу поняла отчего. Вышла в сад и догадалась: нет черешни, не закрывает она больше света. Старая Одарка стала собирать щепки и обломки дерева для печки. Неожиданно бабушкина рука нащупала маленький росточек возле корней срубленного дерева. Она хотела вырвать его и выбросить, но руки не послушались ее.

Долго стояла бабушка Одарка на коленях перед росточком, разминая комочки земли, и шептала чуть слышные слова, похожие на заклинание: «Пусть доля твоя будет счастливее, пусть будет счастливее». (598 слов)

По В.Астафьеву

Звуки органа

Последней военной осенью я стоял на посту возле пушек в небольшом разбитом польском городе. Это был первый иностранный город, который я видел в своей жизни. Он ничем не отличался от наших разрушенных городов. В нем так же пахло гарью и пылью. Между изуродованных домов по улицам, заваленным ломом, кружило листву, бумагу, сажу. Над городом мрачно стоял купол пожара. Он слабел, опускался к домам, проваливался в улицы и переулки, дробился на усталые кострища. Но раздавался глухой взрыв, и купол подбрасывало в темное небо, а все вокруг озарялось тяжелым багровым светом. Листья с деревьев срывало, кружило жаром вверх, и там они истлевали.

На горящие развалины то и дело обрушивался минометный налет, гудели в высоте самолеты, нервно вычерчивали линию фронта немецкие ракеты за городом.

Мне чудилось: я один в этом догорающем городе, ничего живого не осталось на земле. Такое ощущение иногда появляется ночью. Но особенно гнетущим оно становится при виде разрухи и смерти. Но я знал, я чувствовал, что неподалеку в пустой избе спят наши расчеты. Эта мысль немного успокаивала меня.

Днем мы заняли город, а уже к вечеру откуда-то, словно из-под земли, начали появляться люди. Они тащили узлы, чемоданы и тележки, у многих были на руках ребятишки. Люди плакали у развалин и вытаскивали что-то из пожарищ. Ночь укрыла бездомных людей с их горем и страданиями. И только пожары укрыть не могла.

Неожиданно в доме, стоявшем через улицу, раздались звуки органа. От этого дома при бомбежке отвалилась половина, обнажив стены с нарисованными на них сухощежими святыми, глядящими сквозь копоть скорбными голубыми глазами. Ночью отсветы пожаров выхватывали их печальные лики с поврежденными головами на длинных шеях, и казалось, что святые тоже слушали эту музыку, но понимали ее по-своему, не по-земному.

Печальные и торжественные звуки напомнили мне далекое, почти забытое детство. Я сидел на лафете пушки и покачивал головой, слушая среди войны одинокий орган. Когда-то, после того как я слушал скрипку, мне хотелось умереть от непонятной печали и восторга. Глупый был, еще совсем маленький. На войне я так много увидел смертей, что теперь не было для меня более ненавистного, проклятого слова, чем «смерть».

Да, музыка была та же, и горло мое сдавило, стиснуло. Но на этот раз нет слез, нет детского восторга и чистой, детской жалости. Музыка разворачивала мою душу, как огонь войны разворачивал дома, обнажая то святых на стене, то кровать, то качалку, то рояль, то убогую каморку. Все обнажилось, со всего сорваны одежды, все подвергнуто унижению и осмеянию!

Оттого, вероятно, старая музыка не плакала, не жаловалась, а как будто повернулась ко мне иной стороной, звуча древним боевым кличем. Музыка звала куда-то, заставляла что-то делать, чтобы потухли эти пожары, чтобы люди не жались к горящим развалинам, чтобы зашли они под крышу в свой дом, зашли к близким и любимым, чтобы небо, вечное наше небо не разрывалось взрывами.

Музыка торжественно гремела над городом, глушила разрывы снарядов, гул самолетов, треск и шорох горящих деревьев. Музыка властвовала над оцепеневшими развалинами, та самая музыка, которую хранит в сердце человек, давно покинувший свою родину и тоскующий в разлуке с нею. (493 слова)

По В. Астафьеву

Брестская крепость

Предрассветная тишина... Вдруг слышатся взрывы и оглушительный грохот. Вокруг горят и рушатся здания, то тут, то там вскидываются черные столбы взрывов, и среди них бегут, мечутся испуганные полураздетые люди, падают убитые, стонут раненые, плачут женщины и кричат дети.

Так проснулись 22 июня 1941 года люди, жившие тогда в Брестской крепости. Их разбудила война.

Город Брест находится около западной границы нашей страны. Рядом с ним, на берегу речки Буг, стоит старая крепость. Перед войной в казармах и домах Брестской крепости жили красноармейцы и командиры, многие с женами и детьми.

На другом берегу Буга стояли наготове армии Гитлера. Ночами они перебрасывали к границе все новые войска, в густых прибрежных зарослях маскировали пушки, нацеленные на крепость. В воскресенье 22 июня, в 4 часа утра, когда только начало светать, эти пушки открыли огонь и над крепостью закружили немецкие самолеты, засыпая ее бомбами. Застигнутые врасплох, еще не успевшие проснуться, люди погибали под развалинами зданий, падали под огнем врага. Сотни воинов, женщин и детей погибли в Брестской крепости в то страшное первое утро войны.

Фашисты думали, что этот неожиданный удар принесет им легкую победу и они быстро захватят крепость. Но когда гитлеровские солдаты ворвались во двор крепости, их встретил огонь пулеметов и винтовок. Атака была отбита.

Воины, оставшиеся в живых, взялись за оружие. Ими командовали майор Петр Гаврилов, капитан Иван Зубачев и полковой комиссар Ефим Фомин.

Начались тяжелые, долгие бои. Фашисты, окружившие крепость, обстреливали ее со всех сторон. Несколько раз они проводили неудачные попытки взять крепость штурмом. Лежали в развалинах склады боеприпасов и продовольствия, нашим воинам не хватало патронов, нечего было есть. Не было даже воды, потому что водопровод не работал. А когда люди пытались подползти к реке, их встречал огонь немецких пулеметов. Фашисты день и ночь обстреливали берег, надеясь, что жажда заставит осажденных прекратить сопротивление.

Защитники крепости изнемогали от жажды и голода. Они добывали оружие в рукопашных схватках и продолжали сражаться, отвечая огнем и атаками на требование врагов сдаться в плен. Над крепостными воротами они повесили полотнище, на котором было кровью написано: «Все умрем, но из крепости не уйдем!»

Почти месяц шла эта борьба. Брест остался за сотни километров в тылу врага. Советские войска отступили на восток, а в крепости по-прежнему дрались с фашистами ее защитники. Почти все они погибли в боях, и лишь немногие воины, израненные и окончательно обессиленные от голода, попали в плен.

Только после окончания войны стало известно, что некоторые из защитников Брестской крепости остались в живых и вернулись из плена на Родину. Они рассказали подробности этой героической борьбы и сохранили для потомков имена героев.

Оборона Брестской крепости вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из самых героических ее страниц.

После войны в крепости был создан музей и построен величественный памятник. Многие защитники крепости посмертно награждены орденами и медалями. Восьмого мая 1965 года Брестской крепости было присвоено почетное звание «Крепость-герой». (461 слово)

По энциклопедии «Что такое? Кто такой?»

Эхо

Я искал камешки на диком пляже. Накануне штормило, и волны с шипением переползали весь пляж и добирались до белых стен приморского санатория. Сегодня море стихло, ушло в свои пределы, обнажив широкую полосу песка, отделенную от берега валиком гальки. Этот песок был усеян зелено-голубыми камнями, гладкими прозрачными стекляшками, похожими на леденцы, и водорослями, издававшими йодистый запах.

Я знал, что большая волна выносит на берег ценные камешки, и терпеливо обследовал песчаную отмель.

— Ты чего на моей одежде расселся? — раздался тоненький голосок.

Я поднял глаза. Надо мной стояла худая девчонка с тонкими руками и ногами. Длинные мокрые волосы облепили лицо. Вода сверкала на ее бледном, почти не тронутом загаром теле.

Девочка нагнулась, вытащила из-под меня полосатое платье, на которое я сел по неосторожности. Чтобы хоть как-то загладить свою вину, я решил показать девочке свою коллекцию камешков.

— За сегодня собрал?

— Да ты что? За все время!

— А я тоже собираю...

— Что?

— Эхо... У меня уже много собрано. Есть даже трехголосое.

— Ладно врать-то!

— Хочешь, покажу? Только придется далеко идти и на гору подниматься. Тебя пустят?

— Пустят!

— Так завтра с утра и пойдем.

Утро было солнечное, безветренное, но прохладное. Море после шторма все еще дышало холодом и не давало солнцу накаливать воздух. Когда же на солнце наплывало тощее облачко, снимая с дорожек, белых стен домов и черепичных крыш слепящий блеск, простор угрюмел, а холодный ветер с моря усиливался.

Тропинка, ведущая на Большое седло, вначале петляла среди невысоких холмов, затем прямо пошла вверх сквозь густой ореховый лес. Ее прорезал неглубокий, усеянный камнями желоб. Это было русло одного из тех бурных ручьев, что низвергаются после дождя, рокоча и звеня на всю округу, но иссякают быстрее, чем высохнут дождевые капли на листьях орешника.

Постепенно тропинка превратилась в каменистую дорогу, бело сверкающую мелким песком, похожим на сахарную пудру, и вывела нас на уступ. Вдалеке я увидел серую скалу.

— Чертов палец! — на ходу крикнула Витька.

По мере того как мы подходили, скала вздымалась выше и выше. Когда же мы ступили в ее прохладную тень, она стала чудовищно громадной. Это был уже не Чертов палец, а Чертова башня, угрюмо мрачнющая, загадочная, неприступная.

Словно отвечая на мои мысли, Витька сказала:

— Знаешь, сколько людей хотели на него взобраться? Ни у кого не вышло. Одни насмерть разбились, другие поломали руки и ноги. А один француз залез. Как-то сумел, а назад спуститься не смог, так и погиб на скале. А все-таки он молодец!

Мы подошли к Чертову пальцу вплотную, и Витька, понизив голос, сказала:

— Вот тут прячется эхо.

Она сделала несколько шагов назад и негромко произнесла мое имя.

— Сережа! — повторил мне в самое ухо насмешливо-вкрадчивый голос.

Я вздрогнул и невольно шагнул прочь от скалы, и тут со стороны моря мне навстречу звонко плеснуло:

— Сережа!

Я замер, и где-то внизу простонало:

— Сережа!

— Вот черт! — сдавленным голосом произнес я.

— Вот черт! — прошелестело над ухом.

— Черт! — дохнуло с моря.

— Вот черт! — отозвалось в выси.

В каждом из этих незримых пересмешников чувствовался стойкий и жутковатый характер: шептун был злобно-вкрадчивым тихоней; морской голос принадлежал холодному весельчаку; в выси скрывался лицемерный нытик.

Я кричал, говорил, шептал еще много всяких слов. У эха был острейший слух. Некоторые слова я произносил так тихо, что сам едва слышал их, но они неизменно находили отклик. Я уже не испытывал ужаса, но всякий раз, когда невидимый шептал мне на ухо, у меня холодел позвоночник, а от рыдающего голоса сжималось сердце.

— До свидания! — сказала Витька и пошла прочь от Чертова пальца.

Я устремился за ней. Но шепот настиг меня: прошелестели ядовито-вкрадчивые слова прощания, хохотнула морская даль, голос вверху застонал:

— До свидания! (574 слова)

По Ю. Нагибину

Зимний дуб

Первый урок у Анны Васильевны был в пятом «А».

— Сегодня мы продолжим разбор частей речи. Именем существительным называется часть речи, которая обозначает предмет. Предметом в грамматике называется все то, о чем можно спросить так: кто это или что это? Например, ученик, книга...

— Можно?

В полуоткрытой двери стояла небольшая фигурка в разношенных валенках. Круглое лицо горело, словно его натерли свеклой, а брови были седыми от инея.

— Ты опять опоздал, Савушкин?

Как и большинство молодых учительниц, Анна Васильевна любила быть строгой, но сейчас ее вопрос прозвучал почти жалобно. Приняв слова учительницы за разрешение войти, Савушкин быстро прошмыгнул на свое место. Анну Васильевну огорчило опоздание Савушкина. На это ей жаловались многие учителя.

Анна Васильевна помолчала минутку, а потом продолжила объяснение. Затем дети стали приводить свои примеры. Молодую учительницу удивляла та радость, с какой ребята называли знакомые им предметы, которые теперь наполнились новым смыслом.

Вдруг, словно очнувшись от сна, Савушкин приподнялся над задней партой и звонко крикнул:

— Зимний дуб!

Ребята засмеялись.

— Почему зимний? Просто дуб.

— Просто дуб — это не то! Зимний дуб — вот это существительное!

— Садись, Савушкин, вот что значит опаздывать. Во время большой перемены будь любезен зайти в учительскую.

Во время перерыва Анна Васильевна решила серьезно побеседовать с мальчиком.

— Объясни, почему ты систематически опаздываешь? — строго спросила она, когда Савушкин вошел в учительскую.

— Просто не знаю! Я за целый час выхожу.

— Где ты живешь?

— При санатории.

— И тебе не стыдно говорить, что ты выходишь за час? От санатория до шоссе минут пятнадцать. По шоссе до школы не более получаса.

— А я не по шоссе хожу. Я коротким путем, который через лес.

Анне Васильевне стало очень грустно. Так происходило всегда, когда она сталкивалась с детской ложью.

— Печально, Савушкин, очень печально! Придется поговорить с твоими родителями. Я заканчиваю в два. После уроков ты меня проводишь.

Тропинка, по которой Савушкин повел Анну Васильевну, начиналась сразу за школой. Едва они вступили в лес и тяжело нагруженные снегом еловые лапы сомкнулись за их спиной, как сразу перенеслись в зачарованный мир, который был полон покоя и беззвучья. Сороки, вороны перелетали с дерева на дерево, колыхали ветки, сшибали шишки, порой обламывали хрупкие прутики, задев их крылом. Но ничто не рождало здесь звука.

Все кругом было белым. Лишь в высоте чернели обдутые ветром макушки рослых плакучих ив, их тонкие веточки казались нарисованными тушью на синей глади неба.

Иногда деревья расступались, открывая солнечные веселые полянки, перечеркнутые заячьим следом, похожим на цепочку от часов. Попадались и крупные следы, которые своей формой напоминали трилистник. Анна Васильевна заинтересовалась ими, и Савушкин объяснил учительнице, что эти следы принадлежат лосю.

Постепенно дорожка спустилась к ручью. Местами он был застлан толстым снеговым одеялом, местами закован в чистый ледяной панцирь, а порой среди льда и снега проглядывала темным глазом живая вода. Мальчик указал учительнице на тонкие струйки, бьющие из-под земли. Это были теплые ключи.

Лес повел их дальше своими сложными, путаными ходами. Неожиданно вдалеке забрезжила дымчато-голубая щель. И вот уже не щель, а широкий, залитый солнцем просвет возник впереди. Там что-то сверкало, искрилось, роилось ледяными звездами. Посреди поляны в белых сверкающих одеждах стоял дуб. Он был огромный и величественный, как собор. Казалось, что деревья почтительно расступились, чтобы дать старшему собрату развернуться во всей силе. Его нижние ветви шатром раскинулись над поляной. Снег набился в глубокие морщины коры, а толстый ствол казался прошитым серебряными нитями. Листва, засохшая осенью, почти не облетела, и дуб до самой вершины был покрыт листьями в снежных чехольчиках.

— Так вот он, зимний дуб!

Анна Васильевна подумала, что уже считала себя опытной учительницей. Но ей вспомнился сегодняшний урок: как бедно и сухо говорила она о родном языке, который так же красив и богат, как щедр и красива жизнь. (592 слова)

По Ю. Нагибину

Посылка

Для меня начались мучительные дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придется остаться с Лидией Михайловной и повторять вслед за ней, ломая язык, неудобные для произношения, придуманные только для наказания французские слова. Зачем произносить звуки через нос, когда он служил человеку совсем для другого? Должны же существовать границы разумного!

Я краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без жалости заставляла меня мозолить мой бедный язык. И почему меня одного? В школе было много ребят, которые говорили по-французски не лучше меня, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я один отдувался за всех.

От природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, я в чистенькой, аккуратной квартире учительницы в первое время буквально каменел и боялся дышать. Я терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. В то время я голодал, но из меня пулей выскакивал всякий аппетит. Как я могу сесть за один стол с Лидией Михайловной? Никогда! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить.

Я вскакивал, бормотал, что сыт, и пытался к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна отчаялась и перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что в раздевалке для меня лежит посылка, которую принес в школу какой-то мужчина. Конечно, это был дядя Ваня. Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот он и оставил посылку в раздевалке.

Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тетя Вера, школьная уборщица, показала мне стоящий в углу фанерный ящик, в каких отправляют посылки по почте. Я удивился: почему в ящике? Мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Заглянув в посылку, я обомлел. Прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, там лежали макароны. Длинные желтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, показались мне таким богатством, дороже которого ничего не существовало. Мать собрала ящик, чтобы макароны не поломались, не раскрошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку и стал жадно хрумкать, размышляя, куда бы мне спрятать ящик. Макароны могли достаться чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги.

И вдруг я поперхнулся. А где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не бывало, ни за какие деньги их там купить нельзя. Посылку отправляла не она. Кто же тогда?

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна сделала вид, что ничего не понимает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон.

— Как! Совсем не бывает?! — Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было!

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от нее.

— Действительно, надо было знать. Но тут догадаться было трудно. Я же городской человек. Не злись. Ничего, теперь буду умнее. А макароны ты возьми. Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать что захочу, но ведь мне одной...

— Не возьму, — перебил я ее.

— Не спорь. Почему я не могу тебе помочь единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ничего не соображают и никогда не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Ее голос начинал действовать на меня усыпляюще. Я боялся, что она меня уговорит, и, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь. (598 слов)

По В. Распутину

Ножичек с костяной ручкой

Из Москвы мне привезли небольшой перочинный ножичек с костяной ручкой и двумя лезвиями. Отец их наточил, и ножик превратился в бесценное сокровище. Даже сам учитель Федор Петрович брал у меня ножик, чтобы зачинить карандаш. Неприятность как раз и произошла на уроке при Федоре Петровиче. Мы с Юркой решили вырезать на парте наши инициалы, и я полез в сумку, чтобы достать ножичек.

Рука, не обнаружив ножичка в привычном месте, судорожно начала шарить по дну сумки, заметалась там среди книжек и тетрадей, а под ложечкой неприятно засосало. Ощущение непоправимости свершившегося холодком скользнуло вдоль спины. Забыв про урок и про учителя, я начал выворачивать карманы, искать в глубине парты, полез в Юркино отделение. Потом в рвении поисков я даже сполз под парту.

Федор Петрович обратил внимание на мою возню и мгновенно навис надо мной во всем своем справедливом учительском гневе.

— Что случилось, почему ты под партой?

— Ножичек у меня украли, который из Москвы.

Неизвестно, почему я сразу решил, что ножичек украли, а не

я сам его потерял. Но для меня-то сомнений не было: все завидовали моему ножу.

— Может, ты забыл его дома? Вспомни, подумай хорошенько.

— Нечего мне думать. На первом уроке он у меня был, мы с Юркой карандаши чинили, а теперь его нет.

— Кто взял нож, подними руку, — угрожающе произнес Федор Петрович, возвращаясь к своему столу и оглядывая класс строгими глазами.

Ни одна рука не поднялась. Покрасневшие лица моих товарищей по классу опускались ниже под взглядом учителя. Федор Петрович достал список.

— Барсукова, ты взяла нож?

— Я не брала.

— Воронин, ты взял нож?

— Я не брал.

Один за другим вставали мои товарищи по классу, которых теперь учитель хотел уличить в воровстве. Они поднимались растерянные, пристыженные. Каждый из них краснел, когда вставал на окрик учителя, каждый из них отвечал, что не брал ножичек.

— Хорошо, сейчас мы узнаем, кто из вас не только вор, но еще трус и лгун. Выйти всем из-за парт, встать около доски!

Федор Петрович стал проверять портфели и парты учеников. Мне уже в этот момент было стыдно за то, что я невольно затеял всю эту заварушку.

Прозвенел звонок на перемену, потом снова на урок, потом был звонок с последнего урока, а поиски ножа продолжались. Постепенно ребят около доски становилось все меньше, в другом конце класса все больше, а ножичка не было.

И вот что произошло, когда учителю осталось обыскать портфели трех человек. Я стал укладывать в сумку тетради и книжки, как вдруг мне на колени из тетрадки выскользнул злополучный ножичек. Теперь я уж не могу восстановить всего разнообразия чувств, нахлынувших на меня в одно мгновение. Это не была радость от того, что пропажа нашлась, что мой любимый ножичек с костяной ручкой и зеркальными лезвиями опять у меня в руках. Напротив, я бы скорее обрадовался, если бы он провалился сквозь землю. Признаться, самому мне в то мгновение хотелось провалиться сквозь землю.

Если я сейчас не признаюсь, так и останется впечатление, что в нашем классе учится воришка. Может быть, каждый будет думать на своего товарища, на соседа по парте. Если же я сейчас признаюсь... Даже подумать об этом было страшно! Значит, из-за меня понапрасну затеялась вся эта история, из-за меня сумки каждого из этих мальчишек и девчонок унижительно обыскивали, подозревали в воровстве, из-за меня сорвали уроки.

Потом мне рассказали, что я, как лунатик, вышел из-за парты и побрел к учительскому столу. На ладони моей вытянутой руки лежал ножичек.

— Растяпа! — закричал учитель. — Что ты наделал! Вон из класса!

Долго я потом стоял около дверей школы, не в силах идти домой. Мимо меня по одному выходили ученики. Почти каждый из них, поравнявшись со мной, отворачивался и молча проходил мимо. (588 слов)

По В. Солоухину

Мститель

Однажды нашему классу повезло: вместо скучного урока математики мы копали картошку на школьном участке. Все баловались и дурачились, очутившись вместо унылого класса под чистым сентябрьским небом.

Главное наше развлечение состояло в том, чтобы на гибкий прут насадить тяжелый шарик, слепленный из земли, и, размахнувшись прутом, бросить шарик подальше. Иногда в небо взвивались сразу несколько шариков. Они перегоняли друг друга, все уменьшаясь и уменьшаясь, так что нельзя было уследить, чей шарик забрался выше всех или упал дальше.

Я наклонился, чтобы слепить шарик потяжелее, как вдруг почувствовал сильный удар между лопаток. Мгновенно распрямившись и оглянувшись, я увидел, что от меня бежит Витька Агафонов с толстым прутом в руке. Значит, вместо того чтобы бросить свой комок земли в небо, он подкрался ко мне сзади и ударил меня.

На мои глаза набежали слезы, а нижняя губа предательски задергалась. Так бывало всегда, когда приходилось плакать. Не потому что нельзя было стерпеть боль. Сколько себя помню, я никогда не плакал от физической боли. Зато у меня легко наворачивались слезы от самой маленькой обиды или несправедливости.

За что он меня ударил? Почему подкрался сзади? Ничего плохого я ему не сделал. Наоборот, когда мальчишки не хотели принимать его в игру, я первый настоял, чтобы приняли.

Ни один человек не заметил маленького происшествия: все по-прежнему собирали картошку. Но я уже не видел ни картошки, ни солнца, ни неба.

Вскоре у меня созрел план мести. Через несколько дней, когда все позабудется, я позову Витьку на речку, а там поколочу его. Получится просто и хорошо.

Через неделю я подошел к Витьке. Затаенное коварство не так-то просто было скрыть. Я волновался, даже в горле стало сухо, отчего голос сделался глухим и как бы чужим. Руки пришлось спрятать в карманы, потому что они начали дрожать.

Витька посмотрел на меня подозрительно и сказал:

— Не пойду. Я знаю, ты драться начнешь, мстить будешь.

— Что ты, я забыл давно! — ответил я миролюбиво.

После моих слов он улыбнулся от уха до уха и радостно согласился. Мне стало немного не по себе.

Пока мы шли к лесу, я всю дорогу старался вспомнить, как он ударил меня по спине, как мне было больно и обидно. Я так все точно и живо вообразил, что спина опять заболела и в горле появился горький комок. Я был готов к отмщению.

На горе, где начались маленькие елочки, выпал удачный момент: как раз Витька, шедший впереди меня, наклонился, что-то рассматривая на земле.

— Смотри, смотри! Шмель из норки вылетел! Давай ее раскопаем! — закричал Витька, показывая на круглую дырку в земле. Его глаза горели от возбуждения. Мы раскопали норку, но не обнаружили ни гнезда, ни шмелиного меда.

На опушке леса в траве Витька наткнулся на стаю рыжиков.

— Давай поджарим их на прутике. У меня хлеб с солью есть. Славно поедим! — предложил он.

Когда Витька насаживал на прутик свои первый рыжик, мне так и вспомнился тяжелый земляной комок, которым он меня ударил. Я подумал, не сейчас ли мне с ним расправиться, но решил, что еще успею. Рыжики шипели в огне, соль на них плавилась и вскипала пузырьками, хлеб покрылся аппетитной корочкой. Мы съели все рыжики, но нам захотелось еще, поэтому снова пришлось идти за грибами.

До реки в тот день мы не дошли, потому что начало темнеть.

— Давай сбегает туда завтра! — предложил Витька. Мне пришлось согласиться.

По дороге домой у меня начало ныть и сосать под ложечкой. Витька доверчиво шел впереди. Дать бы ему сейчас! Но очень непросто ударить человека, который доверчиво идет впереди тебя. Злости в себе я уже не ощущал. Да и Витька — неплохой мальчишка, вечно что-нибудь придумает. Если еще раз стукнет, тогда обязательно отомщу, а теперь не буду.

Мне сделалось легко от принятого решения. (591 слово)

По В. Солоухину

Золотое зерно

Время течет и вымывает из памяти сначала более легкие впечатления, а потом добирается до основных. Самое важное останется на дне, но хорошо, когда оно сохраняется в оправе сопутствующих ему впечатлений. Лучше цельный и стройный колос, чем просто горстка зерен. Есть у меня в памяти между прочих воспоминаний такой «колос», и одно из зерен в нем золотое.

Однажды я согласился участвовать в благотворительных концертах с чтением стихов. Организатору удалось пригласить для участия и великого русского певца с чистейшим лирическим голосом.

Проезжая от аэродрома к гостинице, я увидел, что Новгород пестрит афишами, на которых крупными буквами написана фамилия знаменитого певца, ниже меленько обозначены остальные участники.

Ивану Козловскому достался от природы удивительный, тончайший инструмент — его голос. Такая драгоценность уже не может быть принадлежностью одного человека, это общенародное, общечеловеческое достояние. Но драгоценность эта все же находится в распоряжении одного человека, и он волен распорядиться ею по своему усмотрению. Он может ее испортить: для этого достаточно попеть на морозе или выпить ледяного пива. Он может унести ее от людей в преждевременную могилу.

Но Козловский правильно понял свою задачу. Он смолоду настроил свой музыкальный инструмент и берег его. Он обогатил природный дар воспитанием в себе музыкального вкуса и приобретением музыкальной культуры. Наконец, он понял, что все: и жест, и манеры, и внешний вид, и поведение — все это может быть оправой, еще больше украшающей редкий алмаз.

В день концерта Козловский вышел на сцену во фраке и ослепительной манишке. Первая музыкальная фраза вместе с волшебными словами «Я помню чудное мгновенье» возникла почти из шепота. Но шепот был слышен в самых отдаленных уголках большого зала. Только к концу романса певец позволил себе прибавить немного голоса, но зато какой из этого получился эффект!

Потом мы увидели театрализованное представление, и нам стали понятны репетиции певца, на которые он тратил каждый день утренние часы. Оказывается, он пригласил для участия в концерте четырех юных скрипачек из местной музыкальной школы. На темной сцене один луч освещал исполнительниц, другой — Козловского в дальнем углу сцены, черно-серебряного, со скрещенными на груди руками. Четыре скрипки заиграли «Гори, гори, моя звезда».

Скрипки пели протяжно и долго. Козловский слушал, а потом вдруг опустился на колени и протянул руки в сторону музыки. То ли перед играющими скрипками преклонился он, то ли перед расцветающей молодостью, то ли перед великим романсом. Затем незаметно, но постепенно нарастая и беря верх над музыкальными инструментами, возник голос самого коленопреклоненного певца. После романса последовал гром аплодисментов.

Девочки стояли растерянные. Они были самые счастливые на всем земном шаре. Козловский подошел к ним и каждой пожал руку. Как бы ни сложилась их судьба, через много лет каждая из них может сказать: «Я на скрипке аккомпанировала Козловскому, когда мне было 12 лет!»

На другой день мы с Иваном Семеновичем поехали в Юрьев монастырь. Пожилая женщина, гремя ключами, открыла нам собор. Мы вошли в холодное помещение с расписным куполом вверх и иконостасом высотой в пятиэтажный дом.

Ключница осталась внизу, а мы по винтовой лестнице поднялись на хоры. Кроме нас во всем соборе не было ни души. Но вот тишина лопнула, как перетянутая струна, и зазвучал голос

Козловского, который мгновенно наполнил весь огромный собор. Волна восторга подступила к моему сердцу. Акустика ли собора способствовала впечатлению, сама ли необыкновенная минута, а может быть, Козловский никогда еще в жизни не пел так красиво и вдохновенно?

Внизу старуха с ключами плакала и бросилась было в ноги певцу, но Козловский поднял ее и успокоил:

— Ничего, ничего, бабуса. Запри за нами. Мы пойдем.

Так жизнь и подарила мне одно из самых лучших впечатлений, которые лежат в памяти золотыми зернами и которых накапливается за жизнь не так уж много. (583 слова)

По В. Солоухину

Закон набата

В селе били в набат. Не в тот набат весом с полтонны, который висел раньше на колокольне. Тот и мертвого поднял бы, не только спящего. Когда разрушали церковь, сбрасывали и увозили разбитые колокола, оставили в селе один маленький колокольчик. Его повесили на столб у постройки для пожарной машины. Это он теперь кричал жалобным голосом, подражая настоящему колоколу.

Велик и непреложен закон набата. Старый ли, усталый ли, занятой ли ты человек — бросай все и беги на зовущий голос. Этот голос всегда означал только одно: другим людям нужна твоя немедленная, безотлагательная помощь. И бегут с топорами, лопатами, ведрами. И поднимается в тебе, несмотря на беду, восторженное чувство, что ты не один, что если случится у тебя беда, то и для тебя побегут люди. Одевался я торопливо и все глядел на окна: не краснеют ли стекла, не трепещут ли отблески близкого пожара?

Бежал я вроде бы один в темноте, но то справа, то слева слышал тяжелый топот и шумное дыхание. Значит, еще бежали люди. Бежали, не выбирая дорог в грязи и мраке. Но почему все мы бежим не к пожарной машине, а на луг? Не любоваться же пожаром вскочили мы с постелей?

За селом собрались все бежавшие. Немного народу осталось в селе, поэтому мало собралось и здесь. Несколько мужчин, а больше женщины. Все глядим туда, где в непроглядной черноте осенней ночи за далеким бугром пылает зарево. Некоторое время мы смотрим, как пульсирует красное пятно с желтой точкой посередине, потом кто-то спрашивает:

— Может, съездить туда?

— Съездить можно, но ведь пожарная машина закрыта. Пожарник дома. До него два с половиной километра. Пока добежишь...

— Не позвонить ли нам в райцентр? Они скорее нас доедут. И машины у них лучше.

Успокоившись окончательно, глядим на далекий пожар. Но червячок сомнения, видимо, гложет совесть каждого.

— Мужики, что вы стоите? Чего ждете? Разве так полагается?

Через четверть часа, сбив замок с пожарной постройки, на старой пожарной машине мы ехали на пожар. Нам казалось, что едем мы больше для очищения совести.

Как ни странно, машина наша ни разу не завязла и даже самое топкое место миновала благополучно. Зарево скрылось от нас за лесом, но искры взлетали выше елей. Они метались, завивались в жгуты, поднимались черно-красными клубами.

Когда мы доехали, то наше полусонное состояние сразу прошло. Мы стояли в кузове, готовые на ходу выпрыгнуть из машины, чтобы бежать и действовать. От пожарища навстречу нашей машине бросились люди. Женщины закричали:

— Наконец-то приехали! Выручайте, родимые!

Оценить обстановку было нетрудно. Мы оказались единственной реальной силой на пожаре. Кругом только женщины. Один дом уже догорал. Крыша и стены в нем обвалились. Образовался огромный костер, к которому нельзя было даже близко подойти.

Второй дом, загоревшийся от первого, также полыхал. Спасти его было невозможно: из окон с гуденьем вырывались длинные клочья пламени.

Надо было спасать третий дом, который еще не загорелся. Он раскалился от близкого огня и готов был вспыхнуть в любую секунду. Женщины таскали ведрами воду, но жара мешала

подбежать вплотную. Если кто и подбегал, то выплескивал воду торопливо, отвернувшись и не доставая до верхних рядов бревен.

Медный, давно не чищенный пожарный шланг в моих руках вдруг дернулся, едва не вырвавшись из рук. Белая струя воды с силой ударила в черно-красное небо. В следующую секунду я перевел струю на крышу и стены. От бревен и от железной крыши повалил пар. Значит, новая пища огню была уже совсем готова.

Через час огонь был полностью потушен. А если бы мы не поехали, то стояли бы на лугу до сих пор и смотрели, как горит соседняя деревня. (569 слов)

По В. Солоухину

Скворечник

Всю зиму у Павлуни болели ноги, и он лежал в кровати. Доктор сказал, что мальчик поправится к весне. Вначале Павлуня очень ждал ее наступления, а потом перестал считать дни.

Однажды, выглянув в окно, мальчик увидел, что в одном месте на грядках снег растаял и там зачернела земля. Под горой тоже что-то зачернело в двух местах. Через день проталина на грядках стала еще больше, темные места на реке слились в одно, а мать вынула из окна зимнюю раму. В избе стало больше места и запахло чем-то свежим. Пришел с работы отец, вымылся и спросил:

— Павлуня, как думаешь, сегодня начнем или еще подождем немножко?

Вначале мальчик не понял, о чем отец говорит, а потом вспомнил, что еще в прошлом году они договорились вместе сделать скворечник для птиц. Значит, отец не забыл!

— Давай, папка, сегодня начнем!

— Ладно, только ты не вставай, а гляди с кровати. Доктор еще не велел тебе вставать.

Отец принес в избу широкую доску, топор, рубанок и долото с молотком. Сначала он выстрогал доску добела с обеих сторон, потом карандашом расчертил ее и распилил по черточкам. Получились четыре продолговатые досочки. Как раз в это время вскипел самовар. Мать велела заканчивать работу и стала вынимать из шкафа чашки и блюдца. Отец сложил выстроганные дощечки, собрал инструмент.

В эту ночь Павлуня спал крепче и счастливее. Он еле дотерпел до того времени, когда отец вновь пришел с работы и вымылся. Не дожидаясь ужина, отец взялся опять за дело. Павлуня видел, как он химическим карандашом нарисовал на одной доске кружок и начал его выдалбливать.

Наконец дырка в доске была продолблена, отец ножиком зачистил ее края и начал сколачивать скворечник. Последнюю квадратную дощечку он использовал для дна, а самую длинную — для крыши. Затем отец приколотил крышу и под самую дырку приделал небольшую дощечку, чтобы скворцам было место, где сидеть.

— Папка, больно мало места на этой дощечке. Скворец может свалиться.

— Думаешь? Может быть, и маловато. Сейчас мы что-нибудь придумаем.

Отец сходил на улицу и вернулся с большой черемуховой веткой в руках.

— Папка, ты молодец, здорово выдумал!

Скворечник вышел очень хороший. От него пахло смолой и черемуховой веткой, щелей не было: проверяли даже на свет. Отец тут же пошел в огород. Павлуня видел, как он нашел самую длинную жердь и приколотил к ней скворечник. Затем отец начал с натугой поднимать жердь и ставить ее как раз напротив Павлуниного окошка. Скворечник с веткой закачался так высоко, что Павлуня тоже только головой покачал. Он с тревогой наблюдал, как отец осторожно поворачивает жердь так, чтобы скворечник стал бы входом в южную сторону.

Павлуня глядел на новый скворечник, раскрыв рот. Тот покачивался в синем небе, а небо за ним было бесконечным, чистым и, наверное, теплым. В это время у Павлуни закружилась голова, и он от слабости положил голову на подушку. На улице, наверное, начиналась настоящая весна. (456 слов)

По В. Белову

Матренин двор

Над поселком дымила фабричная труба. Туда и сюда сквозь поселок проложена была узкоколейная железная дорога, и юркие паровозики, пронзительно свистя, таскали по ней поезда с бурым торфом, торфяными плитами и брикетами. Вот куда завела меня мечта о тихом уголке России!

Я пошел по поселку подыскать избу, где меня бы взяли на квартиру. Я казался квартирантом выгодным: сверх платы школа обещала за меня еще машину торфа на зиму. Но у одной хозяйки не было места, потому что в доме также жила ее престарелая мать. В других домах не было отдельной комнаты, в третьих было тесно и шумно.

Так я оказался у Матрены Васильевны. Ее дом был построен давно. Когда-то он предназначался для большой семьи, но теперь жила в нем одинокая женщина лет шестидесяти.

Большая и лучшая часть просторной избы была уставлена табуретками и лавками, на которых стояли горшки и кадки с фикусами. Они заполнили одиночество хозяйки безмолвной, но живой толпой. Фикусы привольно разрослись, забирая большую часть света в северной стороне хаты.

Хотя Матрена Васильевна согласилась взять меня на квартиру, она все же перечислила других хозяек, у кого будет мне спокойней и удобней, и предложила еще раз обойти их. Я пообещал сделать это, но уже видел, что жребий мой — поселиться в этой темноватой избе с тусклым зеркалом, в которое совсем нельзя было смотреться. Здесь мне было тем хорошо, что из-за бедности Матрена не держала радио, а из-за одиночества не с кем было ей разговаривать.

Так и поселился я у Матрены Васильевны. Комнату мы не делили. Ее кровать была в углу у печи, а я свою раскладушку развернул у окна и, оттесняя от света любимые Матренины фикусы, еще у одного окна поставил столик.

Кроме Матрены и меня, жили в избе еще кошка и мыши.

Кошка была немолода, а главное, колченога. Она из жалости была подобрана Матреной и прижилась у нее. Хотя кошка и ходила на четырех ногах, но сильно прихрамывала. Когда она прыгала с печи, звук касания ее о пол не был по-кошачьему мягок. Это был сильный одновременный удар трех лап о землю: кошка сразу подставляла три ноги, чтоб уберечь четвертую. К этому звуку я не сразу привык и поначалу даже вздрагивал.

Мыши были в избе не потому, что колченогая кошка с ними не справлялась. Она с быстротой молнии прыгала за ними в угол и выносила в зубах. Недоступны были мыши для кошки из-за того, что кто-то когда-то оклеил избу Матрены рифлеными зеленоватыми обоями в пять слоев. Друг с другом обои склеились хорошо, от стены же во многих местах отстали — так получилась как бы внутренняя шкура на избе. Между бревнами избы и обоейной шкурой мыши проделали себе ходы и нагло шуршали, бегая по ним даже под потолком. Кошка сердито смотрела вслед их шуршанью, а достать не могла.

По ночам, когда Матрена уже спала, а я занимался за столом, быстрое шуршание мышей под обоями начинало напоминать мне далекий шум океана. Но я свыкся с ним, потому что в нем не было ничего злого, в нем не было лжи. Шуршанье была их жизнь.

Матрена вставала рано, в часа четыре утра. Она включала лампочку за кухонной перегородкой, тихо, вежливо, стараясь не шуметь, топила печь, ходила доить свою грязно-белую криворогую козу и варила в трех чугунах еду для меня, себя и козы. Козе Матрена выбирала из подполья самую мелкую картошку, себе брала мелкую, а мне варила крупную, которая была величиной с куриное яйцо. Крупной же картошки ее песчаный, с довоенных лет не удобрявшийся огород не давал.

Услышав за перегородкой сдержанный шумок, я всякий раз говорил:

— Доброе утро, Матрена Васильевна!

И всегда одни и те же доброжелательные слова раздавались мне из-за перегородки:

— Также и вам! (589 слов)

По А. Солженицыну

Речка тоже живая!

Однажды мне довелось в очередной раз выступить перед аудиторией с показом слайдов и рассказом о чудесах природы, об удивительном мире мелких существ, которые нас окружают. Выступление состоялось в большом здании Дома культуры.

Я вновь с радостью наблюдал живую реакцию и заинтересованность зрителей. И в очередной раз я смог убедиться, что осталось и во взрослых людях детское желание открытий, тяга к путешествиям, мечта о гармонии во взаимоотношениях друг с другом и с миром природы!

Зал был полон, но реакция слушателей была единодушной и очень доброжелательной. Люди посмеивались над некоторыми странностями в поведении муравьев и пауков, поражались разумности пчел, восхищались совершенством и красотой бабочек. В конце выступления последовали дружные аплодисменты.

А после выступления я шел на станцию к электричке, и путь мой лежал через мостик. Мостик был над маленькой, извилистой, типично равнинной речушкой. Такая обязательно живет в том заветном уголке сознания, где хранятся самые трогательные воспоминания детства. Помните? Туман, рассвет, удочка. Яркое солнце, брызги и крики в воде, босые ноги. Ни с чем не сравнимый запах речной воды, осоки. Ветер, шелест травы, шепот листвы деревьев, склонившихся над маленькой заводью. Тут только начни вспоминать!

И вот я шел через мостик, довольный недавним своим выступлением, умиротворенный доброжелательной реакцией аудитории. С высоты мостика я взгляделся в речку. Толстая труба, тянущаяся откуда-то с берега, выпускала желтовато-белую жижу, а по другую сторону моста эта жижа расплывалась и делала речку мертвенно-белой, мыльной, отравленной. Но и выше моста, перед трубой, речка тоже была почти уже мертвой. Лишь кое-где робко зеленели отдельные пучки осоки, но вокруг них была сплошная жижа и грязь, на этот раз неестественная, уголь-но-черная. Из воды торчали банки, палки, плавало какое-то тряпье.

Первая мысль, промелькнувшая в голове, была: за что убили речку? Допустим, был бы это какой-нибудь пустырь, поросший бурьяном и превращенный в свалку. Это еще можно было бы понять. Но зачем же речку? Разве не знает каждый, что речка — это символ жизни для человека, источник чистой воды, оазис природы, предмет любования и даже поклонения. Директор или главный инженер того самого предприятия, которое ее загрязняет, разве не живые люди? Что же они своим детям и внукам оставят? Разбитые кирпичи, стружки и грязь?

Труба тянулась от предприятия, которое, очевидно, и построило Дом культуры, в котором я выступал. И вот о чем я подумал тогда. Ведь почти семьсот человек только что с таким вниманием, доброжелательностью, энтузиазмом слушали мое выступление, смотрели на «меньших братьев», любовались совершенством травинки, цветка, листа. От такого взаимопонимания я радовался тем более, что думал по наивности: своим выступлением я сделаю их немножечко лучше. И вот эта речка-

Строительство Дома культуры, конечно же, стоило немалых денег. А ведь было бы достаточно и небольшой суммы, чтобы привести в порядок речку, оживить ее, чтобы не уныние и яд несла она людям, а радость и здоровье. Разве это не важно?

Теперь оживить речку будет очень трудно, но ведь это еще возможно. Только надо помнить, что речка тоже живая! (471 слово)

По Ю. Аракчееву

Суд в облаках

Два «ягуара» прошли над аэродромом. Появившись из-за гор, они сразу взяли мористее. На командном пункте гвардейского полка, у трофейного приемника, ясно были услышаны слова из эфира на чистом русском языке: «До свидания, мальчишки. Полковник Отто Ханзен». Резкий стук зениток замолк, вылетели последние дымные гильзы. Командир полка Иван Степанович Рубинов вышел из палатки командного пункта вместе со своим командиром дивизии, полковником. Они смотрели на ясное небо, где еще висела дорога дымкой от пролетевших «ягуаров».

— Полковник Отто Ханзен, — сдерживая внутреннее волнение, сказал Рубинов, — тогда он был только капитаном.

— Да, ты знаешь его, — сказал командир дивизии.

— Я всегда буду помнить тот день, когда он оторвал мне ногу под Ишунью. Давненько я не встречал его. Фашисты писали, что он работал на Средиземном. Теперь снова здесь появился. Разрешите, товарищ полковник, срубить его. Лично срубить.

— Нахальный и очень опытный летчик, одно слово — ас. Ну что же. Постарайся срубить его завтра. Только сделай все аккуратно.

Утром следующего дня «ягуары» вновь появились в районе аэродрома. Рубинов поднялся в небо.

Все были заняты поединком двух машин — Рубинова и Хан-зена. Двухместный «ягуар» уступал в скорости машине Рубинова, но зато он был более маневрен и, самое главное, ему нечего было опасаться атак с хвоста, так как задняя его полусфера была защищена, чего не было у одноместки Рубинова. Ввиду того, что «ягуар» пилотировался опытным летчиком, шансы выигрыша были равны. Поэтому мы поймем волнение командира дивизии, видевшего, что «ягуар», вначале решивший уходить, вдруг принял бой.

— Ханзен? — спросил комдив начальника штаба. — Это действительно Ханзен?

— Отто Ханзен! — ответил начальник штаба.

— Рубинов никогда не теряет чувства меры, не зарывается, — сказал командир дивизии. — Я полковника Ханзена не знаю, но Рубинов его хорошо изучил. Он решил ослепить его, смотрите.

Приняв бой, «ягуар» пошел прямо на Рубинова. Его машина, серая и острая, не сворачивая, неслась навстречу «ягуару». Первым открыл огонь «ягуар». Но его снаряды не успели дойти до Рубинова. Скользя вниз, Рубинов пронесся по длинному полукружью и, набрав высоту, зашел противнику в хвост и бросился в атаку так, чтобы поставить стрелка «ягуара» против солнца. Трассы, похожие днем на шов, строченный белой ниткой, пролетели справа от Рубинова.

— Теперь давай! Давай! — закричал командир дивизии, сжимая кулаки.

Рубинов, выждав, когда «ягуар» заложил вираж, чтобы снова попасть на лобовой курс, открыл огонь. Красные шары снарядов побежали вперед, и до слуха наблюдавших с земли долетел рокот авиапушки. Рубинов провел первую огневую атаку.

«Ягуар» нырнул, но следом за ним понеслась злая, с поджатыми ногами машина Рубинова. На секунду мелькнули блестящие ее скошенных крыльев, сигарообразное тело и высокий хвост, потом вспыхнули опять шарики снарядов и нити пуль крыльевых пулеметов. «Ягуар» пыхнул дымком. Язычок пламени пролизал левую плоскость, дымные полосы восьмеркой повисли в воздухе. «Ягуар» хотел сбить с себя пламя, но его снова настиг Рубинов. «Ягуар» стал

стремительно валиться. Рубинов летел вслед, добивая противника. Наконец «ягуар» перевернулся и резко нырнул в море, выбросив вверх кипящий столб воды.

Рубинов сделал короткий замкнутый круг над местом гибели «ягуара» и понесся к аэродрому на посадку.

Командир дивизии снял фуражку, вытер пот и восхищенно воскликнул:

— Дал дрозда! А?

Через проволочные заграждения на аэродром прыгали моряки, бежали летчики соседних полков, мотористы, техники.

Так окончился поединок, который летчики фронта называли «судом в облаках». (513 слов)

По А. Первенцеву

Расскажи, ветеран

Где-то в столе у моего отца, может, и сейчас еще хранятся старые погоны фронтовых лет с тремя звездочками старшего лейтенанта. Помню, в детстве, когда он уходил на работу, мы иногда тайком доставали сверток, бережно разворачивали его и осторожно прикасались к этим звездочкам. И старший брат (он уже был школьником) с какой-то настороженностью произносил слово — «война». Он уже знал, что это такое.

То ли по рассказам старших, то ли из первых обрывков собственной памяти почти отчетливо представляю себе, как в доме зажигали на столе по вечерам дымящую коптилку из старой снарядной гильзы и мать принималась за трудную работу — разрезать на несколько частей, по числу пар глаз, жадно глядевших на ее руку, ломоть хлеба.

Отец, конечно, должен помнить это лучше, ведь он тоже сидел за тем столом. Он вернулся издалека, усталый, потушив огонь войны. И теперь сидел здесь, едва успев смахнуть с сапог пыль, принесенную из самого Кенигсберга.

Не так просто заживает память о войне. И не так просто заживает боль. В отцовском столе среди других наград лежит медаль «За взятие Кенигсберга». И ноет у отца старая рана. Так ноет, что как-то почти весь год пришлось ему пролежать в постели. Попробуй, забудь те дни.

Потому и помнятся небогатый послевоенный ужин и лепешки из свеклы, испеченные матерью, когда не хватало хлеба, копящий светильник из гильзы. Все помнится.

А время мчится вперед. У тебя, ветеран, внучка в школу пошла. Зайди к ней в класс, расскажи, что такое война и победа. Обо всех говори: о живых и мертвых. Пусть слушают. Пусть знают и помнят. Пусть допоят песню павших и подтянут молодыми голосами припев вашей песни ветеранов «Идет война народная».

Всем людям говори, ветеран. Венграм — о том, как спасал их белорус Лисюк из полесского села Жичин, сапер, оставивший там, на их озере Балатон, оба своих глаза и обе руки. Болгарам, румынам и австрийцам — о том, как гнал врагов с их земли танкист Николай Хотько. Рассказывай, ты имеешь на это право.

Жаль, что в нашем маленьком Мстиславле даже 9 Мая не бывает салюта. Но я знаю, отец, что ты включаешь в этот день свой телевизор и смотришь, как полыхают огни праздничного салюта в небе столицы. Это в честь тебя, отец. И в честь братьев твоих и товарищей, тех, что вернулись и не вернулись. Пройдись же по родному городу, как тогда шел в сапогах, пропыленных под крепостью Пилау и Кенигсбергом. Вспомни дорогу, по которой спешил домой, вспомни обгоревшие трубы и пустынную, без домов, улицу нашу. А ведь как отстроился город! Был ли он когда-нибудь таким красивым, молодым! Посмотри на него из той далекой поры, отец. Иди по чистым улицам, и пусть весело и почтительно здоровается с тобой детвора.

Только достань и прикрепи на выходной костюм награды. И орден свой, и медали: «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга». (454 слова)

По В. Легонькову

Исповедь

Земля наша... Ты вечно будешь учить нас справедливости и мудрости жизни. Ибо все живое взлелеяно, вскормлено тобой. Ты даришь нам радость и счастье. Злак взрастишь — ешь, человек. Птицу поднимешь в поднебесье — замри и слушай. Цветок зажжешь красками радуги — подари любимой. Земля наша... Ничто не может быть таким ласковым и добрым, ничто не может вызвать такого нежного сыновнего чувства, как твое луговое разнотравье, весенняя березка при дороге, речной обрыв с сотами-гнездами стрижей, седой лог в капельках росы.

Но главное для крестьянина в тебе — это та твоя часть, которую называют старинным русским словом пашня. С отцовским терпением и упорством она втолковывает нам самую трудную и важную науку хлебопашца. И если по легкомыслию или в юношеской запальчивости мы искривляем пласт, она по-матерински прощает все обиды и раны.

Я никогда не забуду начало своего жизненного пути по родной земле. За небольшим городком стояла густая рожь, и мы, босоногие сверстники, шли проторенной через нее тропкой к Поклонной горе. С пазухами, набитыми щавелем и такими же кислыми яблоками, мы сидели под невесть кем вкопанным у десятка заброшенных могильных холмиков железным крестом, смотрели на утонувший в зелени садов городок и пытались представить, как смерды, прадеды наших прадедов, останавливали на этой горе свои обозы, чтобы поклониться князю Мстиславу. Мы избивали босые ноги, выбираясь из Челядьего рва, карабкаясь по крутым склонам Троицкой, Замковой и Дивьей гор, и долго пили студеную воду из Кагального колодца, и целыми днями напролет барахтались в удивительной воде Святого озера. А по весне, когда Вихра несла над широким заливным лугом свои синие льдины, мы провожали их в далекий путь.

Не те ли далекие половодья заслоняли мне красоты Днепра, Буга, Тиссы, Дуная, Темзы и других больших и малых рек, которые довелось впоследствии видеть?

Мне изрядно пришлось побродить по дорогам моей Беларуси, земле наших отцов. И когда даже ненадолго случалось разлучаться с ней, как много хотелось отдать, чтобы скорее был тот последний поворот, за которым — ее белесое небо, ее птицы и гнезда и ее певучая и ласковая речь. Разве можно забыть эти дороги, старинные большаки с убегающими по обе стороны березами, проселки, пахнувшие хлебом, на которых самый частый путник — молоденький тракторист, идущий на зорьке домой с первого свидания. Разве можно забыть шум грибного бора, густые заросли орешника и лозняка, безымянную речушку, ржаной колос на ее берегу, распаханном и ставшем полем, которое уж никак не может быть для крестьянина безымянным. И разве можно забыть встречи с теми людьми, что взрастили для себя этот колос и, выходя на жатву, думают о еще более богатом будущем посеве для детей и внуков. Земля моя... Я готов без усталости шагать и шагать твоими дорогами-тропками, лишь бы ты говорила со мной голосами людей, подружившихся с плугом. Может ли быть на свете что-нибудь более величественное, более значительное и прекрасное, чем их труд?

Туда, к ним, ведут все дороги моей жизни. Уже встал рассвет над широкой нивой, вот-вот упадет на Дивью гору первый солнечный луч — пора и в путь. (475 слов)

По В. Легонькову

Охота за птичьими голосами

Три охотника шли по лесу. Впереди — проводник. Он вел охотников по глухим тропинкам от одного лесного тайничка к другому. За проводником шагал знаток птичьих голосов — птичник. Позади всех — стрелок. Только у него одного в руках было ружье — одно на троих.

Охотники все дальше и дальше уходили от жилья, от шума машин и человеческих голосов. Они погружались в мир лесных звуков.

Глухо бормотали бурые лесные ручьи, глухо урчали в ручьях лягушки, глухо шумела на ветру хвоя. Зато птицы перекликались звонкими голосами.

Птичий разговор! Сколько в нем прелести, сколько маленьких птичьих тайн! У каждой птицы свой голос: своя песня, свой позыв, свой крик испуга и радости. А у некоторых и не только свой. Вот сойка возьмет да вдруг и крикнет по-сарычиному! Скворец, бывает, передразнит иволгу, кулика, жаворонка, а то как пустит настоящего петуха или кошкой мяукнет. А пеночка-пересмешка вплетает в песню свою не только голоса наших птиц, но и заморских, подслушанные пеночкой на зимовье в далеких тропических лесах.

Проводник остановился и сказал:

— Пришли.

Птичник шепнул:

— Тсс: поет лесной конек!

Птичка совсем близко. Виден раскрытый клювик и дрожащее встопорщенное горлышко.

Конек косит на людей глазком, взмывает вверх и с песней, трепеща, как жаворонок крыльями, поднимается все выше и выше.

— Скорей, а то выйдет из меры! — торопит птичник.

Стрелок медленно наводит ружье и медленно нажимает на спуск.

Конек на миг замирает в воздухе и... нет, не падает на землю безжизненным комочком перьев! Ныряя, как бумажная стрелка, он опускается на вершинку сосенки и продолжает петь.

Неужто промах или осечка? Ни то и ни другое. Просто у стрелка ружье, которое не стреляет и не убивает. Особое ружье для особой охоты! Удивительное это ружье! Удачный выстрел из него всем приносит радость. Радует сам охотник. Радуются старые «обезноженные» охотники. Радуются и вспоминают свою охотничью молодость. Радуются птичьим голосам люди, не имеющие возможности часто выезжать за город.

Ружье-ящичек доверху набито птичьими песнями. Песни не слышны до поры, до времени! В нашей воле, охотничьей, выпустить их на свободу. Птичьи песни будут звучать теперь не только весной и летом, но и осенью и даже зимой. Зимой, когда наш лес суров и нем, все с удовольствием слушают голоса весеннего леса.

И услышать их можно не только в лесу и в поле, но и у себя дома. Их можно передать по радио, и они прозвучат для всех, кто любит лес и любит слушать песни птиц.

Должен радоваться и глухарь. Ведь будь у охотника в руках настоящее ружье — не допеть бы глухарю своей весенней песни! А теперь, что бы с ним ни случилось, песня его будет жива. Ведь редок стал глухарь. Редок и осторожен. И потому даже не всем охотникам удастся послушать его теперь в лесу.

Так рождается новый вид охоты — охота с магнитофоном за птичьими голосами. Появились новые охотники, добыча которых наполняет не желудки, а души. Их «ружья» несут не смерть, а радость. Радость для всех. (467 слов)

По Н. Сладкову

Удивительные птицы

Вечер застал меня высоко в этих диких скалах.

Собираю пучки колючей травы и растапливаю на них в котелке снег. Трава сырая. Дым от нее густой, зеленый и едкий. Вода становится горькой, как хина.

Пора в спальный мешок.

Блаженны минуты, когда после выматывающих силы подъемов залезешь наконец в мягкий и теплый спальный мешок и растянешься в нем на покое! Но тут кругом так мрачно и дико, что не радуется и отдых.

Глубоко внизу застыло холодное облачное море. Горный хребет в нем как изрезанный морской берег.

Тишина. Напряженное ухо ловит отдаленный, еле слышный рев. Это шумят водопады глубоко внизу, под облаками.

Темно. Из-за черной скалы, похожей на запрокинутую морду зверя, вылезает узкий зеленый клык месяца.

Холодина! С головой залезаю в мешок. Но и в мешке не согреться. Пахнет мокрой овчиной. В бока впиваются острые камни. Дышать в мешке еще труднее.

Не радуют и мысли о завтрашнем дне: опять голые скалы, снег, тяжелые подъемы.

Заснул под утро. Разбудили меня какие-то непонятные звуки, ворчание, сухой скрип, будто что-то жесткое терлось о камень. Осторожно высовываюсь из мешка и подтягиваю к себе карабин.

Горы черные, без глубины, как вырезанные из бумаги. Белое облачное море внизу, тронутое зарей, розовеет.

Глаз не оторвать: пенистое розовое море с черными островами гор! Это так необычно, что забываю и про холод, и про непонятные звуки.

Но вот опять скрип, ворчание, шлепанье. Приподнимаюсь на локте и вижу: над пропастью на каменной плите сутуловатые силуэты чудовищ. Черные на розовом. Их двенадцать. Они похожи на горбатых старух. Головы у них втянуты в плечи. Большие крючковатые носы торчат прямо из груди.

Вот зашевелились. Переступают с лапы на лапу. Вытянули змеиные шеи к земле. Шеи-змеи раскачиваются. Слышно сердитое ворчание. И вдруг все разом подняли головы.

Раздался костяной звук: чудовища столкнулись тяжелыми костяными носами!

Столкнулись и разошлись: грузно, вперевалку заковыляли по плите, волоча по земле свои громадные приспущенные крылья. И тут послышался тот сухой скрип, что меня разбудил: это их жесткие перья терлись о камень.

Я узнал этих чудовищ. То были сипы — огромные птицы горных высот.

Белоголовые грифы, ростом много больше самого крупного из орлов — беркута. В размахе крыльев сипа около трех метров.

Вот одна из этих чудовищных птиц остановилась, закинула голову на спину. Громкий хриплый клекот понесся в скалы. Каждая трещина, каждый провал повторили крик. После первого заклекотал второй сип, потом третий. Но вот они перестали кричать и, скрипя крыльями,

заковыляли обратно к краю пропасти. Сошлись, закачались, опустив шеи и переваливаясь с лапы на лапу.

Но тут показалось из-за горы солнце. Со скал живо сбежала черная тень. Побелел синий снег. Розовое море стало желтыми облаками. Облака раздвинулись, и рев подоблачных водопадов стал яснее и громче.

Чудовищные птицы не кажутся уже черными. Желто-бурые, с длинными белыми шеями, они все повернулись в одну сторону и молча смотрят, как из-за черной скалы, похожей на запрокинутую морду зверя, медленно поднимается солнце.

Когда солнце поднялось над скалой, среди сипов опять началось движение. Один за другим они неуклюже поскакали к самому краю каменной плиты, помогая себе полураспущенными крыльями. С ходу прыгали вниз, в бездну. Сейчас же поднимались из нее, распластав огромные крылья, навстречу утреннему ветру. Ветер посвистывал в их широко расставленных маховых перьях.

Один за другим сипы большими кругами поднимались над горным хребтом и исчезали в безоблачном небе. (528 слов)

По Н. Сладкову

Требовательность

Говорят, что музыкантам дано слышать музыку там, где ее подчас не слышат другие.

Музыка звучит в шуме прибоя, великолепном и могучем, как биение огромного сердца; подвластна ритму осторожная вкрадчивость падающих дождевых капель; покрытые льдом ветви, касаясь друг друга, звенят и поют на ветру, рождая мелодию, хрупкую и неясную, как сновидение. Музыка жизни, голоса природы — они находят свое воплощение в творчестве композитора, и мы, слушатели, узнаем их потом преображенными, подчиненными высоким законам гармонии.

У каждого музыкального инструмента есть свое очарование, своя тайна. Почему для одного человека музыка воплотилась в скрипке, другой услышал ее в протяжном голосе гобоя, а третий решил стать пианистом? Спрашивать об этом так же сложно, как задавать вопрос поэту, почему он не стал прозаиком.

Прекрасен миг, когда скрипка, только что покойно и безмолвно лежавшая на черном бархате футляра, оживает в руках музыканта. И что за счастье владеть даром такой полной, такой безотказной власти над инструментом!

В Большом зале филармонии был объявлен концерт Ойстраха, я отправилась его послушать. Выступление прошло с огромным успехом, слушатели — взыскательные и тонкие ценители музыки — устроили скрипачу в конце концерта овацию. Зал гремел аплодисментами; скрипач, усталый, побледневший от волнения, выходил на эстраду опять и опять, и вдруг зал замирал, охваченный тишиной, внезапной и сильной, как вспышка молнии, — той ни с чем не сравнимой тишиной, какую знают истинные любители музыки. И голос скрипки звучал снова.

Поздним вечером я вернулась в гостиницу. Номер, который занимал Ойстрах, был на том же этаже, что и мой. Проходя по коридору, я увидела, что ключ в его двери торчит в замочной скважине снаружи: музыкант уже был дома. И тут я услышала отдаленные, просачивающиеся сквозь закрытую дверь звуки скрипки.

Это была музыкальная фраза из сонаты Франка, серебристая и чистая, как ручей. Скрипач повторял ее вновь и вновь. Сонату Ойстрах только что играл в зале филармонии, играл, как мне казалось, превосходно. Но вот, вернувшись в гостиницу, он опять взял в руки скрипку, чтобы повторить один и тот же музыкальный пассаж.

Что искал в нем скрипач? Это не была внешняя полировка звука: для такого виртуоза, как Ойстрах, пассаж не представлял ни малейшей технической трудности. Но, очевидно, во время исполнения скрипачу показалось, что он, столько раз исполнявший сонату, все же не до конца раскрыл музыку, таившуюся в этой фразе, не до конца обнажил сложные, тайные пласты, под которыми хранится живое дыхание истины. И возвышенное, приподнятое отношение к своим обязанностям в искусстве заставило его превозмочь усталость, забыть опьянение заслуженного успеха и снова вернуться к работе.

Нет людей более одержимых, чем те, что одержимы страстью к главному делу их жизни, и нет, наверное, одержимости прекрасней. Прославленный музыкант стоял поздним вечером посреди пустынного и бесстрастного гостиничного номера, повторяя одни и те же нотные строки с прилежанием ученика и глубокой взыскательностью мастера. А я — единственный слушатель — не уходила из безлюдного коридора и с замиранием сердца следила, как музыкальная фраза обретает новую силу, новую красоту звучания, которую искал бесконечно требовательный к своему творчеству человек. Как бы ни были различны по своей природе музыка и литература, они все же близки друг другу, и мы можем сказать о прозе, что она музыкальна, а в симфоническом произведении почувствовать страсть и величие шекспировской драматургии. Чехов любил говорить, что исписаться могут только те литераторы, которые мало пишут. Мне кажется, такое утверждение можно отнести и к музыке, и к искусству исполнителя.

Как правило, боязнь «растратить» свое дарование — удел лентяев или посредственности. Подлинный талант всегда широк и щедр. (552 слова)

По Т. Тэсс

В мастерской скульптора

Знакомство с художником никогда не происходит сразу. Обычно оно бывает долгим — от скульптуры к скульптуре, от полотна к полотну. А бывает и так, что оно продолжается всю жизнь.

Но первую встречу с новым для тебя мастером никогда не забываешь. Наверное, потому, что именно тогда невидимые провода, впервые соединившись между тобой и художником, вспыхивают обжигающей искрой.

И вот я шагаю по осенней улице Будапешта, полной медленного шороха листьев — огромных, негнущихся золотых листьев, падающих с деревьев, стоящих вдоль тротуара задумчиво, как в парке. Иду я к Маргит Ковач, скульптору, о котором много слыхала, — впервые иду к Маргит в дом, чтобы увидеть ее и ее работы.

И едва я переступила порог, как меня охватило чувство, что вошла я не в мастерскую, уставленную скульптурами, не в комнату со скользящими по полу солнечными лучами и еле слышным запахом крепкого кофе и глины, а в большой, незнакомый, прелестный край.

Он был населен множеством людей, у каждого из которых был свой характер, своя судьба и биография; он был полон человеческих историй, и в каждую из них хотелось вслушаться. Любая маленькая скульптура была слепком живой души, с ее особенностями, ее внутренним движением, которое скульптор уловил в естественной и чистой выразительности. Повернутые к свету лица скульптур, тронутые матовым румянцем обожженной глины, пленяли свежестью своеобразной древней наивности. Оно было древним, как земля, и, как земля, прекрасным — чувство восхищенного удивления перед жизнью, такое полное и чистое, какое бывает у детей. Чаплин сказал однажды, что каждый художник носит с собой в кармане собственное детство. Как мне представляется, он подразумевал под этим искренность изумления, притягательность открытий.

Я шла вдоль стен, где стояли на полках работы Маргит Ковач, вглядывалась в них и старалась представить, как создает их скульптор. Я видела, как мнут глину маленькие крепкие руки Маргит, как рождается линия, как вспыхивает краска и цвет, а потом все это как бы отодвигалось от меня, и я видела только лицо Маргит, взволнованное, внимательное лицо художника, влюбленного в жизнь, лицо человека, знающего, сколько очарования и праздничной радости таит в себе этот каждодневный, будничный, этот изматывающий душу и тело прекрасный и трижды благословенный труд. И мне представлялась та последняя, всегда поразительная, необъяснимая минута, когда скульптор, точно в легенде, вдвухает в глиняную форму живое дыхание и скульптура наполняется теплом жизни.

Один за другим проходили перед моими глазами созданные Маргит Ковач образы.

Я видела девушку, слушающую соловья, ее лицо, повернутое к соловьиному голосу, как к лучу солнца, по-детски полуоткрытый рот — само воплощение очарованной души. И поющую девушку в красном платье, из воротничка которого так беззащитно выступала ее тонкая шея; и поющую девушку в голубом, ушедшую всем существом в гармонию, зачарованную и восхищенную волшебной страной музыки. И «Большую семью», где вокруг матери кишмя кишит детвора и каждый персонаж вылеплен энергично и весело.

У этих скульптур, как и у многих других, созданных Маргит Ковач, есть нечто общее: изображенные ею человеческие существа вглядываются в жизнь, открывая для себя ее красоту, очарованно изумляясь ей. Сочетание двух этих внутренних состояний и создает ту полную чистоты нравственную атмосферу, которая свойственна многим работам Ковач. (491 слово)

По Т. Тэсс

Лебеди

В зоопарк привезли большую партию лебедей. Они сидели в деревянных ящиках по семь-восемь штук, а ящиков было так много, что они еле-еле разместились на двух грузовых машинах.

Лебеди были грязные и очень истощенные дорогой. Таких птиц выпускать сразу нельзя. Надо им дать возможность сначала очистить перья, поправиться, а потом уже пускать на пруд.

На первое время лебедей поместили в большое теплое помещение с двумя просторными водоемами. Целые дни купались в них лебеди и так старательно мылись, что скоро их перья стали чистыми, без единого пятнышка.

В этом помещении лебеди сидели всю зиму. Наконец наступила весна. Растаял снег на дорожках парка, очистился ото льда пруд. И вот в один из солнечных весенних дней служитель Никита Иванович распахнул двери лебединого помещения. Широкой полосой ворвалось туда солнце. Взмолнованные его лучами, лебеди закричали, вытянули шеи и столпились около открытых дверей. Там, перегораживая дорожку вправо, стояли люди, а налево с полным ведром корма манил их за собой знакомый им Никита Иванович.

— Теги, теги, теги! — звал он, высоко поднимая руку, из которой сыпались обратно в ведро золотистые зерна.

Один из лебедей нерешительно переступил порог. За ним потянулся другой, третий, и, словно белая волна, заполнили они дорожку зоопарка.

Сначала лебеди шли послушно за своим служителем. Но вот передние птицы увидели пруд. Они взмахнули крыльями, закричали и, уже ни на что не обращая внимания, бросились к воде. За ними остальные.

Десятки красивых птиц, словно белые хлопья, покрыли поверхность воды. Они погружали в воду свои длинные шеи, разбрасывали тысячи брызг, хлопали крыльями, их радостные крики слышались до самого вечера.

Птицы так обрадовались свободе и так волновались, что даже не притронулись к корму, который им насыпал служитель. Зато на другое утро Никита Иванович не успел наполнить кормушку, как лебеди тотчас ее окружили и принялись за еду.

Выпущенные на пруд лебеди жили очень дружно. Они никогда между собою не ссорились и держались всегда вместе. Но вот Никита Иванович заметил, что пара лебедей-кликунов стала отделяться от стаи. Это были лебедь и лебедка.

Они плавали немного в стороне, и если к ним приближался другой лебедь, то самец тут же спешил отогнать пришельца. Потом возвращался к своей паре, подолгу кивал перед ней головою, и его трубные крики были теперь наполнены какими-то новыми нежными звуками.

Скоро лебеди выбрали себе место и начали строить гнездо. Они строили его в самой отдаленной части пруда, около старой развесистой ивы. Носили туда прутья, упавшие с дерева сухие ветки. Все это птицы складывали кучей. Потом лебедка залезала наверх и расправляла клювом настил.

Когда гнездо было готово, самка снесла пять больших белых яиц и села их насиживать. А самец плавал рядом и зорко следил, чтобы никто не приближался к гнезду. Стоило какой-нибудь птице подплыть чуть ближе, как лебедь, рассекая грудью воду, спешил ее прогнать. И горе той птице, которая не успевала вовремя скрыться! Лебедь налетал на нее грудью, бил крыльями и, лишь отогнав, возвращался обратно.

Постепенно крылатые обитатели пруда узнали силу лебединых крыльев и уже избегали плавать мимо его гнезда. А Никита Иванович, чтобы не беспокоить лишний раз птиц, сыпал им корм подальше. Ведь из такой большой партии птиц свила гнездо лишь одна пара. Никита Иванович прилагал все старания, чтобы сохранить гнездо, и с нетерпением ждал появления птенцов.

Птенцы вывелись на тридцать второй день. Они были маленькие, неуклюжие, покрытые серым пушком. Никите Ивановичу очень хотелось посмотреть их ближе, но лебеди охраняли своих малышей еще с большей тщательностью, чем гнездо. Спускаясь в воду, мать следила, чтобы птенцы держались рядом, а отец плыл тут же, охраняя покой всего семейства. (567 слов)

По В. Чаплиной

Марьям

Небольшой пограничный отряд неожиданно наткнулся на медведицу. Медведица поднялась на дыбы и пошла навстречу людям.

Грянул выстрел. Зверь заревел, сделал несколько шагов и рухнул.

Когда люди подошли к убитому зверю, то в нескольких шагах от него увидели маленького медвежонка. Медвежонок растерянно оглядывался по сторонам и искал, куда же делась его мать.

Пограничники взяли малышку с собой и привезли в часть. Назвали ее Марьям.

Марьям была совсем маленькой, такой маленькой, что когда вставала на задние лапы, то даже не могла достать до колен сержанта Петрова, который взялся ухаживать за ней. Кормил ее Петров из соски молоком, а спала малышка у него в комнате, прямо на кровати. Петров очень привык к своей питомице и проводил с ней почти все свободное время.

Но не только один Петров так относился к медвежонку. Скоро маленькая Марьям стала общей любимицей. Да и нельзя было не любить ее, до того она была забавной, пушистой, приятной — ну совсем как плюшевая игрушка.

Утром Марьям вставала вместе со всеми бойцами. По сигналу «подъем» сразу вскакивала и спешила на физическую зарядку, а во время завтрака всегда старалась попасть в столовую. Правда, ее туда не пускали, но стоило не запереть на крючок дверь, как малышка тут же открывала ее лапками и стремглав бросалась к столам. А как трудно было выпроводить ее обратно!

Медвежонок так кричал, сопротивлялся и так смешно просил угощения, что каждый старался сунуть маленькой попрошайке что-нибудь вкусное.

Марьям росла совсем ручной. К тому же у нее был на редкость покладистый характер. Обычно медведи очень вспыльчивы, непостоянны и могут ни с того ни с сего укусить своего хозяина. С Марьям этого никогда не случалось.

Почти до июля прожил медвежонок в части. В июле, когда Марьям исполнилось четыре месяца, ее постоянный воспитатель Петров уезжал в отпуск. Ехать он должен был через Москву, и пограничник решил передать Марьям в подарок Московскому зоопарку.

Когда Марьям привезли в зоопарк, ее поместили на площадку молодняка. В это время там уже находилось много разных зверят: динго, лисята, волчата, маленькие львята и несколько медвежат. Увидев новичка, они все разом устремились к нему. Каждый спешил с ним познакомиться, поиграть. Однако Марьям, которая спокойно шла за людьми через весь зоопарк, неожиданно испугалась. Она никогда до этого не встречала никаких зверят и теперь, увидев их, заревела и бросилась бежать. Приняв это за желание поиграть, все зверята погнались за ней.

Сделав два круга по площадке, с выпученными от страха глазенками Марьям забилась в угол. Когда же к ней приблизились ее собственные собратья-медвежата, она стала во весь свой маленький рост и угрожающе заревела.

Медвежата и другие зверюшки отошли от не желающего с ними познакомиться новичка. Они стали играть между собой и больше не обращали на Марьям внимания.

Весь день просидела медведица в своем убежище. Вышла она лишь после того, как зверята, пообедав, легли отдохнуть. Марьям ходила между спящими зверятами по площадке, кричала, а как только они встали, опять забилась в угол.

На другой день повторилось то же самое. И дежурные, и зоотехники несколько раз пытались познакомить медвежонка с обитателями площадки, но Марьям, которая была такой ручной и так хорошо шла к людям, никак не желала знакомиться с животными. Пришлось медвежонка с площадки молодняка забрать. Сначала Марьям посадили в клетку. Целыми днями она лежала около решетки, жалобно стонала и почти ничего не ела. Зато Марьям очень веселилась, когда ее выпускали. Она вспоминала все свои фокусы, которые умела делать: ходила на задних лапах, кувыркалась через голову или смешно вытягивала переднюю лапу и просила, чтобы ее угостили.

Несколько раз пробовала смотритель зоопарка познакомить ее с кем-нибудь из животных, но Марьям по-прежнему их дичилась и не желала играть. Товарища для игры Марьям нашла себе сама, и совсем случайно. Им оказался шестимесячный щенок, звали его Джек. (599 слов)

По В. Чаплиной

Торжество природы

Солнце садилось за бор. Тележка, звякая бубенчиками, медленно двигалась по глинистому гребню. Я сидел и сомнительно поглядывал на моего возницу. Направо, прямо из-под колес тележки, бежал вниз обрыв, а под ним весело струилась темново-дая Шелонь; налево, также от самых колес, шел овраг, на дне его тянулась размытая весенними дождями глинистая дорога. Тележка переваливалась с боку на бок, наклонялась то над рекою, то над оврагом. В какую сторону предстояло нам свалиться?..

Мой возница Лизар — молчаливый, низенький старик — втягивал голову в плечи, дергал локтями и осторожно повторял: «Тпру!»

— Как ты, дедка, не боишься? Ведь мы свалимся! — не выдержал я.

Я готовился услышать в ответ классическое: «Не бось!» Но Лизар неожиданно ответил:

— Свалимся, барин, Христос-правда, свалимся! Уж то-то боюсь! Слезай-ка, барин, с тележки да вон до того яру через кустики и дойди. А я на дорогу спущусь, кругом объеду.

Я сошел с тележки, благополучно перебрался через овраг и пошел перелеском. Кругом стоял тот смутный, непрерывный и веселый шум, которым днем и ночью полон воздух в начале лета.

Среди ореховых и ольховых кустов все пело, стрекотало, жужжало. В теплом воздухе стояли веселые рои комаров-толкачиков, майские жуки с серьезным видом кружились вокруг берез, птички проносились через поляны волнистым, порывистым лётom. Была Троица — повсюду звучали девические песни, по деревням водили хороводы. Я остановился на опушке, около межи. Когда стоишь так один, не шевелясь, лицом к лицу с природой, то овладевает странное чувство: кажется, что она не замечает тебя, и ты, пользуясь этим, вот-вот сейчас увидишь и узнаешь какую-то самую ее сокровенную тайну. И тогда все окружающее кажется необычным и полным этой тайны. Под зеленевшими дубами земля была усыпана темно-бурыми прошлогодними листьями; каждый лист шуршал и шевелился, какая-то скрытая жизнь таилась под ними. Что это там? Лесные муравьи, прорастающая трава? И все кругом слабо шумело и шуршало, словно живое, — трава, цветы, кусты. Не замечая человека, все как будто ожило и зажило свободно, не скрываясь. Ветер мягко пронесся по матово-зеленой ржи и перебежал в осины. Осины зашептались, заволновались, с коротким шумом вздрагивая листьями; облако белых пушинок сорвалось с их сережек и, словно сговорившись с ветром, весело понеслось в темнеющую чащу.

Мне показалось, что справа кто-то смотрит. Я оглянулся. В десяти шагах сидели в траве два выскочивших из ржи зайца. Они сидели спокойно и с юмористическим любопытством глядели на меня. Как будто им смешно, что и я надеюсь проникнуть в ту тайну, которую сами они и все кругом прекрасно знают. При движении зайцы переглянулись и бесшумно отбежали к кустам ракитника; там они снова сели и, шевеля ушами, продолжали поглядывать на меня.

— Ого-го-го-го-ооо! — глухо донесся из-за ржи крик Лизара.

Я откликнулся. Зайцы снялись и стали удаляться неуклюже-легкими прыжками. Меж кустов долго еще мелькали их рыжие горбатые спины и длинные уши. Я вышел на дорогу.

Мы поехали дальше. Солнце село, из лощин потянуло влажным холодком. (456 слов)

По В. Вересаеву

Живой эфир

С незапамятных времен люди мечтали о возможности видеть и слышать на любых расстояниях. Герои мифов чаще всего общались между собой именно так. Зная, насколько сильно в каждом человеке желание мгновенно получать первую информацию о далеких событиях, можно было предвидеть, что рано или поздно мечта станет явью. Задолго до появления радио древнегреческий мыслитель Сократ сказал: «Заговори, чтобы я тебя увидел». Кстати, современники выдающегося философа полагали, что миром управляют боги, живущие в эфире — самом верхнем и чистом слое воздуха. Ныне под «эфиром» обычно подразумевают пространство теле- и радиовещания.

Занимаясь повседневными делами, мы привычно сетуем на недостаток времени и редко задумываемся о том, что живем в эпоху исполнения вековых надежд человечества. К достижениям технического прогресса люди привыкли очень быстро. Настолько, что сравнительно недавние времена «детства» радио и телевидения воспринимаются подчас как глубокая древность. Особенно это ощущается молодежью. Конечно, в эпоху спутниковых антенн, цифрового вещания можно с иронией относиться к телеприемникам пятидесятих годов прошлого века с огромной линзой перед миниатюрным экраном, к черной тарелке репродуктора, укрепленной на телеграфном столбе. И все же давайте помнить, что без них не стало бы реальностью информационное изобилие наших дней.

Ограниченные возможности телевизионной техники первого поколения создатели отечественных электронных средств массовой информации возмещали работой на пределе сил, высоким профессионализмом. Необходимость идти вперед по целине стимулировала творчество. Особенно ярко это видно на примере белорусского телевидения. Сколько замечательных работ появилось здесь уже в пятидесятые — шестидесятые годы! Многие из них получили высокую оценку на союзном и международном уровнях. Большинство программ в то время снималось «на одном дыхании», поэтому возможности качественно записать и смонтировать материал не существовало.

Так случилось, что для жителей нашей страны две великие эпохи — телевидение и космонавтика — начались почти одновременно. Конечно, в 1961 году о настоящем репортаже с орбиты можно было только мечтать, зато достоянием миллионов стали запуск космического корабля, неповторимая улыбка первого космонавта, его бодрый рапорт о завершении полета. Телевидение дало людям возможность быть свидетелями грандиозного события. Все студийные передачи шли в прямом, или, как тогда говорили, в живом эфире.

Живой эфир. Лучше, наверное, и не скажешь о работе нынешних телевидения и радио. Заглянем в толковый словарь. Живой — это одновременно красочный и легкий, выразительный и подвижный, образный и занимательный, подлинный и яркий. А еще жизнерадостный, отвечающий насущным потребностям социальной жизни, полезный, активно проявляющийся. Чем не характеристика Первого национального канала Белорусского телевидения или, скажем, ЛАДа? Однако важно помнить, что у их предшественников также есть право именоваться «живыми».

Не так давно белорусскому радио исполнилось восемьдесят лет, телевидению — пятьдесят. Сегодня они успешно осваивают всемирную компьютерную сеть. С помощью Интернета легко увидеть, как день ото дня растет интерес к новостям из Беларуси. Электронные средства массовой информации развиваются, впереди видны новые горизонты. Хороший момент, чтобы оглянуться, возвратиться к истокам хотя бы ненадолго. С чего начинало Белорусское телевидение несколько десятилетий назад? С экспериментальных передач по пять-шесть часов в неделю. Но и это было сенсацией!

Время мчится стремительно: большинство жителей нынешней Беларуси — дети телевизионной эпохи. История Белтелерадиокомпаний — важная часть новейшей истории нашей страны. (479 слов)

По И. Куркову

Самая высокая мечта

Сегодняшним молодым минчанам нелегко представить, каким был их город вскоре после окончания Второй мировой войны. Центральная его часть напоминала заброшенный пустырь, с площади у вокзала была хорошо видна далекая Комаровка. Поблизости от нее в 1952 году на месте выгоревших деревянных кварталов началось строительство телевизионного центра. Для возрождающейся столицы объект был одним из многих и поначалу не привлекал внимания горожан. До тех пор, пока в 1955 году рядом не выросло удивительное сооружение — сто-восьмидесятиметровая телевышка.

Ее практические достоинства будущим телезрителям еще предстояло оценить, однако сам факт появления в городе собственной «Эйфелевой башни» имел громадное значение. Она была словно привет из светлого будущего, когда обновленный Минск превратится в город дворцов, парков и гранитных набережных. Вполне естественно, что отношение к высоченной ажурной «спице» было различным. Некоторые, в основном люди постарше, даже вблизи не могли находиться — один взгляд вверх вызывал у них головокружение. Не удивительно, что молодежь с восторгом приняла архитектурную изюминку. Прогулки по набережной в районе улицы Коммунистической стали очень популярны: едва стемнеет, на телевышке крупными звездами зажигались сигнальные огни.

Наверное, оттуда, с верхней площадки, вечерний Минск выглядел особенно романтично. Проверить, так ли это, мечтали многие, однако получали уникальную возможность единицы. И то, как правило, молодые люди, работавшие на телевидении.

Вышка органично вписалась в новый облик города, была заметна из любой его точки, а потому ее нередко можно увидеть на профессиональных и любительских снимках пятидесятых — семидесятых годов, почти в каждом выпускном альбоме этого периода.

Благодаря телевизионной вышке в семидесятые годы Белорусское телевидение охватывало своим вещанием более девяноста процентов территории республики. С 1972 года передачи транслировались по трем программам. В 1974 БТ начало регулярно транслировать собственные цветные передачи.

Шли годы. Белорусское телевидение возросло, набиралось сил, опыта и, наконец, встретило свой первый «взрослый» юбилей — двадцатилетие. К 1976 году появились новые технические возможности, что отразилось на судьбе сто восьмидесятиметровой «фото модели». Было решено ее укоротить и модернизировать. Работы велись с помощью вертолета — сотни минчан следили за уникальной операцией. В «сокращенном» варианте вышка получила прозвище «торт со свечами». Фотографироваться на ее фоне стали реже. Но не потому, что «разлюбили» после капитального ремонта. Просто телевидение перестало быть диковиной, вошло в привычку.

За всю историю человечества, пожалуй, ни одно из средств массовой информации и уж, конечно, ни одно из искусств не было так тесно связано с техническим прогрессом, как телевидение. Каждое достижение в области информационных технологий давало авторам телепередач новый стимул для творчества. На протяжении многих лет сотрудники БТ работали с самой передовой техникой, постоянно удивляя зрителей ее возможностями. Как правило, телевизионная аудитория довольно быстро свыкалась с новшествами: с репортажами, проводимыми посредством передвижных телестанций, с трансляциями на сотни километров, с цветным изображением на телеэкране.

Многие страны ближнего и дальнего зарубежья находятся в зоне уверенного приема канала, в некоторых — его ретранслируют кабельные операторы. Впрочем, сегодня во всем мире можно смотреть «Беларусь-ТВ». В полном объеме он представлен в сети Интернет на сайте Белтелерадиокомпании. Изучая почту сайта, делаешь вывод о том, что аудитория канала

состоит не только из этнических белорусов, проживающих за рубежом; граждане многих государств разных национальностей искренне симпатизируют нашей стране. (490 слов)

По И. Куркову

Море

«А вот и море», — сказал Андрейке сосед по купе Петр Савельевич, толстый, задыхающийся от жары мужчина в просторной, полосатой, как матрац, пижаме, и, прикрыв ладонью рот, протяжно зевнул.

Петр Савельевич прожил долгую жизнь, вдоль и поперек исколесил всю страну и уже давно отвык чему-либо удивляться. Экая невидаль — море. А Андрейку его слова сорвали с верхней полки и вихрем вынесли в коридор.

Петр Савельевич стоял у окна, и Андрейка резко оттолкнул его, припал к оконному стеклу и замер. За этим окном, за железнодорожной насыпью, за пыльными низкорослыми кустами орешника, близко-близко — рукой подать! — в знойном мареве, голубое и зеленое, лежало море. Оно было похоже на расплавленное стекло — когда-то Андрейка ходил с ребятами на экскурсию на стеклозавод, и они по очереди заглядывали в раскаленную печь сквозь синее стеклышко в деревянной оправе, которое им дал мастер, — вот такое же, только большое-большое было море. И, как пламя в печи, солнце испятнало море золотистыми бликами, и так нестерпимо ярко горели они, что Андрейка на мгновение закрыл глаза.

И тогда он услышал, как море шевелится в своих невидимых берегах, живое, таинственное, и дышит размеренно и лениво, как дышало там, в печи, расплавленное стекло. Услышал и беззвучно сказал: «Здравствуй, море!»

Море... Оно носило на себе бригантины и крейсера с отважными моряками и путешественниками в Андрейкиных книгах. Оно дыбилось волнами, с грохотом обрушиваясь на прибрежные скалы в Андрейкиных снах. Море жило во всех играх, которые он с мальчишками затевал во дворе — в большом минском дворе, где ничто: ни асфальтовые дорожки, ни беседки, ни песочницы для малышей, ни развевающееся на веревках белье — не напоминало ни о штормах, ни о кораблекрушениях. А между тем Андрейка никогда не видел ни Белого, ни Черного, ни Красного моря — никакого моря, кроме Минского, но он-то понимал, что Минское море — это просто большое озеро, где вода такая как в Свислочи, и не мог он назвать эту огромную лужу волшебным словом — море.

Как он мечтал о море, о настоящем море, со штормами и маяками, с белыми гребнями пены над крутой волной и щемящими сердце гудками пароходов! И как далеко до любого моря от сухопутного города Минска! Не доедешь до него в четырнадцать лет, не долетишь, только в кино вдруг увидишь, или на карте, или на картине художника Айвазовского. Увидишь и так затоскуешь, что не скоро еще придет твоя пора, когда все моря дохнут тебе в лицо свежим соленым ветром.

Не верьте тому, кто говорит, что нет в жизни чудес, что чудеса бывают только в сказках.

Только было обидно Андрейке, что не он первый увидел море. А ведь с пяти утра стоял он у окна, ожидая мгновения, когда отхлынут желтеющие поля и широко, свободно плеснет море ему в глаза.

Андрейка ничего не разглядел: ни россыпи гальки, ни загорелых мальчишек, барахтавшихся у берега, ни чаек, кружившихся в воздухе, только воду, синюю и зеленую, потому что именно эта вода, а не галька, не мальчишки и даже не чайки и была морем. (473 слова)

По М. Герцику

Барсучий нос

Озеро около берегов было засыпано ворохами желтых листьев. Их было так много, что мы не могли ловить рыбу. Лески ложились на листья и не тонули.

Приходилось выезжать на старом челне на середину озера, где доцветали кувшинки и голубая вода казалась черной, как деготь.

Там мы ловили разноцветных окуней. Они бились и сверкали в траве, как сказочные японские петухи. Мы вытаскивали оловянную плотву и ершей с глазами, похожими на две маленькие луны. Щуки ляскали на нас мелкими, как иглы, зубами.

Стояла осень в солнце и туманах. Сквозь облетевшие леса были видны далекие облака и синий густой воздух. По ночам в зарослях вокруг нас шевелились и дрожали низкие звезды.

У нас на стоянке горел костер. Мы жгли его весь день и ночь напролет, чтобы отгонять волков, — они тихо выли по дальним берегам озера. Их беспокоили дым костра и веселые человеческие крики.

Мы были уверены, что огонь пугает зверей, но однажды вечером в траве у костра начал сердито сопеть какой-то зверь. Его не было видно. Он озабоченно бегал вокруг нас, шумел высокой травой, фыркал и сердился, но не высовывал из травы даже ушей.

Картошка жарилась на сковороде, от нее шел острый вкусный запах, и зверь, очевидно, прибежал на этот запах.

Все, что окружало нас, казалось необыкновенным: и поздняя луна, блиставшая над черными озерами, и высокие облака, похожие на горы розового снега, и даже привычный морской шум высоких сосен.

Мальчик, бывший с нами, первый услышал фыркание зверя и зашипел на нас, чтобы мы замолчали. Все притихли. Мы старались даже не дышать, хотя рука невольно тянулась к двустолке (кто знает, что это мог быть за зверь!).

Через полчаса зверь высунул из травы мокрый черный нос, похожий на свиной пяточок. Нос долго нюхал воздух и дрожал от жадности. Потом из травы показалась острая морда с черными пронзительными глазками. Наконец, показалась полосатая шкурка.

Из зарослей вылез маленький барсук. Он поджал лапу и внимательно посмотрел на меня. Потом он безглаголиво фыркнул и сделал шаг к картошке.

Она жарилась и шипела, разбрызгивая кипящее сало. Мне хотелось крикнуть зверю, что он обожжется, но я опоздал. Барсук прыгнул к сковороде и сунул в нее нос.

Запахло паленой кожей. Барсук взвизгнул и с отчаянным воплем бросился обратно в траву. Он бежал и голосил на весь лес, ломал кусты и плевался от негодования и боли.

На озере и в лесу началось смятение. Без времени заорали испуганные лягушки, всполошились птицы, и у самого берега, как пушечный выстрел, ударила пудовая щука.

Утром мальчик разбудил меня и рассказал, что он сам только что видел, как барсук лечит свой обожженный нос. Я не поверил.

Я сел у костра и спросонок слушал утренние голоса птиц. Вдали посвистывали белохвостые кулики, крикали утки, курлыкали журавли на сухих болотах — мшарах, плескались рыбы, тихо ворковали горлинки. Мне не хотелось двигаться.

Мальчик тянул меня за руку. Он звал меня пойти посмотреть, как лечится барсук.

Я нехотя согласился. Мы осторожно пробрались в чащу, и среди зарослей вереска я увидел гнилой сосновый пенёк. От него тянуло грибами и йодом.

Около пня, спиной к нам, стоял барсук. Он расковырял пенёк и засунул в середину пня, в мокрую и холодную труху, обожжённый нос.

Он стоял неподвижно и охлаждал свой несчастный нос, а вокруг бегал и фыркал другой маленький барсучок. Он волновался и толкал нашего барсука носом в живот. Наш барсук рычал на него и лягался задними пушистыми лапами.

Потом он сел и заплакал. Он смотрел на нас круглыми и мокрыми глазами, стонал и облизывал своим шершавым языком больной нос. Он как будто просил помощи, но мы ничем не могли ему помочь. (576 слов)

По К. Паустовскому

Прощание с летом

Несколько дней лил не переставая холодный дождь. В саду шумел мокрый ветер. В четыре часа дня мы уже зажигали лампы, и невольно казалось, что лето окончилось навсегда и земля уходит все дальше и дальше в глухие туманы, в неуютную темень и стужу.

Был конец ноября — самое грустное время в деревне. Кот спал весь день, свернувшись на старом кресле, и вздрагивал во сне, когда темная вода хлестала в окна.

Дороги размыло. По реке несло желтоватую пену, похожую на сбитый белок. Последние птицы спрятались под стрехи, и вот уже больше недели, как никто нас не навещал: ни дед Митрий, ни Ваня Малявин, ни лесничий.

Лучше всего было по вечерам. Мы затапливали печи. Шумел огонь, багровые отсветы дрожали на бревенчатых стенах и на старой гравюре — портрете художника Брюллова. Откинувшись в кресле, он смотрел на нас и, казалось, так же как и мы, отложив раскрытую книгу, думал о прочитанном и прислушивался к гудению дождя по тесовой крыше. Ярко горели лампы, и все пел и пел свою нехитрую песню медный самовар-инвалид. Как только его вносили в комнату, в ней сразу становилось уютно, может быть, оттого, что стекла запотевали и не было видно одинокой березовой ветки, день и ночь стучавшей в окно.

После чая мы садились у печки и читали. В такие вечера приятнее всего было читать очень длинные и трогательные романы Чарльза Диккенса или перелистывать тяжелые тома журналов «Нива» и «Живописное обозрение» за старые годы.

По ночам часто плакал во сне Фунтик — маленькая рыжая такса. Приходилось вставать и закутывать его теплой шерстяной тряпкой. Фунтик благодарил сквозь сон, осторожно лизал руку и, вздохнув, засыпал. Темнота шумела за стенами плеском дождя и ударами ветра, и страшно было подумать о тех, кого, может быть, застигла эта ненастная ночь в непроглядных лесах.

Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с закрытыми глазами, долго прислушивался и, наконец, понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина. Такую тишину называют «мертвой». Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад. Было только слышно, как посапывает во сне кот.

Я открыл глаза. Белый и ровный свет наполнял комнату. Я встал и подошел к окну: за стеклами все было снежно и безмолвно. В туманном небе на головокружительной высоте стояла одинокая луна, и вокруг нее переливался желтоватый круг.

Когда же выпал первый снег? Я подошел к ходикам. Было так светло, что ясно чернели стрелки. Они показывали два часа.

Я уснул в полночь. Значит, за два часа так необыкновенно изменилась земля, за два коротких часа поля, леса и сады заморозила стужа.

Через окно я увидел, как большая серая птица села на ветку клена в саду. Ветка закачалась, с нее посыпался снег. Птица медленно поднялась и улетела, а снег все сыпался, как стеклянный дождь, падающий с елки. Потом снова все стихло.

Проснулся Рувим. Он долго смотрел за окно, вздохнул и сказал:

— Первый снег очень к лицу земле.

Земля была нарядная, похожая на застенчивую невесту.

А утром все хрустело вокруг: подмерзшие дороги, листья на крыльце, черные стебли крапивы, торчавшие из-под снега. (499 слов)

По К. Паустовскому

Гроза в лесу

Лес молчал.

Темной-темной осенней ночью под могучими деревьями сидела в лесу собака, привязанная на веревке.

И надо же случиться такому именно в эту ночь! Редко, очень редко так бывает, но случилось: в конце ноября при таком необычном потеплении где-то далеко-далеко прогремел гром. Затем в черной ночи он пророкотал еще раз, теперь уже ближе, и прокатился по безлистому лесу грозно и широко. Подул ветер, ветви деревьев занули, как от предчувствия беды, стволы, что послабее, закачались, и, наконец, все слилось в единый тревожный черный шум, в котором отчетливо выделялся стон полусухой осины. Она ритмично скрипела и скрипела где-то у корня, уже надломившаяся и изношенная; ее глухой и тоскливый стон пугал Бима больше, чем весь шум леса.

А лес шумел, шумел и шумел. А ветер все разыгрывался полным и единственным властелином в кромешной тьме, разыгрывался так, что застонали и дубы. Биму казалось, что кто-то черный-черный, огромный распластался над могучими дубами, над безнадежной, умирающей старой осиной, над ним, затерявшимся в этой суровости псом; и этот черный бил лапами черного плаща по верхушкам леса, обхватывал деревья и качал их в дикой пляске, шаманил, подергиваясь и извиваясь, крича и завывая в стоголосой дикости.

Биму стало так жутко, что боль в теле на время забылась. Он вдавился в ствол дерева, влип. Ветер начал бросать на лес холодом, отчего внизу яра потекла знобящая струя и сразу же пронизала Бима. Так всегда позднее потепление резко сменяется похолоданием. Бим передвинулся на другую сторону ствола от ветра и так, чтобы против ветра следить чутьем, а под ветер — глазами. Но впереди было непроглядно темно. Бим дрожал.

Вдруг, как огненным узким ножом, молния рассекла черноту, на секунду осветив строптиво воющий лес, а вслед за нею что-то грохнуло вверх, ударило, задребезжало чем-то разбитым, ухнуло вниз и покатилося по лесу в разные стороны. Молния и гром будто испугали шамана, и он стал убегать, убегать, а потом и совсем затих, и тогда застучали сверху капли. Дождь был короткий, сильный, холодный. Потом и он перестал.

Лес теперь потихоньку ворчал, отряхиваясь, оправляясь, словно после боя. Но вдруг осина крикнула, затрещала, цепляясь за другие деревья, прощаясь с соседями, жутко зашумела и повалилась на землю, ломая свои ветви, в горестной предсмертной безнадежности: выдержала последний бой и пала. Осина стояла близко от Бима, ему было тревожно слышать смерть дерева и страшно оттого, что она падала, как ему вначале казалось, прямо на него; он в ту минуту попятился от своего рокового дуба, натянув веревку, но веревка есть веревка.

Бим сидел до рассвета, продрогший, больной, измученный.

В напряженном ожидании он, незаметно для самого себя, уже натянул веревку, отчего ошейник стал душить до хрипоты. Тогда Бим попятился к дереву, прижался задом к стволу, перехватил коренными зубами веревку и... перегрыз. Как ножом отхватил!

Свершилось!

Бим свободен, хотя и одинок в дремучем лесу. (450 слов)

По Г. Троепольскому

Поэма из камня

Поэты сравнивают храм Покрова на Нерли с парусом, уносящимся вдаль по безбрежным волнам времени. Иногда прославленную белокаменную церковь под Владимиром уподобляют лучистой безмолвной звезде, уплывающей в бесконечность мироздания. Один художник назвал это чудесное сооружение поэмой из камня. Есть афоризм, рожденный встречей с редкостным архитектурным памятником: «Мы сами обретаем вечность пред этой вечной красотой».

Если вам в жизни приходится нелегко, если скорбь и печаль овладели вашим сердцем, отправляйтесь в заливные клязьминские луга, туда, где у реки, на холме среди куп деревьев, стоит многостолетний храм Покрова.

Вглядитесь в благородные пропорции белого храма, отражающегося свыше восьми веков в водах, и вы увидите, как точно и естественно вписано строение в окружающий пейзаж — луговое среднерусское раздолье, где растут духмяные травы, лазоревые цветы и звучат нескончаемые песни жаворонков. Душевное спокойствие приходит к ним с ощущением полноты бытия, олицетворяемой белым храмом и умиротворяющим видом местности.

Заблуждается тот, кто, увидев храм один раз, считает, что знает его. Лирическую поэму из камня, именуемую Покровом на Нерли, надо перечитывать многократно. И тогда, быть может, во всей полноте вы поймете, в чем прелесть этого небольшого сооружения, гармонирующего с окружающей природой.

«Церковь Покрова на Нерли близ Владимира, — пишет И. Э. Грабарь, — является не только самым совершенным храмом, созданным на Руси, но и одним из величайших памятников мирового искусства. Как и все великие памятники, Покров на Нерли непередаваем ни в каких воспроизведениях на бумаге, и только тот, кто видел его в действительности, кто ходил в тени окружающих его деревьев, испытывал обаяние всего его неопределимо-стройного силуэта и наслаждался совершенством его деталей, — только тот в состоянии оценить это чудо русского искусства».

Мне трудно сказать, когда Покровом на Нерли лучше всего любоваться. Недвижимый белый камень удивительным и таинственным образом перекликается с временами года. У двенадцати братьев-месяцев свой разговор с женскими масками и другими настенными рельефами, бесстрастно глядящими на мир с высоты столетий.

По весне Клязьма и Нерль разливаются на много верст, впитывая в себя ручьи, бегущие из лесов, озер, болотцев. Вода затопляет луговую пойму, и в темных, напоминающих крепко настоянный чай волнах отражаются чуть зазеленевшие березы, гибкие ветви ив и похожие на богатырей-великанов дубы, что в десять раз старше берез и, наверное, помнят, как владимирскую землю топтали татарские кони, как в этих местах стояли повозки и шатры кочевников.

На рассвете, когда над заречными муромскими лесами играют солнечные лучи, от всплесков светотени древние стены словно колеблются, светлея час от часу. Храм возвышается среди волн, как белоснежный лебедь. Текут речные потоки. Дни и ночи, месяцы и годы, столетия уносит река жизни. Сменяются поколения, а лебедь-храм плывет и плывет среди неоглядных просторов. Любуясь Покровом на Нерли, думаешь об истории храма, о веках, что пронесли над его стенами.

Храм посвящался Покрову Богородицы и был тесно связан с одной из византийских легенд о том, как Дева Мария защитила Царьград от врагов-сарацин. (451 слово)

По Е. Осетрову

Савва Иванович Мамонтов

Кто из москвичей, проживавших в первопрестольном граде в конце прошлого века, не знал Савву Ивановича Мамонтова?

Может быть, только провинциал, впервые попавший в Москву, с недоумением смотрел, как мимо него проносился в фаэтоне на дутых шинах полнотелый, крупный, пучеглазый мужчина в добротном английском пальто, в котелке, с тяжелым портфелем, так туго набитым бумагами, что он, казалось, не лежал, а самостоятельно сидел рядом с хозяином, занимая целое место.

Любой московский обыватель, даже из тех, кто не раскланивался с проезжим, знал: Савва Иванович поехал в правление, или Савва Иванович поехал в театр, или на выставку, или в мастерскую, или еще куда-нибудь. Мамонтовы жили широко, на виду, имели бесчисленное количество знакомых, а у знакомых были свои знакомые, потому-то чуть ли не каждый человек в районе Садовых, Каланчевки, Лубянки, Театральной площади, Тверских, Триумфальной знал маршруты Саввы Ивановича Мамонтова — председателя правления Северной железной дороги, искреннего почитателя всех тех художников и артистов, кто по-настоящему любил искусство, кто работал в нем истово, подвижнически, с огнем и талантом.

Не удивительно, что и портфель-то у него был таким громоздким, битком набитым: ведь там рядом с папкой месячного отчета по делам железной дороги находили место и партитура новой оперы, и альбом акварелей неизвестного еще художника, и керамические плитки особого обжига, только что вытащенные из печи самим Саввой Ивановичем.

Художнические увлечения Мамонтова не раз приносили ему огорчения, не раз посмеивались над ним товарищи по правлению. Но Савва Иванович не мог иначе. Сам человек талантливый, певец, скульптор, драматург, музыкант, он попевал повсюду, и все его интересовало горячо, по-настоящему.

Мамонтов собирал вокруг себя всех выдающихся деятелей искусства, проживавших в то время в Москве. Не мог он быть равнодушен к судьбам художников, скульпторов, певцов, литераторов, актеров, балерин, архитекторов. Для всех у него в квартире, так же как и в сердце, находилось место. В его доме на Садово-Спасской постоянно бывали, а в имении Абрамцево подолгу жила и работали не только именитые художники и поэты. Там собирались молодые художники: «веселый корабельщик» Костенька Коровин, молчаливый, сосредоточенный, но полный неповторимого юмора Валентин Серов, прозванный в мамонтовском кругу Антоном, долговязый, лирический Илья Остроухов, талантливый Михаил Нестеров и другие.

Наравне с художниками в этом доме привечали и пестовали музыкантов, певцов, актеров. Широко открывались двери для Римского-Корсакова, когда он приезжал из Петербурга, для Рахманинова, Аренского, Танеева, Рубинштейна.

Даже домашние спектакли Мамонтовых, которые устраивались многочисленной молодежью этой семьи, гремели на всю Москву.

Счастливым, попадавшим туда, искренне завидовали. Еще бы! Пьеса — Саввы Ивановича, оформление — лучших московских художников.

Савве Ивановичу, человеку больших масштабов, любительских представлений было мало. Он понимал, что его окружают таланты юные, сильные, задорные, которым под силу настоящий театр, а не только развлечения для молодежи на святках. Он мечтал о настоящем, высокохудожественном театре, потому что такой театр нужен Москве. Здесь много студенчества, молодежи, учащихся средних учебных заведений, много трудовой интеллигенции, много передовых рабочих, тянущихся к знаниям, к искусству.

И вот мамонтовскими трудами, на мамонтовские деньги 9 января 1885 года в Москве открылась «Русская частная опера». Уже первым своим спектаклем — «Русалкой»

Даргомыжского (декорации В. М. Васнецова, И. И. Левитана и К. А. Коровина) — она выдвинула новые художественные идеи. (492 слова)

По В. Смирновой-Ракитиной

В мире растений

Растения — это наиболее удивительные и совершенные творения природы. Наше знакомство с миром растений уходит в далекое прошлое и тесно связано с тысячелетней историей развития человеческого общества. В самых ранних памятниках письменности человеческой культуры можно встретить сведения об использовании растений в питании и для лечения различных болезней. Поэтому и названия многих растений отражают многовековой опыт применения человеком этих изумительных даров природы.

Вот лишь несколько примеров. В Беловежской пуще произрастает зубровка южная, названная так потому, что она охотно поедается зубрами из-за сходства запаха травы с характерным мускусным запахом зубра. Известные всем колокольчики получили свое название за поразительное сходство венчика цветка с древнейшим музыкальным инструментом — колокольчиком. Недотрога обыкновенная названа так потому, что после созревания плоды растения раскрываются и выбрасывают семена при малейшем прикосновении к ним. Листья иван-чая издавна служили русским людям для приготовления суррогата чая и раньше были больше известны как «копорский чай» — по названию села Копорье под Петербургом, где его заготавливали в большом количестве.

Абсолютное большинство врачей прошлого пользовалось различными травами, убеждая доверчивых пациентов, что излечение, которое приносит то или иное растение, происходит под воздействием божественных сил. Излюбленными формами знахарского врачевания являлись также опрыскивание наговорной водой, поглаживание, растирание, окуливание, таинственные нашептывания, заклинания, обряды и тому подобное.

С развитием научного материалистического естествознания насаждаемые знахарями представления отошли в далекое прошлое. Теперь мы хорошо знаем, что лекарственные растения проявляют свои целебные свойства благодаря чрезвычайно сложному и порой уникальному набору содержащихся в них химических соединений: витаминов, белков, жиров, углеводов, эфирных масел, минеральных веществ.

Разнообразие климата и почв нашей страны обеспечивает освоение многих культур, и ассортимент возделываемых растений непрерывно увеличивается. На бескрайних пространствах тундр, в хвойных и лиственных лесах, разнотравных и ковыльных степях возможна широкая заготовка дикорастущих лекарственных растений, но работу эту необходимо проводить, придерживаясь научно обоснованных рекомендаций.

Тем не менее приходится с грустью признавать, что массовый неквалифицированный сбор дикорастущих трав приводит к тому, что теперь все труднее встретить такие растения, как венерин башмачок, ландыш, купальницу, кувшинку, ирис. Целыми охапками везут иные «любители» даров природы лесные и полевые цветы в свои городские квартиры, а спустя несколько часов выбрасывают всю эту увядшую красоту в мусорный ящик.

Хочется напомнить, что и в нашей стране опасность исчезновения угрожает многим представителям флоры Беларуси. Свыше ста шестидесяти видов растений получили прописку на страницах Красной книги нашей республики.

Может быть, необходимо «засекречивать» сведения о лекарственных растениях? Однако печальный опыт ряда зарубежных стран свидетельствует о том, что подобные меры вызывают, наоборот, нездоровый интерес к тому или иному растению, и оно в еще большей степени подвергается опасности уничтожения. Поэтому наши специалисты считают, что квалифицированная информация может оказаться более полезной в деле охраны природы, также она позволит врачу и больному лучше разобраться в лекарствах, которые пользуются особой популярностью, и поможет убедиться в том, что они далеко не всегда являются универсальными и безвредными средствами. (450 слов)

По В. Муроу и Л. Стекольникову

Колючее семейство

В развилинах ветвей, в дуплах и на пнях в тропических лесах, на бескрайних просторах травянистых саванн и в засушливых пустынях, на голых неприступных скалах и у самого берега моря произрастает великое множество кактусов. Сравнивая их, даже не верится, что все они принадлежат к одному и тому же биологическому семейству.

Название «кактус» происходит от греческого слова, которым в древней Элладе называли какие-то колючие растения. Карл Линней впервые употребил его для обозначения группы ранее неизвестных растений, завезенных в Европу из Америки.

Среди пяти тысяч видов кактусов, известных в настоящее время ботаникам, встречаются стройные могучие великаны, более чем на двадцатиметровую высоту взметнувшие многогранные колонны своих стволов, едва заметные шарики с длинными острыми колючками, круглые лепешки, вырастающие друг из друга в разных направлениях, длинные ветвистые лианы, похожие на спутанные космы седых волос, и ребристые шары, достигающие более метра в диаметре. Различны форма стеблей, строение и окраска цветков кактусов. Но все они являются суккулентами, то есть растениями, которые способны запасать влагу в тканях своих листьев, веток, колючек.

Мощные, толстые, крепкие «якорные» корни кактусов играют огромную роль в приспособлении этих растений к жизни в пустыне. Они закрепляют кактусы в почве, не дают упасть во время сильных ураганов, запасают в себе органические вещества, всасывают воду и растворенные в ней минеральные соли. Правда, основной «ловчей сетью» для воды являются не эти могучие корни-ка-наты, которые все-таки недостаточно длинны, чтобы добраться до глубоко залегающих подземных вод. Влага, выпадающая в виде капелек росы, улавливается поверхностными корнями кактусов, расходящимися вширь на четыре-пять метров. Однако удерживать воду для поддержания жизнедеятельности боковые корни не могут. На помощь им приходит надземная часть кактуса, в первую очередь листья-колючки. Колючки, как конденсаторы влаги, создают вокруг тела кактуса своеобразную микроклиматическую зону с повышенной влажностью. В последние годы исследованиями ученых установлено, что сами колючки способны поглощать дождевые капли и влагу непосредственно из воздуха и являются своего рода миниатюрными биологическими насосами.

Есть среди кактусов такие представители, у которых нет колючек, их роль выполняют длинные тонкие волоски, густо окутывающие тело растения.

Многие виды кактусов разводят в своих квартирах любители комнатного цветоводства, ведь кактусы — невзыскательные растения. Известен случай, когда чешский ученый А. Фрич отправил на родину кактусы по почте во время одного из своих путешествий. По непредвиденным обстоятельствам посылка достигла места своего назначения лишь через полтора года. Как же велико было изумление людей, когда оказалось, что лишенные воздуха, света и воды растения не только не погибли, но и покрылись цветками.

Есть среди кактусов такие, которые называют «царицей ночи» или «ночной принцессой» за изумительные крупные цветки белого цвета, похожие на лилию, в глубине которых золотистыми точками искрятся желтые тычинки. Всеми цветами радуги, среди которых отсутствуют только, пожалуй, два колера — голубой и синий, цветут кактусы, опровергая многочисленные легенды и сказания о том, что кактус цветет лишь один раз в жизни, после чего погибает. (450 слов)

По В. Муроу и Л. Стекольникову

Осина

На площади, занимающей несколько десятков миллионов гектаров, уступая среди лиственных пород только березе, произрастает почти повсеместно в лесной зоне нашей страны осина — стройное высокое дерево с зеленовато-серой корой и негустой кроной, раскрашивающейся осенью в ярко-красные и лимонно-желтые цвета.

Издавна в народе не любили осину, называли ее заклятым деревом, трепетой, шептуном-деревом и даже иудиным деревом. Последнее название произошло от древнего поверья, будто бы на осине повесился Иуда Искариот, и она, пытаясь стряхнуть с себя память о предателе, непрерывно трясет своими листьями. На самом же деле трепет осиновых листьев объясняется тем, что черешки их, сплюснутые в верхней части, очень подвижны и приходят в движение при малейшем дуновении ветра. Зная такую особенность осины, настоящие ценители природы с большим уважением относятся к этому неперемennomu обитателю наших лесов. Известный русский писатель С. Т. Аксаков писал: «Не замечаемая никем, трепетнолистная осина бывает красива и заметна только осенью: золотом и багрянцем покрываются ее рано увядающие листья, и, ярко отличаясь от зелени других деревьев, придает она много прелести и разнообразия лесу во время осеннего листопада».

Согласно одной из легенд состоялся между деревьями спор: кто больше пользы приносит людям? И сосна, и лиственница, и ясень, и пихта, и кедр, и береза наперебой хвастались друг перед другом своими заслугами, и только осине нечего было сказать. Время развеяло миф о бесполезности осины. Разве не она давала в старину прутья крестьянам для плетения корзин и помогала обстраиваться погорельцам после деревенских пожаров? Разве не ее горькую кору с удовольствием поедают зайцы и лесные великаны — лоси? Разве не из ее древесины производится всемирно известная продукция Хохломы, а многочисленные комбинаты выпускают миллионы коробков спичек? Недаром же осину называют огневым дивом.

Нынешние спички выпускаются для самых различных надобностей. Кроме бытового пользования, производят спички специального назначения: ветровые — не гаснущие на ветру, применяемые в условиях полярных зимовок, в экспедициях, на рыбалке и охоте; сигнальные — горящие зеленым, красным, синим, желтым огнем, с ореолом пламени чуть ли не в полметра; спички-запалы — дающие высокую температуру горения. Сейчас предприятия страны выпускают в год двадцать два миллиона ящиков спичек (в каждом ящике тысяча коробков).

Несмотря на то что на протяжении столетий осине сопутствовала дурная слава, она широко использовалась в народной медицине. Почки и листья дерева, содержащие многие полезные вещества, обладают мочегонным, потогонным, вяжущим, противовоспалительным, обезболивающим и ранозаживляющим действием.

К сожалению, древесина осины быстро поражается вредителями и потому дерево, как правило, живет недолго.

Правда, в последнее время ученые обнаружили гигантскую форму осины с повышенной жизнеспособностью, приспособляемостью к неблагоприятным условиям среды. Существуют гигантские осинники в Костромской и Курской областях, под Санкт-Петербургом.

Осина все прочнее входит в наш быт, и по всему свету она разослала своих братьев — тополей.

Тополевая древесина — легкая, белая, мягкая, хорошо обрабатывается, почти не растрескивается при высыхании. Тополь дает и строительный лес, и материал для тары, служит источником сырья для бумаги и искусственного шелка. (450 слов)

По В. Муроу и Л. Стекольникову

Облепиха

По речным отмелям и берегам озер, на песках и скалах в Средней Азии, южных районах Западной и Восточной Сибири, на Кавказе и в других местах произрастает ветвистый кустарник с буро-зеленой корой, усаженный длинными жесткими колючками. В пору цветения растения насекомых, охотящихся за сладким нектаром, привлекают мелкие серебристо-буроватые цветки, собранные в короткие колоски. В конце лета на кустарнике появляются крупные ярко-оранжевые, желтовато-канареечные или белые плоды. Их настолько много, что создается впечатление, будто все растение облеплено этими сочными нежными ягодами. Потому и получило оно на редкость меткое название — облепиха. Научное название этого кустарника происходит от двух греческих слов, которые в переводе означают «лошадь» и «блестящий». Происхождение названия, видимо, связано с тем, что в Греции облепихой лечили лошадей, после чего они быстро прибавляли в весе, а шерсть их становилась гладкой и приобретала красивый блеск.

Благодаря высокому содержанию дубильных веществ листья облепихи могут служить ценным сырьем для кожевенной промышленности, а желтоватого цвета древесина используется в производстве различных сувениров и других мелких поделок.

В далекие времена уголь из древесины облепихи очень ценился мастерами кузнечных дел. Использовали его и чайханщики для своих жаровен. Ветками разжигали знаменитые восточные печи-тандуры для выпечки вкусных лепешек.

Однако главную ценность растения составляют плоды. Сибиряки любят их за изумительный аромат, сочность, приятный, слегка кисловатый вкус. С гордостью называют они облепиху сибирским ананасом. Эти прекрасные качества позволяют употреблять ягоды облепихи в пищу в натуральном виде или использовать их для приготовления душистых киселей, домашней пастилы, сока, желе, варенья, настоек, наливок и других деликатесов.

Осенью, когда плоды поспевают, их стряхивают на разостланные под кронами брезентовые подстилки, складывают на деревянные настилы и оставляют до наступления заморозков. Прихваченные морозом ягоды теряют горечь и становятся твердыми, что значительно облегчает их транспортировку.

Еще в глубокой древности китайская, тибетская и монгольская медицина включала плоды облепихи в арсенал лекарственных средств. Огромной популярностью пользуются они и у нашего народа.

Многочисленными исследованиями было установлено, что жизненно важные целебные свойства облепихи во многом определяются высоким содержанием в ее плодах каротина, аскорбиновой кислоты, витаминов группы В и других биологически активных соединений.

Из ягод изготавливают облепиховое масло, которое с успехом используется в народе для лечения ран и язв, ревматических болей в суставах, заболеваний желудка и двенадцатиперстной кишки, при опухолевых процессах, ожогах, обморожениях. В медицинской практике его также широко используют в разных целях.

Известно много способов приготовления облепихового масла и в домашних условиях. Так, по рецепту алтайских садоводов целые и здоровые плоды облепихи просушивают. Затем из ягод отжимают сок, который называют нектаром, а шкурки и семе на подсушивают, затем помещают в стеклянную или эмалированную посуду и заливают подогретым до пятидесяти — шестидесяти градусов оливковым или подсолнечным маслом так, чтобы только покрыть сырье. Смесь помещают в темное место при комнатной температуре на полторы-две недели, затем масло отжимают. Полученное масло отличается от подсолнечного более насыщенным красноватым или оранжевым цветом, оно обладает специфическим запахом. Хранить его можно в холодильнике в течение одного года. (462 слова)

По В. Мурохи и Л. Стеколъникову

Талант!

Ученик был нетерпелив. Пять минут невелик срок. Казалось, можно бы подождать звонка. Но ученик незаметно пробрался в пустой класс, сел на свое место и затих, украдкой наблюдая за старенькой учительницей, стоявшей у пианино в глубокой задумчивости. Бесконечная усталость была во всем ее облике: глаза провалились, плечи бессильно опущены, тонкие, белые, в синих прожилках руки безвольно лежали на крышке инструмента.

Мальчишке уже хотелось незаметно выскользнуть из класса в шумный коридор, но он не успел: раздался звонок. Дверь распахнулась, и в класс повалил маленький озорной народ. Мальчишка поднял голову и не увидел учительницы. То есть он увидел ее на том же самом месте, у пианино, но это был уже совершенно другой человек. Чуть-чуть откинув назад седую голову и выпрямившись, Надежда Антоновна глядела на них веселым и удивительно молодым, пожалуй, даже каким-то задорным взглядом. Она говорила, словно бы излучаясь:

— Ребята! Мир, окружающий вас, полон звуков — чарующих и безобразных, очищающих душу и засоряющих, оскорбляющих ее, заставляющих нас быть счастливыми и несчастными. Да, не удивляйтесь — все это так.

Она быстро присела к пианино, плавно коснулась бело-черной полосы длинными своими пальцами, потом вдруг приподняла их, как бы уронив извлеченную откуда-то дивную мелодию.

— Слышите? Неужели нет? Ничего. Пройдет немного времени, и мы научимся с вами различать звуки, мы узнаем музыку звуков. И вы станете намного богаче, щедрее душой, отзывчивее.

Она говорила это, и вся как бы светилась, и свет, исходящий от нее, отражался на счастливейших лицах ребят.

И тот, кто пробрался в класс первым, думал, что непременно станет музыкантом, что предмет музыки — самый важный из всех остальных предметов, преподаваемых в школе.

На урок естествознания он шел уже без всякого энтузиазма.

Первое, что увидел ученик, был скелет человека. До того безобразный, что и глядеть-то на него жутко.

Вошла Ирина Васильевна — высокая, стройная, с золотистыми волосами строгая красавица. Поздоровавшись, она остановилась позади скелета и, нежно, свободно положив на круглый, точно отполированный, череп свои руки, спросила чудным, бархатно-мягким голосом:

— Как вам нравится этот красавец? Не нравится? Лицо учительницы сделалось вдруг неподдельно обиженным и удивленным. — Не может быть! — продолжала она все тем же мягким голосом, в котором, однако, уже явственно звучали нотки не то чтобы осуждения, но все-таки искреннего сожаления. — А вы присмотритесь к нему хорошенько. Сколько изящества, какая грация — до чего же мудро все устроено природой. Вот этот высокий лоб, эти большие, глубокие глаза, исполненные мысли, этот мужественный рот и, наконец, эта просторная грудь, в которой билось сильное и гордое сердце человека — могущественнейшего существа из всех существ, обитающих на нашей планете!

Ирина Васильевна говорила, а ее красивые руки непроизвольно, плавно рисовали что-то вокруг неподвижного скелета, и ученики напряженно следили за ее руками, слушали ее удивительную речь, и рядом с ней был уже не скелет, а стоял живой, улыбающийся человек редкой красоты и внутренней силы...

И в этот-то миг раздался звонок. Кажется, ученик впервые пожалел, что звонок раздался.

«К чертям музыку! — думал он. — Тоже мне наука! Вот естествознание — это да!»

После урока географии он захотел быть путешественником.

Однако урок литературы, на который он опять шел без всякого энтузиазма, оказался едва ли не самым интересным.

Так на протяжении всех шести часов симпатии переходили от одного предмета к другому, словно преподаватели этих предметов вели между собою яростную борьбу за неопытную еще, хрупкую душу, склоняя ее на свою сторону. Позже он понял, что никакой борьбы, никакого состязания не было, а просто, на его счастье и на счастье многих его товарищей, в школе были хорошие преподаватели, которые не только разумом, но всей душой любили и понимали свой предмет, отдавая ему драгоценные крупички горячего, любящего сердца. Они были талантливы.

И я очень завидую тем ребяташкам, которые сидят сейчас на их уроках. (586 слов)

По М. Алексееву

Качающаяся скала

Однажды, путешествуя по Америке в обществе нескольких утомленных излишествами молодых людей, я, наскучив их обществом, покинул компанию на одной из станций и направился самостоятельно в область Лилианы. Мой путь, который я совершал верхом на прекрасной арабской лошади, лежал через долину Санта-Мара, окаймленную высокими и широкими утесами. Мой проводник объявил, что в долине ночевать опасно ввиду свирепствующей здесь лихорадки, и предложил взобраться на первую окрестную возвышенность.

Надо сказать, что в этих местах не редкость встретить так называемую «качающуюся скалу» — весьма любопытное явление, суть которого в том, что отдельный огромный кусок скалы в незапамятные времена получает устойчивость равновесия. Он обыкновенно стоит на каменной площадке, узким концом вниз, и, если его раскачивать, он, подобно ваньке-встаньке, принимает первоначальное положение. Такие скалы весят иногда тысячи тонн, но послушны движению руки человека средней силы. Такая скала упасть не может, если, конечно, ее не взорвут динамитом.

На возвышенности, где мы развели костер, находилась именно такая скала вышиной приблизительно с четырехэтажный дом. Любопытства ради я нажал на нее плечом, она шатнулась на своем узком основании, наклонилась и выпрямилась.

Мы развели огонь недалеко от нее. Мой проводник Исса завернулся в одеяло и, подперев голову рукой, лежа курил. Я размышлял о дальнейшем пути. Мы молчали.

Вдруг, посмотрев в сторону скалы, я заметил человеческую тень, весьма длинную от восходящей луны. Тень эта, двигаясь неровными скачками, слилась с мрачной тенью скалы. Человека я не видел: его фигура терялась в переливчатой пестроте каменного хаоса, окружавшего нас.

— Там человек! — сказал я Иссе. Он приподнялся, посмотрел и усмехнулся.

— Я знаю, кто это, — сказал проводник. — Смотрите, что он будет делать.

Скала, толкавшаяся невидимыми руками, начала раскачиваться беззвучно, как в сновидении. Огромный массив ее, медленно чертя дугу за дугой по звездному небу, то, казалось, валился на нас, то откидывался назад, освобождая пространство. Размахи становились все упорнее и длиннее; скала то прикидала почти к самой земле, то вставала во весь свой рост, как бы наскучив беспрестанным издевательством крошечного существа — человека — над своей огромной и мертвой сущностью. Так продолжалось минут пятнадцать. Наконец, размахи скалы уменьшились, замедлились, сократились и камень стал неподвижным. Из-за него донеслись рыдания — тихие, скорбные рыдания невыразимой муки. Раздались удаляющиеся шаги, и все стихло.

— Три года назад, — сказал Исса, — этот человек, который пытался сейчас повалить скалу, был, как и я, проводником одного охотника-миллиардера.

Тот заинтересовался этой скалой. Он пытался столкнуть ее, но скоро убедился в ее устойчивости. «Послушай, — сказал он проводнику, — три миллиона, если столкнешь камень». А вы видели, как легко качается эта скала, но она не падает и упасть не может.

У проводника была большая семья, и они жили в нужде, поэтому он взялся столкнуть скалу и помешался на этом. Вот уж три года, как этот несчастный живет в этих местах, одичав и терзаясь. Каждый день качает он этот проклятый камень — камень так соблазнительно послушен толчкам, — но он не падает, он только качается.

— Да, — сказал я, — много есть странных вещей в горах. (468 слов)

По А. Грину

Счастье в моем понимании

Счастье зачастую оказывается совсем не там, где его ждешь. Оно появляется, и мы не замечаем его, и лишь после до нас доходит, что это ведь и было в общем-то счастье. Оно складывалось для меня из лесной свободы, усталости от обычной ходьбы, из ржаного ломтя, из смоляного запаха и гулких ударов шишек об родимую землю. Тонкий свист рябчика, красноватые окна домика в сумерках, костер, раздвигающий тьму. Сосновая лапа на окне в банке из-под консервов, белый цвет земляники. Но сейчас я думаю о том, что человеку нужно, наверное, узнать все прелести цивилизации, прежде чем прийти к такому пониманию счастья. Нет, людям нужно и то и другое. И свист рябчика не понять, пока не набьют оскомину звонки телефонов и заполонившая эфир морзянка, не понять ядреной смоляной лапы в стеклянной банке, пока не накупаешься бескровных столичных мимоз. Не узнаешь прелесть ходьбы по лесным тропам, пока досыта не налетаешься на звенящих ТУ с их леденцами и пристежными ремнями. Не потому ли, что нам с тобой доступно и то и другое, а им лишь одно?

Кто-то срубил сосну у крыльца домика. Ты страдаешь от их жестокого непонимания, и я тебя понимаю, так понимаю, что вспоминается русская сказка про Ивана Глиняного.

Жили-были дед с бабкой, у них ничего не было. «Давай, старик, — говорит старуха, — слепим сына из глины, а то никого у нас нет». — «Давай», — говорит старик. Слепила старуха сына из глины, Ивана Глиняного. Иван с лежанки слез и сперва старуху съел, потом деда. Вышел из избы, а из поля идут мужики с косами. Иван Глиняный и их съел. Дошел до леса, навстречу медведь. Хотел и медведя съесть, но медведь ему не поддавался. Распорол Ивану Глиняному все брюхо. Тут вышли на свободу и дед, и бабка, и мужики с косами. Мужики и давай медведя бить. Били, били и убили.

Все мы знаем, что нелепо обижаться на дождик, до нитки промочивший нас где-нибудь в лесу. К тому же давно известно, что легче простить обиду, чем обидеть, но что-то тут не так. Что и кому надо прощать и где граница между великодушием и необходимой самозащитой? И почему многие люди вообще не прощают великодушия, как те косцы, которые убили медведя?

Нет, я не верю, что все люди как эти косцы. Может, есть сила добрая и есть могущество, не прибегающее к жестокости? Может быть мужество без насилия? Нельзя жить, не веря в такую возможность. Но как трудно быть человеком, как трудно не огрубеть, если не стоять на одном месте, а двигаться к какой-то цели. Ведь стоит даже самым нежным ногам одно лето походить по тайге, и ноги те огрубеют, покроются толстой кожей. Кожей, не способной ощутить раздавленного птенца. Не потому ли все мы так искусно научились оправдываться невозможностью рубить лес без щепы и строить новое, не разрушив старого? Чтобы разрушить, всегда требовалось меньше ума, чем сделать новое, не тронув того, что уже было. Но ведь ни один хозяин не будет ломать старую избу, не построив сперва новую. Даже муравьи строят новый муравейник, оставляя прежний, иначе им негде будет укрыться от дождя. (494 слова)

По В. Белову

Чувство времени

Однажды, путешествуя по лесу, я совсем потерял чувство времени. Помнится, время как бы остановилось и куда-то исчезло. И все прожитое мной в этом сибирском крае, начиная с первых воспоминаний, стоявших до этого в ряд, утеряло последовательность, все сконцентрировалось и слилось в одной точке. Не существовало даже и будущего, было только одно настоящее, то, что уже есть, и это было странно счастливое состояние. Нет времени. Нет вечности — ни той, которая позади нас, ни той, что впереди: есть только то, что есть, есть нулевые координаты времени. Удивительно странное, необъяснимое состояние. Я глядел на все окружающее каким-то внутренним взором, мне казалось, что я отчетливо слышу цвета и размеры, а звуки и запахи, наоборот, отчетливо вижу, хотя моего «я» тоже не было, оно тоже неизвестно куда исчезло.

Я любил в одиночестве бродить по лесу и потому часто туда уходил.

Однажды рано утром отправился я далеко по речному берегу и лег отдохнуть под старой, кряжистой сосной, на откосе, так, лежа под вековым деревом, долго глядел в сизое, тускнеющее к полудню небо. Почему-то солнце не могло меня согреть.

Я встал, насобирал сушняка и разжег костер. Огонь тоже не грел, а лишь обжигал, я глядел на сивый древесный пепел и думал о смысле всего, о непонятном, ускользающем смысле. Теперь я вновь ощутил время. Костер медленно угасал, и время шло в одну сторону, и ничто не могло остановить его хода: ни голос кукушки, ни голос сердца, посягающего на все непонятное. Где-то на западе грозно, далеко гремел гром, он, то приближаясь, то удаляясь, медленно, не торопясь, надвигался. Гроза рычала все ближе, и земля поглощала ее картавые, глухие, полные недовольства звуки, а я все глядел на красноватые, бледные в ярости солнца огни костра. Отчаяние, горечь, ревность к неживой вечной природе и чувство жалости к людям и самому себе — все это сливалось у меня в один горловой комок, и я не знал, что делать. Уже скрылось тревожно-косматое солнце, ветер нарастал с каждой секундой. Я медленно уходил от грозы, преодолел густой, совсем молоденький ельник и вышел в сухой корявый сосняк. В этом редком сосняке не было ни листка, ни травинки. Теперь даже лес был чужим, равнодушным, всюду широко и надменно хозяйничала гроза. Но ее грохот, ее вселенская истерика казалась мне нелепой, бессмысленной. Для чего и зачем? Ведь даже и те умрут, кого еще нет, кто еще не родился...

Всюду, будто сверху и снизу, со всех сторон, трещал гром. Шумела в лесу дождевая метель. Вдруг полетел град и дохнуло зимой взаправду. Градины стучались, бухали о землю, прискакивали и медленно таяли, и гром стлался по земле, в лесу и в небе летала вода.

Гроза уже утихала. Она уходила частью дальше, частью выдыхалась, хотя дождь еще долго кропил, пахло освеженной зеленью. Гром еще рычал где-то, но все тише и тише. Мерцала река. Кукушка молчала. (451 слово)

По В. Белову

Ассоль

Ассоль некоторое время стояла в раздумье посреди комнаты, колеблясь между желанием отдаться тихой печали и необходимостью домашних забот; затем, вымыв посуду, пересмотрела в шкафу остатки провизии. Она не взвешивала и не мерила, но видела, что с мукой не дотянуть до конца недели, что в жестянке с сахаром виднеется дно, обертки с чаем и кофе почти пусты, нет масла, и единственное, на чем, с некоторой досадой на исключение, отдыхал глаз, — был мешок картофеля. Затем она вымыла пол и села строчить оборку к переделанной из старья юбке, но тут же вспомнив, что обрезки материи лежат за зеркалом, подошла к нему и взяла сверток; потом взглянула на свое отражение.

За ореховой рамой в светлой пустоте отраженной комнаты стояла тоненькая невысокая девушка, одетая в дешевый белый муслин с розовыми цветочками. На ее плечах лежала серая шелковая косынка. Полудетское, в светлом загаре лицо было подвижно и выразительно; прекрасные, несколько серьезные для ее возраста глаза посматривали с робкой сосредоточенностью глубоких душ. Ее неправильное личико могло растрогать тонкой чистотой очертаний; каждый изгиб, каждая выпуклость этого лица, конечно, нашли бы место в множестве женских обликов, но их совокупность — стиль — был совершенно оригинален, оригинально мил. Остальное неподвластно словам, кроме слова «очарование».

Отраженная девушка улыбнулась так же безотчетно, как и Ассоль. Улыбка вышла грустной; заметив это, она встревожилась, как если бы смотрела на постороннюю. Она прижалась щекой к стеклу, закрыла глаза и тихо погладила зеркало рукой там, где приходилось ее отражение. Рой смутных, ласковых мыслей мелькнул в ней; она выпрямилась, засмеялась и села, начав шить.

Пока она шьет, посмотрим на нее ближе — вовнутрь. В ней две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной прекрасной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерица игрушки, другая — живое стихотворение, со всеми чудесами ее созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое. Она знала жизнь в пределах, поставленных ее опыту, но сверх общих явлений видела отраженный смысл иного порядка. Так, всматриваясь в предметы, мы замечаем в них нечто не линейно, но впечатлением — определенно человеческое, и — так же, как человеческое — различное. Нечто подобное тому, что (если удалось) сказали мы этим примером, видела она еще сверх видимого. Без этих тихих завоеваний все просто понятное было чуждо ее душе. Она умела и любила читать, но и в книге читала преимущественно между строк, как жила. Бессознательно, путем своеобразного вдохновения она делала на каждом шагу множество эфирно-тонких открытий, невыразимых, но важных, как чистота и тепло. Иногда — и это продолжалось ряд дней — она даже перерождалась; физическое противостояние жизни проваливалось, как тишина в ударе смычка, и все, что она видела, чем жила, что было вокруг, становилось кружевом тайн в образе повседневности. Не раз, волнуясь и робея, она уходила ночью на морской берег, где, выждав рассвет, совершенно серьезно высматривала корабль с Алыми Парусами. Эти минуты были для нее счастьем; нам трудно так уйти в сказку, ей было бы не менее трудно выйти из ее власти и обаяния. (475 слов)

По А. Грину

Грэй

Если Цезарь находил, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, то Артур Грэй мог не завидовать Цезарю в отношении его мудрого желания. Он родился капитаном, хотел быть им и стал им.

Огромный дом, в котором родился Грэй, был мрачен внутри и величествен снаружи. К переднему фасаду примыкали цветник и часть парка. Лучшие сорта тюльпанов — серебристо-голубых, фиолетовых и черных с розовой тенью — извивались в газоне линиями прихотливо брошенных ожерелий. Старые деревья парка дремали в рассеянном полусвете над осокой извилистого ручья. Ограда замка, так как это был настоящий замок, состояла из витых чугунных столбов, соединенных железным узором. Каждый столб оканчивался наверху пышной чугунной лилией; эти чаши по торжественным дням наполнялись маслом, пылая в ночном мраке обширным огненным строем.

Отец и мать Грэя были надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому могли говорить «мы». Часть их души, занятая галереей предков, мало достойна изображения, другая часть — воображаемое продолжение галереи — начиналась маленьким Греем, обреченным прожить жизнь и умереть так, чтобы его портрет мог быть повешен на стене без ущерба фамильной чести. В этом плане была допущена небольшая ошибка: Артур Грэй родился с живой душой, совершенно несклонной продолжать линию фамильного начертания.

Эта живость мальчика начала сказываться на восьмом году его жизни; тип рыцаря причудливых впечатлений, искателя и чудотворца, то есть человека, взявшего из бесчисленного разнообразия ролей жизни самую опасную и трогательную — роль провидения, намечался в Грее еще тогда, когда, приставив к стене стул, чтобы достать картину, изображавшую распятие, он вынул гвозди из окровавленных рук Христа, то есть попросту замазал их голубой краской, похищенной у маляра. В таком виде он находил картину более сносной. Увлеченный своеобразным занятием, он начал уже замазывать и ноги распятого, но был застигнут отцом. Старик снял мальчика со стула за уши и спросил:

— Зачем ты испортил картину?

— Я не испортил.

— Это работа знаменитого художника.

— Мне все равно, — сказал Грэй. — Я не могу допустить, чтобы при мне торчали из рук гвозди и текла кровь. Я этого не хочу.

В ответе сына Лионель Грэй, скрыв под усами улыбку, узнал себя и не наложил наказания.

Грэй неумоимо изучал замок, делая поразительные открытия.

Он жил в своем мире. Грэй играл один — обыкновенно на задних дворах замка, имевших в старину боевое значение. Эти обширные пустыри, с остатками высоких рвов, с заросшими мхом каменными погребями, были полны бурьяна, крапивы, репейника, терна и скромно-пестрых диких цветов. Он часами оставался здесь, исследуя норы кротов, сражаясь с бурьяном, подстерегая бабочек и строя из кирпичного лома крепости, которые бомбардировал палками и булыжником.

Так было, пока ему не исполнилось двенадцать лет, пока все намеки его души, все разрозненные черты духа и оттенки тайных порывов не соединились в одном сильном желании — быть капитаном. Никакая профессия, кроме этой, не могла в его представлении так удачно сплавить в одно целое все сокровища жизни. (456 слов)

По А. Грину

На бревнах

Давно отбулькало шумное водополье. Стояли белые ночи. Последние весенние дни, будто замороженные, недоуменно затихали над деревнями. Все гасила и сжигала зеленая тишина. Вчера было впервые тепло по-летнему, ночь не смогла охладить молодую траву, и пыль на дороге, и бревна, и только у реки чуялась ровная свежесть, да из тумана в низинах упала небольшая роса.

В деревне быстро исчезали голубоватые ночные сумерки. Они исчезли покорно, без борьбы, словно зная о справедливости: всему свой черед и свое место.

Черед же пришел широкому благодатному утру. Сначала стало тихо, так тихо, что даже петухи крепились и сдерживали свой пыл. Белая ночь ушла вместе с голубыми сумерками, багряная заря подпалила треть горизонта, и вся деревня замерла, будто готовясь к пробуждению.

И тотчас же из-за леса выпросталось громадное солнце. Казалось, что оно, не скрывая своей щедрости, озорно щурилось и подмигивало разбуженному белому свету. Немного погодя оно стало круглее и меньше, а красный угольный жар его сменился ровным, нестерпимо золотым.

На бревна, где еще совсем недавно сидела молодежь, слетела щекастенькая синичка. Дрыгая не подчинявшимся ей хвостиком, ткнула раза два и, тонко свистнув, запрыгала по бревну. Она вспорхнула с бревна, метнулась над ушастой головой кравшегося за ней кота. Тот прыгнул, лапой ударил по воздуху и шмякнулся на траву. Секунду разочарованно глядел вослед синице. Потом встал и, жмурясь, лениво пошел дальше.

Затопилась первая печь, по-лесному остро запахло горячей берестой. Раздвинулась и посинела куполообразная пропасть неба, первый дневной зной уже чуялся в растущей траве и в запахе бревен.

Солнышко поднялось еще выше, далеко в синем просторе выплыло первое кудлатое облако — предвестник ясного дня. Бабы, еще посудачив, во главе с Иваном Африкановичем пошли в поле, а через полчаса испуганно, как спросонья, треснул пускач, потом сказался солидным чихом большой двигатель, трактор взревел, заглох, но вскоре заработал опять, уже ровно и сильно.

Бревна на время опустели. В деревне стало тихо.

День долго не мог догореть, все вздыхал и ширился в поле и над деревней. Солнце дробилось в реке на ветряной голубой зыби, трава за день заметно выросла, везде слышалось зеленое движение, словно сама весна в последний раз мела по земле зеленым подолом.

К вечеру старинные бревна нагрелись, солнце выдавило из сучков последние слезинки многолетней смолы. После баб, что ушли на сенокос, прибежали сюда ребяташки, поиграли в прятки и подались к реке. После них пришла на бревна старенькая бабка с внуком. Она долго и мудро глядела на синее небо, на зеленое поле, что-то тихонько напевая и покачивая малыша. Когда ребенок уснул, старушка отнесла его домой, и бревна опустели.

Нарубленные еще пять лет назад для ремонта дома, бревна давно служили пристанищем для всех: приходили ребяташки, вели свои беседы мужики, собирались на работу бабы.

А вечером на бревна вновь сходилась деревенская молодежь, послушать, как играл на гармошке Мишка и как сыпали одну за другой озорные частушки девчонки. (453 слова)

По В. Белову

Заплаткин

Был у Феде кот по кличке Заплаткин. Федя рассказал мне историю его происхождения. Года два назад кошка окотилась под русской печкой, тайно от Феде. Федя взял клюку и начал по одному выгребать кошачье потомство, намереваясь всех утопить. «Только выволоку, — рассказывал он, — а матка его за шкуру и обратно. Так и не мог сосчитать». Когда малыши подросли, они начали сами выбегать из-под печи, чтобы поиграть на полу. Но и тогда Федя не мог углядеть, сколько их, то ли пять, то ли четыре. Таких веселых не захотелось Феде губить. Он, по мере спроса, по одному отдавал их нуждающимся. Всех отправил по разным рабочим бригадам, остался один, весь пестрый, словно в заплатках. Смешной такой! Федя прозвал его Заплаткиным и оставил себе.

Заплаткин вскоре вырос, от матери совсем отвык и очень подружился с собакой Валдаем. Валдай — громадный пес, темносерый, с патлатой сединой на задних лапах. Лаял он совсем редко, лишь в самых крайних случаях. Обычно Валдай часами лежал напротив Федегого дома около дороги. Он гордо и независимо поглядывал на проходившие по дороге машины, зевал, потом клал голову на вытянутые передние лапы и спал.

Бывало, Федя идет с озера, его еще далеко в поле первым встречает Заплаткин. Мяучит и просит рыбку. Федя садился на кочку и давал Заплаткину маленькую сорожку. Кот не спеша съедал сорожку, и оба шли домой. Валдай шумно догонял их уже у самого дома.

Порой Заплаткин до крови дрался с другими котами. В результате правое ухо у Заплаткина было однажды здорово разорвано в такой драке, да так и зажило. В результате оно стало похоже на кошелек. Около глаза же имелся изрядный шрам. После очередной потасовки Федя стыдил кота:

— Опять поддался? Ох, ты! Ворона! Не умеешь драться, нет, так и не дерись, не втягивайся.

Смущенный Заплаткин жмурился и по очереди прижимал свои драные уши. Он словно бы отмахивался: мол, и так тяжело, а тут еще читают нотацию.

Как-то я ходил на реку, смотрю, в густой огородной траве осторожно крадется Заплаткин. Он даже не обратил на меня никакого внимания, нашел какую-то травку и лениво начал ее жевать. «Заболел, — сразу подумал я. — Лекарство ищет». И я не ошибся, кот, действительно, захворал. На другой день я зашел к Феде по какому-то делу и вижу: Федя держит кота в коленях и сует ему что-то в рот, приговаривая: «Ну, батюшки, давай, давай бери». «Чем ты его потчуешь?» — спросил я. «Да вот, слабительное, — отвечал Федя. — Не берет, выплевывает. Может, аспирином попробовать?» Федя развернул другое лекарство. Он разломил пополам таблетку аспирина и сунул Заплаткину в пасть. Кот вырвался и убежал в коридор.

Вскоре бедный Заплаткин ушел куда-то из дому и больше не появился. Его нашли мертвым далеко от деревни, в поле. Один Валдай жалел своего друга и не однажды начинал выть, видимо, вспоминая кота. Но и Валдай скоро успокоился. Что делать? Заплаткина было уже не вернуть. (457 слов)

По В. Белову

Медведь

Многие думают, будто пойти только в лес, где много медведей, и так они вот и набросятся, и съедят тебя, и останутся от козлика ножки да рожки. Такая это неправда!

Медведи, как и всякий зверь, ходят по лесу с великой осторожностью и, зачуяв человека, так удирают от него, что не увидишь не только всего зверя, но и даже мелькнувшего хвостика.

Однажды на Севере мне указали место, где много медведей. Это место было в верховьях реки Коды, впадающей в Пинегу. Убивать медведя мне вовсе не хотелось, и охотиться за ним было не время: охотятся зимой, я же пришел на Коду ранней весной, когда медведи уже вышли из берлог.

Мне очень хотелось застать медведя за едой, где-нибудь на полянке, или на рыбной ловле на берегу реки, или на отдыхе. Имея на всякий случай оружие, я старался ходить по лесу так же осторожно, как звери, затаивался возле теплых следов; не раз мне казалось, будто мне даже и пахло медведем. Но самого медведя, сколько я ни ходил, встретить мне в этот раз так и не удалось.

Случилось, наконец, терпение мое кончилось, и время пришло мне уезжать. Я направился к тому месту, где была у меня спрятана лодка и продовольствие. Вдруг вижу, как большая еловая лапка передо мной дрогнула и закачалась сама. «Зверушка какая-нибудь», — подумал я.

Забрав свои мешки, сел я в лодку и поплыл.

А как раз против места, где я сел в лодку, на том берегу, очень крутом и высоком, в маленькой избушке жил один промысловый охотник. Через какой-нибудь час или два этот охотник поехал на своей лодке вниз по Коде, нагнал меня и застал в той избушке на полпути, где все останавливаются.

Он-то вот и рассказал мне, что со своего берега видел бурого медведя, видел, как он вымахнул из тайги как раз против того места, откуда я вышел к своей резиновой лодке. Тут-то вот я и вспомнил, как при полном безветрии закачались впереди меня еловые лапки.

Досадно мне стало на себя, что я подшумел медведя. Но охотник мне еще рассказал, что медведь не только ускользнул от моего глаза, но еще и надо мной посмеялся. Он, оказывается, очень недалеко от меня отбежал, спрятался за поваленное дерево и оттуда, стоя на задних лапах, наблюдал за мной: и как я вышел из леса, и как сажился в лодку и поплыл. А после, когда я для него закрылся, влез на дерево и долго еще следил за мной, как я спускаюсь по Коде.

— Так долго, — сказал охотник, — что мне надоело смотреть, и я ушел чай пить в избушку.

Досадно мне было, что медведь надо мной посмеялся. Но еще досадней бывает, когда болтуны разные пугают детей лесными зверями и так представляют их, что покажись будто бы в лес без оружия, они оставят от тебя только рожки да ножки. (450 слов)

По М. Пришвину

Увлекательное занятие

Леса величественны.

Путь в лесах — это километры тишины и безветрия. По сухим сосновым борам идешь, как по глубокому дорожному ковру. Нет большего отдыха и наслаждения, чем идти весь день по лесам, по незнакомым дорогам к какому-нибудь дальнему озеру.

Чтобы не заблудиться в лесах, надо знать приметы. Находить приметы или самим создавать их — очень увлекательное занятие. Мир примет бесконечно разнообразен. Бывает очень радостно, когда одна и та же примета сохраняется в лесах год за годом. Каждую осень встречаешь все тот же огненный куст рябины за Лариным прудом или все ту же зарубку, сделанную тобой на сосне. С каждым летом зарубка все сильнее заплывает твердой золотистой смолой.

Приметы на дорогах — это не главные приметы. Настоящими приметами считаются те, которые определяют погоду и время.

Примет так много, что о них можно было бы написать целую книгу. В городах приметы нам не нужны. Огненную рябину заменяет эмалированная синяя табличка с названием улицы. Время узнается не по высоте солнца, не по положению созвездий и даже не по петушиным крикам, а по часам. Предсказания погоды передаются по радио. В городах большинство наших природных инстинктов погружается в спячку. Но стоит только провести две-три ночи в лесу, и снова обостряется слух, зорче делается глаз, тоньше обоняние.

Приметы связаны со всем: с цветом неба, с росой и туманами, с криком птиц и яркостью звездного света.

В приметах заключено много точного знания и поэзии. Есть приметы простые и сложные. Самая простая примета — это дым костра. То он подымается столбом к небу, спокойно струится вверх, то мечется вокруг огня. И вот к прелести ночного костра, к горьковатому запаху дыма, треску сучьев, перебеганию огня и пушистому белому пеплу присоединяется еще и знание завтрашней погоды.

Глядя на дым, можно определенно сказать, будет ли завтра дождь, ветер или снова, как сегодня, солнце поднимется в глубокой тишине, в синих прохладных туманах. Безветрие и теплоту предсказывает и вечерняя роса. Она бывает такой обильной, что даже блестит ночью, отражая свет звезд. И чем обильнее роса, тем жарче будет завтрашний день.

Это все очень несложные приметы. Но есть приметы сложные и точные. Иногда небо вдруг кажется очень высоким, а горизонт сжимается, кажется близким, до горизонта как будто не больше километра. Это признак будущей ясной погоды.

Иногда в безоблачный день вдруг перестает брать рыба. Реки и озера мертвеют, как будто из них навсегда ушла жизнь. Это верный признак близкого и длительного ненастья. Через день-два солнце взойдет в багровой зловещей мгле, а к полудню черные облака почти коснутся земли, задует сырой ветер и польются томительные, нагоняющие сон обложные дожди.

Не менее интересное занятие, чем изучение примет, — изучение карты. С нее начинается изучение незнакомого края. По карте можно странствовать так же, как по земле, но потом, когда попадешь на эту настоящую землю, сразу же сказывается знание карты — уже не бродишь вслепую и не тратишь времени на пустяки. (458 слов)

По К. Паустовскому

Воспоминание о Крыме

Несколько лет назад мне пришлось плыть зимой на теплоходе из Батуми на север. После Туапсе теплоход ушел в открытое море, чтобы обойти ледяной шторм, бушевавший у берегов Новороссийска.

Все же шторм захватил нас крылом. Волчьим воем пели снасти. Лицо резала колючая снежная крупа. Ветер стремительно проносил над мачтами черные тучи. Они казались обрывками тьмы.

На рассвете я проснулся от тишины. Монотонно гудела машина. Я вышел на палубу. Шторм стих. В необыкновенной ясности всходило солнце.

Впереди, в голубоватой светящейся мгле, медленно вырастали из моря очертания желтых гор, освещенных низкими, но яркими лучами. Это был Крым, но я не сразу узнал его. Он показался мне огромным островом, тонущим в утренней синеве.

Впервые я увидел из морской дали весь Крым, весь торжественный разворот его берегов. Впервые я понял, как прекрасна эта земля, омытая одним из самых праздничных морей земного шара. И, может быть, то чувство, которое испытали в это утро и я, и мои спутники, глядя на выступавшие из шумящих волн берега, было сродни ощущению людей, впервые открывших новые страны. Так, очевидно, представляли себе обетованную землю наши пращурь.

Мы подходили к берегам, расцвеченным сухими и резкими красками крымской зимы. Уже пылали ржавчиной виноградники, уже видны были покрытые снегом вершины Ай-Петри, и над ними, как дым, струились к зениту и таяли облака. А море несло к подножию каменных мысов розоватую утреннюю пену и шумело сонно и заунывно — так же, как сотни и тысячи лет.

Есть уголки нашей земли настолько прекрасные, что каждое посещение их вызывает ощущение счастья, жизненной полноты, настраивает все наше существо на необыкновенное простое и плодотворное лирическое звучание.

Таков Крым. Поэтому он стал, как говорили в старину, «источником вдохновения» для многих писателей и поэтов, художников и музыкантов.

Прелесть крымской земли раскрывается для иных медлительно, исподволь, но завладевает надолго, навсегда. И каждый, кто побывал в Крыму, уносит с собой после расставания с ним сожаление и легкую печаль, какую вызывают воспоминания о детстве, и надежду еще раз увидеть эту «полуденную землю».

Крым оставил глубокий след в нашем искусстве. Достаточно вспомнить имена Пушкина, Мицкевича, Чехова, Куприна,

Грина, художников — Кончаловского, Дейнеки. Этот список людей, полюбивших Крым и обязанных ему многими откровениями в своем творчестве и многими радостями, можно длить без конца, как и список вещей, написанных о Крыме.

Что такое вдохновение? Это полнота сил, располагающая к наилучшему восприятию впечатлений и передаче их другим. Таково, в общих чертах, пушкинское определение. Эту полноту сил, это вдохновение Крым дарит нам щедро во всем. Дарит не только в широких пейзажах, покрытых солнечной желтой дымкой, но и в каждой, даже незначительной вещи: в цветке миндаля, в стрелчатом освещении сосновых лесов, в куске разбитой черепицы, в колючем ржавом дубняке, в запахе водорослей, намытых прибоем. Во всем: в весенних туманах и прогретой солнцем каменистой земле, в самом воздухе этого чудесного уголка нашей страны. (453 слова)

По К. Паустовскому

Музыка для Золушки

В Бергене все было по-старому.

Все, что могло приглушить звуки — ковры, портьеры и мягкую мебель, — Григ давно убрал из дома. Остался только старый диван. На нем могло разместиться до десятка гостей, и Григ не решался его выбросить.

Друзья говорили, что дом композитора похож на жилище дровосека. Его украшал только рояль. Если человек был наделен воображением, то он мог услышать среди этих белых стен волшебные вещи — от рокота северного океана, что катил волны из мглы и ветра, что высвистывал над ними свою дикую сагу, до песни девочки, баюкающей тряпичную куклу.

Рояль мог петь обо всем: о порыве человеческого духа к великому и о любви. Белые и черные клавиши, убегая из-под крепких пальцев Грига, тосковали, смеялись, гремели бурей и гневом и вдруг сразу смолкали.

Тогда в тишине еще долго звучала только одна маленькая струна, будто это плакала Золушка, обиженная сестрами.

Григ, откинувшись, слушал, пока этот последний звук не затихал на кухне, где с давних пор поселился сверчок.

Становилось слышно, как, отсчитывая секунды с точностью метронома, капает из крана вода. Капли твердили, что время не ждет и надо бы поторопиться, чтобы сделать все, что задумано.

Григ писал музыку для Дагни Педерсен больше месяца.

Началась зима. Туман закутал город по горло. Заржавленные пароходы приходили из разных стран и дремали у деревянных пристаней, тихонько посапывая паром.

Вскоре пошел снег. Григ видел из своего окна, как он косо летел, цепляясь за верхушки деревьев.

Невозможно, конечно, передать музыку словами, как бы ни был богат наш язык.

Григ писал о глубочайшей прелести девичества и счастья.

Он писал и видел, как навстречу ему бежит, задыхаясь от радости, девушка с зелеными сияющими глазами. Она обнимает его за шею и прижимается горячей щекой к его седой небритой щеке. «Спасибо!» — говорит она, сама еще не зная, за что она благодарит его.

«Ты как солнце, — говорит ей Григ. — Как нежный ветер и раннее утро. У тебя на сердце расцвел белый цветок и наполнил все твое существо благоуханием весны. Я видел жизнь. Что бы тебе ни говорили о ней, верь всегда, что она удивительна и прекрасна. Я старик, но я отдал молодежи жизнь, работу, талант. Отдал все без возврата. Поэтому я, может быть, даже счастливее тебя, Дагни.

Ты — белая ночь с ее загадочным светом. Ты — счастье. Ты — блеск зари. От твоего голоса вздрагивает сердце.

Да будет благословенно все, что окружает тебя, что прикасается к тебе и к чему прикасаешься ты, что радует тебя и заставляет задуматься».

Григ думал так и играл обо всем, что думал. Он подозревал, что его подслушивают. Он даже догадывался, кто этим занимается. Это были синицы на дереве, загулявшие матросы из порта,

прачка из соседнего дома, сверчок, снег, слетавший с нависшего неба, и Золушка в заштопанном платье.

Каждый слушал по-своему.

Синицы волновались. Как они ни вертелись, их трескотня не могла заглушить рояля. Сверчок вылезал из трещины в кафельной печке и подглядывал в щелку за Григом.

Падавший снег останавливался и повисал в воздухе, чтобы послушать звон, лившийся ручьями из дома. А Золушка смотрела, улыбаясь, на пол. Около ее босых ног стояли хрустальные туфельки. Они вздрагивали, сталкиваясь друг с другом, в ответ на аккорды, долетавшие из комнаты Грига.

Этих слушателей Григ ценил больше, чем нарядных и вежливых посетителей концертов.
(519 слов)

По К. Паустовскому

Дедал и Икар

Величайшим художником, скульптором и зодчим Афин был Дедал. Рассказывали, что он высекал из белоснежного мрамора такие дивные статуи, что они казались живыми; казалось, что статуи Дедала смотрят и двигаются. Много инструментов изобрел Дедал для своей работы, им были изобретены топор и бурав. Далеко шла слава о Дедале.

У этого художника был племянник Тал. Уже в ранней юности поражал он всех своим талантом и изобретательностью. Дедал завидовал племяннику и однажды столкнулся с племянником со скалы. Был уверен художник, что его преступление останется безнаказанным, но злодеяние Дедала открылось.

Спасаясь от смерти, Дедал бежал на Крит к могущественному царю Миносу. Минос охотно принял его под свою защиту. Много дивных произведений искусства изготовил Дедал для царя Крита. Он выстроил для него и знаменитый дворец Лабиринт с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, невозможно было найти выхода.

Много лет жил Дедал у Миноса. Не хотел отпускать его царь с Крита, только один хотел он пользоваться искусством великого художника. Словно пленника, держал Минос Дедала на Крите. Дедал долго думал, как бежать ему, и наконец нашел способ освободиться от критской неволи.

— Если не могу я, — воскликнул Дедал, — спастись от власти Миноса ни сухим путем, ни морским, то ведь открыто же для бегства небо! Вот мой путь! Всем владеет Минос, лишь воздухом не владеет он!

Принялся за работу Дедал. Он набрал перьев, скрепил их льняными нитками и воском и стал изготавливать из них четыре больших крыла. Пока Дедал работал, сын его Икар играл около отца: то ловил он пух, который взлетал от дуновения ветерка, то мял в руках воск. Наконец Дедал кончил свою работу: готовы были крылья. Дедал привязал крылья за спину, продел руки в петли, укрепленные на крыльях, взмахнул ими и плавно поднялся в воздух. С изумлением смотрел Икар на отца, который парил в воздухе, подобно громадной птице. Дедал спустился на землю и сказал сыну:

— Слушай, Икар, сейчас мы улетим с Крита. Будь осторожен во время полета. Не спускайся слишком низко к морю, чтобы соленые брызги волн не смочили твоих крыльев. Не поднимайся и близко к солнцу: жара может растопить воск, и разлетятся перья. За мной лети, не отставай от меня.

Отец с сыном надели крылья на руки и легко поднялись в воздух. Те, кто видел их полет высоко над землей, думали, что это два бога несутся по небесной лазури. Часто оборачивался Дедал, чтобы посмотреть, как летит его сын.

Быстрый полет забавлял Икара, все смелее взмахивал он крыльями. Икар забыл наставления отца лететь следом за ним. Сильно взмахнув крыльями, взлетел Икар высоко в небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск, скреплявший перья, выпали они и разлетелись далеко по воздуху, гонимые ветром. Взмахнул Икар руками, но нет больше на них крыльев. Стремглав упал он со страшной высоты в море и погиб в его волнах.

Дедал обернулся, посмотрел по сторонам. Нет Икара. Громко стал звать он сына.

Нет ответа. Увидел Дедал на морских волнах перья из крыльев Икара и понял, что случилось. (479 слов)

По Н. Куну

Мир полон чудес*

Мир полон чудес. Они окружают каждого из нас с первых минут появления на свет, поскольку сама жизнь — высшее чудо, один шанс из миллиарда миллиардов, выпавший на долю каждого живущего. Древнескандинавское предание гласит: «Так же трудно живому существу родиться человеком, как черепахе, всплывающей со дна раз в тысячу лет, просунуть шею в ярмо, носимое ветром по поверхности океана».

В детстве нам все кажется загадочным и таинственным. Удивление вызывает и встающая над рекой радуга, и тикающие на стене часы, и огонь на кончике спички. Но, подрастая, мы уже не будем пытаться разломать радиоприемник, надеясь обнаружить там дядю, передающего последние известия. Знания, накопленные цивилизацией за многие тысячелетия, казалось бы, надежно защитили современного человека от всего, что вызывало суеверный ужас у его далекого предка. Никто из нас уже не боится солнечного затмения, не кидается прочь от грохочущего на киноэкране паровоза. Открыты тысячи законов, подробно и убедительно объясняющие многие явления природы. Многие, но далеко не все. Похоже, природа затеяла с человеком странную игру: каждая разгаданная тайна замещается двумя, тремя, десятью новыми, еще более сложными для понимания. Так, изобретенные летательные аппараты, поднявшие человека в воздух, помогли ему увидеть изображенные на земле гигантские рисунки и иероглифы, предназначение которых непонятно до сих пор. Освоенный археологами метод радиоуглеродного анализа для определения возраста древних сооружений указал на удивительное несоответствие: высокая техника исполнения строительных работ предполагала использование совершенных механизмов, которыми зодчие тех затерянных во тьме веков обладать не могли.

Оказывается, даже растения способны удивлять тех, кто считает их только примитивными потребителями удобрений, воды и света. Появление в научно-исследовательских лабораториях такого прибора, как осциллограф, заставило биологов по-новому взглянуть на «бесчувственные» растения, которые, как оказалось, могут испытывать и страх, и радость. Например, благодаря созданию комфортной эмоциональной среды строителю из графства Йоркшир в Англии удалось вырастить самую большую в мире луковицу — около пяти килограммов. На вопрос, как ему это удалось, он ответил, что каждый день ласково разговаривал с ней и включал на огороде музыку Моцарта. В другом случае замечено, что мысленное благожелательное воздействие на пшеницу способно увеличить длину ростков на восемьдесят процентов. А при окружении побегов эмоциями раздражения, недовольства рост их сокращался на сорок процентов по сравнению с контрольным вариантом.

Дистанционное воздействие человека на растения было подтверждено и другим прибором — энцефалографом. Электроды устанавливались на листьях цветка. Человек усаживался в кресло на расстоянии одного — трех метров и начинал концентрироваться на мысли, что собирается цветок сломать. Прибор сразу же записывал реакцию цветка. Если же рядом находились два растения, а «зловещие» мысли человек направлял только на одно, второе растение пребывало в покое. Но стоило на «глазах» одного цветка сломать другой, электрофизиологические реакции на приборе оказывались почти одинаковыми.

Можно долго перечислять таинственные и загадочные явления, с которыми сталкиваются люди. Одни факты, считают исследователи, можно объяснить уже сегодня. Другие, балансирующие на стыке религии, мифа и науки, обрастают многочисленными версиями, а третьи — вообще не укладываются в сознании. Или это талантливая мистификация, или их разгадка будет доступна человеку в далеком будущем. (473 слова)

По энциклопедии «Я познаю мир».

Мир загадочного»

Добрые зерна

Природа и то живое, что существует в ней, — вот с чего ребенок начинает свое знакомство с окружающим его миром. Яркость восприятия природы, стремление дружить с ней и разгадывать ее оставят свой след и в зрелости. К тому, кто был глух к природе в детстве, кто в детские годы не подобрал выпавшего из гнезда птенца, не открыл для себя красоты первой весенней травы или первой звезды, взошедшей вечером на небе, — к тому потом с трудом достучатся чувство прекрасного, чувство поэзии, а быть может, и простая человеческая доброта.

Ибо зерна этого закладываются еще в детстве.

Однажды в школе учительница показала ребятам простую круглую чашку и предложила нарисовать ее. Сидящий впереди мальчик долго смотрел на чашку и наконец поднял руку. Он был маленького роста и поэтому казался младше всех других.

—! Можно, я нарисую не чашку, а то, чего я никогда не видел? — спросил он.

— Что же ты хочешь нарисовать? — удивилась учительница.

— Дерево эвкалипт, — сказал мальчик задумчиво.

— Нарисуй, — согласилась учительница.

Мальчик некоторое время молчал и смотрел перед собой. Потом опять поднял руку.

— Можно, я нарисую то, что видели только некоторые? — спросил он.

— Объясни, пожалуйста, что это такое, — сказала учительница с интересом,

— Синяя птица, — сказал мальчик очень серьезно.

— Пожалуйста, рисуй синюю птицу, если тебе так хочется.

Весь класс старательно скрипел карандашами. Но мальчик

спустя какой-то срок снова поднял руку.

— Я хотел бы нарисовать то, чего никто никогда не видел, — сказал он тихо. — Можно?

— Например?

— Мамонта, когда он просыпается, — сказал мальчик виновато.

— Мамонта? — переспросила учительница, внимательно глядя на него.

— Мамонта, — вздохнул мальчик.

— Ну что ж, — сказала учительница, — можно и мамонта.

Урок закончился, весь класс отдал учительнице тетради, где

была старательно нарисована круглая чашка с ручкой-бубликом.

Только перед мальчиком, сидящим впереди, лежал чистый лист бумаги.

Мальчик хотел нарисовать эвкалипт, синюю птицу, просыпающегося мамонта — и не нарисовал ничего.

Но весь урок он видел их: видел огромное красное дерево с розовым стволом и голубой тенью, стаи попугайчиков, которые клевали его цветы, видел волшебную птицу счастья, видел мамонта, медленно выходящего на луг, поросший гигантскими цветущими травами...

Он видел их, восхищался ими, стремился их нарисовать, но маленькие его пальцы были слабей, чем его воображение, его мечта, — лист бумаги остался чистым.

Мальчик не выполнил задания. Учительница была вправе, очевидно, поставить ему двойку. Но она не сделала этого.

Она поставила ему отметку, не предусмотренную, вероятно, в учебниках педагогики, оценив силу и пылкость воображения.

Она угадала в мальчике поэта. Быть может, когда он вырастет, он вспомнит ее, вспомнит этот первый урок, взрослого человека, который отнесся с уважением к детской мечте. Кто знает, чего лишаемся мы, когда взрослые нерасчетливо и равнодушно осуждают и искореняют в ребенке то, что кажется им ненужным мечтательством, а на самом деле несет в себе светлый и пылкий дар воображения! Не из этого ли дара рождаются в зрелые годы пронизательность ученого, зоркость исследователя, вдохновение художника?

Человек должен быть гармонически развит. Высокие жизненные принципы соединяются в нем с богатством и красотой духовного мира.

Живые ростки его нравственных качеств крепнут, тянутся к солнцу, дают побеги в течение всей его жизни. Но первое доброе зерно не умирает никогда. (496 слов)

По Т. Тэсс

Поступи как друг

Существует старая восточная поговорка, утверждающая, что каждый человек должен в течение своей жизни обязательно совершить два поступка: посадить дерево и убить ядовитую змею.

Думается, к этой поговорке, где дерево и змея названы как поэтические символы рождения новой жизни и борьбы со злом, стоит добавить еще одну строчку: каждый человек должен посеять доброе зерно в душе ребенка. Недавно я услышала историю, что случилась с двумя маленькими людьми. Мне хочется рассказать ее вам.

В деревне в летний день очень маленькая девочка, которую родители привезли сюда из города, заглянула в колодец. Есть неизъяснимое очарование для детского сердца в бездонном блеске ствола, уходящего вглубь, в запахе воды и ночи, в грозной и таинственной игре мрака, отсветов, отраженных звуков, что таятся там, где сверкает ледяное неподвижное око воды.

Перегнувшись, маленькая девочка глядела вниз, точно замороженная. Она наклонялась все дальше и вдруг, потеряв равновесие, с коротким изумленным вскриком упала в колодец.

Поблизости были только ребята немного постарше, чем она.

Кинувшись к колодцу, они увидели, что девочка плавает на воде, словно кувшинка. Пока она летела по глубокому стволу вниз, широкое ее платье надулось, точно парашют, и удержало ее на поверхности. Хрупкость этого случайного чуда была очевидна: в любой миг девочка могла пойти ко дну.

Один из ребят — мальчик лет одиннадцати — решил спуститься в колодец.

Он сел в ведро, и товарищи стали спускать его на веревке. Но веревка оборвалась, и мальчик упал в колодец тоже.

Он умел плавать и не растерялся. Вынырнув, он оказался возле девочки. Платье ее, постепенно отяжелев от воды, сворачивалось, как лепесток, и она погружалась все глубже.

Подхватив ее, мальчик поплыл вдоль стен колодца. Вода была ледяной, он плыл изо всех сил, стараясь разогреться, кружась вдоль скользких черных стен. Уцепившись за него, девочка молчала; ему казалось, он чувствует, как колотится ее сердце, словно он зажал его в кулаке. Так, не сдаваясь, не слабея, не теряя мужества, маленький человек кружился в ледяном колодце, крепко держа ребенка, пока не приспели на помощь взрослые. Они спустили в колодец пожарную лестницу, и мальчуган, усадив девочку на плечи, вылез наверх.

Когда я размышляла над этой историей, она как бы раскололась для меня на две части.

В том, что маленький человек бросился спасать утопающую, проявилась его смелость, решимость, благородный порыв. Но грозная секунда, когда он впервые увидел лицом к лицу смертельную опасность и осознал ее, высветила, как мгновенная яркая вспышка света, все доброе, что было заложено в его душе. Порыв переплавился в стойкость, смелость, на смену решимости пришла самоотверженность.

Как уместилось все это в юной, еще не окрепшей душе, от которой жизнь вдруг потребовала не детскую силу?

По праву могут гордиться родители, воспитавшие такого сына; по праву могут гордиться им все, кто посеял в его душе добрые зерна.

В поступке ребенка всегда можно угадать того, кто послужил ему примером. (451 слово)

По Т. Тэсс

Старик

Первого сентября в безлюдном в этот ранний утренний час переулке встретились двое: старик, тяжело опирающийся на массивную трость, одетый в длинное старомодное пальто, и мальчуган в новой школьной форме, с новым ранцем за спиной и букетом цветов, которые он держал в охапке, бережно и неловко прижимая к груди. Мальчик быстро бежал по улице, опустив голову. Он наскочил на старика и остановился. Испуганный взгляд припухших, заплаканных глаз ребенка встретился с внимательными глазами старика. Мальчуган вдруг понял, что перед ним тот, кто все поймет и поможет, и громко заплакал, невнятно выговаривая слова: «Соседка проспала, мама в ночную смену».

Старик наклонился, участливо расправил помятый букет и, взяв горячую ручонку, повел мальчика в школу. Он понимал, какое безутешное горе переживал его маленький спутник. Опоздать в первый день поступления в школу, в тот день, о котором мечтал, наверное, не один месяц!

А ребенок успокоился, доверился старику и семенил рядом с ним вначале по тротуару, потом по асфальтовой дорожке, а затем по притихшему коридору школы в учительскую.

Старик передал мальчика заведующей учебной частью. Оторвавшись от большой прохладной руки, ребенок на мгновение снова ощутил страх и опять заплакал. Но учительница ласково отняла от глаз мальчика мокрые кулачки, похвалила его пышный букет и сказала, что ничего страшного не случилось: уроки только что начались и она сейчас отведет его в класс.

Поблагодарив прохожего, учительница повела мальчика по коридору. У дверей класса малыш оглянулся, но старика уже не было.

Опираясь на палку и придерживаясь свободной рукой за перила, старик с трудом спускался со второго этажа. На площадке лестницы он задержался. Задержался не для того, чтобы перевести дух. Ему не хотелось уходить из школы. Так хорошо и до слез горько было вслушиваться в эту родную, знакомую тишину, с чуть доносящимися из классов голосами учителей и едва уловимым постукиванием мела о доску.

Лет десять назад, когда из педагога он превратился в пенсионера, ежегодно первого сентября он подходил к школе и вот с таким же чувством, как сейчас, смотрел на бегущих учеников, мелькающие белые фартуки, воротнички, цветы, на озабоченные лица учителей, к которым в эти минуты он испытывал тяжелую зависть.

День первого сентября для него стал самым мучительным днем. А потом это прошло. Он перестал подходить к школе, даже забывал этот день, перестал тяготиться бездельем, одиночеством, ни о чем не вспоминал, ничего не жалел, никому не завидовал. Наступила глубокая созерцательная старость, в которой, как и в каждом возрасте человека, есть свой смысл и привязанность к жизни.

Тяжело передвигая ноги, старик спустился с широкого крыльца, но выйти из двора школы у него не хватило сил. И он присел тут же во дворе на скамейку.

Боль воспоминаний, охватившая его в школьном коридоре, уже унялась. Мысли приняли другое направление. Что же, жизнь прошла! Любимый труд, желания, огорчения, радости — все ушло. И теперь жизнь казалась прочитанной книгой. (451 слово)

По А. Кузнецовой

Под чужим небом

В одном большом городе был ботанический сад, а в этом саду — огромная оранжерея из железа и стекла. Она была очень красива: стройные витые колонны поддерживали все здание; на них опирались легкие узорчатые арки, переплетенные между собою целой паутиной железных рам, в которые были вставлены стекла. Особенно хороша была оранжерея, когда солнце заходило и освещало ее красным светом. Тогда она вся горела, красные отблески играли и переливались, точно в огромном, мелко отшлифованном драгоценном камне.

Сквозь толстые прозрачные стекла виднелись заключенные растения. Несмотря на величину оранжереи, им было в ней тесно. Ветви деревьев мешались с огромными листьями пальм, гнули и ломали их и сами, налегая на железные рамы. Для растений нужен был широкий простор, родной край и свобода. Они были уроженцы жарких стран, нежные, роскошные создания; они помнили свою родину и тосковали о ней. Как ни прозрачна стеклянная крыша, но она не ясное небо. Иногда зимой стекла обмерзали, и тогда в оранжерее становилось совсем темно. Гудел ветер, бил в рамы и заставлял их дрожать. Растения стояли и слушали вой ветра и вспоминали иной ветер, теплый, влажный, дававший им жизнь и здоровье. И им хотелось вновь почувствовать его веянье, хотелось, чтобы он покачал их ветвями, поиграл их листьями. Но в оранжерее воздух был неподвижен; разве только иногда зимняя буря выбивала стекло, и резкая, холодная струя влетала под свод. Куда попадала эта струя, там листья бледнели, съеживались и увядали.

Но стекла вставляли очень скоро. Ботаническим садом управлял отличный ученый директор и не допускал никакого беспорядка.

Была между растениями одна пальма, выше всех и красивее всех. Директор называл ее полатыни АМа1еа. Но это имя не было ее родным именем, его придумали ботаники. Родного имени ботаники не знали. Раз пришел в ботанический сад приезжий из той жаркой страны, где выросла пальма. Когда он увидел ее, то улыбнулся, потому что она напомнила ему родину.

— А! — сказал он, — я знаю это дерево. — И он назвал его родным именем.

— Извините, — крикнул ему директор, в это время внимательно разрезывавший бритвою какой-то стебелек, — вы ошибаетесь. Такого дерева, какое вы изволили сказать, не существует. Это — АМа1еа рппсерз, родом из Бразилии.

А бразильянец долго стоял и смотрел на дерево, и ему становилось все грустнее и грустнее. Вспомнил он свою родину, ее солнце и небо, ее роскошные леса с чудными зверями и птицами, ее пустыни, ее чудные южные ночи. И вспомнил еще, что нигде он не бывал счастлив, кроме родного края, а он объехал весь свет. Он коснулся рукою пальмы, как будто бы прощаясь с нею, и ушел из сада, а на другой день уже ехал на пароходе домой.

А пальма осталась. Ей теперь стало еще тяжелее, хотя и до этого случая было очень тяжело. Она была совсем одна. Она хорошо помнила свое родное небо и больше всех тосковала о нем, потому что ближе всех была к тому, что заменяло им его, к гадкой стеклянной крыше. Сквозь нее ей виднелось иногда что-то голубое. Это было небо, хоть и чужое и бледное, но все-таки настоящее голубое небо. И когда растения болтали между собою, она всегда молчала, тосковала и думала только о том, как хорошо было бы постоять даже и под этим бледненьким небом. (511 слов)

По В. Г аршину

Рыбная ловля

Ни у кого в мире нет стольких самых разнообразных врагов, как у рыболова. Прежде всего — мальчишки. В лучшем случае они будут часами стоять за спиной и оцепенело смотреть на поплавок.

В худшем случае они начнут купаться поблизости, пускать пузыри и нырять, как лошади. Тогда надо сматывать удочки и менять место.

Кроме мальчишек, баб и болтливых стариков, у нас были враги более серьезные: подводные коряги, комары, ряска, грозы, ненастье и прибыль воды в озерах и реках.

Ловить в коряжистых местах было очень заманчиво: там пряталась крупная и ленивая рыба. Брала она медленно и верно, глубоко топила поплавок, потом запутывала леску о корягу и обрывала ее вместе с поплавком.

Тонкий комариный зуд приводил нас в трепет. Первую половину лета мы ходили все в крови и волдырях от комариных укусов.

В безветренные жаркие дни, когда в небе сутками стояли на одном месте все те же пухлые, похожие на вату облака, в заводях и озерах появлялась мелкая водоросль, похожая на плесень, — ряска. Вода затягивалась липкой зеленой пленкой, такой толстой, что даже грузило ее не могло пробить.

Перед грозой рыба тоже переставала клевать. Она боялась грозы, затишья, когда земля глухо дрожит от далекого грома.

В ненастье и во время прибыли воды клева не было.

Но зато как хороши были туманные и свежие утра, когда тени деревьев лежали далеко на воде и под самым берегом ходили стаями неторопливые пучеглазые голавли! В такие утра стрекозы любили садиться на перьевые поплавки, и мы с замиранием сердца смотрели, как поплавок со стрекозой вдруг медленно и косо шел в воду, стрекоза взлетала, замочив свои лапки, а на конце лески туго ходила по дну сильная и веселая рыба.

Как хороши были красноперки, падавшие живым серебром в густую траву, прыгавшие среди одуванчиков и кашки! Хороши были закаты в полнеба над лесными озерами, тонкий дым облаков, холодные стебли лилий, треск костра, криканье диких уток.

Дед оказался прав: к вечеру пришла гроза. Она долго ворчала в лесах, потом поднялась к зениту пепельной стеной, и первая молния хлестнула в далекие стога.

Мы просидели в палатке до ночи. В полночь дождь стих.

Когда начало чуть светать, мы спустились с крутого берега к воде, цепляясь за корни и травы. Вода блестела, как черное стекло. На песчаном дне были видны дорожки, проложенные улитками.

Рувим — так звали моего друга — закинул удочку недалеко от меня. Через несколько минут я услышал его тихий призывный свист. Это был наш рыболовный язык. Короткий свист три раза значил: «Бросайте все и идите сюда».

Я осторожно подошел к Рувиму. Он молча показал мне на поплавок. Клевала какая-то странная рыба. Поплавок качался, осторожно ерзал то вправо, то влево, дрожал, но не тонул.

Он стал наискось, чуть окунулся и снова вынырнул.

Рувим застыл: так клюет только очень крупная рыба.

Поплавок быстро пошел в сторону, остановился, выпрямился и начал медленно тонуть.

— Топит, — сказал я. — Тащите!

Рувим подсек. Удилище согнулось в дугу, леска со свистом врезалась в воду. Невидимая рыба туго и медленно водила леску по кругам. Солнечный свет упал на воду сквозь заросли ветел, и я увидел под водой яркий бронзовый блеск: это изгибалась и пятилась в глубину пойманная рыба. Мы вытащили ее только через несколько минут. Это оказался громадный линь со смуглой золотой чешуей и черными плавниками. Он лежал в мокрой траве и медленно шевелил толстым хвостом. (532 слова)

По К. Паустовскому

Мурзик

Мы купили для рыбной ловли надувную резиновую лодку и с тех пор не знали покоя. Больше всех волновался Рувим.

Рувим хватался за голову и жаловался на дурные сны. То ему снилось, что большая щука таскает его вместе с резиновой лодкой по озеру и лодка ныряет в воду и вылетает обратно с оглушительным бульканьем; то снился пронзительный разбойничий свист — это из лодки, распоротой корягой, стремительно выходил воздух, и Рувим, спасаясь, суетливо плыл к берегу.

Летом, когда мы привезли лодку в деревню и испытали ее, страхи не прошли, так как у лодки появился враг — щенок Мурзик. -

Мурзик был недогадлив, и потому с ним всегда случались несчастья: то его жалила оса, и он валялся с визгом по земле и мял траву, то ему отдавливали лапу.

Но больше всего Мурзик изводил нас лаем и попытками сгрызть все, что ему попадалось под руку.

Грыз щенок молча и долго. Изгрызенные и замусоленные вещи он всегда сносил в чулан, где мы их и находили.

Так он сгрыз книжку стихов и замечательный поплавок из иглы дикобраза.

Наконец малыш добрался и до резиновой лодки. Он долго пытался ухватить ее за борт, но лодка была очень туго надута, и зубы скользили. Ухватить было не за что.

Тогда Мурзик полез в лодку и нашел там единственную вещь, которую можно было сжевать, — резиновую пробку. Ею был заткнут клапан, выпускавший воздух.

Мы в это время пили в саду чай и не подозревали ничего плохого.

Мурзик лег, зажал пробку между лапами и заворчал: пробка ему начинала нравиться. Он грыз ее долго. Резина не поддавалась. Только через час он ее разгрыз, и тогда случилась совершенно страшная и невероятная вещь.

Густая струя воздуха с ревом вырвалась из клапана, как вода из пожарного шланга, ударила в морду, подняла на Мурзике шерсть и подбросила его в воздух. Щенок чихнул, взвизгнул и полетел в заросли крапивы, а лодка еще долго свистела, рычала, и бока ее тряслись и худели на глазах.

После этого случая Мурзика наказали. Рувим нашлапал его и привязал к забору.

Мурзик извинялся. Завидев кого-нибудь из нас, он начинал подметать хвостом пыль около забора и виновато поглядывать в глаза. Но мы были непреклонны: хулиганская выходка требовала наказания.

Мы скоро ушли за двадцать километров, на Глухое озеро, но Мурзика не взяли. Когда мы уходили, он долго визжал и плакал на своей веревке около забора.

На третий день ночью я проснулся оттого, что кто-то горячим и шершавым языком вылизывал мои щеки.

Я поднял голову и при свете костра увидел мохнатую, мокрую от слез Мурзикину морду.

Он визжал от радости, но не забывал извиняться: все время подметал хвостом сухую хвою по земле. На шее его болтался обрывок разгрызенной веревки. Он дрожал, в шерсть его набился мусор, глаза покраснели от усталости и слез.

Я разбудил Рувима и мальчика. Мурзик подполз к Рувиму и лизнул его, будто в последний раз попросил прощения. Тогда Рувим раскупорил банку тушеной говядины и накормил Мурзика.

Потом щенок лег рядом с мальчиком, засунул морду к нему под мышку, вздохнул и засвистел носом.

Во сне Мурзик тяжело вздыхал от усталости и потрясения.

Я же думал о том, как, должно быть, страшно было такому маленькому щенку бежать через ночные леса, вынюхивая наши следы, сбиваться с пути, скулить, поджав лапу, слушать плач совы, треск веток и непонятный шум травы и, наконец, мчаться опрометью, прижав уши, когда где-то на самом краю земли слышался дрожащий вой волка. (545 слов)

По К. Паустовскому

Никита Кожемяка

Около Киева появился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке; возьмет девку да и съест ее. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои

промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею, а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея. Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка — тот его и сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке: сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать. Царь, получив такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож. Как увидел он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку; авось на их слезы сжалятся! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он против змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слезы глядя, да и пошел на змея.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему.

— Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминуемую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился со змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту:

— Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет. Разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой.

— Хорошо, — сказал Кожемяка, — надо межу проложить.

Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея и стал

от Киева межу пропахивать. Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну, — говорит змей, — теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили, — проговорил Никита, — давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Въехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна. Вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают; а кто не знает, отчего эта борозда, называет ее валом. Никита Кожемяка, сделав святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять. (472 слова)

Знаменитая легенда-сказка о Никите Кожемяке записана в 1847 году П. И. Якушкиным в Козловском уезде Тамбовской губернии

Наука ненависти

На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу. Я видел огромный участок леса, срезанного огнем нашей артиллерии. В этом лесу недавно укреплялись немцы, выбитые из села С., здесь они думали задержаться, но смерть скосила их вместе с деревьями. Под поверженными стволами сосен лежали мертвые немецкие солдаты, в зеленом папоротнике гнили их изорванные в клочья тела. Смерть величественно и безмолвно властвовала на этой поляне, созданной и взрытой нашими снарядами, и только в самом центре поляны стояла одна чудом сохранившаяся березка, и ветер раскачивал ее израненные осколками ветви и шумел в молодых глянцевиноклейких листьях.

Мы проходили через поляну. Шедший впереди меня связной красноармеец слегка коснулся рукой ствола березы, спросил с искренним и ласковым удивлением:

— Как же ты тут уцелела, милая?

Но если сосна гибнет от снаряда, падая, как скошенная, и на месте среза остается лишь иглистая, истекающая смолой макушка, то по-иному встречается со смертью дуб. По весне немецкий снаряд попал в ствол старого дуба, росшего на берегу безымянной речушки. Рваная, зияющая пробоина иссушила полдерева, но вторая половина, пригнутая разрывом к воде, весной дивно ожила и покрылась свежей листвой. И до сегодняшнего дня, наверное, нижние ветви искалеченного дуба купаются в текучей воде, а верхние — все еще жадно протягивают к солнцу точеные, тугие листья.

Высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами, лейтенант Герасимов сидел у входа в блиндаж и обстоятельно рассказывал о сегодняшнем бое, о танковой атаке противника, успешно отбитой батальоном.

Задумчиво глядя на залитую ярким солнечным светом просеку, лейтенант Герасимов говорил:

— И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком. Знаете, как это говорится: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». А вот у нас они впряжены и здорово тянут! Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас, драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагу всегда мы носим на кончиках штыков. Извините, если это замысловато сказано, но я так думаю, — закончил лейтенант Герасимов и впервые за время нашего знакомства улыбнулся простой и милой, ребяческой улыбкой.

А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски. И так чиста была эта добытая большими страданиями седина, что белая нитка паутины, прилипшая к пилотке лейтенанта, исчезала, коснувшись виска, и рассмотреть ее было невозможно, как я ни старался. (461 слово)

По М. Шолохову

Родной дом

Дом стоит на земле больше ста лет, и время совсем его скособочило. Ночью, смакуя отрадное одиночество, я слушаю, как по древним бокам сосновой хоромины бьют полотнища влажного мартовского ветра. Соседний кот-полуночник таинственно ходит в темноте чердака, и я не знаю, чего ему там надо.

Дом будто тихо сопит от тяжелых котовых шагов. Тяжко бухают сползающие с крыши снежные глыбы. И с каждой глыбой в напряженных от многотонной тяжести стропилах рождается облегчение от снежного бремени.

Я почти физически ощущаю это облегчение. Здесь так же, как снежные глыбы с ветхой кровли, сползают с души многослойные глыбы прошлого. Ходит и ходит по чердаку бессонный кот, по-сверчиному тикают ходики.

Я слушаю ход часов и медленно успокаиваюсь. Все-таки хорошо, что поехал домой. Завтра буду ремонтировать баню. Насажу на топорище топор, и наплевать, что мне дали зимний отпуск.

Утром я хожу по дому и слушаю, как шумит ветер в громадных стропилах. Родной дом словно жалуется на старость и просит ремонта. Но я знаю, что ремонт был бы гибелью для дома: нельзя тормозить старые, задубелые кости. Все здесь срослось и скипелось в одно целое, лучше не трогать этих сроднившихся бревен, не испытывать их испытанную временем верность друг другу.

В таких вовсе не редких случаях лучше строить новый дом бок о бок со старым, что и делали мои предки испокон веку. И никому не приходила в голову нелепая мысль до основания разломать старый дом, прежде чем начать рубить новый.

Когда-то дом был главой целого семейства построек. Стояло поблизости большое с овином гумно, ядреный амбар, два сеновала, картофельный погреб, рассадник, баня и рубленный на студеное ключе колодец. Тот колодец давно зарыт, и вся остальная постройка давно уничтожена. У дома осталась одна-разъединственная родственница — полувековая, насквозь прокопченная баня.

Я готов топить эту баню чуть ли не через день. Я дома, у себя на родине, и теперь мне кажется, что только здесь такие светлые речки, такие прозрачные бывают озера. Такие ясные и всегда разные зори. Так спокойны и задумчивы леса зимою и летом. И сейчас так странно, радостно быть обладателем старой бани и молодой проруби на такой чистой, занесенной снегами речке. А когда-то я всей душой возненавидел все это. Поклялся не возвращаться сюда.

Тогда я ликовал: наконец-то навек распрощался с этими дымными банями! Почему же теперь мне так хорошо здесь, на родине, в безлюдной деревне? Почему я чуть ли не через день топлю свою баню? Странно, так все странно и неожиданно.

Однако баня до того стара, что одним углом на целую треть ушла в землю. Когда я топлю ее, то дым идет сперва не в деревянную трубу, а как бы из-под земли, в щели нижнего ряда. Этот нижний ряд сгнил начисто.

Я решил отремонтировать баню, заменить два нижних венца, сменить и перестлать полки, перекласть каменку.

Ночью, лежа под овчинным одеялом, я представлял себе, как буду делать ремонт, и это казалось весьма простым и доступным. Но утром все обернулось по-другому. Стало ясно, что своими силами, без помощи хотя бы какого-нибудь старичка, с ремонтом не справиться. Пораздумав, я пошел к соседу-старику, чтобы попросить помощи. (492 слова)

По В. Белову

Травы звериные и травы птичьи

Кому не доводилось в теплый летний денек очутиться в деревне или за городом на лугу, на какой-нибудь лесной поляне? Раскинув руки, лежишь, вдыхаешь воздух, настоящий на травах, и смотришь в синее небо, пока не покажется, что это ты сам паришь среди белых задумчивых облаков. В губах зажата сладкая травинка, и думается тебе обо всем легко и светло. И даже если тебе все же грустно, грусть твоя светла, как это небо, как шум травы, склонившейся над тобой.

Многое забывается в жизни. Но хоть одно утро летнего дня, когда ты шел босиком по росистой траве, ты запомнишь. Ты запомнишь встающее солнце, еще не раскаленное, еще бледно-желтое, когда на него можно смотреть не щурясь. Когда оно своими лучами высветит темную грядку дальнего леса и, медленно, как бы с трудом поднимаясь, вспыхнет вдруг миллионом своих отражений в выпуклых каплях росы на влажных листьях.

И если животное, например корову, интересует только вкус травы и много ли ее вокруг, то неистребимая любознательность человека привела его к тому, что он дал название каждой травинке и научился узнавать ее в лицо. Разумеется, кроме любознательности была и необходимость, так как знание окружающего мира помогало человеку выжить.

Знакомясь с животными, человек называл всех, которых встречал. С тех пор так и остался заяц — зайцем, волк — волком, крокодил — крокодилом, корова — коровой, а бык — быком.

Когда человек стал присматриваться к растениям, он подметил, что многие из них порою чем-то напоминают уже знакомых животных. Нетрудно себе представить, что человек даже радовался, найдя такое сходство, хлопал в ладоши и громко кричал: «Да это же медвежьи уши!» или «Да это же вороний глаз!»

Шевелит ветер медвежьими ушами на полянах, у обочин дорог, на песчаных склонах. Встанешь рядом с этим растением в конце июня — и увидишь, что его уши-листья растут порой выше тебя. А само растение метра два будет — не меньше. Венчики цветов желтые, на очень коротких цветоножках, собраны пучками в длинную, густую и толстую колосовидную кисть. Ну прямо русая коса какой-нибудь Василисы Прекрасной!

Однажды был я в поле, где паслись коровы. Трава вокруг вытоптана, съедена, и только мохнатые листья медвежьих ушей стоят нетронутыми. Сорвал я одно растение, протянул корове. Она взяла в рот и вдруг давай мотать головой и трясти. А потом ушла от меня подальше обиженная. «Странно, — подумал я, — если трава несъедобная, то зачем корова стала ее жевать? » Потом только узнал я: корова доверяет человеку больше, чем своему опыту. Выходит, что я просто обманул ее и ей было за что обидеться на меня.

Травы знают хорошо и звери, и птицы. Одними они лечатся, других боятся и потому обходят стороной, как, например, вороний глаз. Бабочки, пчелы стороной облетают это растение, а вот медведи и лоси используют его как лекарство.

Не менее загадочны и другие травы и растения. Просто надо их знать, интересоваться ими и изучать. (454 слова)

По А. Гиневскому и Б. Михайлову

На Черном озере

Закат тяжело пылает на кронах деревьев, золотит их старинной позолотой. Внизу, у подножия сосен, уже темно и глухо. Бесшумно летают и как будто заглядывают в лицо летучие мыши. Какой-то непонятный звон слышен в лесах — звучание вечера, догоревшего дня.

А вечером блеснет наконец озеро, как черное, косо поставленное зеркало. Ночь уже стоит над ним и смотрит в его темную воду — ночь, полная звезд.

Всю ночь огонь костра то разгорается, то гаснет. Листва берез висит не шелохнувшись. Роса стекает по белым стволам. И слышно, как где-то очень далеко хрипло кричит старый петух в избе лесника.

В необыкновенной, никогда не слыханной тишине зарождается рассвет. Небо на востоке зеленеет. Голубым хрусталем загорается на заре Венера. Это лучшее время суток. Еще все спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно.

Котелок сердится и бормочет на огне. Мы почему-то говорим шепотом: боимся спугнуть рассвет. С жестяным свистом проносятся тяжелые утки. Туман начинает клубиться над водой.

Так мы живем в палатке на лесных озерах по несколько дней. Наши руки пахнут дымом и брусничкой — этот запах не исчезает неделями. Мы спим по два часа в сутки и почти не знаем усталости. Должно быть, два-три часа сна в лесах стоят многих часов сна в духоте городских домов, в спертom воздухе асфальтовых улиц.

Однажды мы ночевали на Черном озере, в высоких зарослях, около большой кучи старого хвороста.

Мы взяли с собой резиновую надувную лодку и на рассвете выехали на ней за край прибрежных кувшинок ловить рыбу. На дне озера толстым слоем лежали истлевшие листья, и в воде плавали коряги.

Внезапно у самого борта лодки вынырнула громадная горбатая спина черной рыбы с острым, как кухонный нож, спинным плавником. Рыба нырнула и прошла под резиновой лодкой. Лодка закачалась. Рыба вынырнула снова. Должно быть, это была гигантская щука. Она могла задеть резиновую лодку пером и распороть ее, как бритвой.

Я ударил веслом по воде. Рыба в ответ со страшной силой хлестнула хвостом и снова прошла под самой лодкой. Мы бросили удить и начали грести к берегу, к своему биваку. Рыба все время шла рядом с лодкой.

Мы въехали в прибрежные заросли кувшинок и готовились пристать, но в это время с берега раздалось визгливое твяканье и дрожащий, хватающий за сердце вой. Там, где мы спускали лодку, на берегу, на примятой траве, стояла, поджав хвост, волчица с тремя волчатами и выла, подняв морду к небу. Она выла долго и скучно; волчата визжали и прятались за мать. Черная рыба снова прошла у самого борта и зацепила пером за весло.

Я бросил в волчицу тяжелым свинцовым грузилом. Она отскочила и рысцой побежала от берега. И мы увидели, как она пролезла вместе с волчатами в круглую нору в куче хвороста недалеко от нашей палатки.

Мы высадились, подняли шум, выгнали волчицу из хвороста и перенесли бивак на другое место.

Черное озеро названо так по цвету воды. Вода в нем черная и прозрачная.

Этот цвет особенно хорош осенью, когда на черную воду слетают желтые и красные листья берез и осин. Они устилают воду так густо, что челн шуршит по листве и оставляет за собой блестящую черную дорогу.

Но этот цвет хорош и летом, когда белые лилии лежат на воде, как на необыкновенном стекле. Черная вода обладает великолепным свойством отражения — трудно отличить настоящие берега от отраженных.

В луговых озерах летом вода прозрачная, а осенью приобретает зеленоватый морской цвет и даже запах морской воды.

Но большинство озер все же черные. Старики говорят, что чернота вызвана тем, что дно озер устлано толстым слоем опавших листьев. Бурая листва дает темный настой. Но это не совсем верно. Цвет объясняется торфяным дном озер: чем старше торф, тем темнее вода. (600 слов)

По К. Паустовскому

Воробей и стеклянный букет

Все последние дни мама волновалась. Она готовилась впервые танцевать Золушку. За два дня до спектакля мама вынула из сундука сделанный из тонкого стекла маленький букетик цветов. Его подарил маме Машин отец.

Мама вынула стеклянный букет и тихо сказала ему несколько слов. Это было удивительно, потому что раньше мама никогда не разговаривала с вещами.

— Вот, — прошептала мама, — ты и дождался.

— Чего дождался? — спросила Маша.

— Ты маленькая, ничего еще не понимаешь, — ответила мама. — Папа подарил мне этот букет и сказал: «Когда ты будешь в первый раз танцевать Золушку, обязательно приколи его к платью после бала во дворце».

Мама положила стеклянный букетик к себе на стол и сказала, чтобы Маша не смела дотрагиваться до него даже мизинцем, потому что он очень хрупкий.

В этот вечер букет лежал за спиной у Маши на столе и поблескивал. Было так тихо, что казалось, все спит кругом. Не спали только Маша, отопление, зима и старая ворона за окном.

Ворона ждала, когда Петровна откроет форточку, чтобы проветрить на ночь комнату, и уведет Машу умыться.

Как только комната пустела, ворона взлетала на форточку, хватала первое, что попадалось на глаза, и удирала. На этот раз ворона стащила стеклянный букет.

Когда мама возвратилась из театра, она долго плакала, узнав о пропаже.

За всем этим наблюдал воробей Пашка, который по воле случая жил в квартире Маши и все видел.

Когда мама пошла на репетицию в театр, Пашка увязался за ней.

Вечером мама, Маша и Петровна все вместе поехали в театр. А в этот самый час Пашка собрал всех воробьев, какие жили поблизости, и воробьи всей стаей напали на вороний ларек, где был спрятан стеклянный букет.

В это время все струны на скрипках и виолончелях в театральном оркестре тихонько вздрогнули. Высокий человек взмахнул бледной рукой, медленно повел ею, и под нарастающий гром музыки тяжелый бархатный занавес качнулся, легко поплыл в сторону, и Маша увидела большую нарядную комнату, залитую желтым солнцем, и богатых уродок сестер, и злую мачеху, и свою маму — худенькую и красивую, в стареньком сером платье.

— Золушка! — тихо вскрикнула Маша и уже не могла оторваться от сцены.

Там, в сиянии голубого, розового, золотого и лунного света, появился дворец. И мама, убегая из него, потеряла на лестнице хрустальную туфельку.

Было очень хорошо, что музыка все время только то и делала, что печалилась и радовалась за маму, как будто все музыкальные инструменты были живыми добрыми существами. Они всячески старались помочь маме вместе с высоким дирижером. Он так был занят тем, чтобы помочь Золушке, что даже ни разу не оглянулся на зрительный зал.

И это очень жаль, потому что в зале было много детей с пылающими от восторга щеками.

И вот, когда кончился спектакль и музыка так громко и весело запела о счастье, что люди улыбнулись про себя и только недоумевали, почему у счастливой Золушки на глазах слезы, — вот в это самое время в зрительный зал ворвался маленький растрепанный воробей. Было сразу видно, что он выскочил из жестокой драки.

Он закружился над сценой, ослепленный сотнями огней, и все заметили, что в клюве у него что-то нестерпимо блестит, как будто хрустальная веточка.

Зал зашумел и стих. Дирижер поднял руку и остановил оркестр. В задних рядах люди начали вставать, чтобы увидеть, что происходит на сцене. Воробей подлетел к Золушке. Она протянула к нему руки, и воробей на лету бросил ей на ладони маленький хрустальный букет. Золушка дрожащими пальцами приколола его к своему платью. Дирижер взмахнул палочкой, оркестр загремел. Театральные огни задрожали от рукоплесканий. (560 слов)

По К. Паустовскому

Знакомство

В два часа ровно коляска домашней работы, запряженная шестью лошадьми, въехала на двор. Старый Берестов взошел на крыльцо с помощью двух лакеев Муромского. Вслед за ним сын его приехал верхом и вместе с ним вошел в столовую, где стол был уже накрыт. Муромский принял своих соседей как нельзя ласковее, предложил им осмотреть перед обедом сад и зверинец и повел по дорожкам, тщательно выметенным и усыпанным песком.

Возвратясь в гостиную, они уселись втроем. Старики вспомнили прежнее время, а Алексей размышлял о том, какую роль играть ему в присутствии Лизы. Он решил, что холодная рассеянность во всяком случае всего приличнее, и вследствие сего приготовился. Дверь отворилась, он повернул голову с таким равнодушием, с такою гордою небрежностью, что сердце самой закоренелой кокетки непременно должно было бы содрогнуться. К несчастью, вместо Лизы вошла старая мисс Жаксон, набеленная, вся затянутая. Не успел он снова собраться с силами, как дверь опять отворилась, и на сей раз вошла Лиза. Все встали. Отец начал было представление гостей, но вдруг остановился и поспешно закусил себе губы. Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, талия была перетянута, как буква икс, и все бриллианты ее матери сияли на ее пальцах, шее и ушах. Алексей не мог узнать свою возлюбленную Акулину в этой смешной и блестящей барышне. Отец его подошел к ее ручке, и Алексей с досадою ему последовал. Когда прикоснулся он к ее беленьким пальчикам, ему показалось, что они дрожали. Что касается до белил и до сурьмы, то в простоте своего сердца он их с первого взгляда не заметил, да и после не подозревал. Григорий Иванович вспомнил свое обещание и старался не показать и виду удивления; но шалость его дочери казалась ему так забавна, что он едва мог удержаться. Не до смеху было чопорной англичанке. Она догадывалась, что сурьма и белила были похищены из ее комода, и багровый румянец досады пробивался сквозь искусственную белизну ее лица.

Сели за стол. Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы нараспев и только по-французски. Отец поминутно засматривался на нее, не понимая ее цели, но находя все это весьма забавным. Англичанка бесилась и молчала. Один Иван Петрович был как дома: ел за двоих, пил в свою меру, смеялся своему смеху и час от часу дружелюбнее разговаривал и хохотал.

Наконец встали из-за стола; гости уехали, и Григорий Иванович дал волю смеху и вопросам. «Что тебе вздумалось дурачить их? — спросил он Лизу. Лиза была в восхищении от успеха своей выдумки. Она обняла отца и побежала умиловать раздраженную мисс Жаксон, которая насилу согласилась отпереть ей свою дверь и выслушать ее оправдания. Лизе было совестно показаться перед незнакомцами такой чернавкою. Она не смела просить: она была уверена, что добрая, милая мисс Жаксон простит ей. Мисс Жаксон, удостоверясь, что Лиза не думала поднять ее на смех, успокоилась, поцеловала Лизу и в залог примирения подарила ей баночку английских белил, которую Лиза и приняла с изъявлением искренней благодарности. (472 слова)

По А. Пушкину

Предательство

Трудно провести границу между осенью и зимой. Бывает так, что еще не опали листья, а на землю ложится первый слабый снег. А иногда ночью подморозит, и река к утру покроется льдом. Этот лед, зеркальный и тонкий, манит к себе, и тогда радио предупреждает ребят, что ходить по льду опасно.

Но не все ребята слушаются радио. И вот на льду появляются первые смельчаки. Лед прогибается и предупреждающе трещит, но они верят, что родились под счастливой звездой. А счастливая звезда иногда подводит.

Внимание тюфяка (так прозвали одноклассники Васю за его неповоротливость) привлекли крики, которые долетали с реки. Он ускорил шаг и, запыхавшись, вышел на берег.

Там он увидел Димку Ковалева, который размахивал руками и кричал:

— Тонет! Тонет!

— Кто тонет? — не спеша спросил тюфяк.

— Не видишь, что ли! — огрызнулся Димка. — Пацан тонет. Под лед провалился. Что стоишь?!

Другой бы тут же спросил самого Димку Ковалева: «Что же ты не поможешь ему? » Но он был тюфяком и не догадался этого сделать. Он посмотрел на замерзшую реку и заметил маленького первоклашку, который барахтался по пояс в воде и только руками цеплялся за край льда.

Тюфяк был толще и тяжелее Димки, но он шагнул на лед. Лед слегка прогнулся, но не треснул. Вероятно, у берега он был крепче.

Димка Ковалев оживился. Он снова стал махать руками и что-то кричать.

Он кричал для того, чтобы заглушить свой страх.

А тюфяк шагал по льду. Он не слышал криков. Он видел только насмерть перепуганного малыша, который не мог выговорить и слова.

Около полыньи на льду образовалась лужа. Он дошел до края и, не раздумывая, выставил одну ногу вперед. Ботинок сразу зачерпнул воду. Где-то в глубине души он понимал, что сейчас лед может треснуть и он окажется в воде вместе с посиневшим пацаном. Но это не остановило его. Он переставил вторую ногу и очутился по щиколотку в воде.

Теперь Ковалев уже не кричал и не размахивал руками, а напряженно выжидал, что будет дальше. Он видел, как тюфяк схватил малыша за руку, как стал обламывать лед.

Наконец первоклассник очутился на льду. Он шел, вцепившись окоченевшими руками в своего спасителя. Зубы его стучали, а по лицу текли слезы.

Когда они вышли на берег, Ковалев оживился.

— Ты ноги промочил, — сказал он товарищу, — беги домой, а пацана я сам доведу.

Тюфяк посмотрел на спасенного им парня, перевел взгляд на мокрые ботинки и сказал:

— Валяй!

Ковалев схватил за руку мокрого, перепуганного мальчишку и куда-то потащил его.

Тюфяк поплелся домой. Его переживания быстро притупила усталость. И теперь оставались только промокшие ноги и легкий озноб.

Он хотел было рассказать маме, как было дело, но не стал ничего объяснять, лег на диван и зажмурил глаза.

Он быстро уснул.

На другой день, когда после второго звонка он вошел в класс, там никого не было. Оказывается, все ушли наверх на общую линейку. Когда он вошел в зал, все уже построились большой буквой «П». Он протиснулся между ребятами и стал в заднем ряду.

В это время заговорил директор школы. Он сказал, что вчера на реке ученик Дима Ковалев спас первоклассника, провалившегося под лед, и что он, директор, восторгается смелым поступком ученика.

Потом выступала старшая вожатая и зачитала письмо матери провалившегося пацана, в котором Димка назывался спасителем ее сына.

Стиснутый со всех сторон ребятами, тюфяк стоял у стенки и слушал, как все хвалят Димку Ковалева. В какую-то минуту ему хотелось сказать, что Димка врет: никого он не спасал, а просто махал руками и кричал. Но от одной мысли привлечь к себе внимание ему стало стыдно. В конце концов он и сам поверил, что Димка — герой вчерашнего происшествия: ведь он первым заметил тонущего. И когда все захлопали Димке, тюфяк захлопал тоже. (589 слов)

По Ю. Яковлеву

Таинственный флюгер

В городе много флюгеров. В былые времена город балтийских моряков часто обращал взор к железным помощникам — флюгерам: они первыми приносили весть о попутном ветре. Теперь на флюгера никто не обращает внимания. Но их не предупредили, что они больше не нужны людям, и флюгера продолжают нести свою трудную службу. Там, высоко над городом, между небом и землей, скрипя ржавыми петлями, они тяжело поворачиваются на своих штырях. Как живые существа, они разговаривают с ветром и дождем, а первые снежинки, прежде чем опуститься на землю, тихо шуршат рядом с ними.

Случается, что у одного из городских флюгеров так крепко заклинит ржавые петли, что он уже не может пошевелиться. Флюгер погибает, как боец на посту. Люди же не замечают смерти старого флюгера. Стоит на крыше — и ладно.

Киру и его друзья идут по городу и рассматривают флюгера. И кто-то кричит:

— Смотрите, рыба из моря на крышу прыгнула! Все задирают головы. Все смотрят на рыбу.

— Подумаешь, рыба! А ты видел флюгер-русалку?

— А я знаю трех петухов!

— А я знаю дом, на котором флюгер не петух, не рыба, не стрела, — говорит Айна. — Это какое-то странное существо. Он очень высоко, поэтому не разберешь.

Когда ребята подошли к дому с загадочным флюгером, повалил снег.

— Вот таинственный флюгер, — сказала Айна.

Вся компания задрала головы.

Ребята увидели высокую черепичную крышу. На самом краю конька возвышался штырь. На нем был флюгер. Даже с земли видно, что этот флюгер не чета своим собратьям. В его форме было что-то стремительное и непонятное.

Сколько ни глядели ребята на таинственный флюгер, так и не смогли рассмотреть его с земли, а вскоре и разошлись по домам.

Киру же медленно направился к подъезду дома с таинственным флюгером: какой-то горячий огонек вспыхнул в его душе.

На лестнице стоял полумрак: лампочки еще не зажгли. Киру стал подниматься. Он спешил, словно боялся, что огонек,двигающий сейчас его поступками, может погаснуть.

Дверь на чердак оказалась открытой. Киру подошел к слуховому окну и выглянул наружу. Ветер дохнул ему в лицо холодной сыростью. Мальчик смотрел в окно и видел одни крыши. Киру увидел сразу десятки флюгеров. Как стрелки компаса, они смотрели в одну сторону. Киру почудилось, что все флюгера города нацелили свои клювы и стрелы на него и ждут, что он будет делать дальше.

Мальчик высунулся до пояса и посмотрел на крышу.

Крупные дольки черепицы уже не были похожи на легкие перышки. Тяжелые, горбатые, они напоминали панцирь окаменевшего чудовища. А флюгера не было видно. Он был скрыт за высокими трубами.

Тогда Киру вылез из тесного слухового окна и, цепко хватаясь за выступы, стал карабкаться по крыше.

Вот он, таинственный флюгер, которого никто не мог разглядеть с земли. Никакой это не петух! Это конь и всадник. С земли флюгер казался маленьким и легким. Вблизи он был большим и грузным. От времени он покрылся шершавой ржавчиной, а дым измазал его жирной сажей. Дул сильный ветер, и конь с пронзительным скрипом шарахался то влево, то вправо. Может быть, он хотел сбросить своего седока, а может быть, ему хотелось спрыгнуть со штыря и растоптать тяжелыми копытами дерзкого мальчишку.

Киру сидел верхом на гребне крыши и внимательно следил за конем и всадником. В это время ветер ударил с новой силой. Конь мелко задрожал. Киру подумал, что сейчас конь сделает отчаянный прыжок и помчится со своим всадником по черепичным крышам города. Вот здорово!

Ветер ревел все сильнее. Низкие облака мчались над самой головой. Но Киру не было страшно. Его сердце пело. Все старые флюгера сорвались со своих насестов и летали над городом. Плыли рыбы, били крыльями петухи, на ветру спутались волосы русалок. Они спешили в сторону моря. И железный конь скакал туда же. И Киру почувствовал себя всадником, скачущим над городом вместе со взбунтовавшимися флюгерами. (598 слов)

По Ю. Яковлеву

Мой знакомый бегемот

Человек устроен так, что летом он мечтает о синих мятных снегах и о ледяных узорах в окне своей комнаты. Зато зимой подай ему палящее солнце, зеленый шелест ветвей, запах черники.

Я шел по глубокому рассыпчатому снегу и думал о лете. Не о скромном русском лете, а о южном — с приторными запахами ярких цветов, с камнями, раскаленными, как печь, с ленивым, обессиленным от жара морем. Мне даже стало жарко от своих мыслей — я расстегнул дубленку и сдвинул шапку со лба. Снег превратился в сыпучий кварцевый песок, елки взметнулись кипарисами, а ветви сосен закачались, как зеленые веера пальм.

И тут на белом снегу я увидел розовое облако. Оно двигалось медленно, переваливаясь с боку на бок. Иногда оно останавливалось, поворачивалось ко мне и снова продолжало свой путь. Это был бегемот. Ног не было видно — у бегемота ноги коротышки, они наверняка тонули в снегу, — и бегемот как бы плыл, касаясь снега своим круглым животом.

Этот бегемот был воображаемый, как сыпучий песок, кипарисы, веера пальм.

Но в последние дни в моей жизни появился вполне реальный бегемот. Я с ним разговаривал и почесывал за ухом. Уши у него маленькие, скрученные фантиком — два розовых фантика. Бегемот выступал в цирке.

Бегемот был ярко-розовым. Можно было подумать, что он только что вышел из жаркой бани, где его мыли, скоблили, терли мочалками, щетками. Потом поддали сухого пара и стали бить пахучими вениками по крутым бокам. И распаренный, чистый зверь стал розовым, как фламинго. Только те места, которые не удалось отмыть, были как бы присыпаны угольной пылью.

Я стоял перед клеткой и рассматривал его вблизи.

Его голова большая и тяжелая, как колокол. Огромный рот до ушей, а вокруг натканы рыжие еловые иглы — щетина. Иглы-усы, иглы-борода. Когда же бегемот открыл пасть, я даже попятился: зубастая, необъятная, пышущая жаром, она оглушала ослепительным розовым цветом. Розовый язык, розовая гортань, розовое небо. Не небо, а небо, озаренное зарей. И кажется, что из огромного зева вот-вот выкатится солнце. И жаркое дыхание — это приближение солнца.

То ли от мысли о бегемоте, то ли от ходьбы по глубокому снегу, мне стало еще жарче. Я прокладывал в снегу теплую дорожку, и передо мной возникали глаза бегемота. Они все время смотрели в одну точку и ни на что не обращали внимания. Но в них не было ленивого безразличия увальня. Глаза были на чем-то сосредоточены. Может быть, бегемот вспоминал свой родной край, или думал о подруге, или у него что-то болело.

Каждый раз, когда я приходил в цирк, я чесал бегемота за ухом. У него холодная толстая кожа, но она теплела от моей руки. Бегемот не закрывал глаза и не гуркал. Он смотрел в одну точку.

Я приходил к бегемоту с его другом — дрессировщиком Степаном. С приходом Степана бегемот становился подвижным. Он ворочался в бассейне, вертел маленьким хвостом, отчего брызги летели во все стороны. И только глаза — загадочные глаза бегемота — оставались неподвижными и даже грустными...

Я шел по зимнему лесу, а розовое облако всюду следовало за мной, создавая путаницу между югом, севером, летом, зимой. (486 слов)

По Ю. Яковлеву

Слепой музыкант

Молодой человек, казалось, шел вслед за девушкой, не сознавая хорошо, куда она ведет его. Когда в дверях показалось его бледное лицо и тонкая фигура, он вдруг приостановился на пороге этой освещенной комнаты. Но затем он перешагнул через порог и быстро подошел к фортепиано.

Открыв крышку, он слегка тронул клавиши и пробежал по ним несколькими быстрыми легкими аккордами. Казалось, он о чем-то спрашивал не то у инструмента, не то у собственного настроения.

Потом, вытянув на клавишах руки, он глубоко задумался, и тишина в маленькой гостиной стала еще глубже.

Гости, подготовленные только что смолкшим смутным рокотом пианино, отчасти охваченные веянием странного вдохновения, витавшего над бледным лицом слепого, сидели в молчаливом ожидании.

А Петр все молчал, приподняв кверху слепые глаза, и все будто прислушивался к чему-то.

Одну минуту можно было подумать, что он не находит в своей душе того, к чему прислушивается с таким жадным вниманием. Но потом, хотя все с тем же удивленным видом и все как будто не дождавшись чего-то, он дрогнул, тронул клавиши и, подхваченный новой волной нахлынувшего чувства, отдался весь плавным, звонким и певучим аккордам.

И теперь, когда он играл какую-то итальянскую пьесу с трепещущим сердцем и переполненной душой, в его игре с первых же аккордов сказалось что-то до такой степени своеобразное, что на лицах посторонних слушателей появилось удивление. Струны звенели и рокотали, наполняя гостиную и разносясь по смолкшему саду. Глаза молодежи сверкали оживлением и любопытством.

Мотив давно уже изменился. Оставив итальянскую пьесу, Петр отдался своему воображению. Тут было все, что теснилось в его воспоминании, когда он за минуту перед тем молча и опустив голову прислушивался к впечатлениям из пережитого прошлого. Тут были голоса природы, шум ветра, шепот леса, плеск реки и смутный говор, смолкающий в неизвестной дали. Все это сплеталось и звенело на фоне того особенного, глубокого и расширяющего сердце ощущения, которое вызывается в душе таинственным говором природы и которому так трудно подыскать настоящее определение. Тоска? Но отчего же она так приятна? Радость? Но зачем же она так глубоко, так бесконечно грустна?

По временам звуки усиливались, вырастали, крепили. Лицо музыканта делалось странно суровым. Он как будто сам удивлялся новой и для него силе этих неожиданных мелодий и ждал еще чего-то. Казалось, вот-вот несколькими ударами все это сольется в стройный поток могучей и прекрасной гармонии, и в такие минуты слушатели замирали от ожидания. Но, не успев подняться, мелодия вдруг падала с каким-то жалобным ропотом, точно волна, рассыпавшаяся в пену и брызги, и еще долго звучали, замирая, ноты горького недоумения и вопроса.

Слепой смолкал на минуту, и опять в гостиной стояла тишина, нарушаемая только шепотом листьев в саду. Обаяние, овладевавшее слушателями и уносившее их далеко за эти скромные стены, разрушалось, и маленькая комната сдвигалась вокруг них, и ночь глядела к ним в темные окна, пока, собравшись с силами, музыкант не ударял вновь по клавишам.

И опять звуки крепили и искали чего-то, подымаясь в своей полноте, выше, сильнее. В неопределенный перезвон и говор аккордов вплетались мелодии народной песни, звучавшей то любовью и грустью, то воспоминанием о минувших страданиях и славе, то молодою удалью разгула и надежды. Это слепой пробовал вылить свое чувство в готовые и хорошо знакомые

формы. Но и песня смолкала, дрожа в тишине маленькой гостиной тою же жалобною нотой неразрешенного вопроса.

Когда последние ноты дрогнули смутным недовольством и жалобой, в гостиной поднялся шумный говор. Молодые люди, еще взволнованные и возбужденные, пожимали руки музыканта, предсказывали ему широкую известность артиста. (551 слово)

По В. Короленко

Река играет

Проснувшись, я долго не мог сообразить, где я.

Надо мной расстилалось голубое небо, по которому тихо плыло и таяло сверкающее облако. Закинув несколько голову, я мог видеть в вышине темную деревянную церковку, наивно глядевшую на меня из-за зеленых деревьев, с высокой кручи. Вправо, в нескольких саженях от меня, стоял какой-то незнакомый шалаш.

А у самых моих ног плескалась река. Этот-то плеск и разбудил меня от сладкого сна. Давно уже он прорывался к моему сознанию беспокоящим шепотом, точно ласкающий, но вместе беспощадный голос, который подымает на заре для неизбежного трудового дня. А вставать так не хочется.

Я опять закрыл глаза, чтоб отдать себе, не двигаясь, отчет в том, как это я очутился здесь, под открытым небом, на берегу плещущей речки, в соседстве этого шалаша.

Понемногу в уме моем восстановились предшествующие обстоятельства. Солнце встало уже над лесами и водами Ветлуги, когда я, пройдя около пятнадцати верст лесными тропами, вышел к реке и тотчас же свалился на песок, точно мертвый, от усталости и вынесенных из паломничества на Святое озеро, что у Китежа, суровых впечатлений.

Вспомнив, что я уже далеко от них, я бодро отряхнулся от остатков дремоты и привстал на своем песчаном ложе.

Дружеский шепот реки оказал мне настоящую услугу. Когда часа три назад я укладывался на берегу в ожидании парохода, вода была далеко, за старою лодкой, которая лежала на берегу кверху днищем; теперь ее уже взмывало и покачивало приливом. Вся река торопилась куда-то, пенилась по всей ширине и приплескивала почти к самым моим ногам. Еще полчаса — и я очутился бы в воде, как и эта опрокинутая лодка.

Ветлуга, очевидно, выиграла. Несколько дней назад шли сильные дожди: теперь из лесных дебрей выкатился паводок, и вот река вздулась, заливая свои веселые зеленые берега. Резвые струи бежали, толкались, кружились, свертывались воронками, развивались опять и опять бежали дальше, отчего по всей реке вперегонку неслись клочья желтовато-белой пены. По берегам зеленый лопух, схваченный водою, тянулся из нее, тревожно размахивая не потонувшими еще верхушками, между тем как в нескольких шагах, на большой глубине, и лопух, и мать-и-мачеха, и вся зеленая братия стояли уже безропотно и тихо. Молодой ивняк с зелеными нависшими ветвями вздрагивал от ударов зыби.

На том берегу весело кудрявились ракиты, молодой дубнячок и ветлы. За ними темные ели рисовались зубчатою чертой; далее высились красивые осокори и величавые сосны. В одном месте, на вырубке, белели клади досок, свежие бревна и срубы, а в нескольких саженях от них торчала из воды верхушка затонувших перевозных мостков... И весь этот мирный пейзаж на моих глазах как будто оживал, переполняясь шорохом, плеском и звоном буйной реки. Плескались шаловливые струи на стрежне, звенела зыбь, ударяя в борта старой лодки, а шорох стоял по всей реке от лопавшихся то и дело пушистых клочьев пены, или, как ее называют на Ветлуге, речного «цвету».

И казалось мне, что все это когда-то я уже видел, что все это такое родное, близкое, знакомое. (468 слов)

По В. Короленко

Ожидание бури

- Будет буря, товарищ.
- Да, будет сильная буря. Я хорошо знаю этот восточный ветер. Ночь на море будет очень беспокойная.
- Однако посмотрите: вон там, кажется, я видел парус рыбацкой лодки.
- Нет, это мелькнуло крыло птицы. От ветра можешь скрыться за зубцами стены. Прощай. Смена через два часа.

Капрал ушел, часовой остался на стенке небольшого форта, со всех сторон окруженного колыхающимися валами.

Действительно, близилась буря. Солнце садилось, ветер все крепчал, закат разгорался пурпуром, и, по мере того как пламя разливалось по небу, синева моря становилась все глубже и холоднее. Кое-где темную поверхность его уже прорезали белые гребни валов, и тогда казалось, что это таинственная глубь океана пытается выглянуть наружу, зловещая и бледная от долго сдерживаемого гнева.

На небе тоже водворялась торопливая тревога. Облака, вытянувшись длинными полосами, летели от востока к западу и там загорались одно за другим, как будто ураган кидал их в жерло огромной раскаленной печи.

Дыхание близкой грозы уже веяло над океаном. Над темной зыбью, точно крыло испуганной птицы, мелькал парус: запоздалый рыбак, убегая перед бурей, видимо, не надеялся уже достигнуть отдаленного берега и направил свою лодку к форту.

Дальний берег давно утонул в тумане, брызгах и сумерках приближавшегося вечера. Море ревело глубоко и протяжно, и вал за валом катился вдаль к озаренному еще горизонту. Парус мелькал, то исчезая, то появляясь. Лодка лавировала, трудно побеждая волны и медленно приближаясь к острову. Часовому, который глядел на нее со стены форта, казалось, что сумерки и море с грозной сознательностью торопятся покрыть это единственное суденышко мглой, гибелью, плеском своих пустынных валов.

В стенке форта вспыхнул огонек, другой, третий. Лодки уже не было видно, но рыбак мог видеть огни — несколько трепетных искр над беспредельным взволнованным океаном.

Часовой со стены окликает лодку и берет ее на прицел.

Но море страшнее этой угрозы. Рыбаку нельзя оставить руль, потому что волны мгновенно бросят лодку на камни. К тому же старые испанские ружья не очень метки. Лодка осторожно, словно плавающая птица, выжидает прибой, поворачивается на самом гребне волны и вдруг опускает парус. Прибоем ее кинуло вперед, и киль скользнул по щебню в маленькой бухте.

— Кто идет? — опять громко кричит часовой, с участием следивший за опасными эволюциями лодки.

— Брат! — отвечает рыбак. — Отворите ворота. Видишь, какая буря!

Рыбака приняли. За стеной, в солдатской казарме, он найдет приют и тепло на всю ночь. Хорошо будет вспоминать на покое о сердитом грохоте океана и о грозной темноте над бездной, где еще так недавно качалась его лодка.

Часовой вскоре сменился и лег спать.

Но вдруг он сразу проснулся, как будто кто-то окликнул его. Это шквал, перелетев целиком через волнорез, ударил в самую стену. За окном неслись в темноте белые клочья фосфорической пены, и, даже когда грохот стих, камера была полна шипеньем и свистом. Казалось, что-то сознательно грозное пролетело над островом и затихает, и замирает вдали. (454 слова)

По В. Короленко

Охотники на тигров

В провинции Хан-зондо, в городе Кильчу, лет двадцать тому назад существовало общество охотников на тигров. Членами этого общества были все только очень богатые люди. Один бедный молодой человек напрасно старался проникнуть в это избранное общество и стать его полноправным членом.

— Куда ты лезешь? — сказал ему однажды председатель. — Разве ты не знаешь, что бедный человек — это не человек? Ступай себе прочь.

Но тем не менее этот настойчивый молодой человек, отказывая себе во всем, изготовил такое же прекрасное острое стальное копье, а может быть, даже и лучше тех, какие были у всех других богачей-охотников.

И когда они однажды отправились высоко в горы на очередную охоту за тиграми, пошел вслед за ними и молодой человек.

На привале у оврага он подошел к ним и еще раз попросил их принять его в сообщество охотников.

Но они весело проводили свое время, и им нечего было делать с бедным человеком; они опять, насмеявшись, прогнали его.

— Тогда, — сказал молодой человек, — вы себе пейте здесь и веселитесь, а я один пойду на тигра.

— Иди, сумасшедший, — сказали ему, — если хочешь быть разорванным тиграми.

— Смерть от тигра лучше, чем обида от вас.

И юноша ушел в лес. Когда забрался он в самую чащу, то увидел громадного полосатого тигра. Тигр, как кошка, начал играть с ним: то прыгал к нему, то отпрыгивал, ложился и, глядя на молодого человека, весело качал из стороны в сторону своим громадным хвостом.

Все это продолжалось до тех пор, пока юный охотник не крикнул презрительно тигру:

— Принимай мое копье!

И в то же мгновение тигр бросился на человека и, встретив копье, зажал его в зубах. Но тут с неимоверной силой охотник просунул копье ему в горло, и тигр мертвый упал на землю.

Это была тигрица, и тигр, ее муж, уже мчался на помощь к ней.

Хищнику уже не надо было кричать: «Принимай копье», он сам страшным прыжком, лишь только увидел врага, бросился на него.

Охотник и этому зверю успел подставить свое крепкое стальное копье и всадил ему в горло.

Двух больших мертвых тигров он стащил в кусты, а на дороге оставил их хвосты.

А затем возвратился к пировавшим охотникам.

— Ну что? Много набил тигров?

— Я нашел двух, но не мог с ними справиться и пришел просить вашей помощи.

— Это другое дело: веди и показывай.

Они бросили пиршество и пошли за молодым человеком. Дорогой охотники смеялись над ним:

— Что, не захотелось умирать, за нами пришел...

— Идите тише, — приказал бедный охотник, — тигры близко.

Они должны были замолчать. Теперь он уже был старший среди них.

— Вот тигры, — показал на хвосты тигров охотник. Тогда все выстроились и крикнули:

— Принимай мое копье!

Но мертвые тигры не двигались. Тогда бедный охотник сказал:

— Они уже приняли одно копье, и теперь их надо только дотащить до города. Возьмите их себе и тащите. (450 слов)

По Н. Гарину-Михайловскому

Метличка

Она была маленькая, с тонкими прозрачными крылышками, похожая на снежинку. Но снежинки рождаются в холодном воздухе, а Метличка появилась на свет в теплое летнее утро.

На рассвете она поднялась из-под воды и закружилась над озером вместе со своими подружками. Их было так много — белых и легких, — что казалось, будто над озером разгулялась метель.

— Метлички заиграли! — говорили люди и останавливались, чтобы поглядеть на белый хоровод.

Но Метличка не слышала, что говорят люди. Она взмахивала крылышками и поднималась выше и выше. Она в первый раз видела синюю воду озера, облака в небе, зеленые деревья, чистое солнце и радовалась этому как могла.

Она знала только одно: к вечеру, когда солнце опустится за лес, все метлички упадут обратно в воду. Их жизнь кончится, потому что на свете они живут всего лишь один день.

Недаром люди зовут их поденками.

Но Метличка не жалела, что ее жизнь так коротка. Ведь никто не говорил Метличке, что после темноты опять наступает рассвет. Метличка думала, что иначе не бывает: жизнь — это один день.

Может быть, она так бы ничего и не узнала.

Но погода в тот день выдалась беспокойная. Налетел сильный порыв ветра, подхватил Метличку и понес прочь от воды. Не успела Метличка опомниться, как ее занесло ветром на вершину старого Дуба.

Прилепилась Метличка к его ветке, сложила помятые крылышки и стала ждать, когда стихнет ветер.

Миновал час, другой, а ветер дул по-прежнему. И Метличка начала плакать.

Услышал ее Дуб.

— О чем ты плачешь, белая бабочка? — спросил он.

— Я плачу о том, что не могу вернуться на озеро, — ответила Метличка.

— Что ж, ты вернешься домой завтра, — сказал Дуб.

— Я не знаю, что такое «завтра»! — Метличка от удивления даже перестала плакать.

— Завтра будет такой же день.

— Завтра ничего не будет, — сказала Метличка. — Наступит вечер, и мы все состаримся, и умрем, и опустимся в воду, из которой вышли.

— Ах, так вы подёнки¹, — усмехнулся Дуб. — Я и забыл, что для вас не бывает ни завтра, ни послезавтра, ни весны, ни осени.

— А что такое «весна» и «осень»? — спросила Метличка.

И Дуб рассказал ей, как после снежной, студеной зимы приходит на землю весна-красавица и зажигает в лесу первые звездочки медуниц, самых милых на свете цветов. Как весну сменяет

щедрое лето с ягодами, грибами, спелой рожью на полях. Как потом опускается на землю осень и одевает деревья в такие расписные наряды, каких не бывает больше никогда.

— Значит, я ничего этого не увижу? — спросила Метличка. — Почему такая коротенькая у меня жизнь?!

Старый Дуб долго не отвечал, только шумел ветками, и казалось, что он вздыхает тяжело.

— Каждый живет столько, сколько сумеет прожить, — наконец сказал он. — И если ты очень захочешь увидеть зиму и весну, лето и осень, ты увидишь их.

— Как же это сделать?

— Надо не ждать, а идти за ними, — сказал Дуб. — Не бойся ветра. Отпусти ветку, за которую ты держишься. Ветер подхватит тебя, понесет. И, может быть, ты попадешь на Высокую Гору, потом в Долину и Поле. И ты все увидишь.

— Но, может быть, я и не попаду? — спросила Метличка.

— Все может быть. Пускаться в такой путь рискованно. Тебя на каждом шагу будут подстерегать опасности, ты можешь погибнуть.

— Я боюсь! — испугалась Метличка.

— Тогда не ултай. Ветер стихает, скоро ты вернешься на озеро.

Ветер затихал; все реже становились его порывы. Можно было попробовать вернуться на озеро. У Метлички хватило бы сил долететь. Но Метличка уже не хотела этого. Она уже знала про зиму и весну, лето и осень, она представляла их себе. И, наверное, в ее воображении они были еще заманчивей, еще прекраснее, чем на самом деле.

И когда налетел последний, стремительный порыв ветра, Метличка отпустила ветку. И она все увидела за этот короткий день. (591 слово)

По Э. Шиму

По грибы

Люблю грибы собирать!

Идешь по лесу и смотришь, слушаешь, нюхаешь. Деревья рукой гладишь. Хорошо!

Вот вчера ходил. Вышел я за полдень. Сперва по дороге шагал. У березовой рощи поворот и — стоп.

Веселая рощица! Стволы белые — глаза зажмурь! Листья трепещут на ветерке, как солнечная рябь по воде.

Под березами — подберезовики. Ножка тонкая, шляпка широкая. Дно кузова одними светлыми шляпками закрыл.

Сел на пенё, слушаю.

Слышу: стрекочет! Это мне и надо. Пошел на стрекот — пришел в сосновый бор. Сосны от солнца красные, будто загорели. Да так, что кожанка зашелушилась. Ветер треплет кожанку, а она стрекочет, как кузнечик.

В сухом бору гриб боровичок. Боровичок-мужичок. Толстой ногой уперся в землю, понатужился и поднял головой целый ворох хвоинок и листиков. Шапка на глаза насунулась, смотрит сердито.

Бурыми боровиками второй слой в кузове уложил. Поднялся и чую: земляничным запахом потянуло. Поймал я носом земляничную струйку и пошел, как по веревочке. Впереди горка травяная. В траве поздняя земляника — крупная, сочная. И пахнет так, будто тут варенье варят!

От земляники стали губы слипаться. Не грибы уж ищу, не ягоды, а воду. Еле нашел ручеек. Вода в нем темная, как крепкий чай. И заварен этот чай мхами, вереском, опавшими листьями и цветами. Вкусный!

Вдоль ручья — осинки. Под осинками — подосиновики. Бравые ребята — в белых майках и красных тюбетейках. Кладу в кузовок третий слой — красный.

Через осинник — лесная тропка. Петляет, виляет и куда ведет — неизвестно. Да и не все ли равно!

Иду — и за каждой вилюшкой то лисички — желтые граммофончики, то опенки — ноги тонки, то сыроежки — говорушки, а потом пошли всякие — блюдецками, чашечками, вазочками и крышечками. В вазочках печенье — сухие листики. В чашечках чай — лесной настой. Верхний слой в кузовке разноцветный. Кузовок мой — с верхом.

А я все иду: смотрю, слушаю, нюхаю. Хорошо!

Кончилась тропинка, кончился и день. Тучи затянули небо. Никаких примет ни на земле, ни на небе. Ночь. Темнота.

Пошел по тропинке назад — сбился. Стал ладонью землю щупать.

Щупал, щупал — нащупал тропу.

Так и иду, а как собьюсь — ладошкой щупаю. Устал, руки исцарапал. Но вот шлеп ладошкой — вода! Зачерпнул — знакомый вкус. Тот самый ручеек, что настоян на мхах, цветах и травах!

Правильно ладошка меня вывела. Это я теперь языком проверил! А кто дальше поведет?

Дальше повел нос.

Донесло ветерком запах с той самой горушки, на которой варилось днем земляничное варенье. И по земляничной струйке, как по ниточке, вышел я на знакомую горку. А отсюда уж слышно: чешуйка сосновая на ветру стрекочет!

Дальше ухо повело. Вело, вело и привело в сосновый бор. Дело к полуночи. Луна проглянула, лес осветила. Увидел я в низине веселую березовую рощу. Стволы белые блестят в лунном свете — хоть жмурься. Трепещут листья на ветерке, как лунная рябь на воде.

До рощи дошел на глазок.

Отсюда прямая дорога к дому.

Люблю грибы собирать!

Идешь по лесу, и все у тебя при деле: и руки, и ноги, и глаза, и уши. И даже нос и язык!

Дышишь, смотришь, нюхаешь. Все запоминаешь! Хорошо! (476 слов)

По Н. Сладкову

Важная сторона жизни

В 1873 году Лондонское географическое общество снарядило экспедицию в Африку. Ее возглавил капитан Верни Ловетт Камерон.

Он первым из европейцев пересек с востока на запад огромный материк, пройдя пешком около восьми тысяч километров. Пережив множество приключений, оваянный славой, вернулся Камерон в Европу.

На второй день по возвращении в гостиной его дома собралась семья и близкие друзья.

Хозяину нездоровилось. Лихорадка не оставляла его. Но он был приветлив. Всем не терпелось услышать рассказ о путешествии.

Немного подумав, Камерон согласился.

— Я расскажу про случай, не столь занимательный, сколь поучительный. Вы увидите, как порой пустяк, будто лучом, освещает очень важные стороны жизни.

Все, кто был в гостиной, приготовились слушать.

— Этот случай, — начал Камерон, устроившись поудобнее в кресле, — произошел со мной в небольшой африканской деревне. Мы достигли ее в два часа пополудни и собирались, немного отдохнув, двинуться дальше.

Но здесь мы неожиданно узнали, что наш путь преграждает огромное глубокое озеро. Я решил задержаться для исследования. Но где взять лодки? В деревне не было ни одной. Плоты? Но для них нужны деревья, которых нет в этой безлесной местности.

Я был близок к отчаянию. Туземцы мне сказали, что в соседней деревне расположен лагерь арабского купца и у него есть лодки. Не теряя ни минуты, я отправился туда.

«Соседняя» деревня оказалась в десяти часах ходьбы от нашей стоянки. Согласитесь, что такая прогулка под палящими лучами солнца не большое удовольствие.

Но если б я получил лодку! Сайд ибн Габиб — так звали араба — согласился продать мне две лодки, но только за слоновую кость. Ничего другого он взять не соглашался, как я ни упрашивал.

Увы, у меня не было слоновой кости. По счастью, я узнал, что у другого араба — Магомета ибн Саиба — она есть. Но до его бивака был еще день пути.

Магомет ибн Саиб охотно согласился дать мне нужное количество слоновой кости, но только в обмен на сукно и обувь. Ни того ни другого я не имел. Я предлагал ему ружья, порох, кожи, но он решительно отказался. Когда я, раздосадованный, собрался вернуться к себе с пустыми руками, араб сказал мне, что у его соплеменника Магомета ибн Гаариба есть подходящая обувь и сукно, и он согласится поменять их на проволоку. Проволоки у меня было вдоволь.

Я послал за ней своих помощников, а сам отправился к Магомету ибн Гаарибу.

Только через два дня пути вдоль берега озера я достиг цели. Еще через два дня прибыла проволока. И тогда, наконец, состоялась сделка.

Я отдал проволоку Магомету ибн Гаарибу и получил от него одежду и обувь.

На обратном пути я завез все это Магомету ибн Саибу, у которого взял слоновые бивни.

Доставив слоновую кость Сайд ибн Габибу, я получил лодки.

Все, слушавшие капитана, весело рассмеялись.

— Подумать только, — проговорил Камерон в заключение своего рассказа, — насколько сложна и неудобна была бы жизнь цивилизованного общества при таком способе оплаты покупок или услуг. Вообразите, крестьянин, например, чтобы поехать в город поездом, должен был бы привезти дорожному агенту хотя бы воз сена.

— А дантист — запломбировать зуб трактирщику за каждую кружку эля, — продолжил кто-то под общий смех.

Камерон с улыбкой слушал шутки друзей.

— Не смейтесь, господа! Там, в далекой Африке, я впервые понял, какие хорошие слуги — деньги. Верные и расторопные. Как много сил и времени они экономят нам. Поистине велик тот человек, который их выдумал. Эта выдумка стоит многих наших географических и научных открытий. (537 слов)

По Г. Елизаветину

О карикатуре

Искусство карикатуры возникло на земле задолго до того, как появилось само слово «карикатура». Искусство это было рождено замечательным и неотъемлемым свойством человеческой натуры — чувством юмора, способностью смеяться. Давным-давно заметили люди, что смех оказывает глубокое и сильное, подчас чудесное воздействие на психику человека, его настроение, душевное состояние, отношение к происходящему.

В должный момент сказанное меткое насмешливое слово способно заставить человека задуматься над своим поведением, увидеть в новом свете свои поступки. Умная шутка часто оказывается убедительнее пространных, правильных, но скучных наставлений. Едкий, злой сарказм может чувствительно задеть самолюбие человека, вывести из равновесия, сыграть роль сатирического зеркала.

Смех может, с одной стороны, развеселить человека, развлечь его, приободрить, придать уверенность в себе. С другой стороны, смех помогает бороться с отрицательными явлениями в общественной жизни, бичуя их, выставляя на всеобщее посмеище.

Вот эти-то сильные стороны смешного и используют в своем творчестве художники-карикатуристы.

При этом художники, обладающие умением зорко подмечать и метко передавать смешные черточки в облике и поведении людей, прибегали и прибегают для большей выразительности к нарочитому преувеличению подобных характерных примет. Иными словами, рисуя определенные типажи в определенных обстоятельствах, художники показывали их не в натуральном, правдоподобном обличье, а накладывали, нагружали на их подлинные, реальные черты еще и комические качества. Именно поэтому, надо полагать, подобные веселые и насмешливые рисунки издавна стали называть карикатурами, что в переводе с итальянского означает «нагружать».

При этом следует подчеркнуть, что в различные исторические эпохи карикатура являлась прежде всего средством классовой борьбы.

Естественно, что в этой борьбе сатирическое искусство применяло различные средства и приемы.

Искусство живое, острое, веселое, карикатура издавна была распространена во все времена, во всех странах. Она получила широчайшее распространение во всем мире, заняла видное место в истории культуры народов, в их общественной жизни. Формы, стили и жанры карикатуры бесконечно разнообразны. Она комментирует и трактует крупнейшие злободневные проблемы международной жизни, веселит забавными юмористическими шутками и одновременно высмеивает пошлость, мещанство, стяжательство и другие пороки.

Смешно нарисованная, метко направленная карикатура — острое оружие общественности, она желанная гостя и в многомиллионном органе печати, и в школьной стенгазете, и в заводской многотиражке.

Подлинная художественная карикатура всегда имеет ясную задачу: что высмеивается и с какой целью высмеивается. Бестактная, неумная карикатура может незаслуженно оскорбить и унижить человека и при этом поставить в глупое, недостойное положение не только того, кто на ней изображен, но и того, кто ее рисовал.

Карикатура живет по своим собственным своеобразным законам, которые состоят в том, что она на первый взгляд никаким законам не подчиняется. Ведь карикатуристу предоставляется полный простор и право прибегать для раскрытия своего сатирического замысла к любым условностям, гиперболам, внешним несообразностям. В карикатуре самым причудливым и дерзким образом может совмещаться несовместимое: реальное может переплетаться с

фантастическим, правдоподобное с немыслимым. Живые существа могут превращаться в механизмы, люди — в зверей, звери — в географические понятия, неодушевленные предметы могут приобретать человеческий облик, конкретные лица могут вдруг становиться деревьями, фруктами, насекомыми, пресмыкающимися, делаться двуликими, многорукими, многоногими. Да разве мыслимо перечислить и предусмотреть бесконечное множество приемов и средств, которыми пользуется карикатура! (476 слов)

По Б. Ефимову

Оружие смеха

Оружие смеха... Как часто видим мы эти слова в заголовках статей и заметок, когда речь идет о политической карикатуре, сатирическом рисунке, агитационном плакате! Сравнение политической сатиры с оружием, а художников-карикатуристов с бойцами или снайперами давно стало традиционным, так как точно отмечает самую характерную черту сатирической графики как изобразительного искусства.

Конечно, всякое искусство, отстаивающее прогрессивные идеи, в той или иной мере является оружием, поскольку оно в борьбе утверждает передовые или опровергает устаревшие, ошибочные принципы. Но это воинствующее начало, эта боевая целенаправленность, бесспорно, больше всего и прежде всего свойственны искусству сатирическому.

В самом деле, трудно себе представить сатирическое произведение, которое нейтрально отражало бы те или иные явления, те или иные стороны жизни общества. Немногого стоит политическая карикатура, которая никого не задает, ничего не разоблачает. Возникает вопрос: зачем она, собственно, сделана и в чем ее смысл? Ведь тогда сатира перестает быть сатирой и тем самым перестает быть оружием, назначение которого в том и состоит, чтобы по-боевому разить и разоблачать все, что враждебно и противно интересам народа, высмеивать, клеймить и приговодить к позорному столбу все, что несовместимо с его моральными принципами.

И эту задачу — обличать, критиковать и вытравлять негодное — сатира выполняет, создавая образы реалистические или фантастические, такие, которые должны вызывать смех.

Смех — это порох сатирического оружия, динамическая сила, движущая сатирическим ударом. Следует при этом оговориться, что смех, вызванный политической сатирической графикой, бывает не очень веселым.

Гораздо смешнее подчас оказываются забавные юмористические комические сценки на бытовые, семейные, спортивные и курортные темы, которые помещают обычно на последних страницах. Не обременяя читателя серьезными размышлениями, эти изюшутка и «улыбка художника» дают возможность читателю от души посмеяться и приводят его в хорошее настроение, в чем, собственно, и состоит смысл этого приятного и нужного юмористического жанра.

Нет надобности подчеркивать, что совершенно другую задачу ставит перед собой политическая сатира.

Сила и действенность сатиры как раз и зависят от умения художника через смех и посредством смеха дать читателю понять и почувствовать, насколько то или иное явление заслуживает осмеяния, порицания, презрения; заставить читателя разделить мысли и чувства художника, принять характеристики и оценки этого явления, высказанные художником с помощью карикатуры.

Ведь смех смеху рознь. Бывает смех физиологический, для которого достаточно щекотки, бывает смех бездумный, сытый, безмятежный. А бывает и горький смех, грозный, злорадный, презрительный, уничтожающий, торжествующий, — бесконечно богат диапазон смешного. Но когда речь идет о гражданской сатире, то при любой эмоциональной окраске смешного обязательно должна присутствовать ясная, четкая и, как правило, серьезная мысль художника. Нетрудно заметить, что в понятии «карикатура» кроется двоякий смысл. С одной стороны, карикатура — это средство осмеяния и разоблачения отрицательных явлений, подлинная сущность которых раскрывается и подчеркивается сатирическими средствами (карикатуры на взяточников, подхалимов). С другой стороны, можно частенько услышать: «Это был не научный доклад, а карикатура на доклад», «Какой это директор, это карикатура на директора», «Это не самокритика, а карикатура на самокритику». В этих случаях мы называем карикатурой искажение и опошление явлений положительных, заслуживающих уважения. (466 слов)

По Б. Ефимову

Бойе

Из породы северных лаек, белый, но с серыми, точно золой припачканными передними лапами, с серенькой же полоской вдоль лба, Бойе не корыстен с виду. Вся красота его и ум были в глазах — пестроватых, мудро-спокойных, о чем-то постоянно вопрошающих. Но о том, какие умные глаза бывают у собак, и особенно у лаек, говорить не стоит: о том все сказано. Повторю лишь северное поверье: собака, прежде чем стать собакой, была человеком, само собою, хорошим. Это детски наивное, но святое поверье совсем не распространяется на постельных шавок, на раскормленных до телячьих размеров псин, обвешанных медалями за породистое происхождение.

Бойе был труженик, и труженик безответный. Он любил хозяина, хотя сам-то хозяин никого, кроме себя, не умел любить, но так природой назначено собаке: быть привязанной к человеку, быть ему верным другом и помощником.

Суровой северной природой рожденный, свою верность Бойе доказывал делом, ласки не терпел, подачек за работу не требовал, питался отбросами со стола, рыбой, мясом, которые помогал добывать человеку, спал круглый год на улице, в снегу, и только в самые лютые морозы, когда мокрый чуткий его нос, хоть и укрытый пушистым хвостом, засургучивало стужей, он деликатно царапался в дверь и, впущенный в тепло, тут же забивался под лавку, подбирая лапы, сжимался в клубочек и робко следил за людьми: не мешает ли? Поймав чей-либо взгляд, коротким взмахом хвоста просил его извинить за вторжение и за псиный запах, в морозы особенно густой и резкий. Ребятишки норовили чего-нибудь сунуть собаке, покормить ее с руки. Бойе обожал детишек и, понимая, что нельзя малым людям, так нежно пахнущим, учинять обиду отказом, но и пользоваться их подачками ему не к лицу. Прижав уши к голове, смотрел на хозяина, как бы говоря: «Не польстился бы я на угощение, но дети ж неразумные». И, не получив ни дозволения, ни отказа, однако угадав, что хозяин хоть и не благоволит баловству, однако ж и не перечит, Бойе вежливо снимал с детской руки замусоленный осколочек сахара или корочку хлебца, чуть слышно хрустел под лавкой, благодарно шаркал языком розовую ладошку, попутно и лицо, да и закрывал поскорее глаза, давая понять, что он насытился и взяла его дрема. На самом же деле за всеми наблюдал, все видел и слышал.

С каким облегчением пес вываливался из избяной утесненности, когда чуть теплело на дворе. Он валялся в снегу, отряхивался, выбивая из себя застойный дух тесного человеческого жилья.

Без охоты Бойе жить не мог. Если хозяин по какой-либо причине долго не ходил в лес, Бойе ронял хвост, лопухом опускал голову, неприкаянно бродил, никак не мог найти себе место, даже повизгивал и скулил, точно хворый.

На него кричали, и он послушно смолкал, но томление и беспокойство не покидали его. Иногда Бойе один убегал в тайгу, подолгу там пропадал. Как-то принес в зубах глухаря. По первому снегу выследил песца, пригнал его к бараку и до того загонял зверушку вокруг поленницы дров, что, когда на гам и лай вышел хозяин, песец сунулся ему меж ног, отыскивая спасение и защиту. (477 слов)

По В. Астафьеву

Всем ли доступно наслаждение музыкой?

У начинающего слушателя часто возникает вопрос: «Как слушать музыку?» Музыканты и музыковеды считают, что никакого особого способа слушания музыки не существует. Но это не исключает того, что музыку надо действительно уметь слушать. Чтобы услышать все богатства, заключенные в музыкальном произведении, чтобы понять содержание услышанного и суметь оценить его форму, надо обладать навыками слушания музыки и элементарными знаниями особенностей музыкального искусства.

Всем ли доступно наслаждение музыкой? Не требуется ли для этого каких-то особых музыкальных способностей?

Понимание музыки и наслаждение ею доступно, разумеется, каждому. Но один человек хорошо запоминает мелодию и даже может повторить ее голосом или «подобрать» на музыкальном инструменте, а другой не обладает такими способностями. Однако и на него музыка может подействовать: воодушевить, взволновать или успокоить. Некоторые понаравившиеся ему мелодии он легко узнает, хотя и не споет их правильно.

Что можно сказать о человеке, который свое знакомство с музыкой ограничивает популярными песенками? Только то, что он вредит самому себе, обедняет свою жизнь. Ведь чем полнее и разнообразнее духовная жизнь человека, тем он счастливее.

Посмотрим на тех, кто выходит из оперного театра или из зала филармонии после хорошего концерта: музыка уже давно отзвучала, а волнующее переживание все еще владеет ими.

«Человек, слушающий музыку, не может не ощущать своей связи с целым миром, — пишет композитор Шостакович, — не может не слышать, что сердце его бьется в унисон с большим сердцем народа и его мысли текут в огромном потоке народных дум и чаяний. Музыка не только пробуждает дремлющие до времени в человеке чувства, но и дает им выражение. Она позволяет излить то, что назрело в сердце, что давно просилось в мир, но не находило выхода. Она поднимает человека, облагораживает его, укрепляет его достоинство, веру в свои внутренние силы, в свое большое призвание».

Существует неверное мнение, будто с музыкой человек встречается только в минуты отдыха и будто поэтому она играет в нашей жизни преимущественно развлекательную роль. На самом деле, возникнув, как и другие виды искусства, в недрах народной жизни в далекой древности, музыка не только сопровождает человека в минуты отдыха и развлечений, но и является его спутником буквально всюду и всегда.

История музыки начинается с пения. Но уже на самых ранних ступенях развития человеческой культуры рядом с пением появляется инструментальная музыка. Она складывалась из наигрышей пастухов, охотничьих сигналов, музыки, сопровождавшей танцы. В древности поэт, композитор и исполнитель, как правило, были объединены в одном лице. У некоторых народов Кавказа и Средней Азии и до сегодняшнего дня сохранилось искусство таких народных певцов-сказителей.

Как в народной музыке, так и в произведениях великих композиторов отразились история, быт, психология, общественные и этические идеалы людей разных стран.

В песнях каждого народа запечатлены и главные моменты его истории, и неповторимые черты его психологии.

Как и другие виды искусства, музыка сильнейшим образом воздействует на слушателя, вызывая в нем определенные мысли, чувства и настроения. Она не только доставляет слушателю удовольствие своими художественными достоинствами, но и вызывает в нем определенную оценку различных сторон жизни, отраженных в том или ином музыкальном произведении. (481 слово)

По А. Чернову

О преимуществах музыки

У каждого искусства есть свои «преимущества».

Живопись обладает недостижимой для других видов искусства наглядностью. Как бы подробно писатель ни описывал внешность своего героя, все же никакое описание не может в наглядности сравниться с портретом, выполненным живописцем.

Литература имеет перед всеми другими видами искусства преимущество всеобъемлющего показа любых фактов и явлений жизни. Даже в небольшом рассказе писатель может дать картину далекого прошлого, а рядом эпизоды сегодняшней жизни, описать внешность и характеры своих героев, рассказать об их взаимоотношениях, нарисовать картины природы.

Музыка не в состоянии изобразить предмет или событие так, как это могут литература или живопись. Но от музыки этого не требуется. Если бы музыка, отражая жизнь своими средствами, не могла ничем дополнить то, что мы узнаем из литературы и живописи, — она была бы не нужна.

Музыка существует как особый вид искусства в силу того, что и у нее есть свои «преимущества».

В чем же они заключаются? Неисчерпаемый мир человеческих переживаний, так называемая эмоциональная сфера человеческой жизни, тончайшие оттенки настроений, столкновение и борьба противоречивых чувств могут быть в музыке выражены более непосредственно, чем, например, в литературной прозе.

С точки зрения непосредственности передачи чувств ближе всего к музыке стоит поэзия. Но содержание стихотворения мы постигаем в значительной мере благодаря изобразительно-выразительным средствам языка, например сравнениям и иносказаниям.

При восприятии музыки нет необходимости опираться на словесно выраженные понятия и представления.

Вспомните несколько мелодий грустного характера. Любую из них можно кратко определить словом «грустная». Но каждая из них по-своему неповторима. Можно составить огромную концертную программу из одних только грустных песен. И мелодия каждой из них будет иметь свой особенный музыкальный облик, отличающий ее от других грустных мелодий. Наш слух легко определит и запомнит эти различные музыкальные выражения грусти.

Если мы попробуем словами охарактеризовать оттенки настроения этих мелодий, то убедимся, что это чрезвычайно трудно. Не случайно про музыку говорят, что она начинается там, где кончаются слова.

Музыка способна не только выразить то или иное душевное состояние, но и показать процесс развития чувства, борьбу различных чувств, процесс роста и утверждения какого-либо чувства.

Кто из людей не переживал борьбы противоположных чувств? Кому не приходилось ощущать одновременно и уверенность в своих силах, и мучительные сомнения? Кто не испытывал в самые, казалось бы, счастливые периоды своей жизни беспричинную грусть и, наоборот, в минуты отчаяния — присутствие глубоко скрытой веры в счастье?

Такие состояния знакомы каждому. Душевные переживания, душевные процессы реально существуют, представляют собой такую же реальность, как и другие стороны человеческой жизни. Именно музыка обладает удивительными возможностями для выражения всех тонкостей душевных процессов.

Процесс развития чувства, процесс перехода от одного эмоционального состояния к другому может быть показан не только средствами музыки, но и средствами других искусств, но в музыке он выражен наиболее ярко.

Передавая с особой убедительностью все оттенки чувств человека, музыка неизбежно передает суждения о самых различных явлениях и проблемах жизни. Музыка способна отражать и оценивать те же явления жизни, что и другие виды искусств, но в этих явлениях она с большей полнотой выражает как раз те стороны, которые в других искусствах получают или косвенное, или в недостаточной степени полное отображение. (493 слова)

По А. Чернову

Искусство создания фильма

Киноискусство — это искусство создания кинофильма, искусство коллективное, объединяющее художников разных специальностей.

Начинается работа над фильмом со сценария. Это особый вид художественной литературы, где детально разрабатывается содержание будущего фильма; его пишет сценарист.

Затем подбираются актеры на роли героев фильма, готовятся костюмы, декорации, реквизит (необходимые вещи).

Во главе коллектива, создающего кинофильм, стоит кинорежиссер: он выбирает сценарий, подбирает актеров, руководит всей работой по съемкам фильма.

Снимает фильм на пленку кинооператор. Он следит за распределением света и тени в кадре, находит наиболее выразительную «точку зрения» кинокамеры.

Ни режиссера, ни оператора зрители фильма не видят — перед ними только актеры. Именно они доносят до зрителя замыслы режиссера. Много приходится делать киноактеру: и скакать верхом на лошади, и управлять автомобилем, фехтовать, стрелять, плавать, и прыгать с парашютом — в общем, все то, что делают по сценарию герои фильма. Многие актеры стараются все делать сами. Например, актриса Ольга Аросева в фильме «Берегись автомобиля» играла водителя троллейбуса — и она действительно научилась водить троллейбус.

Если актер не умеет что-то делать, его заменяет дублер. Если же нужно выполнить какой-то сложный и опасный трюк, — это дело каскадера.

На заре кинематографа умели «записывать» только движение, фильмы были «немые». Поэтому перед артистами стояла сложная задача: без слов передать зрителям сюжет фильма, и они с этой задачей успешно справлялись. Правда, там, где нельзя было обойтись жестами и мимикой, на помощь приходили титры (надписи в кадре), с помощью которых давались пояснения.

Но «великим немым» кино оставалось недолго. Вместе с изображением научились записывать и звук — на особую «дорожку» у кромки пленки. Начался «золотой век» музыкальных фильмов, где артисты пели, танцевали, играли на музыкальных инструментах.

Затем в кино пришел цвет — и появилось множество «видовых» фильмов, показывающих разнообразие и красоту природы.

Эффект «присутствия» зрителя в кадре, объемное изображение — все это доступно современному кино. Современная техника — в том числе и компьютерная — позволяет создать любое, даже самое фантастическое изображение.

Всю внешнюю обстановку действия фильма — костюмы, декорации, грим — создает художник. Музыка к фильму пишет композитор. Это могут быть песни или инструментальное сопровождение отдельных моментов действия.

В съемке фильма участвуют осветители, звукооператоры, костюмеры, гримеры и еще множество других специалистов. Но вот съемки окончены, километры пленки проявлены и доставлены на киностудию. Начинается монтаж — соединение отдельных «кусков» фильма в единое целое. Эту очень ответственную работу режиссеру помогает выполнить монтажер. Теперь осталось записать звук, сделать титры — надписи, и фильм готов к встрече со зрителями. Эта встреча, как правило, происходит в кинотеатре.

Первые кинотеатры (специальные помещения для показа кинофильмов) называли в нашей стране «иллюзионами». Иллюзион — от слова «иллюзия» — обман зрения. Действительно, на

экране мы можем видеть тех людей, которых давно нет, те события, которые произошли давным-давно.

Но у слова «иллюзия» есть еще одно значение — несбыточная надежда. В «иллюзион» люди приходили, чтобы полюбоваться чужой, незнакомой, красивой жизнью. Чтобы разделить с героями фильмов их высокие чувства: любовь и ненависть, горе и радость. Чтобы порадоваться чужому счастью или посочувствовать чужим страданиям, а заодно отвлечься от собственных жизненных проблем. (470 слов)

По энциклопедии «Я познаю мир. Культура»

Что же такое торнадо?

Торнадо, или смерч, как и тропический шторм, — это быстро вращающаяся масса воздуха, но, в отличие от тропического шторма, зарождается над землей, а не над водой и имеет меньший диаметр. Торнадо со стороны напоминает туманное образование

в виде вращающейся воронки. Как и в случае с тропическими штормами, направление вращения торнадо определяется преобладающим направлением ветров, то есть по направлению часовой стрелки к югу от экватора и против часовой стрелки — к северу.

Процесс образования торнадо, как и тропических штормов, до конца не ясен. Известно, что в обоих случаях непосредственно перед зарождением смерча температура воздуха немного превышает нормальную, затем она резко падает. Влажность воздуха всегда очень высока. Часто высоко в небе наблюдаются необычные быстро движущиеся разноцветные облака. Некоторые очевидцы описывают зарождение торнадо следующим образом. В начале две группы облаков, мчащихся навстречу друг другу, сталкиваются с громким треском. Порядок движения нарушается. Некоторые облака устремляются к земле, а затем, подобно ракетам, быстро взмывают обратно. После этого некоторые фрагменты облаков начинают вращаться относительно друг друга, образуется воронка шириной до четырехсот метров, и торнадо начинает свое движение.

Торнадо сверху шире, чем внизу. Его высота может достигать двух километров. Часто смерч сравнивают с гигантским воздушным змеем или с гигантской змеей. После того как торнадо образовался, он начинает горизонтальное движение со скоростью от пятнадцати до девяноста километров в час. Смерч совершает также вертикальные движения, иногда поднимаясь высоко в воздух, а иногда опускаясь до земли, сметая все с ее поверхности. Приближение торнадо сопровождается свистящим звуком, который перерастает в оглушительный рев, сопровождаемый треском ломаемых деревьев и других предметов, когда вихрь совсем рядом. Его путь обычно не превышает восьмидесяти километров, смерч редко когда живет более двух часов. Иногда появляется сразу несколько вихрей, приводя к образованию семейства торнадо, которое является наиболее опасным.

Самым разрушительным торнадо за всю историю Флориды назвали американские метеорологи тот, что в начале февраля 1998 года пронесся через центральную часть полуострова по диагонали от Мексиканского залива к Атлантическому океану. Скорость ветра временами превышала четыреста двадцать километров в час. Этот ураган принес в Оцеолу большое горе: тридцать восемь человек погибли, сотни остались без крова и десятки тысяч — без электричества.

Оцеола — городок из мобильных домиков, образуемый обычно туристами, приезжающими посетить всемирно известный Диснейленд. В считанные секунды он был превращен в огромную гору искореженных грузовиков и легковых автомобилей, крыш, стекла, лодок, принесенных ветром с ближайшего озера. Были вырваны с корнем и переломаны деревья. Семидесятилетнего священника вместе с креслом, в котором он уснул, вихрь вынес из дома и пронес на шестьдесят метров вдоль улицы. Старик был госпитализирован с многочисленными переломами и ушибами.

Бывает, что поднятый предмет просто покачивается в восходящих потоках внутри грозного торнадо, а через некоторое время мягко опускается на землю. Однажды кухонный шкаф был перемещен на несколько сотен метров, и после такого «путешествия» ни одна тарелка в нем даже не сдвинулась с места. (454 слова)

По энциклопедии «Я познаю мир. Космос»

Жить в согласии с природой

Трудно найти человека, который не любил бы бывать в лесу. Мы любим лес не только потому, что он дает много полезного и нужного: стройматериалы, химическое сырье. Лес — это грибы, ягоды, орехи, прекрасный отдых в выходные дни.

Почему так тянет городского жителя вырваться хоть на короткое время за город: в лес, на речку, к морю, в горы? Часто все это называют «выехать на природу». Такая поездка считается лучшим отдыхом, лучшим способом восстановления сил, сохранения здоровья, продления жизни. Ответ простой: человек порожден природой, он ее часть.

Когда-то он полностью зависел от всего, что его окружало, находился в полном согласии со средой, почти не влияя на ее жизнь, подчиняясь во всем ее власти. Но постепенно он стал высвобождаться от этой зависимости.

Изменение природы человеком началось еще в незапамятные времена: от пятнадцати до двадцати пяти тысяч лет назад, когда первый земледelec бросил в почву первое зерно в надежде, что оно даст новое растение и принесет ему двадцать новых зерен. Раньше, когда человек был собирателем и охотником, он как бы

встраивался в существующую систему природы. Но уже и в те времена шло массовое истребление некоторых животных. Началось с неразумной охоты: зверей убивали больше, чем нужно было для поддержания жизни. Мамонты были истреблены людьми каменного века. Это была одна из первых экологических катастроф. Потом люди стали выжигать леса, чтобы высвободить участки земли под посевы. Долгое время все эти действия не наносили большого ущерба природе, которая успешно «зализывала» раны, обладая способностью к самовосстановлению. Но человек все больше чувствовал свою силу. Добывая полезные ископаемые, он срезал до основания горы или выкачивал нефть. Под землей образовывались обширные пустоты, нарушалось равновесие земной коры. Заботясь об орошении засушливых земель или получении электроэнергии, он возводил плотины на реках, создавал искусственные водохранилища, менял направление течения рек. Все это оказалось далеко не безвредным.

Природная система жизнеобеспечения начала разрушаться из-за неумеренного потребления природных ресурсов. Самое опасное в этих преобразующих природу процессах — изменение климата.

За последние сто лет размах хозяйственной деятельности человека достиг таких размеров, что возникли серьезные нарушения естественно сложившихся связей между различными элементами природы. Человек научился производить много новых веществ, каких до него в природе не было. Практически каждый вид промышленного производства оставляет в природе свой след. Отходы производства можно обнаружить повсюду: в воздухе, в воде, в почве, в живых организмах. Реальной стала угроза того, что изменения эти уже необратимы и ведут к экологическому кризису, то есть к полному разрушению того гармоничного согласного порядка, который сложился в природе за тысячелетия.

Впервые увидев нашу планету из космоса, люди поняли, как мала Земля и как она нуждается в защите. От кого защищать ее? От своего неразумного к ней отношения, потому что, как выяснилось, на Земле нет более сильного и беспощадного разрушителя, чем человек. Люди стали понимать только сейчас: они должны не покорять природу, а найти способ жить с ней в согласии. (460 слов)

По энциклопедии «Я познаю мир. География»

Стихии нашей планеты

Мы живем на планете, где правят стихии — водные, воздушные и земные, и пока бессильны против них. Можно лишь заранее предупредить людей о надвигающемся шторме или урагане. Но нельзя предсказать начало извержения вулкана или тем более землетрясения. Вернее, можно, но очень незадолго до начала бедствия. Часто это бывает слишком поздно.

Человек всегда искал защиты от стихий, стремясь как-то предотвратить нависшую угрозу. С древних времен люди пытались научиться противостоять стихиям, делали попытки вызывать и останавливать дожди и другие силы природы. Так, в семнадцатом веке жители города Катания на Сицилии попытались изменить движение лавы, вырыв для нее новое русло. Но все это делалось наспех в последний момент и не могло принести ощутимой пользы. В наше время имеются более надежные меры защиты: охлаждение лавы морской водой из водометов, разрушение лавовых потоков при помощи бомбежки. В результате защитных мер удавалось изменить направление движения целых лавовых потоков!

Мы так и не знаем до конца, что такое шаровая молния, хотя десятки лет физики пытаются понять и «приручить» это чудо природы. Непонятными и необъяснимыми до сих пор для науки являются причуды шаровых молний. Одна из них, например, через окно кухни проникла в дом, полетала внутри, покрутилась в чугуне с водой, стоявшем на горячей плите, и вылетела в ту же форточку, не тронув никого в комнате. А на улице убила двух людей, лошадь и оплавил кусок рельса.

До конца не разобрались с торнадо и прочими смерчами: что за силы действуют внутри этих гигантских механизмов? Как умудряются они затягивать в себя все живое, а потом «выплевывать», причем в целости и сохранности? И такое ведь бывало! Во Флориде в 1998 году во время торнадо не обошлось без невероятных историй. Например, шестнадцатилетнюю девушку, как пушинку, вытянуло вихрем из окна дома, пронесло по воздуху метров на пятьдесят и опустило на сено, сваленное в кучу на лугу. Полуторагодовалого малыша вихрь унес из дома на матрасике и без вреда и повреждений опустил в нескольких километрах дальше на ветки поваленного дуба.

Много загадок и вопросов должны еще решить ученые, прежде чем научатся управлять стихиями земли, воды и воздуха и направлять их. Страшны стихии земли. Это всем знакомые землетрясения, извержения вулканов, гейзеры, оползни, обвалы, выбросы ядовитых газов и испарений.

Стихии воздуха ничем не лучше. Ураганы и грозы, песчаные бури и падающие куда попало метеориты, миражи и небесные видения «фата-морганы». Последние хоть и неопасны, но неведомы и порой страшны, и об их природе до сих пор мало что известно.

И, наконец, вода, столь необходимая в нашей жизни, но способная и убивать, и калечить. Цунами, гигантские волны многометровой высоты, сметающие все на своем пути. Чудовищные приливы и капризные океанские течения. Град величиной с куриное яйцо. Зловредные туманы. Водопады, низвергающиеся, кажется, с самого неба. А ледники и айсберги — эти коварные странники северных и южных морей? Сколько бед принесли они людям! (453 слова)

По энциклопедии «Я познаю мир. Природные катастрофы»

Гроза пришла

Шли по лесной поляне среди леса. Вокруг поляны теснились кудрявые дубы, от них поляна имела спокойный и серьезный вид. Тучи на юге все росли и темнели, но ветра не было, и повсюду стояла глухая тишина. Над головою тянулось большое, расплывающееся по краям облако ярко-красного цвета. Небо, покрытое странными, клубящимися тучами, выглядело необычно и грозно.

Вскоре все разбрелись по лесу. Лес зазвенел смехом и криками. На западе было еще светло, но кругом становилось все темнее. Среди полной тишины тучи на юге росли медленно и уверенно. Токарев пробирался сквозь чащу орешника, оступаясь о пеньки и бурелом. Слева раздались крики и смех Шеметова и Митрича.

Лес вдали глухо зашумел. По вершинам деревьев бурным порывом пронесся ветер. Токарев шел вперед и старался не сбиться с направления. Сначала он усердно глядел по сторонам, потом перестал и шел лениво, постукивая тросточкою по стволам. Крики и ауканья становились все отдаленнее.

Токарев подумал: «Еще заблудишься тут!» Лес выл и шумел под налетавшим вихрем. Желтые листья и сучки падали на землю. Вдали глухо рокотал гром.

Чаща стала светлеть, Токарев вышел на край какой-то лощинки. Внизу вился болотистый ручей, заросший осокою. Квакали лягушки. По кособору шла дорога и виднелся мостик. Этот, что ли?

По дороге усталою походкою спускались Варвара Васильевна и Ольга Петровна. Токарев направился к ним и позвал остальных.

Вдали откликнулись. Ветер буйно выл по лесу, глухой шум деревьев то рос, то ослабевал, и по глухому шуму струями проносилось резкое шипенье ближних деревьев. Они втроем пошли по дороге навстречу ветру. На юге сверкали яркие зигзаги молний, гром доносился громко и довольно долго после того, как появилась молния.

Вдруг ярко блеснула молния, небо как будто растрескалось и с оглушительным грохотом посыпалось на землю. Из кустов неслышно вышел Шеметов. Он кивнул на небо и сказал: «Отец, слышишь, рубит, а я отвожу!»

Молнии ярко-белыми стрелами сыпались на лес, гром яростно катился по небу из конца в конец, лес ревел и бился. На юге было жутко темно. Ольга Петровна стояла с бледною улыбкой и старалась побороть страх.

На кособоре, среди дубовых кустов, появился Сергей. Молния ярко осветила его кумачовую рубашку. В бешеном восторге он кричал:

— Го-го-го-го! Слышите, ребята! Вон как гремит! Варька, слышишь?!

Ветер рвал на нем рубашку, лицо было безумное и восторженное.

— Позор всем слабым и малодушным! Позор тем, кто перед лицом грозы отрицает идущую грозу! Идет она, идет! Видите вы ее теперь — вы, робкие, сомневающиеся?.. Пришла жизнь, пришла борьба и простор! Слава буре!

— Го-го-го-го! — раздался из чащи голос Тани.

— Татьяна Николаевна, сюда! Наша взяла! Пришла гроза! Слава борцам, слава всем друзьям грозы!

Таня в развевающейся юбке быстро спустилась к мостику. Она упоенно дышала ветром, глаза блестели.

По дороге забили первые крупные капли дождя. Резко блеснула молния. Как пушечный залп, прокатился гром. Дождь хлынул. Из черного леса широко потянуло свежей, сырою прохладой. (452 слова)

По В. Вересаеву

Белая белка

Непривычно, одиноко чувствуешь себя поздней осенью в лесу. Холодно. Деревья уже сбросили свой жаркий осенний наряд, обособились, отодвинулись друг от друга, нарушив плотный лесной хоровод. Земля укрылась лоскутным покрывалом, спрятавшись под слоем опавших листьев, и они шуршат, хрустят под ногами. На полянке колосятся, будто несжатая рожь, стебельки вейника, а на тонких ножках стоят красные, привлекающие к себе, но очень ядовитые ягоды ландыша.

Чем дальше уходишь в глубь леса, тем тревожнее становится на душе. Может быть, оттого, что встречаются на пути обнаженные следы вековой суровой лесной жизни. На бугорке под старой, видно, рано уснувшей липой перья и пух растерзанной птицы. То ли серая ворона попала в лапы хищника, то ли молодой грач, а может быть, лесной сизарь? Вот и поплатилась птица за свою неосторожность. Встречаются и разрытые мышиные норки. Кто-то довольно настойчиво охотился здесь. Неужели лиса?

Тук, тук, тук, а потом удалая дробь барабанщика и — пауза; тук, тук, тук, и снова гулко по лесу несутся знакомые звуки. Наверное, черный дятел долбит на суку. Приглядываюсь и вижу, что не он. Это черно-бело-красный дятел — неугомонный труженик леса, похожий на добросовестного участкового врача. Полечит одно дерево, летит к другому. Сколько же он облетает их за целый день! И синички еще в лесу. Не все потянулись к теплоте и сытному человеческому жилью.

Вдруг что-то метнулось с ветки на ветку и спряталось за стволом. Только хвост торчит белый, как свеча, с подпалиной на конце. Белка, но до чего она удивительна — совсем белая!

Белых белок я никогда не видел. Однажды встретил белого воробья, видел ворону на Кавказе, говорят, живут в Индии белые тигры — альбиносы. И нет ничего удивительного в том, что белка названа так, ведь название произошло от слова «белая». Но мне попадались только серые, рыжие, а порой почти красные белки.

Я замер у дерева, боясь шевельнуться и спугнуть это чудо. Зверек очень занят: спустится с ветки дерева, пороется в сухой замерзшей листве и снова на ветку. И все же что-то его насторожило. Белка поглядела по сторонам и быстро взвилась на соседнее дерево. Я выглянул из своего укрытия, но она уже уносилась по веткам прочь.

Я подошел к дереву, где долго суетился зверек, и на нижнем суку заметил два гриба, насаженные на тонкую веточку. Странно, но грибы оказались свежими. Это были маслята. Тронув их, я понял, что они заморожены.

Нагнулся, разгреб листву под деревом и нашел еще два гриба. Они были крепкими и упругими и разломались с хрустом, как ножки у рыбки.

Я завернул их в платок и понес домой, радуясь тому, что белка помогла мне найти эти красивые, без единой червоточинки грибы. Но метрах в ста от дерева остановился. Подумал: зачем они мне? Не украл ли я их перед самой стужей у маленького беззащитного зверька? Вернулся назад и насадил на ветку, рядом с беличьими. (450 слов)

По В.Алексееву

Зорькина песня

Бабушка разбудила меня рано утром, и мы пошли в тайгу по землянику. Огород наш упирался дальним краем в тайгу. Через жерди переваливались ветви берез, осин, сосен, особенно разрослась черемуха. Черемуху не срубали, и на ней птички вили гнезда.

Деревня еще тихо спала. Ставни на окнах были закрыты, не топились печи, и пастух не выгонял неповоротливых коров на приречный луг.

А по лугу стелился туман, и была от него мокра трава, никли долу цветы куриной слепоты, ромашки прикрыли белые ресницы на желтых зрачках.

Енисей тоже был в тумане, скалы на другом берегу отдаленно проступали вершинами в поднебесье.

Неслышная днем, вдруг обнаружила себя речка, рассекающая село напополам. Она шумела, плескалась на перекатах. И чем дальше, тем смелей и говорливей делалась. Но говор ее внезапно обрывался — прибежала речка к Енисею, споткнулась о его большую воду и пристыженно смолкала. Тонкой волосинкой вплеталась речка в крутые, седоватые валы Енисея, и голос ее сливался с тысячами других речных голосов, и, капля по капле накопив силу, грозно гремела река на порогах, пробивая путь к студеному морю.

Мы с бабушкой пошли по расщелине вверх к тайге. Весной по этой расщелине рокотал ручей, гнал талый снег, лесной хлам и камни в наш огород, но летом утихомирился, и бурный его путь обозначился до блеска промытым камешником.

В расщелине уютно дремал туман и было так тихо, что мы боялись кашлянуть. Бабушка держала меня за руку и все крепче, крепче сжимала ее, будто боялась, что я могу вдруг исчезнуть, провалиться в эту волокнисто-белую тишину. А я боязливо прижимался к ней.

Туман все плотнее прижимался к земле, волокнистой куделек» затянуло село, огороды и палисадники, оставшиеся внизу.

Но светом и теплом все шире разливающегося утра тоньше и тоньше раскатывало туманы, скручивало их валами в расщелине, загоняло в потайную дрему тайги.

Запела на улицах березовая пастушья дуда, откликнулись ей со двора коровы. Тихо умирали над рекой туманы.

А в расщелине и тайге они будут стоять до высокого солнца, которое хотя еще и не обозначило себя за далью гор, но с первыми звуками убиралось в ущелья, провалы речек, обращались студеными каплями и питали собой листья, травы и все живое, цветущее на земле.

Мы шли в тумане, брели по нему, будто по мягкой, податливой воде, медленно и бесшумно. Вот туман по грудь нам, по пояс, до колен, и вдруг навстречу полоснуло ярким светом, празднично заискрилось, заиграло в лапках пихт, на камнях, на упругих шляпках молодых маслят, в каждой травинке и былинке.

Над моей головой встрепенулась птичка, стряхнула горсть искорок и пропела звонким, чистым голосом, как будто она и не спала, будто все время была начеку: «Тить-тьи-ти-ти-рри».

— Что это, баба?

— Это Зорькина песня.

— Как?

— Зорькина песня. Птичка зорька утро встречает, всех птиц об этом оповещает.

И, правда, на голос зорьки ответило сразу несколько голосов — и пошло, пошло! С неба, с сосен, с берез — отовсюду сыпались на нас яркие, неуловимые, смешавшиеся в единый хор птичьи голоса. Их было много, и один звонче другого, и все-таки Зорькина песня, песня народившегося утра, слышалась яснее других.

И мы поспешили навстречу утру и солнцу, медленно поднимающемуся из-за тайги. Нас провожали и встречали птичьи голоса; нам низко кланялись обомлевшие от росы сосенки, ели, березы.

В росистой траве загорались от солнца красные огоньки земляники. Я наклонился, взял пальцами чуть шершавую, еще только с одного бока опаленную ягодку и осторожно опустил ее в корзинку. Руки мои запахло лесом, травой и этой яркой зарею, разметавшейся по всему небу.

А птицы все так же громко и многоголосо славили утро, солнце, и Зорькина песня, песня пробуждающегося дня, вливалась в мое сердце и звучала, звучала, звучала. (578 слов)

По В. Астафьеву

Родные березы

Заболел я однажды, и мне дали путевку в южный санаторий, где я никогда еще не бывал. Меня уверили, что там, на юге, у моря, все недуги излечиваются быстро и бесповоротно. Но плохо больному человеку, везде плохо, даже у моря под южным солнцем. В этом я убедился очень скоро.

Какое-то время я с радостью первооткрывателя бродил по набережной, по приморскому парку среди праздной толпы, и не раздражали меня пока ни это массовое безделье, ни монотонный шум моря, ни умильные, ухоженные клумбочки с цветами. Но уже через неделю мне стало здесь чего-то не доставать, сделалось одиноко, и я начал искать чего-то. Чего искал — сам не ведал.

Часами смотрел я на море, пытаюсь обрести успокоение, наполненность душевную и тот смысл и красоту, которые всегда находили в пространстве моря художники, бродяги и моряки.

Море нагоняло на меня еще большую тоску мерным, неумолчным шумом. В его большом и усталом дыхании слышалась старческая грусть. Вспененные волны перекатывали камни по берегу, словно бы отсчитывая годы. Оно много видело, это древнее, седобровое море, и оттого в нем было больше печали, чем веселости.

Впрочем, говорят, что всяк видит и любит море по-своему. Может, так оно и есть.

В приморском парке росли деревья и кусты, собранные со всех сторон мира. Встречались здесь деревья с африканским знойным отливом в широких листьях. Фикусы росли на улице, а я-то думал, что они растут лишь в кадках в домах. Воспетые в восточных одах, широко стояли платаны и чинары, роняя на чистые дорожки мохнатые шарики с ниточками. Кипарисы, темные и задумчивые, и днем и ночью мудро молчали. Непорочными, какими-то невероятно театральными цветами были обвешаны магнолии.

И пальмы, пальмы. Низкие, высокие, разлапистые. В расчесах пальм жили воробьи и ссорились, как обитатели коммунальной квартиры, всегда и всем недовольные, если даже удавалось им свить гнездо в кооперативной квартире или на райской пальме. Понизу стелились и прятались меж деревьев кусты, бесплодные, оскопленные ножницами. В гуще кустов росли кривые карликовые деревца с бархатистыми длиннопальчатыми листьями. Их покорность, еле слышное перешептывание напоминали тихих красавиц из загадочной арабской земли.

Кусты, деревья, все эти заморские растения, названий которых я не знал, удивляли, но не радовали. Должно быть, открывать и видеть их надо в том возрасте, когда снятся далекие страны и тянет куда-то убежать. Но в ту пору у нас и сны и мечты были не об этом, не о далеких странах, а о том, чтоб свою как-то уберечь от цивилизованных разбойников двадцатого века.

Долго бродил я по приморскому парку, глазел, дивился и вдруг увидел среди заморских кущ три березки толщиной в детскую руку. Глазам своим я не поверил. Не растут березы в этих местах. Но они стояли на полянке в густой мягкой травке, опустив долу ветви. Березы и в наших-то лесах, если растут поодиночке, сиротами кажутся, а здесь и вовсе затерялись, не шуршали корою, не лопотали листом, и все-таки от них нельзя было оторваться глазу. Белые стволы берез пестрели, как веселые сороки, а на нежной зелени зазубренных листьев было так хорошо, покойно взгляду после ошеломляющего блеска чужеземной, бьющей в глаза растительности.

Садовник широкодушно высвободил место березам в этом тесном парке, где обязательно кто-то и кого-то хотел затмить, а потом и задушить. Березы часто поливали, чтобы не сомлели и не умерли они от непосильного для них южного солнца.

Березки эти привезли вместе с травяной полянкой на пароходе, отпоили и выходили их, и они прижились. Но листья берез лицевой стороной были повернуты к северу, и вершины тоже.

Я глядел на эти березы и видел деревенскую улицу, козырьки ворот, наличники окон в зеленой пене березового листа, березовые веники, без которых не обходилась ни одна баня. И всю зиму березовый веник верно служил свою службу людям.

Ах, как сладко пахнет береза! (595 слов)

По В. Астафьеву

Чудесный доктор

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды густого общественного сада. Машинально он свернул в калитку и, пройдя длинную аллею лип, занесенных снегом, опустил на низкую садовую скамейку.

Глубокая тишина и великое спокойствие, сторожившие сад, вдруг пробудили в истерзанной душе Мерцалова нестерпимую жажду такого же спокойствия.

«Вот лечь бы и заснуть, — думал он, — и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». В этот ужасный год несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он заболел сам и из-за болезни лишился работы и денег, потом начали болеть дети.

Мерцалов хотел встать и уйти, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов. Кто-то шел по аллее. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и спросил:

— Вы позволите здесь присесть?

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал и не оборачивался.

— А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, — продолжал незнакомец.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил прилив отчаянной злобы. Он резким движением повернулся в сторону старика и закричал, закричал о том, что его ребятишки подышают с голоду, а жене нечем кормить младенца. Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных криков старик поднимется и уйдет, но он ошибся. Старик приблизил к нему свое умное, серьезное лицо с седыми баками и сказал дружелюбно, но серьезным тоном:

— Подождите, не волнуйтесь! Расскажите мне все по порядку.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того

спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же без малейшей утайки, страшно волнуясь, передал свою историю. Незнакомец слушал не перебивая. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил со своего места и схватил Мерцалова за руку.

— Едемте! — сказал незнакомец. — Едемте скорее! Счастье ваше, что вы встретились с врачом.

Минут через десять Мерцалов и доктор входили в подвал, где жила семья. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и, оставшись в старомодном, довольно поношенном сюртуке, подошел к больной.

Через две минуты Гришка, старший сын, растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям. Володя раздувал изо всех сил самовар, жена Мерцалова обворачивала Машутку согревающим компрессом. Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чай, сахар, булки и достать в ближайшем трактире горячую пищу. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыл написанное чайным блюдечком и сказал:

— Вот с этой бумажкой пойдете в аптеку. Завтра пригласите доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Затем прощайте! Дай Бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнесся к вам, а главное — не падайте никогда духом.

Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

— Доктор, постойте! Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

В другом конце коридора спокойный старческий голос произнес:

— Вот еще пустяки выдумали! Возвращайтесь-ка домой скорей!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов.

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего неожиданного благодетеля. На аптечном ярлыке, прикрепленном к пузырьку с лекарством, четкою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова».

С тех пор точно благодетельный ангел снизошел в семью Мерцаловых. Просто чудо совершил этот святой человек. (556 слов)

По А. Куприну

Ю-ю

Звали ее Ю-ю. Не в честь какого-нибудь китайского мандарина Ю-ю, а просто так. Увидев ее впервые маленьким котенком, молодой человек трех лет вытаращил глаза от удивления, вытянул губы трубочкой и произнес: «Ю-ю». И пошло — Ю-ю.

Сначала это был только пушистый комок с двумя веселыми глазами и бело-розовым носиком. Дремал этот комок на подоконнике, на солнце; лакал, жмурясь и мурлыча, молоко из блюдечка; катался по полу, играя бумажкой, собственным хвостом. И мы сами не помним, когда это вдруг вместо пушистого комка мы увидели большую, стройную, гордую кошку — первую красавицу и предмет зависти любителей.

Выросла всем кошкам кошка. Темно-каштановая, с огненными пятнами, на груди пышная белая манишка, усы в четверть аршина, шерсть длинная и вся лоснится, задние лапки в широких штанинах!

Спала Ю-ю в доме, где хотела: на диванах, на коврах, на стульях, на пианино сверх нотных тетрадок. Очень любила лежать на газетах, подползши под верхний лист.

А самое замечательное в ней было — это ее характер.

Когда дом начинал просыпаться, первый ее деловой визит бывал всегда ко мне. Ю-ю открывала мордочкой и лапками неплотно затворяемую дверь, входила, вспрыгивала на постель, тыкала мне в руку или в щеку розовый нос и говорила коротко: «Мур».

За всю свою жизнь она ни разу не мяукнула, а произносила только этот довольно музыкальный звук «мур». Но было в нем много разнообразных оттенков, выражавших то ласку, то тревогу, то требование, то отказ, то благодарность, то досаду, то укор. Короткое «мур» всегда означало: «Иди за мной».

Она прыгивала на пол и, не оглядываясь, шла к двери. Она не сомневалась в моем повиновении.

Бывали у меня с Ю-ю особенные часы спокойного семейного счастья. Это тогда, когда я писал по ночам. Занятие довольно изнурительное, но, если в него втянуться, в нем много тихой отрады.

Царапаешь, царапаешь пером, вдруг не хватает какого-то очень нужного слова. Остановился. Какая тишина! Шипит еле слышно керосин в лампе, шумит морской шум в ушах, и от этого ночь еще тише. И все люди спят, и все звери спят, и птицы, и дети. Даже собаки и те не лают, заснули. Косят глаза, расплываются и пропадают мысли. Где я? В дремучем лесу или на верху высокой башни? И вздрогнешь от мягкого упругого толчка. Это Ю-ю легко вскочила с пола на стол. Совсем неизвестно, когда пришла.

Поворочается немного на столе, помнетя, облюбовывая место, и сядет рядышком со мною пушистым комком. Все четыре лапки подобраны и спрятаны, только две передние бархатные перчаточки чуть-чуть высовываются наружу.

Я опять пишу быстро и с увлечением. Порою, не шевеля головою, брошу быстрый взор на кошку, сидящую ко мне в три четверти. Ее огромный изумрудный глаз пристально устремлен на огонь. Но как ни мгновенно движение моих ресниц, Ю-ю успевает поймать его и повернуть ко мне свою изящную мордочку. Щелочки вдруг превращаются в блестящие черные круги, а вокруг них тонкие каемки янтарного цвета. Ладно, Ю-ю, будем писать дальше.

Царапает, царапает перо. Сами собою приходят ладные, уклюжие слова. В послушном разнообразии строятся фразы. Но уже тяжелеет голова, ломит спину, начинают дрожать пальцы правой руки. Не пора ли?

И Ю-ю думает, что пора. Она уже давно придумала развлечение: следит внимательно за строками, вырастающими у меня на бумаге, водя глазами за пером. И вдруг хлоп лапкой. Удар меток и быстр: черная кровь размазана по бумаге.

Вот и все про Ю-ю. (531 слово)

По А. Куприну

В Киеве

Переехав из Ирпеня в Киев, мы поселились на Глубочицкой улице, которая залегала в глубине огромнейшего оврага, или каньона, как было бы правильнее его назвать. По этой улице или (что одно и то же) по дну оврага можно было спуститься из верхней части Киева в его нижнюю часть, расположенную вдоль берега Днепра и называвшуюся Подолом.

Дом на Глубочицкой улице, в котором отец снял квартиру, оказался одноэтажный, причем какой-то серый, невзрачный, скучный на вид.

В эти «хоромы», как насмешливо обозвала нашу новую квартиру мать, мы и переехали со всеми вещами и мебелью. Вход в квартиру был со двора. В сущности, никакого двора здесь не было, так как, выйдя из сеней, вы упирались в подножие обрыва, то есть в крутую, почти отвесную стену оврага, на дне которого стоял дом. Чтобы выбраться на улицу, надо было пройти по узкой дорожке между стеной оврага и домом мимо других таких же, как наша, квартир. Повернув за угол и пройдя вдоль боковой стены дома, вы тут же попадали к деревянным воротам с калиткой. Одним словом, не разгуляешься. Во всем чувствовалось стеснение. Тесно было в доме, тесно было в этом, с позволения сказать, дворе, тесно было и на улице с узенькими, лепящимися прямо к стенам домов тротуарами, шагая по которым только и приходилось глядеть, как бы не налететь на кого-нибудь из прохожих.

Вот когда я пожалел о деревенском раздолье. С тех пор как мы переехали в Киев, в душе у меня поселилась мечта о возвращении обратно в Ирпень. Да и не только у меня в душе. У всех была такая мечта. Все только и твердили об этом.

К счастью, мы вскоре переехали в один из окраинных районов Киева, на Борщаговскую улицу. Дом здесь был тоже одноэтажный, и квартиры были устроены по тому же принципу, что и на Глубочицкой улице. Разница заключалась в том, что и сени, и кухня, и комната были немного просторнее. А главное, не было торчащей под самым носом и закрывавшей доступ свету стены оврага. В комнате было два окна, выходивших во двор. Под окнами росла большая черемуха. Весной она зацветала так пышно, что казалось, будто это уже не дерево, а белое облако, каким-то чудом опустившееся на землю. Летом все дерево было осыпано темно-синими, почти черными ягодами величиной с горошину. А зимой на черемухе бывали частыми гостями снегири. Их хорошо можно было разглядеть, если забраться на подоконник и прижаться лицом к стеклу так, чтоб видеть верхние ветки дерева. Много лет прошло с тех пор, но я и сейчас очень легко представляю себе эту сказочную картину. На ней лишь одни голые, корявые темно-серые ветки черемухи, опушенные сверху белым снежком, а на ветках сидят красногрудые птички.

Милые друзья моего детства, мои милые снегири! Как я мечтал поймать хоть одного из вас и держать дома в клетке! Я воображал, что был бы самым счастливым человеком на свете, если бы мне подарили вдруг снегиря. Но мое детство так и прошло без снегиря. Никто никогда не дарил мне ни снегиря, ни какой-нибудь другой птички в клетке. Но я не жалею об этом. Я даже рад, что никогда не сажал вольную птицу в клетку, не держал ее взаперти, в то время как она могла летать и наслаждаться свободой.

Не знаю сейчас уже, испытал бы ли я полное счастье в те времена, если бы стал вдруг обладателем снегиря. Но зато хорошо знаю, что был самым счастливым человеком на свете именно тогда, когда смотрел на моих любимых пичужек из окна и предавался своим мечтам. (562 слова)

По Н. Носову

В поезде

Вронский и не пытался заснуть всю эту ночь. Он сидел в своем кресле, то устремив глаза вперед, то оглядывая входивших и выходивших, и если и прежде он поражал и волновал незнакомых ему людей своим видом непоколебимого спокойствия, то теперь он еще более казался горд и самодовлеющ. Он смотрел на людей, как на вещи. Молодой нервный человек, служащий в окружном суде, сидевший против него, возненавидел его за этот вид. Молодой человек и закурил у него, и заговаривал с ним, и даже толкал его, чтобы дать ему почувствовать, что он не вещь, а человек, но Вронский смотрел на него все так же, как на фонарь, и молодой человек гримасничал, чувствуя, что он теряет самообладание под давлением этого непризнания его человеком.

Вронский ничего и никого не видел. Он чувствовал себя царем. Он еще не верил, что произвел впечатление на Анну, но впечатление, которое она произвела на него, давало ему счастье и гордость.

Что из этого всего выйдет, он не знал и даже не думал. Он чувствовал, что все его доселе распушенные, разбросанные силы были собраны в одно и со страшной энергией были направлены к одной блаженной цели. И он был счастлив этим. Он знал только, что сказал ей правду, что он ехал туда, где была она, что все счастье жизни, единственный смысл жизни он находил теперь в том, чтобы видеть и слышать ее. И когда он вышел из вагона в Бологове, чтобы выпить сельтерской воды, и увидел Анну, невольно первое слово его сказало ей то самое, что он думал. И он рад был, что сказал ей это, что она знает теперь это и думает об этом. Он не спал всю ночь. Вернувшись в свой вагон, он не переставая перебирал все ее слова, и в его воображении, заставляя замирать сердце, носились картины возможного будущего.

Когда в Петербурге он вышел из вагона, он чувствовал себя после бессонной ночи оживленным и свежим, как после холодной ванны. Он остановился у своего вагона, ожидая ее выхода. «Еще раз увижу, — говорил он себе, невольно улыбаясь, — увижу ее походку, ее лицо, а может быть, она скажет что-нибудь, повернет голову, взглянет, улыбнется». Но прежде он заметил ее мужа, которого начальник станции учтиво проводил сквозь толпу. «Ах, да! муж!» Теперь только в первый раз Вронский ясно понял то, что муж был связанным с нею человеком. Он знал, что у нее есть муж, но не верил в существование его и поверил в него, только когда увидел его, с его головой, плечами и ногами в черных панталонах, когда увидел, как этот муж с чувством собственности спокойно взял ее руку.

Увидев Алексея Александровича с его петербургски свежим лицом и строго самоуверенною фигурой, в круглой шляпе, с немного выдающеюся спиной, он поверил в него и испытал неприятное чувство, подобное тому, какое испытал бы человек, мучимый жаждою, добравшийся до источника и находящий в этом источнике собаку, овцу или свинью, которая и выпила, и взмутила воду. Неуклюжая походка Алексея Александровича особенно оскорбляла Вронского. Он только за собой признавал несомненное право любить ее. Но она была все та же, и вид ее все так же, физически оживляя, возбуждая и наполняя счастьем его душу, подействовал на него. Он приказал подбежавшему к нему из второго класса немцу-лакею взять вещи и ехать, а сам подошел к ней. Он видел первую встречу мужа с женою и заметил с проницательностью влюбленного признак легкого стеснения, с которым она говорила с мужем. «Нет, она не любит и не может любить его», — решил он сам с собою. (562 слова)

По Л. Толстому

Муравейное братство

Старший брат Николенька был на шесть лет старше меня. Он был удивительный мальчик и потом удивительный человек. Воображение у него было такое, что он мог рассказывать сказки, истории с привидениями или юмористические истории без остановки и запинки, целыми часами и с такой уверенностью в действительность рассказываемого, что забывалось, что это выдумка.

Если он не рассказывал и не читал (он читал чрезвычайно много), то рисовал. Рисовал он почти всегда чертей с рогами, закрученными усами. Рисунки эти тоже были полны воображения и юмора.

Так вот он-то объявил нам, что у него есть тайна, благодаря которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми: не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться, и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. И я помню, что слово «муравейные» особенно нравилось, напоминая муравьев в кочке.

Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том, что мы садились под стулья, загораживая их ящиками, завешивая платками, и сидели там, в темноте, прижимаясь друг к другу. Я, помню, испытывал особенное чувство любви и умиления и очень любил эту игру.

Муравейное братство было открыто нам, но главная тайна о том, как сделать, чтобы все люди не знали никаких несчастий, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги на краю оврага Старого Заказа. Кроме этой палочки была еще какая-то Фанфаронова гора, на которую, по его словам, он может отвести нас, если только мы исполним все положенные для того условия. Во-первых, нужно стать в угол и не думать о белом медведе. Помню, как я становился в угол и старался, но никак не мог не думать о белом медведе. Второе условие, я помню, какое-то очень трудное — пройти, ни разу не оступившись, по щелке между половицами, а третье легкое — в продолжение года не видеть зайца, все равно какого: живого, или мертвого, или жареного. Потом надо поклясться никому не открывать этих тайн.

У того, кто исполнит эти условия и еще другие, более трудные, одно желание, какое бы то ни было, будет исполнено. Мы должны были сказать наши желания. Сережа пожелал уметь лепить лошадей и кур из воска, Митенька пожелал уметь рисовать, как живописец, большие картины. Я же ничего не мог придумать, кроме того, чтобы уметь рисовать маленькие картины. Все это, как это бывает у детей, очень скоро забылось, и никто не поднялся на Фанфаронову гору. Но я помню ту таинственную важность, с которой Николенька посвящал нас в эти тайны, и тот трепет перед удивительными вещами, которые нам открывались.

В особенности же оставило во мне сильное впечатление муравейное братство и таинственная зеленая палочка, которая должна осчастливить всех людей.

Идеал муравейных братьев, льющих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня. И как я тогда верил, что есть зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает. (516 слов)

По Л. Толстому

Облик Чехова

Обычно бывает так: познакомишься с человеком, изучишь его наружность, походку, голос, манеры, и все-таки всегда можешь вызвать в памяти его лицо таким, каким его видел в самый первый раз, совсем другим, отличным от настоящего. Так и у меня после нескольких лет знакомства с Антоном Павловичем сохранился в памяти тот Чехов, каким я его увидел впервые в общей зале «Лондонской» гостиницы в Одессе. Показался он мне тогда почти высокого роста, худощавым, но широким в костях, несколько суровым на вид. Следов болезни в нем тогда не было заметно, если не считать его походки — слабой и точно на немного согнутых коленях. Если бы меня спросили тогда, на кого он похож с первого взгляда, я бы сказал «на земского врача или на учителя провинциальной гимназии». Но было в нем также что-то простоватое и скромное, что-то чрезвычайно русское, народное в лице, в говоре и в оборотах речи, была также какая-то кажущаяся московская студенческая небрежность в манерах. Именно такое первое впечатление выносили многие, и я в том числе. Но спустя несколько часов я увидел совсем другого Чехова — именно того Чехова, лицо которого никогда не могла уловить фотография и которое, к сожалению, не понял и не прочувствовал ни один из писавших с него художников. Я увидел самое прекрасное и тонкое, самое одухотворенное человеческое лицо, какое только мне приходилось встречать в моей жизни.

Многие впоследствии говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до странного общая для всех, кто знал его. Глаза у него были темные, почти карие, причем правый глаз был окрашен значительно сильнее, что придавало взгляду Антона Павловича выражение рассеянности. Верхние веки несколько нависали над глазами, что так часто наблюдается у художников, охотников, моряков — словом, у людей с сосредоточенным зрением. Благодаря пенсне и манере глядеть сквозь низ его стекол, несколько приподняв вверх голову, лицо Антона Павловича часто казалось суровым. Но надо было видеть Чехова в иные минуты, когда им овладевало веселье и когда он, быстрым движением руки сбрасывая пенсне и покачиваясь взад и вперед на кресле, раздражался милым, искренним и глубоким смехом. Тогда глаза его становились полукруглыми и лучистыми, с добрыми морщинками у наружных углов, и весь он тогда напоминал тот юношеский известный портрет, где он изображен почти безбородым, с улыбающимся, близоруким и наивным взглядом несколько исподлобья. И вот что удивительно: каждый раз, когда я гляжу на этот снимок, я не могу отделаться от мысли, что у Чехова глаза были действительно голубые.

Обращал на себя внимание в наружности Антона Павловича его лоб — широкий, белый и чистый, прекрасной формы. Лишь в самое последнее время на нем легли между бровями, у переносья, две вертикальные задумчивые складки. Уши у Чехова были большие, некрасивой формы, но другие такие умные, интеллигентные уши я видел еще лишь у одного человека — у Толстого.

Однажды летом, пользуясь добрым настроением Антона Павловича, я сделал несколько его снимков ручным фотографическим аппаратом. Но, к несчастью, лучшие из них и чрезвычайно похожие вышли совсем бледными из-за слабого освещения кабинета. Про другие же, более удачные, сам Антон Павлович сказал, посмотрев на них:

— Ну, знаете ли, это не я, а какой-то француз.

Помнится мне теперь очень живо пожатие его большой, сухой и горячей руки — пожатие, всегда очень крепкое, мужественное, но в то же время сдержанное, точно скрывающее что-то. Представляю ТИЖБ себе и его почерк: тонкий, без нажимов, ужасно мелкий, с первого взгляда — небрежный и некрасивый, но, если к нему приглядеться, очень ясный, нежный, изящный и характерный, как и все, что в нем было. (558 слов)

По А. Куприну

Чехов

Вставал Антон Павлович Чехов, по крайней мере летом, довольно рано. Никто даже из самых близких людей не видал его небрежно одетым; также не любил он разных домашних вольностей вроде туфель, халатов и тужурок. В восемь-девять часов его уже можно было застать ходящим по кабинету или за письменным столом, как всегда, безукоризненно, изящно и скромно одетого. По-видимому, самое лучшее время для работы приходилось у него от утра до обеда, хотя пишущим его, кажется, никому не удавалось застать: в этом отношении он был необыкновенно скрытен и стыдлив. Зато нередко в хорошие теплые утра его можно было видеть на скамейке за домом, в самом укромном месте дачи, где вдоль белых стен стояли кадки с олеандрами и где им самим был посажен кипарис. Там сидел он иногда по часу и более, один, не двигаясь, сложив руки на коленях и глядя вперед на море.

Около полудня и позднее дом его начинал наполняться посетителями. В это же время на железных решетках, отделяющих усадьбу от шоссе, висли целыми часами, разинув рты, девицы в белых войлочных широкополых шляпах. Самые разнообразные люди приезжали к Чехову: ученые, литераторы, земские деятели, доктора, военные, художники, поклонники и поклонницы, профессора, светские люди, сенаторы, священники, актеры — и бог знает кто еще. Часто обращались к нему за советом, за протекцией, еще чаще с просьбой о просмотре рукописи; являлись развязные газетные интервьюеры и просто любопытствующие; были и такие, которые посещали его с единственной целью — «направить этот большой, но заблудший талант в надлежащую, идейную сторону». Приходила просящая беднота — и настоящая, и мнимая. Эти никогда не встречали отказа. Я не считаю себя вправе упоминать о частных случаях, но твердо и наверно знаю, что щедрость Чехова, особенно по отношению к учащейся молодежи, была несравненно шире того, что ему позволяли его более чем скромные средства.

Бывали у него люди всех слоев, всех лагерей и оттенков. Несмотря на утомительность такого постоянного человеческого круговорота, тут было нечто и привлекательное для Чехова: он из первых рук, из первоисточников, знакомился со всем, что делалось в данную минуту в России. О, как ошибались те, которые в печати и в своем воображении называли его человеком равнодушным к общественным интересам, к мятущейся жизни интеллигенции, к жгучим вопросам современности. Он за всем следил пристально и вдумчиво; он волновался, мучился и болел всем тем, чем болели лучшие русские люди. Надо было видеть, как в проклятые, черные времена, когда при нем говорили о нелепых, темных и злых явлениях нашей общественной жизни, — надо было видеть, как сурово и печально сдвигались его густые брови, каким страдальческим делалось его лицо и какая глубокая, высшая скорбь светилась в его прекрасных глазах.

Странно — до чего не понимали Чехова! Он, этот «неисправимый пессимист» (как его определяли), никогда не уставал надеяться на светлое будущее, никогда не переставал верить в незримую, но упорную и плодотворную работу лучших сил нашей родины. Кто из знавших его близко не помнит этой обычной, излюбленной его фразы, которую он так часто, иногда даже совсем не в лад разговору, произносил вдруг своим уверенным тоном:

— Послушайте, а знаете что? Ведь в России через десять лет будет конституция.

Да, даже и здесь звучал у него тот же мотив о радостном будущем, ждущем человечество, который отзывался во всех его произведениях последних лет. (516 слов)

По А. Куприну

В деревне

Бабы с песней приближались к Левину, и ему казалось, что туча с громом веселья надвигалась на него. Левину завидно стало за это здоровое веселье, хотелось принять участие в выражении радости жизни. Когда народ с песней скрылся из вида, тяжелое чувство тоски за свое одиночество, за свою праздность, за свою враждебность к этому миру охватило Левина.

Левин часто любовался крестьянской жизнью, часто испытывал чувство зависти к людям, живущим этою жизнью, но нынче Левину в первый раз ясно пришла мысль о том, что от него зависит переменить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которой он жил, на эту трудовую, чистую и общую жизнь.

Народ весь разделился. Ближние уехали домой, а дальние собрались к ужину и ночлегу на лугу. Левин, не замечаемый народом, продолжал лежать на копне и смотреть, слушать и думать. Народ, оставшийся ночевать на лугу, не спал почти всю короткую летнюю ночь. Сначала слышался общий веселый говор и хохот за ужином, потом опять песни и смех.

Перед утреннею зарей все затихло. Очнувшись, Левин встал с копны и, оглядев звезды, понял, что прошла ночь.

«Ну, так что же я сделаю? Как я сделаю это?» — сказал он себе, стараясь выразить для самого себя все то, что он передумал и перечувствовал в эту короткую ночь. Все, что он передумал и перечувствовал, разделялось на три отдельных хода мысли. Один — это было отречение от своей старой жизни. Это отречение доставляло ему наслаждение и было для него легко и просто. Другие мысли и представления касались той жизни, которою он желал жить теперь. Простоту, чистоту, законность этой жизни он ясно чувствовал и был убежден, что он найдет в ней то удовлетворение, успокоение и достоинство, отсутствие которых он так болезненно чувствовал. Но третий ряд мыслей вертелся на вопросе о том, как сделать этот переход от старой жизни к новой. И тут ничего ясного ему не представлялось.

Он вышел из луга и пошел по большой дороге к деревне. Поднимался ветерок, и стало серо, мрачно. Наступила пасмурная минута, предшествующая обыкновенно рассвету, полной победе света над тьмой.

Пожимаясь от холода, Левин быстро шел, глядя на землю. «Это что? Кто-то едет», — подумал он, услышав бубенцы, и поднял голову. В сорока шагах от него по той большой дороге, по которой он шел, ехала ему навстречу карета. Левин рассеянно взглянул на нее.

В карете дремала в углу старушка, а у окна, видимо только что проснувшись, сидела девушка, держась обеими руками за ленточки белого чепчика. Светлая и задумчивая, вся исполненная изящной и внутренне сложной, чуждой Левину жизни, она смотрела на зарю восхода. В то самое мгновение, как видение это уж исчезало, правдивые глаза взглянули на него. Она узнала его, удивление и радость осветили ее лицо.

Он не мог ошибиться. Только одни на свете были эти глаза. Только одно было на свете существо, способное сосредоточивать для него весь свет и смысл жизни. Это была она. Это была Кити. Он понял, что она ехала в Ергушово со станции железной дороги. И все то, что волновало Левина в эту бессонную ночь, все те решения, которые были приняты им, — все вдруг исчезло. Там только, в этой быстро удалявшейся и переехавшей на другую сторону дороги карете, там только была возможность разрешения столь мучительно тяготившей его в последнее время загадки его жизни.

Он взглянул на небо. Небо поглубело и просияло. Оно с той же нежностью и с той же недостижимостью отвечало на его вопрошающий взгляд. «Нет, — сказал он себе, — как ни хороша эта жизнь, простая и трудовая, я не могу вернуться к ней. Я люблю Кити». (568 слов)

По Л. Толстому

Анна Ахматова

Анну Андреевну я знал с 1912 года. Тоненькая, стройная, похожая на робкую пятнадцатилетнюю девочку, она ни на шаг не отходила от мужа, молодого поэта Н. С. Гумилева, который тогда же, при первом знакомстве, назвал ее своей ученицей.

То были годы ее первых стихов и необыкновенных, неожиданно шумных триумфов. Прошло два-три года, и в ее глазах, и в осанке, и в ее обращении с людьми наметилась одна главнейшая черта ее личности — величавость. Не спесивость, не надменность, не заносчивость, а именно величавость: царственная, монументально-важная поступь, нерушимое чувство уважения к себе, к своей высокой писательской миссии.

С каждым годом Ахматова становилась величественнее. Она нисколько не старалась об этом, это выходило у нее само собою.

Даже в очереди за керосином и хлебом, даже в поезде, в жестком вагоне, даже в ташкентском трамвае, всякий, кто не знал ее, чувствовал эту спокойную важность и относился к ней с особым уважением, хотя держалась она со всеми очень просто и дружелюбно, на равной ноге.

Замечательна в ее характере и другая черта. Она была совершенно лишена чувства собственности. Не любила и не хранила вещей, расставалась с ними удивительно легко. Вокруг нее не было никакого комфорта, и я не помню в ее жизни такого периода, когда окружавшая ее обстановка могла бы назваться уютной. Конечно, она очень ценила красивые вещи и понимала в них толк. Старинные подсвечники, восточные ткани, гравюры, иконы древнего письма то и дело появлялись в ее скромном быту, но через несколько недель исчезали.

Даже книги, за исключением самых любимых, она, прочитав, отдавала другим. Только Пушкин, Библия, Данте, Шекспир были ее вечными спутниками, и она нередко брала их — то одного, то другого — в дорогу. Остальные книги, побывав у нее, исчезали.

Близкие друзья ее знали, что стоит подарить ей какую-нибудь, скажем, нарядную шаль, как через день или два эта нарядная шаль украсит другие плечи.

И чаще всего она расставалась с такими вещами, которые были нужны ей самой. Как-то в двадцатом году, в пору лютого петроградского голода, ей досталась от какого-то заезжего друга большая и красивая жестянка, полная сверхпитательной, сверхвитаминовой муки, изготовленной в Англии достопамятной фирмой «Нестле». Одна маленькая чайная ложка этого густого концентрата, разведенного в кипяченой воде, представлялась нашим голодным желудкам недостижимо сытным обедом. А вся жестянка казалась дороже бриллиантов. Я от души позавидовал обладательнице такого сокровища.

Было поздно. Гости, вдоволь наговорившись, стали расходиться по домам. Я почему-то замешкался и несколько позже других вышел на темную лестницу. И вдруг (я никогда не забуду этот порывистый, повелительный жест ее женственно красивой руки!) она выбежала вслед за мною на площадку и сказала обыкновеннейшим голосом, каким говорят «до свидания»:

— Это для вашей дочки — для Мурочки.

И в руках у меня очутилось драгоценное «Нестле».

Напрасно повторял я: «Что вы! Это никак невозможно! Да я ни за что, никогда...» Передо мною хлопнула дверь и, сколько я ни звонил, не открылась.

Таких случаев я помню немало. (460 слов)

По К. Чуковскому

Грачи прилетели

В историю русской живописи Алексей Саврасов вошел как создатель русского лирического пейзажа, полного грусти и любви к России. Конечно, и до Саврасова в России были пейзажисты. Но их произведения более походили на копии итальянских и французских пейзажей и не имели ничего общего с родиной, русским духом. Именно Саврасов первым показал, как прекрасен серый весенний день, русские дороги и мокрые поля. Вот как родилась одна из его картин.

Саврасову хотелось работать, писать новые этюды, новые картины. После некоторых размышлений он решил поехать в какую-нибудь деревеньку на севере Костромской губернии. Он быстро собрался, отобрал масляные краски, приготовил этюдник и отправился в санях по почтовому тракту.

Наезженная дорога темнела среди покрытых снегом полей. Снежный покров был сероват, похож на грубый домотканый холст. Уныло однообразными казались эти поля и эта дорога, вся в рыхлом, грязноватом снегу. Но зато как легко и свободно дышалось весенним воздухом! Пахло тающим снегом, землей. Пегая кобыла тащила сани по почтовому тракту среди еще по-зимнему печальных полей.

Извозчик, тощий мужичок с редкой, похожей на куриный пух бородой, поинтересовался:

- Что, барин, по служебной надобности едешь? Или в гости, проведать кого?
- Я художник, — ответил Алексей Кондратьевич, — еду писать картины.
- А что на них будет, на этих картинах-то?
- Да вот весну хочу показать: как снег тает, как птицы гнезда вьют, как небо становится будто синька.
- А для чего, барин? Это нам и так известно. Привыкли. Хоть и весна, ну и что ж... Обычное дело. За весной — лето. Ты лучше бы что-нибудь похлеще, позаквыристей нарисовал, чтобы удивление взяло. Что-нибудь такое необыкновенное. Вот тогда другой разговор.

Алексей Кондратьевич остановился в селе Молвитине. Довольно большое село со старинной церковью на окраине. Глухомань порядочная. Говорят, Иван Сусанин родом из здешних мест. Село как село, сколько таких в России! Потемневшие от времени избы, крестьянские дворы. С крыш свисают длинные сосульки. Деревья с мокрыми стволами. Кажется, все отсырело: деревья, бревна изб, заборы. Слышно, как где-то кричат птицы, должно быть, грачи. Им пора прилететь. Уже прошел день Герасима-грачевника, когда они обычно появляются.

Да, вот их сколько на березах, возле церкви, на краю села! Они, слегка покачиваясь, сидят на тонких ветках, устроились в черных крупных гнездах, летают над землей и ходят с достоинством, неторопливо по осевшему снегу.

Эти березы, молодые еще, но неказистые, некрасивые, искривленные, голые, стоят в снегу, отбрасывая на него узкие тени, и в лужах, заполненных снежным крошевом. Они у низенького забора, за которым на церковном участке видны какие-то строения, дома и сараи, а над ними возвышается церковь и колокольня. Здесь село кончалось и уходило вдаль ровные серые поля с темными прогалинами обнажившейся земли.

Церковь Воскресения была построена в конце XVIII века. Колокольня со встроенными кокошниками у основания остроконечного шатра. Белый храм с пятью небольшими куполами.

Саврасов пришел сюда, на окраину села Молвитина, чтобы посмотреть вблизи на старую церковь. Пришел и остался надолго. То ощущение весны, которым он жил все эти дни, когда ехал в санях по оттаявшей дороге, вдыхая пьянящий мартовский воздух, здесь, у околицы

обычного, неприметного русского села, приобрело особую остроту и силу. Он увидел здесь то, чего ждал, что смутно надеялся увидеть. Ради этого он проехал столько верст. (504 слова)

По О. Добровольскому

Байкал

Прекрасные горы, луга, воздух, наполненный запахами моря, скалы и цветы, под вами — кристально прозрачная вода, над вами — бездонное синее небо, ослепительно белые облака и жаркое солнце, ночью уступающие место безумной россыпи звезд, — это Байкал. Величественные утесы, в которых само Время создало удивительные гроты и пещеры, загадочные на скальных рисунки — творения далеких предков, уютные бухты и заливы. Если вы побываете на Байкале, то навсегда проникнитесь его магией и уважением к великому озеру.

Много есть озер на свете — больших и малых, глубоких и мелких, суровых и живописных, но ни одно из них не может сравниться с Байкалом, и нет другого такого водоема в мире, который мог бы соперничать с ним столь широкой известностью и громкой славой. И ни о каком другом озере не сложено так много легенд и сказаний, песен и стихов, поэм и рассказов. В них звучит не только большая любовь и почитание, но еще и нечто такое, что внушает уважение, подчеркивает величие, присущее только Байкалу и резко выделяющее его из всех озер земного шара.

О Байкале есть и древняя легенда, которую знает в тех краях и стар и млад. Будто в давние времена там, где нынче плещутся воды Байкала и начинает свой бег стремительная река Ангара, жил суровый богатырь по имени Байкал с дочерью Ангарой, краше которой не было на свете.

Было у Байкала триста тридцать шесть сыновей. В черном теле держал их старик. День и ночь заставлял без усталости трудиться. И сыновья работали не покладая рук. Они топили снега и ледники и гнали хрустальную воду с гор в огромную котловину. То, что они добывали тяжким трудом, проматывала сестра Ангара. Она растрачивала собранные богатства на наряды и разные прихоти.

Однажды прослышала Ангара от странствующих певцов о жившем за горами юном богатыре Енисее, о его красоте и силе и полюбила его. Но суровый старик прочил ей иную судьбу, решив выдать замуж за старого богатого Иркуту. Еще строже стал он стеречь дочь, спрятал ее в хрустальный дворец на дне подводного царства. Безутешно тосковала Ангара, плакала в подводной темнице, просила богов помочь.

Сжалились боги над пленницей, приказали ручьям и рекам размыть стены хрустального дворца и освободить Ангару. Вырвалась девушка на волю и бросилась бежать по узкому проходу в скалах.

Проснулся от шума Байкал, рассердился, бросился в погоню. Но где ему, старому, угнаться за молодой дочкой. Все дальше убегала Ангара от разъяренного отца. Тогда старик схватил каменную глыбу и метнул в беглянку, но не попал. Так и осталась с тех пор лежать эта глыба в месте выхода реки из озера, и зовут ее люди Шаманским Камнем.

Разбушевавшийся старик все кидал и кидал вслед беглянке обломки скал. Но чайки кричали каждый раз: «Обернись, Ангара, обернись!» И девушка ловко уклонялась от смертоносных отцовских посланцев. Прибежала Ангара к Енисею, обняла его, и потекли они вместе к Студеному морю.

Как видим, легенда здесь переплетается с былью. Триста тридцать шесть сыновей Байкала — это притоки озера, большие и малые реки, собирающие свои воды с территории более пятисот тысяч квадратных километров, что примерно равно площади Франции.

Вытекает же из озера река Ангара — могучая, полноводная артерия, неустанно обновляющая озерные воды. Это про нее говорят буряты: «Разоряет дочка старика Байкала!» (507 слов)

По А. Муранову

Потеря

Бим очень долго бежал. И наконец, еле переводя дух, упал между рельсами, вытянув все четыре лапы, задыхаясь и тихонько скуля от безысходности. Надежды не оставалось уже никакой. Ему уже не хотелось никуда идти, да он и не смог бы, ничего не хотелось, даже жить не хотелось.

Когда собаки теряют последнюю надежду, они умирают естественно: тихо, без ропота, в страданиях, неизвестных миру. Не дело Бима и не в его способностях понять, что если бы не было надежды совсем, ни одной ее капли на земле, то все люди тоже умерли бы от горького отчаяния. Для Бима все было проще: очень больно внутри, а друга нет, и все тут.

Нет на земле ни единого человека, который слышал бы, как умирает собака. Собаки умирают молча.

Ах, если бы Биму сейчас несколько глотков воды! А так, наверное, он не встал бы никогда, если бы...

Подошла женщина. Сильная, большая женщина. Видимо, она сразу подумала, что Бим уже мертв, потом наклонилась над ним, став на колени, и прислушалась: Бим еще дышал. Он настолько ослабел со времени прощания с другом, что ему, конечно, нельзя было устраивать такой прогон, какой он совершил за поездом, — это безрассудно. Но разве имеет значение в таких случаях разум, даже у человека!

Женщина взяла в ладони голову Бима и приподняла:

— Что с тобой, собачка? Ты что, Черное ухо? За кем же ты так бежал, горемыка?

У этой грубоватой на вид женщины был теплый и спокойный голос. Она спустилась под откос, принесла в брезентовой рукавице воды, снова приподняла голову Бима и поднесла рукавицу, смочив ему нос. Бим лизнул воду. Потом, в бессилии закачав головой, вытянул шею, лизнул еще раз. И стал лкать. Женщина гладила его по спине. Она поняла все: кто-то любимый уехал навсегда, а это страшно, тяжело до жути провожать навсегда, это все равно что хоронить живого.

Она каялась Биму:

— Я вот — тоже... И отца, и мужа провожала на войну. Видишь, Черное ухо, старая стала, а все не забуду. Я тоже бежала за поездом и тоже упала и просила себе смерти. Пей, мой хороший, пей, горемыка.

Бим выпил из рукавицы почти всю воду. Теперь он посмотрел женщине в глаза и сразу же поверил: хороший человек. И лизал, лизал ее грубые, в трещинах руки, слизывая капельки, падающие из глаз. Так второй раз в жизни Бим узнал вкус слез человека: первый раз — горошинки хозяина, теперь вот — эти, прозрачные, блестящие на солнышке, густо просоленные неизбывным горем.

Женщина взяла его на руки и снесла с полотна дороги под откос:

— Лежи, Черное ухо. Лежи. Я приду, — и пошла туда, где несколько женщин копались на путях.

Бим смотрел ей вслед мутными глазами. Но потом с огромным усилием приподнялся и, шатаясь, медленно побрел за нею. Та оглянулась, подождала его. Он припелся и лег перед нею.

— Хозяин бросил? — спросила она. — Уехал?

Бим вздохнул. И она поняла. (455 слов)

По Г. Троепольскому

Доктор Янсен

Я уже очень смутно помню этого сутулого худощавого человека, всю жизнь представлявшегося мне стариком. Опираясь о большой зонт, он неутомимо от зари до зари шагал по обширнейшему участку. Это был район бедноты, сюда не ездили извозчики, да у доктора Янсена на них и денег-то не было. А были неутомимые ноги, великое терпение и долг. Неоплатный долг интеллигента перед своим народом. И доктор бродил по доброй четверти губернского города Смоленска без выходных и без праздников, потому что болезни тоже не знали ни праздников, ни выходных, а доктор Янсен сражался за людские жизни. Зимой и летом, в слякоть и вьюгу, днем и ночью.

Врачебный и человеческий авторитет доктора Янсена был выше, чем можно себе вообразить в наше время. Он обладал редчайшим даром жить не для себя, думать не о себе, заботиться не о себе, никогда никого не обманывать и всегда говорить правду, как бы горька она ни была. Такие люди перестают быть только специалистами: людская благодарная молва приписывает им мудрость, граничащую со святостью. И доктор Янсен не избежал этого. Человек, при жизни возведенный в ранг святого, уже не волен в своей смерти, если, конечно, этот ореол святости не создан искусственным освещением. Доктор Янсен был святым города Смоленска, а потому и обреченным на особую, мученическую смерть. Нет, не он искал героическую гибель, а героическая гибель искала его.

В те времена центр города уже имел канализацию, которая постоянно рвалась, и тогда рылись глубокие колодцы. Над колодцами устанавливался ворот с бадьей, при помощи которой откачивали просочившиеся сточные воды. Процедура была длительной, рабочие в одну смену не управлялись, все замирало до утра, и тогда бадьей и воротом завладевали мы. Нет, не в одном катании — стремительном падении, стоя на бадье, и медленном подъеме из тьмы — таилась притягательная сила этого развлечения.

Провал в преисподнюю, где нельзя дышать, где воздух перенасыщен метаном, напрямую был связан с недавним прошлым наших отцов, с их риском, их разговорами, их воспоминаниями. Наши отцы прошли не только гражданскую, но и мировую, «германскую» войну, где применялись реальные отравляющие вещества.

И мы, сдерживая дыхание, с замирающим сердцем летели в смрадные дыры, как в газовую атаку.

Обычно на бадью становился один, а двое вертели ворот. Но однажды решили прокатиться вдвоем, и веревка оборвалась. Доктор Янсен появился, когда возле колодца металась двое пацанов. Отправив их за помощью, доктор тут же спустился в колодец, нашел уже потерявших сознание мальчишек, сумел вытащить одного и, не отдохнув, полез за вторым. Спустился, понял, что еще раз ему уже не подняться, привязал мальчика к обрывку веревки и потерял сознание. Мальчики пришли в себя быстро, но доктора Янсена спасти не удалось.

Так погиб последний святой города Смоленска, ценою своей жизни оплатив жизнь двух мальчиков, и меня потрясла не только его смерть, но и его похороны. Весь Смоленск от мала до велика хоронил своего Доктора. (452 слова)

По Б. Васильеву

Новый житель

Неприятности начались в конце лета, когда в старом деревенском доме появилась кривоногая такса Фунтик. Фунтика привезли из Москвы.

Однажды черный кот Степан сидел, как всегда, на крыльце и, не торопясь, умывался. Он лизал растопыренную пятерню, потом, зажмурившись, тер изо всей силы обшлепнутой лапой у себя за ухом. Внезапно Степан почувствовал чей-то пристальный взгляд. Он оглянулся и замер с лапой, заложенной за ухо. Глаза Степана побелели от злости. Маленький рыжий пес стоял рядом. Одно ухо у него завернулось. Дрожа от любопытства, пес тянулся мокрым носом к Степану: хотел обнюхать этого загадочного зверя.

— Ах, вот как!

Степан изловчился и ударил Фунтика по вывернутому уху.

Война была объявлена, и с тех пор жизнь для Степана потеряла всякую прелесть. Нечего было и думать о том, чтобы лениво тереться мордой о косяки рассохшихся дверей или валяться на солнце около колодца. Ходить приходилось с опаской, на цыпочках, почаще оглядываться и всегда выбирать впереди какое-нибудь дерево или забор, чтобы вовремя удрать от Фунтика.

У Степана, как у всех котов, были твердые привычки. Он любил по утрам обходить заросший чистотелом сад, гонять со старых яблонь воробьев, ловить желтых бабочек-капустниц и точить когти на сгнившей скамье. Но теперь приходилось обходить сад не по земле, а по высокому забору, неизвестно зачем обтянутому заржавленной колючей проволокой и к тому же такому узкому, что временами Степан долго думал, куда поставить лапу.

Вообще в жизни Степана бывали разные неприятности. Однажды он украл и съел плотицу вместе с застрявшим в жабрах рыболовным крючком — и все сошло, Степан даже не заболел. Но никогда еще ему не приходилось унижаться из-за кривоногой собаки, похожей на крысу. Усы у Степана вздрагивали от негодования.

Один только раз за все лето Степан, сидя на крыше, усмехнулся.

Во дворе, среди курчавой гусиной травы, стояла деревянная миска с мутной водой, в нее бросали корки черного хлеба для кур. Фунтик подошел к миске и осторожно вытащил из воды большую размокшую корку.

Сварливый голенастый петух, прозванный Горлачом, пристально посмотрел на Фунтика одним глазом. Потом повернул голову и посмотрел другим глазом. Петух никак не мог поверить, что здесь, рядом, среди бела дня происходит грабеж.

Подумав, петух поднял лапу, глаза его налились кровью, внутри у него что-то заклокотало, как будто в петухе гремел далекий гром. Степан знал, что это значит, — петух разъярился.

Стремительно и страшно, топая мозолистыми лапами, петух помчался на Фунтика и клюнул его в спину. Раздался короткий и крепкий стук. Фунтик выпустил хлеб, прижал уши и с отчаянным воплем бросился в отдушину под дом.

Петух победно хлопал крыльями, поднял густую пыль, клюнул размокшую корку и с отвращением отшвырнул ее в сторону: должно быть, от корки пахло псиной. Фунтик просидел под домом несколько часов и только к вечеру вылез и сторонкой пробрался в комнаты, обходя петуха. Морда у него была в пыльной паутине, к усам прилипли высохшие пауки. (455 слов)

По К. Паустовскому

О способности воспринимать прекрасное

«Художник обязан скрыть от публики те усилия, которых ему стоит произведение, — писал И. Крамской. — Свобода и легкость — непременно наслаждение зрителя».

Но легкость легкости рознь. Размышляя об этом, думая о сложной взаимосвязи между художником и зрителем, я вспоминаю еще одну сцену из далеких дней моего детства.

Как-то в школе нам объявили, что приехал и выступит перед нами столичный художник-виртуоз. Что означали эти слова, никто как следует не понимал. Но тем сильнее разжedaло нас любопытство.

После уроков все собрались в зале. Школьный сторож Кузьма вынес на сцену столик, два мольберта с поставленными на них чертежными досками, толстую стопку александрийской бумаги.

Затем появился сам «виртуоз». Это был полный румяный мужчина в чесучовой¹ блузе-толстовке, с кудрями до плеч и выпуклыми глазами, сизыми, как слива. Он вышел, неся в руке лакированный плоский ящик, живо раскланялся, поставил ящик на стол, щелкнул медными застежками и раскрыл его жестом циркового фокусника. В ящике рядами лежали цветные палочки-мелки.

«Виртуоз» закрепил кнопками к доскам два листа бумаги, затем опять-таки жестом фокусника набрал полную горсть мелков, и тут начались чудеса.

Листы бумаги стали на наших глазах с необыкновенной быстротой превращаться в картины-пейзажи. Цветные мелки будто сами бегали по шершавой бумаге, вырисовывая деревья, траву, тропинки, пышные сливочные облака в небесах и синюю воду.

Мы сидели с раскрытыми ртами и взрывались аплодисментами, когда «виртуоз», закончив очередной лист, раскланивался с чарующей улыбкой.

Казалось, чудесам не будет конца. Раскланявшись, он сменял готовые пейзажи чистыми листами бумаги, и вновь на глазах у нас возникали как бы сами собой невиданной яркости малиновые закаты, избушки в снежных шапках среди сахарно-голубых сугробов, бирюзовые озера с лебедями и апельсиново-лимонные осенние рощи.

Наконец, «виртуоз» приступил к своему коронному номеру. Сдвинув мольберты вплотную, он прикрепил к доскам два свежих листа и стал орудовать обеими руками, правой и левой, малюя одновременно два пейзажа — летний и зимний.

И тут вдруг из первого ряда поднялся сидевший там наш учитель рисования Александр Григорьевич.

Долговязый и тощий, в своей вытертой на локтях бархатной блузе и шнурованных сапогах, он направился к выходу через весь зал. Его седоватая борода вздрагивала, губы кривились. Выражение нестерпимой обиды, написанное на его худом, обычно едко насмешливом лице, я запомнил надолго и вспоминал не раз впоследствии.

Вспоминал, когда бился над первыми своими этюдами, над каким-нибудь простеньким на взгляд мотивом. Вспоминал, размышляя о непримиримой вражде между ремеслом и искусством. Вспоминал, думая о поверхностной легкости, о заученных приемах, за которыми не кроется ничего действительно важного или хотя бы искреннего и которые тем не менее подкупают порою зрителя так же неотразимо, как подкупила когда-то нас, несмышленишей из трудовой школы, ловкость рук заезжего мастака.

Умение отличить в искусстве настоящее от поддельного, понять разницу между действительной красотой и красотостью — это не простое дело.

Многие полагают, что понимание живописи дается само по себе, не требует никаких усилий. Но это так же неверно, как и то, что ребенок, едва научившийся складывать слоги в слова, может наслаждаться поэзией Пушкина или прозой Тургенева.

Есть дистанция между первой детской песенкой и симфонией Чайковского. Только пройдя эту дистанцию, начинаешь понимать, какие сокровища человеческих чувств кроются в музыке.

В каждом из нас природой заложена способность воспринимать прекрасное. Но эта способность, как и все другие природные способности человека, нуждается в развитии. (517 слов)

По Л. Волынскому

Учитель

Замечательный человек, встретившийся мне в начале жизненного пути, был Игнатий Дмитриевич Рождественский, сибирский поэт. Он преподавал в нашей школе русский язык и литературу и поразил нас с первого взгляда чрезмерной близорукостью. Читая, учитель приближал бумагу к лицу, водил по ней носом и, ровно бы сам с собою разговаривая, тыкал в пространство указательным пальцем: «Чудо! Дивно! Только русской поэзии этакое дано!» «Ну, такого малохоленького мы быстро сшамаем!» — решил мой разбойный пятый «Б» класс.

Но не тут-то было! На уроке литературы учитель заставил всех нас подряд читать вслух по две минуты из «Дубровского» и «Бородина». Послушав, без церемоний бросал, сердито сверкая толстыми линзами очков: «Недоросль! Под потолок вымахал, а читаешь по слогам!» На уроке русского языка учитель наш так разошелся, что проговорил о слове «яр» целый час, но, когда наступила перемена, изумленно поглядев на часы, махнул рукой и сказал: «Ладно, диктант напишем завтра». Я хорошо запомнил, что на том уроке в классе никто не только не баловался, но и не шевелился. Меня поразило тогда, что за одним коротеньким словом может скрываться так много смысла и значений, что все-то можно постичь с помощью слова и человек, знающий его, владеющий им, есть человек большой и богатый.

Впервые за все время существования пятого «Б» даже у отпетых озорников и лентяев в графе «поведение» замаячили отличные оценки. Когда у нас пробудился интерес к литературе, Игнатий Дмитриевич стал приносить на уроки свежие журналы, книжки, открытки и обязательно читал нам вслух минут десять — пятнадцать, и мы все чаще и чаще просиживали даже перемены, слушая его. Очень полюбили мы самостоятельную работу — не изложения писать, не зубрить наизусть длинные стихи и прозу, а сочинять, творить самим.

Однажды Игнатий Дмитриевич стремительно влетел в класс, велел достать тетради, ручки и писать о том, кто и как провел летние каникулы. Класс заскрипел ручками. Не далее месяца назад я заблудился в заполярной тайге, пробыл в ней четверо суток, смертельно испугался поначалу, потом опомнился, держался по-таежному умело, стойко, остался жив и даже простуды большой не добыл. Я и назвал свое школьное сочинение «Жив». Никогда еще я так не старался в школе, никогда не захватывала меня с такой силой бумажная работа.

С тайным волнением ждал я раздачи тетрадей с сочинениями. Многие из них учитель ругательно ругал за примитивность изложения, главным образом за отсутствие собственных слов и мыслей. Кипа тетрадей на классном столе становилась все меньше и меньше, и скоро там сиротливо заголубела тоненькая тетрадка. «Моя!» Учитель взял ее, бережно развернул — у меня сердце замерло в груди, жаром пробрало. Прочитав вслух мое сочинение, Игнатий Дмитриевич поднял меня с места, долго пристально вглядывался и наконец тихо молвил редкую и оттого особенно дорогую похвалу: «Молодец!»

Когда в 1953 году в Перми вышла первая книжка моих рассказов, я поставил первый в жизни автограф человеку, который привил мне уважительность к слову, пробудил жажду творчества. (454 слова)

По В.Астафьеву

Александр Куприн

Он был «един и многолик». «Един» потому, что был он Александром Ивановичем Куприным — художником слова, своеобразным и неповторимым. «Многолик» потому, что были и еще Куприны: один — землемер, другой — грузчик, третий — рыбак, а еще — учетчик на заводе, спортсмен, носильщик на вокзале, певец в хоре. И много, много других. Но все это рабочее воинство совмещалось в одном лице — писателе Куприне.

Почему так часто менял он свои профессии? Какая сила толкала его натягивать брезентовую робу, надевать каску и мчаться на пожарных лошадях? Что заставляло его сутками, до ломоты в руках, разгружать баржи с арбузами, кирпичом, цементом? Не решил ли он изучить все ремесла, чтобы отображать потом жизнь во всем ее многообразии?!

Все было значительно проще: он был очень любопытным и любознательным человеком. Его любопытство вызывал и новый вид труда, и новые люди, занятые в нем. Ведь известно, что профессия оставляет на человеке свой отпечаток, придает ему своеобразие, делает одного непохожим на другого. «Среди грузчиков в одесском порту, фокусников, воров и уличных музыкантов, — говорил Куприн, — встречались люди с самыми неожиданными биографиями — фантазеры и мечтатели с необыкновенно широкой и нежной душой».

Когда Александр Иванович решил поступить в рыболовецкую артель, ему устроили экзамен: испытали силу, ловкость. И только потом, когда испытание было пройдено, приняли равноправным членом. О том, что он писатель, никто не догадывался. И Куприн наравне со всеми тянул сети, разгружал баркас, мыл палубу после очередного рейса.

Тяжелый физический труд давал ему разрядку. Писатель страдал, если ему приходилось быть замурованным в четырех стенах. Так, в 1908 году суд приговорил его «за опорочение представителя правительственной власти» вице-адмирала Чухнина к десятидневному домашнему аресту или денежному штрафу. Куприн согласился на арест. Три дня протомился в заключении и затосковал. На пятый стал упрашивать, чтобы оставшиеся дни заменили денежным штрафом!

Любопытно, что Куприна меньше тянуло к людям так называемого «интеллигентного» и канцелярского труда. Он был убежден: ничто не дает такой богатый материал, как близкое знакомство с простым человеком. Непосредственное участие в труде, а не наблюдение со стороны становилось для Куприна уже фактом творчества, той необходимой почвой, которая питала его знания, фантазию.

Бурный темперамент не давал писателю подолгу заниматься литературным трудом. Он так же резко охладевал к работе, как горячо и энергично приступал к ней. Даже во время творческого подъема писатель мог бросить рукопись ради случайно встретившегося интересного человека или писать в таких условиях, в которых иной литератор не составил бы и двух фраз.

Иногда Куприн вдруг прерывал работу, бросал на половине, если убеждался, что не даются ему точные слова. Он трудился как мастер-ювелир, отчеканивая фразы. Меткое слово, услышанное случайно, афоризм, художественная деталь — все записывал Куприн в записную книжку. Придет время — и все может понадобиться. Книжки хранят сотни таких заметок, кусочков разговора.

Год проходит за годом. Писатель все дальше и дальше уходит от нас в историю. Не стареют лишь его книги. (452 слова)

По Б. Чельшеву

Дымковская слобода

Есть на правом берегу Вятки Дымковская слобода. В ней исстари селились печники и игрушечники — мастера делать глиняные свистульки. Говорят, что слободу потому и назвали Дымковской, что в ней по утрам над каждой избой поднимались хвостатые клубы дыма.

Происхождение глиняного промысла народное предание связывает с местным праздником «Свистуней».

По всей вероятности, «Свистунья» в далекие годы была праздником, когда вятичи по весне встречали бога солнца Ярилу пением глиняных дудок. Но есть и другое объяснение.

Как гласит легенда, однажды к Хлынову (старинное название Вятки) подошли враги, несметное множество кочевых полчищ. Городу грозила неминуемая гибель. Тогда вятичи пошли на хитрость. Все жители города, даже малые дети, получили по глиняной свистулке. Подкравшись к вражескому стану ночью, они подняли отчаянный свист. Так, наверное, свистел сказочный Соловей-разбойник. Кочевники решили, что их окружают подоспевшие на выручку Хлынову дружины, и в страхе бежали. С тех пор и отмечают горожане свой особый праздник — «Свистунью».

На вятскую глиняную расписную игрушку долгое время не обращали внимания. Интерес, а затем и мировое признание к дымковской игрушке пришли в наши дни.

Что изображают в своих изделиях дымковские мастерицы?

Няnek с детьми, водоносок, баранов с золотыми рогами, гусей, уточек, индюшек с индюшатами, петухов, оленей и, конечно, молодых людей, катающихся на лодке, скоморохов на конях, барынь с зонтиками. Дымковской игрушке чужды полутона и незаметные переходы. Вся она, бросающаяся в глаза, яркая, горящая цветными пятнами, напоминает рисунки, выполненные детьми. Дымковка — это бьющая через край полнота ощущения радости жизни, это добрая улыбка, а не резкий смех.

Серый волк никогда не появляется в Дымковской слободе: он слишком злобен. Мастерицы предпочитают ему доброго барана, покрытого шелковой шерстью. Дымковская собака — безобидная дворняга, которая если и решится полаять, так, верно, лишь от радости. Как добра и торжественна здешняя водоноска в пышном сарафане, идущая с ведрами! Всадник на пятнистом коне так забавен в своем величии! Уморительна пара катающихся в лодке: на нем матросский костюм, бескозырка, у нее густые кудри, румянец во всю щеку и букет цветов в руке. Так и кажется, что мастерица тихо посмеивается, лепя и расписывая красками своих глиняных человечков.

Дымковская игрушка не любит одиночества. Она хороша даже не в паре, а в группе с другими, в близком соседстве со своими братьями и сестрами из слободы на реке Вятке.

Замечательный художник и археолог Аполлинарий Васнецов сравнивал дымковскую игрушку с античной скульптурой: «Удивительное дело! На далеком Севере, в лесной стороне, близ древнего города Хлынова, в селе Дымково, каким-то далеким эхом отозвались терракоты Херсонеса и Древней Греции. Как там обожженные из глины статуэтки окрашивали водяными красками, так и здесь».

Никогда, пожалуй, в многовековой жизни игрушек не было такого праздника, как осенью 1965 года, когда в Москве была устроена грандиозная выставка. В Манеже разместились куклы, игрушечные звери, сказочные персонажи.

Это был праздник детей. Праздник кукол, праздник игрушек. Но среди этого забавного великолепия выделялись куклы, вылепленные из глины мастерицами на берегах Вятки. Они не

только не затерялись среди других игрушек, но привлекали внимание живописностью и своеобразием. (471 слово)

По Е. Осетрову

Рахманинов

Мало кто по-настоящему знал Рахманинова: он сближался с трудом, открывался немногим. В первый момент он немного пугал: слишком много было в нем достоинства, слишком значительно, даже трагично было его изможденное лицо с глазами, полуприкрытыми тяжелыми веками. Но проходило некоторое время, и становилось ясно, что суровая внешность совсем не соответствует его внутренним, душевным переживаниям, что он внимателен к людям не только близким, но и чужим, готов им помочь. И делал это всегда незаметно, о многих добрых делах Рахманинова никто никогда не знал.

Да позволено мне будет нарушить слово, данное когда-то Сергею Васильевичу, и рассказать один эпизод, который я обещал ему хранить в секрете.

Однажды в «Последних Новостях» я напечатал коротенькое воззвание — просьбу помочь молодой женщине, матери двух детей, попавшей в тяжелое положение. На следующий день пришел от Рахманинова чек на три тысячи франков, это были большие деньги по тогдашним парижским понятиям, они обеспечивали жизнь этой семьи на несколько месяцев. Сергей Васильевич не знал имени женщины, которой помогает, и единственным условием он поставил мне, чтобы я об этом не сообщил в газете и чтобы никто, в особенности нуждавшаяся женщина, не узнал о его помощи.

Он давал крупные пожертвования на инвалидов, на голодающих в России, посылал старым друзьям в Москву и в Петербург множество посылок, устраивал ежегодный концерт в Париже в пользу русских студентов — об этом знали, не могли не знать. И при этом Рахманинов, делавший всегда рекордные сборы, во всем мире собиравший переполненные аудитории, страшно волновался и перед каждым благотворительным концертом просил:

- Надо что-то в газете написать. А вдруг зал будет неполный?
- Что вы, Сергей Васильевич?!
- Нет, все может быть, все может быть. Большая конкуренция!

И этот человек, болезненно ненавидевший рекламу и всякую шумиху вокруг своего имени, скрывавшийся от фотографов и журналистов, вдруг с какой-то ребячьей жалостливостью однажды меня спросил:

- Может быть, нужно интервью напечатать? Как вы думаете?

Как-то в начале 1942 года, в самый разгар Второй мировой

войны, «Новое Русское Слово» устроило кампанию по сбору пожертвований в пользу русских военнопленных, тысячами умиравших в Германии с голоду.

Нужно было распропагандировать сбор, привлечь к нему крупные имена, и я обратился к Рахманинову с просьбой написать несколько слов о том, что надо помочь русским военнопленным. Чтобы Сергей Васильевич не боялся, что обращение его может быть слишком коротким, я предложил напечатать его на первом месте, в рамке.

У Рахманинова было большое чувство юмора, и письмо, которое он прислал мне в ответ, носит печать благодушной иронии:

«Многоуважаемый господин Седых!

Я должен отказаться от Вашего предложения: не люблю появляться в прессе, даже если мое выступление будет «в рамке, как подобает». Да и что можно ответить на вопрос: «почему надо давать на русских пленных?» Это то же самое, если спрашивать, почему надо питаться.

Кстати, сообщаю, что мною только что послано двести посылок через Американский Красный Крест.

С уважением к Вам С. Рахманинов». (455 слов)

По А. Седых

Сенокос

Последний раз участвовать в покосе мне привелось лет пять или шесть назад. Я приехал на побывку в село, а был самый разгар сенокоса. С вечера я и не думал идти косить, но застучали по наковаленкам молоточки, и какая-то волна меня подмыла, разбудоражила, подумалось: почему бы и не сходить?

Вечернее время было упущено, а косы в нашем собственном хозяйстве не оказалось, потому что давно некому было косить.

— Да возьми косу у Ивана Васильевича Кунина! — посоветовал мне сосед. — Он теперь престарелый, сам не ходит, а коса у него, сам знаешь, первая была коса.

Еще от церковной ограды увидел я огонек сигарки возле Кунина дома. Я поздоровался с Иваном Васильевичем и сел рядом.

— Что, — сквозь кашель от махорочного дыма спросил старик, — воздухом дышишь?

— Решил вот сходить с мужиками на покос.

Иван Васильевич пошел в избу. Было слышно, как он прошел в потемках сенями и скрипнул дверью из сеней на двор. Вскоре он появился с двумя косами.

— На, вот тебе коса, смотри не сломай, поаккуратней!

— А вторая зачем, на выбор?

— Этой я сам буду косить. Разбередил ты меня, паря. Может, последний разочек.

Привычным движением Иван Васильевич вскинул косу к себе на плечо.

Косцы не удивились, когда увидели Ивана Васильевича. По старой привычке его хотели поставить впереди. Но он решительно отказался идти впереди и встал сзади.

Трава, как нарочно, уродилась невпрокос. Такая трава силенок требует куда как больше, чем реденькая, невзрачная тра-вишка.

Мы поторговались немного с Иваном Васильевичем, кому идти самым задним, ему или мне, и он уговорил меня идти вперед. Некоторое время я косил увлеченно, забыв про все, но вскоре услышал, как старик шаркает косой по самым моим пяткам.

— Могу! Могу! — раздалось сзади сначала негромкое причитание. — Могу! Пошел! Коси! Живей! Не мешкай! — закричал Иван Васильевич уже громко.

Я прибавил шаг, но, поняв, что не уйти, решил пропустить разошедшегося старика вперед. Он встал на мой прокос (благо прокос был не совсем узок) и вскоре, как и меня, смял еще одного косца, который тоже пропустил его, и вот Иван Васильевич настиг третьего.

Он остановился, тяжело дыша, рот его был открыт, но глаза старика горели живо и радостно. Схватив горсть травы, старик вытер ею мокрое, налившееся кровью лицо, и травяная мелочь прилипла к морщинистой стариковской коже, и стало не понять, отчего так мокры щеки: от пота, от росы или от слез совершившейся радости.

Когда снова начали косить, Иван Васильевич опять пропустил меня вперед.

— Ты иди, иди. Не бойся. Я теперь тихонечко, по-стариковски. Помахал и будет.

Я шел впереди и думал: что же такое таится в ней, в извечной работе земледельца? И самая тяжелая она, и не самая-самая благодарная, но вот привораживает к себе человека так,

что, и на ладан дыша, берет он ту самую косу, которой кашивал в молодости, и идет, и косит, да еще и плачет от радости? (453 слова)

По В. Солоухину

Трава

Существует точное человеческое наблюдение: воздух мы замечаем тогда, когда его начинает не хватать. Чтобы сделать это выражение совсем точным, надо бы вместо слова «замечать» употребить слово «дорожить». Действительно, мы не дорожим воздухом и не думаем о нем, пока нормально и беспрепятствен - но дышим. Но все же мы его замечаем. Даже и наслаждаемся, когда потянет с юга теплой влагой, когда промойт он майским дождем, когда облагорожен грозowymi разрядами. Не всегда ведь мы дышим равнодушно и буднично. Бывают сладчайшие, драгоценные, памятные на всю жизнь глотки воздуха.

По обыденности, по нашей незамечаемости нет, пожалуй, у воздуха никого на земле ближе, чем трава. Мы привыкли, что мир зеленый. Ходим, мнем, затапываем в грязь, сдираем гусеницами и колесами, срезаем лопатами, соскабливаем ножами бульдозеров, наглухо захлопываем бетонными плитами, заливаем горячим асфальтом, заваливаем железным, цементным, пластмассовым, кирпичным, бумажным, тряпичным хламом. Льем на траву бензин, мазут, керосин, кислоты и щелочи. Высыпать машину заводского шлака и накрыть и отгородить от солнца траву? Подумаешь! Сколько там травы? Десять квадратных метров. Не человека же засыпаем, траву. Вырастет в другом месте.

Однажды, когда кончилась зима и антифриз¹ в машине был уже не нужен, я открыл краник, и вся жидкость из радиатора вылилась на землю, там, где стояла машина — на лужайке под окнами нашего деревенского дома. Антифриз растекся продолговатой лужей, потом его смыло дождями, но на земле, оказывается, получился сильный ожог. Среди плотной мелкой травки, растущей на лужайке, образовалось зловещее черное пятно. Три года земля не могла залечить место ожога, и только потом уж плешина снова затянулась зеленой травой.

Под окном, конечно, заметно. Я жалел, что поступил неосторожно, испортил лужайку. Но ведь это под собственным окном! Каждый день ходишь мимо, видишь и вспоминаешь. Если же где-нибудь подальше от глаз, в овраге, на лесной опушке, в придорожной канаве, да, господи, мало ли на земле травы? Жалко ли ее? Ну высыпали шлак (железные обрезки, щебень, бой-стекло, бетонное крошево), ну придавили несколько миллионов травинок. Неужели такому высшему, по сравнению с травами, существу, как человек, думать и заботиться о таком ничтожестве, как травинка? Трава? Она и есть трава. Ее много. Она везде: в лесу, в поле, в степи, на горах, даже в пустыне. Разве что вот в пустыне ее поменьше. Начинаешь замечать, что, оказывается, может быть так: земля есть, а травы нет. Страшное, жуткое, безнадежное зрелище! Представляю себе человека в безграничной, бестравной пустыне, какой может оказаться после какой-нибудь космической или не космической катастрофы наша земля, обнаружившего на обугленной поверхности планеты единственный зеленый росточек, пробивающийся из мрака к солнцу.

Глоток воздуха, когда человек задыхается. Зеленая живая травинка, когда человек совсем отрезан от природы. А вообще-то — трава. Скобли ее ножами бульдозеров, заваливай мусором, обливай нефтью, топчи, губи, презирай...

А между тем ласкать глаз человека, вливать тихую радость в его душу, смягчать его нрав, приносить успокоение и отдых — вот одно из назначений всякого растения, и в особенности цветка. (458 слов)

По В. Солоухину

Яков Вилимович Брюс

Это рассказ о потомке шотландских королей, российском графе Якове Вилимовиче Брюсе.

18 февраля 1721 года один из ближайших сподвижников Петра I, герой Полтавы Яков Вилимович Брюс стал графом Российской империи.

Девиз Брюса был столь же оригинален, как и он сам. Брюс избрал себе девизом одно лишь слово: «Были». Почему? Да потому, что он был не только генерал и администратор, более всего он прославился как чернокнижник и звездочет, колдун и маг и с высот своих великих знаний видел, что жизнь человека не более чем миг. Его почитали чем-то вроде русского доктора Фауста и говорили, что он столь учен потому, что давно уже продал душу дьяволу.

О Брюсе говорили: «Ты вот возьми, насыпь на стол гороха и спроси его, Брюса, сколько? А он взглянет — и не ошибется ни на одну горошину. А спроси его, сколько раз повернется колесо, когда поедешь от Тешевич до Киева? Он тебе и это скажет. Да что! Он на небо взглянет и тут же скажет, сколько есть звезд на небесах!»

О Брюсе говорили: «Он знал все травы тайные, камни чудные и составы из них разные делал, и даже живую воду».

Брюса считали чародеем и волшебником, а на самом деле он был хорошо образованным человеком, пытавшимся разгадать вечные тайны мироздания: феномен жизни и смерти, причины возникновения мира, загадку бытия.

Брюс нигде не учился и всего добился самообразованием. К концу жизни он изучил полдюжины языков и перевел множество книг: сочинения знаменитого Христиана Гюйгенса и «Фортификацию» Кугорна, трактаты по механике и многое иное. Он составил русско-голландский и голландско-русский словари, написал первый русский учебник по геометрии и составил, как утверждали, знаменитый «Брюсов календарь», по которому можно было предсказывать погоду и события на два десятилетия вперед.

Брюс составил одну из лучших географических карт России и один из первых астрономических атласов.

Своей славе мага и чародея Брюс обязан тому, что во все свои странствия и походы он брал подзорную трубу и ночами подолгу глядел на звезды. А когда в 1701 году в Москве, в Сухаревой башне, была открыта Навигационная школа, то на крыше башни в светлые лунные ночи можно было часто видеть темный силуэт человека, глядящего в небо.

Брюс стал и первым начальником Артиллерийской школы, созданной в том же 1701 году и размещенной в Сухаревой башне.

Но Брюс не был ни астрологом, ни алхимиком, ни чародеем. Он был ученым — последователем Коперника и Ньютона. Он был военным, инженером и артиллеристом, чьи пушки разгромили артиллерию шведов под Полтавой. Он был дипломатом, подписавшим Ништадтский мир, которым закончилась великая Северная война, длившаяся двадцать один год и давшая России и выходы к морю, и такие территории, какие не приносила ни одна из предшествующих победоносных войн.

В 1726 году Брюс вышел в отставку в чине генерал-фельдмар-шала и поселился в имении Глинки под Москвой, целиком посвятив себя ученым занятиям. Там он и умер 19 апреля 1735 года. (459 слов)

По В. Балязину

Весенний остров

Пароход миновал Осиновский порог, и сразу Енисей сделался шире, раздольней, а высота берегов пошла на убыль. Чем шире становился Енисей, тем положе делались берега, утихало течение, река усмирялась, катила воды без шума и суеты. Я один стоял на носу парохода и, счастливо успокоенный, смотрел на родную реку, вдыхал прохладу белой ночи. Нос парохода время от времени так глубоко зарывался в воду, что брызги долетали до меня. Я слизывал с губ капли и ругал себя за то, что так долго не был на своей родине, суетился, работал, хворал и ездил по чужим краям. Зачем?

Пароход шел по Енисею, разрезая, как студень, реку, светлую ночь и тишину ее. Все на пароходе спали. Не спал лишь сам пароход, рулевой не спал, и я тоже не спал.

Я ждал солнце. Оно с час назад укатилось в лес и зависло в вершинах его. Туман поднялся над рекою, выступил по логам и распадкам, окурил берега. Он был недолговечен и пуглив, этот летний туман, и пароходу идти не мешал. Вот-вот после короткой дремы оттолкнется солнце от острых вершин леса, взойдет над синими хребтами и спугнет туманы. Они потянутся под срез тенистых берегов, заползут в гущу леса и там падут росой на травы и листья, на пески и прибрежные камни. И кончится так и не начавшаяся ночь.

Утром я увидел впереди остров. В середине его навалом грудились скалы, меж скал темнели кедрачи, местами выгоревшие, а по низу острова кипел вершинами лес.

Берега яркие, в сочной зелени — так бывает здесь в конце весны и в начале лета, когда бушует всюду разнотравье, полыхают непостижимо яркие цветы Сибири. В середине лета, к сенокосу, цветы осыпаются и листья на деревьях блекнут.

Но на подоле острова живая лента зелени! Это только что распутившийся гусятник и низенький хвощ. За ними синяя полоса, окропленная розовыми и огненными брызгами. Цветут колокольчики, жарки, кукушкины слезки, дикий мак. Везде по Сибири они отцвели и семя уронили, а тут еще цветут всюю.

— Весна на острове! Весна!

Я побежал на корму парохода, я торопился. Остров все удалялся, удалялся, а мне хотелось насмотреться на нечаянно встреченную весну.

Остров зарябил птичьим косяком, задрожал в солнечном блике, свалился на ребро и затонул вдали.

Я долго стоял на палубе и отыскивал глазами такой же остров. Встречалось много островов, одиноких и цепью, но весеннего больше не попадалось. Тот остров оставался долго под водою, и когда обсохли его берега, то всюду уже было лето и все отцвело, а он не мог без весны — и забушевал, зацвел яркой радугой среди реки, и ничто не могло сдержать торжества природы. Она радовалась, буйствовала, не соблюдая никаких сроков.

Вспоминая о весеннем острове, я думаю и о нас, людях. Ведь к каждому человеку поздно или рано приходит своя весна. В каком облике, в каком цвете — не важно. Главное, что она приходит. (452 слова)

По В. Астафьеву

Легенда о Коломне

Кто создает легенды? Ответ известен — народ. Конечно, легенду создает какое-то определенное лицо, а при передаче от одного лица другому она обрастает новыми подробностями, новыми поворотами сюжета, меняется внимание к отдельным ее моментам. Народ совершенствует ее, завершает как художественное произведение. Удачная, интересная легенда никогда не имеет определенного автора. И все же известны случаи, когда легенду создает определенное лицо.

Одну из таких легенд создал известный русский писатель и историк Н. М. Карамзин. Он очень любил путешествовать и из каждого путешествия писал друзьям письма. Так, в результате путешествия по Европе появилось его интересное сочинение «Письма русского путешественника».

Осенью 1803 года Карамзин путешествовал по Подмоскovie и свои впечатления, как обычно, излагал в форме писем. В дождливый сентябрьский день приехал он в Коломну. Карамзин многое знал об истории этих мест и даже о происхождении некоторых названий. Он знал, что происхождение и значение названия Коломна не выяснено, и решил сочинить легенду, которую и изложил в письме из Коломны. «Желаете ли знать, — писал он, — когда и кем построен сей город? Никто вам этого не скажет. Летописи в первый раз упоминают о нем в конце XII века».

Затем он пишет, что поскольку неизвестно, кто основал этот город, то название его «для забавы можно произвести от славной итальянской фамилии Колонна». Известно, что папа Во-нифатий VIII преследовал всех представителей рода Колонна, которые искали убежища в разных странах. Это факт достоверный. Карамзин пишет, что один из представителей этого рода, возможно, бежал в Россию, получил у великих русских князей землю при впадении Москвы-реки в Оку, основал город и назвал его своим именем — Колонна. Шутка Карамзина попала на страницы журнала «Вестник Европы» и обсуждалась там серьезными литераторами как вполне реальная версия. При этом никому не приходило в голову, что в истории неизвестен факт приезда из Италии в Москву никакого Колонны. Правда, русская история к тому времени была изучена недостаточно. Особенно горячо эта легенда была воспринята в самой Коломне. Кто-то переложил ее на летописный стиль, она переписывалась как отрывок из некоего летописца и заканчивалась так: «Коломна — сей город, некоторых летописцев по уверению, построен вышедшим из Италии знатным человеком, нарицаемым Карлом Колонною, около 1147 года».

Эта легенда, красиво написанная, висела в рамке почти в каждом купеческом доме на почетном месте. Шутка Карамзина сделала свое дело, и изображение колонны было включено в герб города Коломны, учрежденный тогда же.

Есть научные гипотезы и версии о происхождении и значении этого названия. Таких версий несколько. Наиболее убедительной, хотя и не окончательной, можно считать такую. Название Коломна восходит к финскому слову. До прихода славян на этой территории проживали финские племена, они-то, вероятно, и оставили это название. Оно значит «поселение около кладбища». Географических объектов, имеющих названия с таким корнем, довольно много, и почти все они расположены к северо-западу от Москвы: озеро Коломно и село Коломна (в Тверской области), болото Коломенское, неоднократно река Коломенка и другие. (455 слов)

По Г. Смолицкой

Мать

Моя мать родилась в сибирской деревне. Долгая и тоскливая зима в переполненной народом, телятами и поросятами душной избе с детства заронила у нее любовь к весне. Породила жажду первой заметить, почувствовать хотя бы отдаленные ее признаки, изошряла ее слух и глаз слышать и видеть то, чего не видят и не слышат другие. С детства большой радостью стали для нее родные леса, поля и все живое в них.

Помню, как-то ранней весной отец взял ее и меня на пашню, где он собирался засеять уже вспаханную десятину пшеницей. На меже он распряг лошадь и пустил ее на выпас. Из блеклой прошлогодней травы, из-под самых ног отца, взлетел жаворонок и, трепеща крылышками, точно по незримым ступеням, поднялся в голубую высь. Отец, кажется, и не заметил жаворонка. Но мать!

— Смотри! Смотри, Алеша! Чуть покрупней воробья, а боль-шекрылый. Потому и трепетун неустанный.

После ее слов я тоже отметил, что, действительно, у жаворонка крылья в сравнении с туловищем и длинные, и широки. И тогда же подивился ее зоркости.

Много времени прошло с тех пор, но и сейчас я вижу поднятое ее радостное лицо, ее глаза, всю ее восторженно-напряженную фигуру, когда она слушала переливчато-хрустальное урчание, несшееся из поднебесья.

Солнце заливало голые, дымившиеся парком поля, а мать все стояла и слушала. Возможно, она уже и не видела самого певца, а только слышала радостный его голосок, чувствовала ту же радость в своем сердце.

А сколько нужды и горя выпало на долю матери, потерявшей семерых взрослых детей!

И все же глаза ее оставались незамутненными до глубокой старости, свидетельствующими о душевной ясности, лицо свежим, свободным от морщин. Способность радоваться, чутко улавливать красоту родной земли дарована далеко не всем людям. «Дурак и радость обратит в горе, а разумный и в горе утешится», — говорила она.

Лицо матери, как подсолнечник к солнцу, всегда было обращено к радости, к деянию добра. Я был убежден, что мать обладала особым талантом доброты и обостренным ощущением природы, которые она все время бессознательно пыталась привить нам, детям. И сам я также жадно начинал смотреть на дерущихся воробьев, слушать писк синиц, с волнением ждать первой капли с крыш. Каждый «воробыиный шажок» весны торжествовался как победа. Слова матери глубоко западали в память, трогали какие-то незримые струны души, оберегали нас от тысячи пагубных соблазнов, бились в наших сердцах неиссякаемым подспудным родником.

— Немало людей, дети, живут злобой, корыстью, завистью. Не радуются ни весне, ни птичьему звону, и оттого глаза у них мутные, тусклые. Слепцы они, а со слепого какой же спрос?

А как сделать, чтобы всем жить было радостно, она не знала. И видела источник радости в окружающей ее природе. Любовь к природе, радостное любование ею было заложено в ней от рождения, как в певчей птице. Мать не представляла иной силы, способной так чудодейственно окрылять человеческую душу, и поражалась, как другие не понимают этого. (453 слова)

По Е. Пермитину

О милосердии

В прошлом году со мной приключилась беда. Шел по улице, поскользнулся и упал. Упал неудачно, хуже и некуда: сломал себе нос, рука выскочила в плече, повисла плетью. Было это примерно в семь часов вечера в центре города, на Кировском проспекте, недалеко от дома, где живу.

С большим трудом поднялся, забрел в ближайший подъезд, попытался платком унять кровь. Куда там, я чувствовал, что боль накаывает все сильнее и надо быстро что-то сделать. И говорить-то не могу: рот разбит.

Решил повернуть назад, домой.

Я шел по улице, думаю, что не шатаюсь. Хорошо помню этот путь метров примерно четыреста. Народу на улице было много. Навстречу прошли женщина с девочкой, какая-то парочка, пожилая женщина, мужчина, молодые ребята. Все они вначале с любопытством взглядывали на меня, а потом отводили глаза, отворачивались. Хоть бы кто на этом пути подошел ко мне, спросил, что со мной, не нужно ли помочь. Я запомнил лица многих людей, видимо, безотчетным вниманием, обостренным ожиданием помощи.

Боль путала сознание, но я понимал, что, если лягу сейчас на тротуаре, преспокойно будут перешагивать через меня, обходить. Надо добираться до дома. Так никто мне и не помог.

Позже я раздумывал над этой историей. Могли ли люди принять меня за пьяного? Вроде бы нет, вряд ли я производил такое впечатление. Но даже если и принимали за пьяного, то что из этого? Они же видели, что я весь в крови, что-то случилось: упал, ударили. Почему же не помогли, не спросили хотя бы, в чем дело? Значит, пройти мимо, не ввязываться, не тратить времени, сил, «меня это не касается» стало состоянием привычным?

С горечью вспоминая этих людей, поначалу злился, обвинял, недоумевал, потом стал вспоминать самого себя. Нечто подобное — желание отойти, уклониться, не ввязываться — и со мной было. Уличая себя, понимал, насколько в нашей жизни привычно стало это чувство, как оно пригрелось, незаметно укоренилось.

Я не собираюсь в очередной раз оглашать жалобы на порчу нравов общества. Уровень снижения нашей отзывчивости заставил, однако, призадуматься. Персонально виноватых нет. Кого винить? Оглянулся — причин видимых так и не нашел.

Раздумывая, вспоминал фронтовое время, когда в голодной окопной нашей жизни исключено было, чтобы при виде раненого пройти мимо него. Было неважно, этот человек из твоей части или из другой. Невозможно, чтобы кто-то отвернулся, сделал вид, что не заметил. Помогали, тащили на себе, перевязывали, подвозили. Кое-кто, может, и нарушал этот закон фронтовой жизни, так ведь были и дезертиры, и самострелы. Но не о них речь, мы сейчас говорим о главных жизненных правилах той поры.

Я не знаю рецептов для проявления необходимого всем нам взаимопонимания, но уверен, что только из общего нашего понимания проблемы могут возникнуть какие-то конкретные выходы. Один человек — я, например, — может только бить в этот колокол тревоги и просить всех проникнуться ею и подумать, что же нужно сделать, чтобы милосердие согревало нашу жизнь. (452 слова)

По Д. Гранину

Сын лесника

Сережа, сын лесника Степаныча, сидел в конце лодки за кормовиком¹. Сидел прямо, ловко работая веслом, и, как положено капитану судна, зорко смотрел по сторонам, жмуря от нестерпимого солнечного света свои круглые карие глаза, не по-детски сейчас серьезные.

Такого буйного разлива давно не помнил даже отец Сережки — бывалый человек, знавший волжскую пойму как свои пять пальцев.

Вертялая речушка, петлявшая по лугам и к осени чуть ли не совсем пересыхавшая, в весеннее это половодье расхлестну-лась на диво широко, затопив и березовую рощу, и Волчий луг. А ниже деревни она уже по-панибратски обнималась с самой Волгой.

Наша лодка проплывала то мимо тонких осинок, то вблизи одевшихся первой травкой островков, то неподалеку от зарослей тальника, дрожащих под напором упругих струй.

Где-то на гриве крикали, надрываясь, две утки. Когда лодка поравнялась с высоким старым осокорем², над нашими головами вдруг застучал дятел.

В ногах Сережки лежало два мешка, туго стянутые сыромятными ремешками. В одном мешке сидел присмиривший барсу-чишка, в другом — большом, брезентовом — четыре русака. Трех матерых зайцев Сережка спас час назад. Они панически метались по крохотной косе, теперь уж, наверно, скрывшейся под водой. Четвертого паренек снял с проплывавшего мимо лодки бревна. Этот вот четвертый, с виду такой робкий и тихий, до крови оцарапал Сережке руку, когда тот схватил его за длинные, в рыжеватых подпалинах уши.

С трудом затолкав вырывавшегося буяна в жесткий мешок, Сережка стянул его поспешно надежным ремнем. А уж потом только полизал языком кровоточащую ссадину. И снова как ни в чем не бывало взялся за кормовик.

От напряжения упругие щеки паренька разгорелись, а над тонкими, в ниточку, дегтярно-черными бровями проступили светлые капельки.

Вскоре лодка вошла в спокойную, прямо-таки сонливую заводь. Сережка расстегнул ворот у дубленого полушубка и вытер варежкой лоб. Улыбнулся:

— Не спешите теперь.

Мимо нас проплывали грязно-серые пятачки — затопленные еще бугорки и бугорочки. На одном островерхом бугре торчал ивовый куст. В развилке куста сидела, нахохлившись, ворона, следя пристально за крысиной мордой, высунувшейся из воды.

Внезапно Сережка перебросил кормовик с правого борта на левый и сильно, рывками, заработал им, направляя послушную нашу лодочку к невысокому замшелому пеньку.

Оглянувшись назад, я увидел на стоявшем в воде пеньке маленького, сжавшегося в комок зайчонка. Зайчонок дрожал от холода.

— Сушите весла! — подал команду Сережка, когда лодка поравнялась с замшелым пеньком. И, привстав, ловко схватил за шиворот перепуганного насмерть зайчонка.

Теперь глаза паренька светились безмерной добротой.

— Экий шельмец, совсем застыл! — проворчал ласково Сережка и сунул живой пушистый комочек себе за пазуху. — Отогревайся, зайныка, а вернемся домой, я тебя молочком напою. — Покосившись застенчиво в мою сторону, прибавил: — Ему ведь, чай, от роду денечков пять. Мамка, поди, покормиться убежала, а тут вода подкатила к гриве и отрезала глупыша от мамки.

Я смотрел на Сергея. Смотрел и думал с теплым, радостным чувством: «Хозяин. Растет молодой хозяин! Такому, когда подрастет, Степаныч смело может доверить свое большое хозяйство». (456 слов)

По В. Баныкину

Щурка

Я никогда не был большим любителем содержания птиц в неволе, но иногда зимою у меня жили лесные певчие птицы. Случалось, я держал у себя веселых чижей, всю зиму летавших свободно по комнатам нашей квартиры, радовавших меня своими песнями. Жили у меня краснозобые и важные снегири, нарядные и хлопотливые щеглы, но больше всех полюбился некогда живший у меня щур — веселая птичка с нарядной, брусничного цвета грудью.

Мой щур жил в небольшой клетке, подвешенной над окном. Клетка всегда была открыта, и щур мог летать по комнате свободно. Он сам прилетал в клетку, где лежал приготовленный для него корм. Особенно любил щур вкусные кедровые орешки. На моем письменном столе всегда лежало несколько его любимых орешков. Щурка — так мы все его называли — садился ко мне на стол. Я в пальцах раздавливал орешек и кормил щура с ладони.

Он очень любил сидеть на ветвистом лосином роге, прибитом к стене над моею головою. На этом лосином роге висели мое ружье и охотничьи принадлежности: патронташи, сумки, бинокль.

Щурка очень любил купаться. Каждый день я ставил на пол небольшую ванночку с чистой водой и любовался, как радостно купается мой щур. Искупавшись и отряхнувшись, закусив сладким орешком, он усаживался над моею головою и начинал тихонечко петь. Под его тихую песенку мне было приятно писать рассказы о лесных похождениях, о радостных неожиданных встречах. Он часто присаживался на мой стол, и каждый раз я угощал его сладким орешком. Иногда Щурка садился на мою пишущую машинку, пристально глядел на меня, как бы желая сказать ласковое и доброе словечко на птичьем своем языке.

Щур очень радовался, когда после прогулки я возвращался в свою рабочую комнату. Случалось, он садился на мое плечо и опять взлетал на свой любимый лосиный рог.

Так мы с ним прожили почти целую зиму. Однажды, перелетая с лосиного рога в клетку, щур вдруг упал на пол, забил крылышками, и мне показалось, что он умирает. Я поднял его с пола, положил на ладонь. Он скоро опомнился, пришел в себя и стал летать, по-прежнему петь и весело купаться. Болезненные припадки повторялись все чаще и чаще. Я догадался, что причиной их были любимые щуром кедровые орешки: питаясь маслянистыми орешками, он сильно ожирел.

Пришлось посадить щура на строгую диету и кормить его тертой морковкой и сушеными ягодами. После такого лечения щур скоро поправился и болезненные припадки больше не повторялись.

Я знал, что щуры плохо переносят неволю, не живут долго в клетке, и решил выпустить Щурку ранней весной. Когда весенний лес готовился одеваться, я вынес Щурку на опушку и выпустил на волю. Он сел на сучок ближнего дерева и, как бы прощаясь со мною, запел свою милую тихую песенку.

Признаюсь, мне было очень жалко моего друга щура и горько с ним расставаться.

На прощание я помахал ему рукою, и он скрылся в вершинах густого темного леса. (452 слова)

По И. Соколову-Микитову

Жизнь леса

Как-то бродил я с ружьем и собакой по березовым перелескам, охотился на вальдшнепов.

Неожиданно что-то захрустело вдали, затрещали сучья — вот ближе, ближе. Какой-то хриплый, отрывистый рев послышался в тишине. Ревел лесной великан — лось.

А вот и сам он показался на другом конце поляны и широким шагом направился через нее. Какой он могучий, с огромными рогами, будто несет на голове корявый пенёк с торчащими в стороны сучьями!

На его пути стояла молодая березка. Неожиданно лось изо всей силы ударил ее рогом. Раздался сухой треск будто угасшей свечи, золотая вершинка вспыхнула в последний раз, на землю посыпались листья. И вот уже вместо стройного деревца нелепо торчит обломанный белый ствол.

Лесной хозяин грузно зашагал дальше и скрылся из глаз. Но еще долго потом в чаще леса слышался хруст ветвей и глухой рев зверя.

Мне стало как-то не по себе. «Лесной житель, а сам же портит, ломает лес», — с досадой подумал я, еще раз взглянув на сломанную березку, которая уныло торчала посреди поляны.

Этот маленький, совсем незначительный случай почему-то надолго остался у меня в памяти. Увидишь, бывало, где-нибудь изуродованное деревце и сразу вспомнишь про ту лесную березку.

Так прошло больше года. Однажды весной я снова забрел на ту же поляну. Но теперь кругом все было совсем по-иному, не так, как в тот осенний вечер.

Было утро, весеннее утро в лесу. Роса еще не обсохла. Крошечные водяные капли повисли повсюду: на листьях, на цветах, на стеблях травы. Из-за вершин деревьев выглянуло солнце, и в тот же миг в каждой капле росы будто зажегся ослепительно яркий фонарик. Все они были разные: синие, розовые, голубые. Но больше всего розовых. Весь лес сиял розовым светом.

Как не похож был этот лес на тот, осенний! Теперь вся поляна была покрыта не желтыми опавшими листьями, а нежными весенними цветами. Это был настоящий праздник в лесу, праздник рождения новой жизни.

А вот посреди поляны и сломанная березка. За тот долгий срок, который прошел с нашей первой встречи, деревце уже успело оправиться. Вместо обломанной лосем верхушки оно выпустило вверх целый пучок тоненьких молодых побегов.

Я очень обрадовался, что деревце не погибло. На месте, где березка была сломана, побеги росли очень хорошо: будто кто-то начал плести зеленую корзиночку, заготовил прутья, собрал их в пучок, да не успел загнуть концы и как следует сплести их.

«Славная работа», — подумал я, трогая деревце. И вдруг из его густой зеленой вершины выпорхнула птица — лесная малиновка.

Я осторожно наклонил березку. Так и есть: в развилке ветвей было свито гнездо. Самочка малиновка сидит, затаившись в гнезде, а самец пристроился неподалеку среди ветвей и распевает громкую песню.

И тут я вспомнил старого лося и его «злую» проделку. Да он, оказывается, вовсе не погубил березку, не навредил лесу. Случилось совсем иное: лесной богатырь, сам не зная того, просто помог птице устроить гнездышко. (453 слова)

По Г. Скребицкому

Катя

Живописец написал бы ее портрет так: Катя стоит и улыбается, тонкие ее волосы растрепаны, будто ими шалит майский ветер, ситцевому платицу приятно быть надетым на такую стройную девушку. Позади нее между облаками пробиваются теплые лучи солнца сквозь лазурь, под ногами — что-нибудь вроде подорожника с одуванчиками. Но самое важное в портрете — лицо: вопросительно приподнятые брови; уверенно вздернутый носик; сверкающие неугасаемой жизнью, мечтательные, умные, невинно страстные глаза; свежий, чуть-чуть припухлый рот. Лицо такое, что живописец, даже не закончив портрета, сам бы должен влюбиться в эту замечательную восемнадцатилетнюю девушку, если у него в голове есть хоть капля здравого смысла.

Катя не любила ничего несправедливого, жестокого и бурного. Иной человек от одного пустого любопытства соскочит с трамвая, чтобы вмешаться в какой-нибудь скандал на улице. Катя считала, что хорошо тогда, когда кругом дружелюбные люди, добрые, веселые, энергичные. От диких криков на улице у нее закатывалось сердце. Все злое она не принимала, оно было ни к чему в ее жизни.

Кате было восемнадцать лет, и она еще продолжала расти, поэтому и жизнь кругом нее также должна была расти. Катя верила, что все тяжелое и темное должно было исчезнуть, так же как на московских улицах исчезали гнилые домишки и на месте их быстро вырастали громады или «комплексы». Когда Катя рано поутру пробегала Красной площадью по пути в школу, ничто бы не могло убедить ее в том, будто золотые стрелки часов на башне двигаются к худой жизни. Ничего подобного! Время уверенно вело стрелки часов к Катиному счастью.

Но началась война. Нацистская душа вырвалась на свободу, чтобы досыта насладиться злом. Немцу-фашисту была, наконец, разрешена кровь, разрешено редкое «удовольствие» — убивать людей. Настал богатый праздник фашистского пиршества: идти с засученными рукавами, жечь, взрывать, топтать, вонзать, глядеть на дымы и дымы по горизонту, на зарева, зарева, глядеть на лужи крови, на искаженные предсмертным ужасом лица человеческие. «Вперед! — кричали фашисты. — Вот это полноценная жизнь!»

В это лето Катя окончила школу, но вместо университета пришлось служить. Война не пощадила ее семьи. Отец стал жаловаться на тошноту и слабость, в сентябре его отвезли в больницу, вскрыли живот и опять зашили. Через несколько дней он умер. У Катиной мамы стали трястись голова и руки. Брат ее Леонид ушел добровольцем с артиллерийским полком на фронт. Катя, как большинство московских девушек, добросовестно работала сначала в каком-то учреждении, потом на оборонном заводе. Когда немцы подходили к Москве, она копала вместе с другими траншеи и противотанковые рвы. Хотя одних фугасок да грохота зенитной артиллерии было достаточно, чтобы внушить ей вещественность войны, все же война не стала для нее ощутимо понятной, должно быть, потому, что такое великое зло не помещалось в ее светлом сердце.

Живописец теперь бы уже не стал, пожалуй, писать Катиного портрета. Она стала молчаливой, ходила глядя под ноги, сдвинув брови, точно все время напряженно думала и пыталась что-то понять. (452 слова)

По А. Толстому

Странная загадка

Был тихий летний вечер. На дворе и кругом было тихо, селение уже засыпало, в людской тоже смолк говор работников и прислуги. Мальчика уже с полчаса уложили в постель.

Он лежал в полудремоте. С некоторых пор у него с этим тихим часом стало связываться странное воспоминание. Он, конечно, не видел, как темнело синее небо, как черные верхушки деревьев качались, рисуясь на звездной лазури, как хмурились лохматые стрехи стоявших кругом двора строений, как синяя мгла разливалась по земле вместе с тонким золотом лунного и звездного света. Но вот уже несколько дней он засыпал под каким-то особенным, чарующим впечатлением, в котором на другой день не мог дать себе отчета.

Когда дремота все гуще застилала его сознание, когда смутный шелест буков совсем стихал, он переставал различать и дальний лай деревенских собак, и нежное щелканье соловья за рекой, и меланхолическое позвякивание бубенчиков, подвязанных к пасшемуся на лугу жеребенку. Ему вдруг начинало казаться, что все они, слившись в одну стройную гармонию, тихо влетают в окно и долго кружатся над его постелью, навевая неопределенные, но удивительно приятные грезы. Наутро он просыпался разнеженный и обращался к матери с живым вопросом:

— Что это было вчера? Что это такое?

Мать не знала, в чем дело, и думала, что ребенка волнуют какие-то сны. Она сама укладывала его в постель, заботливо

крестила и уходила, когда он начинал дремать, не замечая при этом ничего особенного. Но на другой день мальчик опять говорил ей о чем-то, приятно тревожившем его с вечера.

— Так хорошо, мама, так хорошо! Что же это такое?

В этот вечер она решилась остаться у постели любимого ребенка подольше, чтобы разъяснить себе эту странную загадку. Она сидела на стуле рядом с его кроваткой, машинально перебирая петли вязания и прислушиваясь к ровному дыханию своего Петруся. Казалось, он совсем уже заснул, как вдруг в темноте послышался его тихий голос:

— Мама, ты здесь?

— Да, да, мой мальчик.

— Уйди, пожалуйста, оно боится тебя, поэтому до сих пор его нет. Я уже совсем было заснул, а этого все нет.

Удивленная мать с каким-то странным чувством слушала этот полусонный, жалобный шепот. Ребенок говорил о своих сонных грезах с такою уверенностью, будто это что-то реальное. Тем не менее мать встала, наклонилась к мальчику, чтобы поцеловать его, и тихо вышла, решившись незаметно подойти к открытому окну со стороны сада.

Не успела она сделать своего обхода, как загадка разъяснилась. Она услышала вдруг переливчатые тоны поющей свирели, которые неслись из дальней конюшни, смешиваясь с шорохом южного вечера. Она сразу поняла, что именно эти нехитрые переливы простой мелодии, совпадавшие с фантастическим часом дремоты, так приятно настраивали воспоминания мальчика.

Она сама остановилась, постояла с минуту, прислушиваясь к задушевым напевам малорусской песни, и, совершенно успокоенная, ушла в темную аллею сада.

«Хорошо играет Иохим, — подумала она. — Странно, сколько тонкого чувства в этом грубоватом на вид холопе». (452 слова)

По В. Короленко

Ты кто?

Шумели листья на дереве; в них пел ветер, идущий по свету.

Малолетний Егор сидел под деревом и слушал голос листьев, их кроткие бормочущие слова.

Егор хотел узнать, что означают эти слова ветра, о чем они говорят ему, и он спрашивал, обратив лицо к ветру:

— Ты кто? Что ты мне говоришь?

Ветер умолкал, будто он сам слушал в это время мальчика, а потом снова медленно бормотал, шевеля листья и повторяя прежние слова.

— Ты кто? — спросил еще раз Егор, не видя никого.

Никто ему не ответил более; ветер ушел, и листья уснули.

Егор подождал, что будет теперь, и увидел, что уже наступает вечер. Желтый свет позднего солнца осветил старое осеннее дерево, и стало скучнее жить. Нужно было идти домой, ужинать, спать во тьме. Егор же спать не любил, он любил жить без перерыва, чтобы видеть все, что живет без него, и жалел, что ночью надо закрывать глаза, и звезды тогда горят на небе одни, без его участия.

Он поднял жука, ползшего по траве домой на ночлег, и посмотрел в его маленькое неподвижное лицо, в черные добрые глаза, глядевшие одновременно и на Егора, и на весь свет.

— Ты кто? — спросил Егор у жука.

Жук не ответил ничего, но Егор понимал, что жук знает что-то, чего не знает сам Егор. Жук только притворяется маленьким, он стал нарочно жуком и молчит, а сам не жук, а еще кто-то — неизвестно кто.

Жук молчал; он со злой силой шевелил жесткими ножками, защищая жизнь от человека и не признавая его. Егора удивила настойчивая смелость жука, он полюбил его и еще более убедился, что это не жук, а кто-то более важный и умный.

— Ты врешь, что ты жук! — произнес Егор шепотом в самое лицо жука, с увлечением рассматривая его. — Ты не притворяйся, я все равно дознаюсь, кто ты такой. Лучше сразу откройся.

Жук замахнулся на Егора сразу всеми ногами и руками. Тогда Егор не стал с ним больше спорить.

— Когда я к тебе попадусь, я тоже ничего не скажу.

И он пустил жука в воздух, чтобы он улетел по своему делу.

Жук сначала полетел, а потом сел на землю и пошел пешком. И Егору стало вдруг скучно без жука. Он понял, что больше его никогда не увидит, и если увидит, то не узнает его, потому что в деревне много прочих жуков. А этот жук будет где-нибудь жить, а потом помрет, и все его забудут, один только Егор будет помнить этого неизвестного жука.

Усохший лист упал с дерева. Он когда-то вырос на этом дереве из земли, долго смотрел на небо и теперь снова возвращался с неба в землю, как домой с долгой дороги.

На лист вполз сырой червь, отощавший и бледный.

«Кто же это такой? — озадачился Егор перед червем. — Он без глаз и без головы, а о чем он думает?» (452 слова)

По А. Платонову

На охоте

Лес Емеля знал очень хорошо, он был там как дома. Да и как ему не знать этого леса, когда он целую жизнь бродит по нему с ружьем. Все тропы, все приметы — все знал старик на сто верст кругом. А теперь, в конце июня, в лесу особенно хорошо: трава красиво пестрела распустившимися цветами, в воздухе стоял чудный аромат душистых трав, а с неба глядело ласковое летнее солнышко, обливавшее ярким светом лес, и траву, и журчавшую в осоке речку, и далекие горы. Да, чудно, хорошо было кругом, и Емеля не раз останавливался, чтобы перевести дух и оглянуться назад.

Охотник внимательно осматривал все кругом: нет ли где ка-кого-нибудь следа, не сломал ли олень рогами ветки, не отпечаталось ли на мху раздвоенное копыто, не объедена ли трава на кочках.

Три дня бродил Емеля с собакой по лесу, и все напрасно: оленя не попадалось. Старик чувствовал, что выбивается из сил, но вернуться с пустыми руками не решался. Его друг Лыско тоже приуныл и совсем отощал.

Только на четвертый день, когда охотник и собака совсем выбились из сил, они совершенно случайно напали на след оленя. Это было в густой еловой заросли. Прежде всего Лыско отыскал место, где ночевал олень, а потом разнюхал и запутанный след.

Послышался знакомый треск и шорох. Лыско тут же упал в траву и не шевелился. Это был великолепный олень, вышедший навстречу охотнику и пугливо смотревший в его сторону. Кучка жужжавших насекомых кружила над оленем, заставляя его вздрагивать.

Олень давно почуял охотника, но смело следил за его движениями. «Это matka меня от теленка отводит», — думал Емеля, подползая все ближе и ближе. Когда старик хотел прицелиться в оленя, зверь осторожно перебежал несколько сажен далее и снова остановился. Опять медленное подкрадывание — опять олень скрылся, как только Емеля хотел стрелять.

Эта борьба человека с животным продолжалась до самого вечера. Благородное животное десять раз рисковало жизнью, стараясь отвести охотника от своего олененка, спрятавшегося где-то рядом. Лыско, как тень, ползал за хозяином и, когда тот совсем потерял оленя из виду, осторожно ткнул его своим носом.

Старик оглянулся: в десяти саженях от него, под кустом жимолости, стоял желтенький теленок. Это был прехорошенький олененок с желтым пушком и тоненькими ножками.

Красивая головка была откинута назад, и он вытягивал шею, когда старался захватить веточку. Охотник с замирающим сердцем взвел курок ружья и прицелился в голову маленькому беззащитному животному.

Пройдет еще мгновенье — маленький олененок покатится по траве с жалобным предсмертным криком. Но именно в это мгновение старый охотник припомнил, с каким героизмом защищала теленка его мать. Точно что-то оборвалось в груди старика, и он опустил свое ружье.

Олененок по-прежнему ходил около зеленого куста, ощипывая листочки и прислушиваясь к малейшему шороху. Емеля быстро поднялся и громко свистнул. Маленькое животное тут же скрылось в кустах с быстротой молнии. Старик долго стоял на месте и улыбался, припоминая малыша. (455 слов)

По Д. Мамину-Сибиряку

Бобришный угор

Я как-то смутно помню эту первую ночь на Бобришном угоре. Под ступенью крыльца мы нашли ключ от замка и вошли в твой светлый ночной дом. Ветки зеленели совсем рядом за стеклами, рядом же, почти под нами, ясная, бессонная, стремилась река.

— Здравствуй, земля моя родная.

Ты не знал, что я слышал эти слова, сказанные тобой вполголоса, но если бы и знал, мне все равно не стало бы стыдно. Я благодарен тебе за то, что мое присутствие во время вашей встречи, встречи с родной землей, не выглядело фамильярным. К тому же ведь так естественно здороваться с родиной.

И вот мы уже маячим на высоком, тихом, зеленом берегу, где прямо из песка растут могучие, мясистые стебли щавеля. Изредка я срываю стебель и с хрустом надкусываю; кислый и сочный щавель не хуже пасты очищает во рту, и язык после него сразу как-то устанавливается на свое место. Мы удим, а это значит, что мы уже как бы и не мы, мы растворились, сравнялись с вечной природой, произошло то самое слияние с рекой, с кустами и травой, с небом, ветром и птицами, когда забываешь самого себя. Мир снова стал цельным и гармоничным, как в раннем детстве, когда мысль о конце еще ни разу не ознобила душу своим безжалостным инеем. Река струит свои светлые упругие пряди, стремительные зуйки словно прокалывают пространство меж берегами. Где-то в лесу, в его отрешенно-колдовском шуме, звучит коровий колокол, а мы с наживкой в рукавице неумоимо ходим от заводи к заводи. Ищем, ждем хорошего клева и у каждого нового куста верим в большую добычу. И каждый куст обманывает нас, и мы вслух придумываем причины безрыбья. Впрочем, уха у нас уже есть. Но тебе хочется поймать хариуса. Я никогда не видел эту благородную рыбу, и ты хочешь поймать хариуса, но хариус еще ни разу не клюнул, и ты тащишь меня смотреть гнезда зуйка. Птичка с тревожным свистом слетела с гнезда.

Рядом стремится куда-то твоя родная река, над нами шумит от ветра, зеленеет Бобришный угор. Его крохотный житель — зук — тревожно свистит, а мы глядим на гнездо, и нам хочется скорее уйти, чтобы не мучить зуйка.

Дома, вытряхивая из холщовой рукавицы остаток наживки в бадью с землею, ты говоришь, что дождевые черви живут в неволе месяцами и больше, если землю изредка сдабривать несколькими каплями молока и спитым чаем. Потом, забыв про червей, зовешь меня дальше, смотреть дятлову работу:

— А знаешь, какое у дятла профессиональное заболевание?

Я не знал, что профессиональное заболевание у дятла — сотрясение мозга. С восторгом восьмиклассника ты показываешь мне отверстие, продолбленное дятлом в дощатой стенке сений. Гляжу и дивлюсь, сколько же нужно было тукать, чтобы пробить эту дыру в стенке, какое нужно упрямство! Но самое интересное то, что дятлова дыра сделана в десяти сантиметрах от окошечка, выпиленного плотниками. Вместо того чтобы влезть в это окошечко и посмотреть, что там внутри, дятел долбил свое, только свое окошечко. И я все еще не могу до конца отдалиться Бобришному угору, не могу без своих дурацких аналогий.

При виде дятловой работы мне думается про упрямство и гордость юношеских поколений, не верящих на слово отцам и дедам. Опыт предков не устраивает гордых юнцов, и они каждый раз открывают заново уже открытые ранее истины, долбят свои собственные отверстия. (520 слов)

По В. Белову

О выборе цели

Когда человек сознательно выбирает себе в жизни какую-то определенную цель, жизненную задачу, он вместе с тем невольно дает себе оценку. По тому, ради чего человек живет, можно судить и о его самооценке — низкой или высокой.

Если человек рассчитывает приобрести все элементарные материальные блага, он и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина дорогой роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура.

Если человек живет, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезни, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой человечности. Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить от нее настоящую радость. Да, радость!

Подумайте, если человек ставит себе задачей увеличивать в жизни добро, приносить людям счастье, то какие неудачи могут его постигнуть?

Не тому помочь, кому следовало бы? Но много ли не нуждаются в помощи? Если ты врач, то, может быть, поставил больному неправильный диагноз? Такое бывает у самых лучших врачей. Но в сумме ты все-таки помог больше, чем не помог. От ошибок никто не застрахован. Но самая главная ошибка — роковая — неправильно выбранная главная задача в жизни. Не повысили в должности — огорчение. Не успел купить марку для своей коллекции — огорчение. У кого-то лучшая, чем у тебя, мебель или лучшая машина — опять огорчение, и еще какое!

Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять все. А что может потерять человек, который радовался каждому своему добродушному делу? Важно только, чтобы добро, которое человек делает, было бы его внутренней потребностью, шло от умного сердца, а не только от головы, не было бы одним только «принципом».

Поэтому главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах. Она должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной.

Означает ли это, что человек должен жить как аскет, не заботиться о себе, ничего не приобретать и не радоваться простому повышению в должности? Отнюдь нет! Человек, который совсем не думает о себе, — явление ненормальное и неприятное: в этом есть какой-то надлом, какое-то показное преувеличение в себе своей доброты, бескорыстия, значительности, в этом есть какое-то своеобразное презрение к остальным людям, стремление выделиться.

Поэтому я говорю лишь о главной жизненной задаче. А эту главную жизненную задачу не надо подчеркивать в глазах остальных людей. И одеваться надо хорошо (это уважение к окружающим), но не обязательно лучше других. И библиотеку себе надо составлять, но не обязательно большую, чем у соседа. И машину хорошо приобрести для себя и семьи — это удобно. Только не надо превращать второстепенное в первостепенное и не надо, чтобы главная цель жизни изнуряла себя там, где это не нужно. (454 слова)

По Д. Лихачеву

Полоцк

Полоцк. Это слово как эхо славной истории нашей Родины. Название города прочно входит в наше сознание с детства.

Полоцк — один из древнейших городов восточных славян. Первое письменное упоминание о нем относится к 862 году. Под этой датой в летописном своде «Повести временных лет» он назван «градом». Более одиннадцати веков назад неподалеку от места впадения Полоты в Западную Двину древние кривичи основали город и назвали его по имени реки Полота. Возникновение и интенсивное развитие города было связано с торговым путем, соединившим Византию, Арабский Восток, Южную и Северную Русь. По полоцким землям проходил один из важнейших торговых путей древности — путь из варяг в греки.

Немало интересных легенд связано с Полоцком. Скандинавские саги рассказывают о полоцких дружинах, которые ходили под стены Царьграда, «Слово о полку Игореве» славит смелость полочан и мудрость князя Всеслава Чародея.

С середины XI столетия плывет над Двиной величественный корабль Софийского собора. Всеслав возводил храм в честь Святой Софии, чтобы доказать миру равенство Полоцка с Новгородом и Киевом, где такие соборы появились несколько раньше. До этого каменных храмов полочане не строили, поэтому князь пригласил в город византийских мастеров. К ним, на ходу осваивая строительные секреты, добавились местные мастера: ведь нельзя было, чтобы главный собор Полоцкой земли возводили руки чужестранцев. Греческое слово «софия» в переводе означает «мудрость», «мастерство». Предки объясняли его как великое человеческое богатство, объединенное общими заботами и стремлениями. Собор должен был стать символом единства всех жителей княжества. На установленном у крыльца собора огромном валуне, который через десять столетий станет музейным экспонатом, старинные полоцкие мастера оставили нам свои имена: Давыд, Тума, Микула, Копысь, Варышка.

В период феодальной раздробленности Полоцк становится центром просвещения, где ведется летописание, при монастырях открываются школы. В Полоцке родился великий просветитель и основатель белорусского книгопечатания Франциск Скорина. Он перевел на белорусский язык и напечатал двадцать две библейские книги. Известно более трехсот восьмидесяти изданий Франциска Скорины.

Ежегодно в сентябре жители Полоцка отмечают Скоринов-ский праздник, который собирает писателей, поэтов и деятелей культуры. Культурная сокровищница города немыслима и без Симеона Полоцкого — талантливого поэта, переводчика, мыслителя XVII века.

Прошли столетия, но не погасла слава города. До наших времен сохранились археологические и архитектурные памятники — свидетели исторических событий и творческого гения по-лочан.

С Полоцком связаны жизнь и деятельность Ефросиньи Полоцкой. Преподобная княжна основала в городе два монастыря — мужской и женский, создала скрипториумы и иконописные мастерские. По ее заказу был воздвигнут уникальный храм с фресковыми изображениями на стенах. И храм, и фрески удивительным образом сохранились до наших дней.

Некогда в Полоцке было тридцать восемь храмов, но за тысячелетнюю историю многие из них были разрушены: одни — во время войн, другие — в период антирелигиозной политики. Самые известные из сохранившихся — Софийский собор и Спасо-Ефросиньевский монастырь. Более десяти лет в Полоцке велись работы по восстановлению храма Покрова Пресвятой Богородицы. В 2004 году в новый храм вошли первые прихожане.

В Полоцке мирно уживаются верующие разных конфессий. Наряду с православными возрождаются и католические храмы. (465 слов)

Из газет

Чувство родины

Иркутск был чудом, вернее, целым скопищем чудес. Ледяная Ангара, просматривающаяся на огромной глубине до последнего камушка на дне, до тонюсенькой водоросли, неумоимо пускающей вверх жемчужные шарики пузырьков. Мы брали двухпарную лодку и плыли к островам, что слева от пристани. Когда мы входили в узкую горловину между двумя ближайшими островками, простор поворачивался вокруг своей оси, островки, будто играя в чехарду, перепрыгивали друг через дружку, весла выпадали из рук. Головокружение длилось с минуту, а когда оно проходило, мы обнаруживали, что челнок наш отброшен назад на добрый десяток метров. Между островками был

водоворот с мощным выбрасывателем, он вращал лодку, насыщая ее центробежной силой, а затем швырял назад к пристани. Мы еще и еще повторяли нашу попытку, а затем в блаженном, дурном изнеможении смотрели, как рыбаки, ловко и уверенно действуя шестом, спокойно проводили над водоворотом свои длинные плоскодонные пироги.

Была еще Ушаковка, впадающая в Ангару. Она так стремительно текла с гор, что рыбы, плывущие против течения, порой повисали недвижно — бери руками или накалывай вилкой. Я купался в ее быстрой и довольно теплой воде, я плавал в ней, и это было прекрасно, как полет во сне. Я размахивал руками, едва касаясь мгновенно ускользавшей воды, и меня несло с обрывающей дыхание скоростью в широкое устье, где воды Ушаков-ки и Ангара, смешиваясь, создавали плавно тормозящую среду.

И были цветы, полевые цветы, растущие по склонам невысоких гор за южной окраиной города, цветы, в которые трудно поверить, — так они роскошны, так превосходят скромные луговые цветы Подмосковья. Цветы, похожие на мясистые петушинные гребни, цветы, напоминавшие наш садовый львиный зев, но не желтые с красноватыми подпалинами, а многокрасочные: с пунцовым, словно окровавленным, верхним небом и синеватым — нижним, фиолетовым храпом, палевыми надбровьями, янтарной головой и желтыми заушинами. Были цветы, что не сравнишь и не опишешь, словно фантастические гибриды василька с георгином, ромашки с настурцией, причудливые, сказочные цветы с длиннющими пестиками, торчащими, будто щупальца, из глубокой, слоистой чашки.

Отец не знал цветов, про каждый сорванный цветок он говорил задумчиво:

— Кажется, это маргаритка.

Порой на каменистых срезах гор обнажались вкрапления серебристо-сверкающей породы. Не стоило большого труда отбить кусочек такой породы, от него отслаивались блестящие чешуйки, похожие на рыбы. «Это слюда, — говорил отец, — слюдяные горы». Меня охватывал трепет, впервые приближался я к первооснове вещей.

Еще раньше в Акуловке мама сумела показать мне дерево. В моей жизни это было одно из самых важных событий, куда важнее первого выстрела, направленного в меня, важнее всех книжных открытий. Дерево было плакучей березой, старой, кряжистой, с разлапистыми ветвями, усаженными кулями вороньих гнезд.

— Посмотри, какое чудесное дерево, — сказала мама.

Я посмотрел на березу, которую видел не раз, что-то сжалось во мне, распахнулось, и я вдруг всем существом своим понял, как прекрасно дерево, прекрасней всего, что есть на земле. Это целый мир, чистый и радостный, свободный, светлый мир, который никогда не изменит, не обманет, выручит, поднимет, спасет. Это очень важно: увидеть в детстве родное, русское дерево.

В Иркутске, в небывалой близости к рекам, горам, недрам, деревьям, цветам, насыщался я, словно под мощным давлением, чувством родины. (485 слов)

По Ю. Нагибину

Ворона

У нас на Байкале была своя ворона. У нас там был свой домик, своя гора, едва ли не отвесно поднимающаяся сразу от домика каменной скалой. Из скалы бил свой ключик, который журчащим ручейком пробегал только по нашему двору, возле калитки опять уходил под землю и больше уже нигде и ни для кого не показывался. Во дворе у нас стояли свои лиственницы, тополя и березы и свой большой черемуховый куст. На этот куст слетались со всей округи воробьи и синицы, вспархивали на него под нашу водичку, под ключик, который они облюбовали словно бы потому, что он им был под стать, по размеру, по росту и вкусу. В жаркие дни они плескались в нем без боязни, помня, что после купания под могучей лиственницей, растущей посреди двора, можно покормиться хлебными крошками. Птиц собиралось много, с ними смирился даже наш котенок Тишка, которого я подобрал на рельсах, но мы не могли сказать, что это наши птички. Они прилетали и, поев и попив, опять куда-то улетали. Ворона же была точно наша. Дочь в первый же день, как приехала в начале лета, рассмотрела высоко на лиственнице лохматую шапку вороньего гнезда. Я до того месяца жил и не замечал его. Летает и летает ворона, каркает, как ей положено. Что с того? Мне и в голову не приходило, что это наша ворона, потому что тут, среди нас, ее гнездо, и в нем она выводила своих воронят.

Конечно, наша ворона должна была стать особенной, не такой, как все прочие вороны, и она ею стала. Очень скоро мы с ней научились понимать друг друга, и она пересказывала мне все, что видела и слышала, облетая дальние и ближние края, а я затем подробно передавал ее рассказы дочери. Дочь верила. Может быть, она и не верила. Как и многие другие, я склонен думать, что это не мы играем с детьми, забавляя их чем только можно, а они, как существа более чистые и разумные, играют с нами, чтобы приглушить в нас боль нашего жития. Может быть, она и не верила, но с таким вниманием слушала, с таким нетерпением ждала продолжения, что и мне эти рассказы стали в удовольствие, я стал замечать в себе волнение, которое передавалось и дочери и удивительным образом уравнивало нас, точно сближая на одинаковом друг от друга возрастном расстоянии. Я выдумывал, зная, что я выдумываю, но в этой, казалось бы, игре существовало редкое меж нами согласие и понимание. Доставленные, может быть, той же вороной. Не знаю, не смогу объяснить почему, но с давних пор живет во мне уверенность, что если и существует связь между этим миром и не этим, так в тот и другой залетает только она, ворона, и я издавна с тайным любопытством и страхом посматриваю на нее, боясь додумать, почему это может быть только она.

Наша ворона была, однако, вполне обыкновенная, земная, добрая и разговорчивая. (458 слов)

По В. Распутину

В доме Чехова

О Чехове сказано как будто все. Но пока еще мало сказано о том, что оставил Чехов нам в наследство в наших характерах и как Чехов своим существованием определил сегодня жизнь тех, кому он дорог. Почти ничего не сказано о «чувстве Чехова» — всегда живого и милого нам человека, о чувстве сильном и благородном.

И вот я решил статьи не писать, а обратиться к своим записям. Может быть, там где-нибудь и проскользнет то «чувство Чехова», которое я не могу еще точно определить. Записи эти очень короткие. Например: «1950 год. Я один в доме. Мохнатая собачка лает внизу. По традиции ее зовут Каштанкой».

Память получила легкий толчок и начинает восстанавливать прошлое.

Это было осенью 1950 года. Я пришел в ялтинский дом Чехова к Марии Павловне. Ее не было, она ушла куда-то по соседству, а я остался ждать ее в доме. Старая работница провела меня на террасу.

Стояла та обманчивая и удивительная ялтинская осень, когда нельзя понять, доцветает ли весна или расцветает прозрачная осень. За балюстрадой горел на солнце во всей своей девственной белизне куст каких-то цветов.

Цветы уже осыпались от каждого веяния или, вернее, дыхания воздуха. Я знал, что этот куст был посажен Антоном Павловичем, и боялся прикоснуться к нему, хотя мне и хотелось сорвать на память пусть самую ничтожную веточку. Наконец я решился, протянул руку к кусту и тотчас же отдернул ее: снизу, из сада, на меня залаяла мохнатая рыжая собачка по имени Каштанка. Она отбрасывала задними лапами землю и лаяла совершенно так, как описывал это Чехов.

Я невольно рассмеялся. Собачка села, расставила уши и прислушалась. Солнце просвечивало ее желтые добрые глаза.

Было тихо, тепло. Синий солнечный дым подымался к небу со стороны моря, как широкий занавес, и за этим занавесом мощно и мужественно, в три тона, протрубил пароход.

Я услышал в комнатах голос Марии Павловны, и вдруг у меня сердце сжалось с такой силой, что я с трудом сдержал слезы. О чем? О том, что жизнь неумолима, что, хотя бы некоторым людям, без которых мы почти не можем жить, она должна бы дать если не бессмертие, то долгую жизнь, чтобы мы всегда ощущали у себя на плече их легкую руку.

Я тут же постарался отогнать эти мысли, но горечь не проходила. Разум говорил одно, а сердце — другое. Мне казалось, что в то мгновение я отдал бы половину своей жизни, чтобы услышать за дверью спокойные шаги и покашливание давным-давно ушедшего отсюда хозяина этого дома. Давным-давно! Со дня его смерти прошло сорок шесть лет. Этот срок казался мне одновременно и ничтожным, и невыносимо огромным.

Цветы за балюстрадой тихонько опадали. Я смотрел на порхание легчайших лепестков, боялся, чтобы Мария Павловна не вошла раньше времени и не заметила моего волнения, и успокаивал себя нарочитыми мыслями о том, что в каждой ветке этого куста есть нечто вечное, постоянное движение соков под корой — такое же постоянное, как и ночное движение светил над тихо шумящим морем.

Пришла Мария Павловна, заговорила о Левитане, рассказала, что была влюблена в него, и, рассказывая, покраснела от смущения, как девочка.

Сам не знаю почему, но, выслушав Марию Павловну, я сказал:

— У каждого, должно быть, была своя «Дама с собачкой». А если не было, то обязательно будет.

Мария Павловна снисходительно улыбнулась и ничего не ответила. (524 слова)

По К. Паустовскому

Мудрый совет

В 1924 году я прожил все лето под Ефремовом, в деревушке Богово. Шел седьмой год революции, но внешних перемен пока что было еще не так много.

Все те же лысоватые овсяные поля сухо шелестели за околицами, и по ним гулял волнами ветер. Все те же грудные дети в линялых грязных чепчиках лежали в зыбках, облепленные мухами. В базарные дни гремели по большаку телеги, и бабы в онучах тряслись на них и пели визгливыми и притворно веселыми голосами разухабистые песни. И сонно шумела у сгнившей плотины небольшая река Красивая Меча.

Пожив в Богове, я узнал, что недалеко от Ефремова сохранилась усадьба отца Лермонтова, где в рассохшемся доме висит на стене пыльный походный сюртук поэта. Говорили, что Лермонтов останавливался в отцовском доме, когда проезжал на Кавказ, в ссылку. Узнал, что на берегах Красивой Мечи охотился Иван Сергеевич Тургенев, а в Ефремове бывали Чехов и Бунин. Но все это относилось к прошлому. Я же хотел найти черты настоящего, найти людей, связанных с новым временем.

Но, как нарочно, в Богове не было даже ни одного участника гражданской войны — никого, кто был бы свидетелем недавних событий. И тоже, как будто нарочно, в деревне жил какой-то отставной полковник, судя по рассказам, человек одинокий и молчаливый. Почему поселился в Богове, никто мне не мог объяснить.

— Живет и живет, — говорили крестьяне. — Зла пока что не делает. Снял избу, сам себе варит картоху да от зари до зари сидит с удочкой на речке. Что с него взять — человек престарелый.

— Чего же он здесь живет?

— А шут его знает! Спрашивать его про это вроде как неудобно. Приехал в летошнем году и остался на жительство. Сторона у нас тихая. Ему, бывшему офицеру, тут, конечно, беспокойства поменьше. Сами знаете, офицер теперь вроде как ящурный. Каждый норовит его стороной обойти.

Встретился я с этим отставным полковником на Красивой Мече около мельничной плотины.

Был хмурый холодноватый день, какие иногда выдаются среди лета. Рыхлые облака ползли над землей, и из них нехотя падали капли дождя. Потом дождь стих.

Я пришел на мельничный омут ловить рыбу. На бревне около плотины сидел худой старик с длинной седой бородой, в старой офицерской шинели и серой кепке. Вместо золоченых форменных пуговиц к шинели были пришиты обыкновенные черные пуговицы, как на бабьих сапогах.

Старик курил трубку, сделанную из колена газовой трубы. Она, должно быть, очень тяжелая. Когда старик выбивал ее о бревно, то звук был такой, будто он вколачивает гвозди.

Ловил старик на одну удочку и первое время не обращал на меня внимания.

Я же ловил на три удочки, и потому у меня рыба все время срывалась. Пока я менял червя на одной удочке, на другой, как назло, обязательно клевало. Я хватался за нее, но было уже поздно, и я вытаскивал из воды только обрывок червя. Старик же время от времени неторопливо вываживал серебристого цвета больших и толстых плотиц.

Он неодобрительно покашливал, поглядывая на мою возню с удочками. Она его, видимо, раздражала. Наконец он не выдержал и сказал:

— Ловить следует, молодой человек, на одну удочку. Для душевного равновесия. А так вы только нервы себе испортите.

Я послушался его, смотал две удочки и начал ловить на одну. Тотчас же я вытащил крупного окуня. Старик усмехнулся.

— Видите! — сказал он. — По трем мишеням сразу из трех винтовок не стреляют, а преимущественно мажут. Вот вы и мажете так безбожно, что обидно смотреть. (540 слов)

По К. Паустовскому

Голубая стрекоза

В ту Первую мировую войну 1914 года я поехал военным корреспондентом на фронт в костюме санитары и скоро попал в сражение на западе в Августовских лесах.

Я шел по дороге навстречу войне и поигрывал со смертью: то падал снаряд, взрывая глубокую воронку, то пуля пчелкой жужжала, я же все шел, с любопытством разглядывая стайки куропаток, летающих от батареи к батарее.

— Вы с ума сошли, — сказал мне строгий голос из-под земли.

Я глянул и увидел голову Максима Максимыча: бронзовое

лицо его с седыми усами было строго и почти торжественно. В то же время старый капитан сумел выразить мне и сочувствие, и покровительство. Через минуту я хлебал у него в блиндаже щи. Вскоре, когда дело разгорелось, он крикнул мне:

— Да как же вам, писатель вы такой-рассякой, не стыдно в такие минуты заниматься своими пустяками?

— Что же мне делать? — спросил я, очень обрадованный его решительным тоном.

— Бегите немедленно, поднимайте вон тех людей, велите из школы скамейки тащить, подбирать и укладывать раненых.

Я поднимал людей, тащил скамейки, укладывал раненых, забыл в себе литератора и вдруг почувствовал, наконец, себя настоящим человеком, и мне было так радостно, что я здесь, на войне, не только писатель.

В это время один умирающий шептал мне:

— Вот бы водицы...

Я по первому слову раненого побежал за водой.

Но он не пил и повторял мне:

— Водицы, водицы, ручья...

С изумлением поглядел я на него, и вдруг все понял: это был почти мальчик, с блестящими глазами, с тонкими трепетными губами, отражающими трепет души.

Мы с санитаром взяли носилки и отнесли его на берег ручья. Санитар удалился, я остался с глазу на глаз с умирающим мальчиком на берегу лесного ручья.

В косых лучах вечернего солнца особенным зеленым светом, как бы исходящим изнутри растений, светились минаретки хвощей, листки телореза, водяных лилий, над заводью кружилась голубая стрекоза. А совсем близко от нас, где заводь кончалась, струйки ручья, соединяясь на камушках, пели свою обычную прекрасную песенку. Раненый слушал, закрыв глаза, его бескровные губы судорожно двигались, выражая сильную борьбу. И вот борьба закончилась милой детской улыбкой и открылись глаза.

— Спасибо, — прошептал он.

Увидев голубую стрекозу, летающую у заводи, он еще раз улыбнулся, еще раз сказал спасибо и снова закрыл глаза.

Прошло сколько-то времени в молчании, как вдруг губы опять зашевелились, возникла новая борьба, и я услышал:

— А что, стрекоза еще летает?

Голубая стрекоза еще кружилась.

— Летает, — ответил я, — еще как!

Он опять улыбнулся и впал в забытие.

Между тем мало-помалу смеркалось, и я тоже мыслями своими улетел далеко и забылся. Как вдруг слышу, он спрашивает:

— Все еще летает?

— Летает, — сказал я, не глядя, не думая.

— Почему же я не вижу? — спросил он, с трудом открывая глаза.

Я испугался. Мне случилось раз видеть умирающего, который перед смертью вдруг потерял зрение, а с нами говорил еще вполне разумно. Не так ли и тут: глаза его умерли раньше. Но я сам посмотрел на то место, где летала стрекоза, и ничего не увидел.

Больной понял, что я его обманул, огорчился моим невниманием и молча закрыл глаза.

Мне стало больно, и вдруг я увидел в чистой воде отражение летающей стрекозы. Мы не могли заметить ее на фоне темнеющего леса, но вода, эти глаза земли, остаются светлыми, когда и стемнеет. Эти глаза как будто видят во тьме.

— Летает, летает! — воскликнул я так решительно, так радостно, что больной сразу открыл глаза.

И я ему показал отражение. И он улыбнулся.

Я не буду описывать, как мы спасли этого раненого, по-видимому, его спасли доктора. Но я крепко верю: им, докторам, помогла песнь ручья и мои решительные и взволнованные слова о том, что голубая стрекоза и в темноте летала над заводью. (586 слов)

По М. Пришвину

Переправа

С небольшого берегового мыса мы увидели среди тихо передвигающихся ледяных масс какой-то черный предмет, ясно выделявшийся на бело-желтом фоне.

— Ворона, — сказал кто-то.

— Медведь, — возражал другой.

Мнения разделились. Одним черная точка казалась не больше вороны, другим — не меньше медведя. Отдаленное однообразие белых подвижных масс, лениво проплывающих между высокими горами, совершенно извращало перспективу.

— Откуда же взяться медведю на середине реки? — спросил я.

— С того берега. В третьем году медведица вон с того острова переправилась с тремя медвежатами. Нонче тоже зверь с того берега на наш идет. Видно, зима будет лютая. Мороз гонит, — ответили мне.

Все мы с интересом наблюдали за приближающимся предметом.

— А ведь это, братцы, козуля, — сказал старший. — Даже две.

Действительно это оказались горные козы и действительно

их было две. Теперь нам уже ясно видны были их темные изящные фигурки среди настоящего ледяного ада. Одна была побольше, другая поменьше. Может, это были мать и дочь. Вокруг них льдины бились, сталкивались, вертелись и крошились; при этих столкновениях в промежутках что-то кипело и брызгало пеной, а нежные животные, насторожившись, стояли на льдине, подобрав в одно место тоненькие ножки.

Вдруг огромная льдина, плывущая впереди той, на которой стояли козы, стала как будто замедлять ход и потом начала разворачиваться, останавливая движения задних. От этого вокруг животных поднялся вновь целый ад разрушения и плеска. Льдины становились вертикально, лезли друг на друга и ломались с громким, как выстрелы, треском. На мгновение два жалких темных пятнышка совсем было исчезли в этом хаосе, но затем мы заметили их уже на другой льдине. Опять собрав свои тоненькие, дрожащие ножки, козы стояли на другой ледяной площадке, готовые к новому прыжку. Это повторилось несколько раз, и каждый прыжок с рассчитанной неуклонностью приближал их к нашему берегу и удалял от противоположного.

Можно было уже проследить план умных животных. Невдалеке от нас конец мыса выступал острым краем в реку, и здесь льдины, разгоняемые течением, разбивались с особенной силой. Зато более отдаленные, избегавшие линии удара, тотчас же подхватывались отраженной струей и уносились опять к другому берегу реки. Старшая из двух коз, видимо, руководившая переправой, с каждым прыжком направлялась на этот мысок, гремевший от напора ледохода. Наше присутствие она явно не принимала во внимание. Мы стояли на самом мысу неподвижно. Совсем уже близко от берега, в десятке саженей от кучки людей, козы все так же были поглощены только столкновением льдин и своими прыжками. Когда льдина, на которой они стояли, тихо кружась, подошла к роковому месту, у нас даже захватило дыхание. Мгновение... Сухой треск, хаос обломков, которые вдруг поднялись вверх и поползли на обледенелые края мыса — и два черных тела легко, как брошенный камень, метнулись на берег, поверх этого хаоса.

Они были уже на берегу. Но на другой стороне косы была темная полоса воды, а проход загораживала кучка людей. Однако умная коза не задумалась ни на минуту. Я заметил ее круглые глаза, глядевшие с каким-то странным доверием. А затем понеслась сама и направила младшую прямо к нам. Пес, большой мохнатый Полкан, сконфуженно посторонился, когда

старшая коза, загоразивая младшую, пробежала мимо него, почти коснувшись боком его мохнатой шерсти. (491 слово)

По В. Короленко

Родина

Каждый из нас носит в себе любовь к родине в двух ее образах. Есть Родина — огромная страна. Эту Родину мы любим сознательной любовью и сознательно внушаем нашим детям любовь к ней.

Но у каждого из нас есть еще другая родина, которую никто нас любить не учил. И нужды учить нет. Мы и так ее любим, причем бессознательной любовью. Эта родина — маленькая точка на карте, место, где я родился и провел детство. Объективно говоря, не хуже и не лучше тысяч других мест, но для меня — единственное, особенное и ничем не заменимое. Образ этой родины, ее запахи, ее звуки человек помнит до гробовой доски, даже если он с детства туда не возвращался. Но вернуться тянет всю жизнь. Вдали от нее все, что с ней связано, волнует. Упомянули родной городок по радио — и радостно слышать. Услышал в толпе родной говорок — и готов броситься на шею земляку, человеку, ничем более не примечательному. А уж если с ним разговоришься, начнешь расспрашивать, вспоминать родные места — все для него готов сделать.

Неужели любовь к родине — инстинкт? Это действительно так. Выяснено это было в опытах на перелетных птицах. Брели птиц в разном возрасте — еще не вылупившихся и только что вылупившихся птенцов, слетков, покинувших гнездо, молодых, живущих с родителями, молодых чуть постарше, взрослых — и перевозили с места, где были их родительские гнезда, в другое. На новом месте пернатых подопытных задерживали до начала осенней миграции на зимовки, окольцовывали и отпускали. А весной ждали по обоим адресам. Оказалось, что, слетав на зимовки, взрослые птицы возвращались «домой», причем поведение молодых зависело от возраста в момент опыта. Если их перевозили по достижении некоторого критического возраста, они возвращались к «родным пенатам», то есть туда, откуда их увезли. Если же не достигали этого рубежа, они возвращались туда, где их выпустили. Значит, у птиц привязанность к определенному месту на земле образуется в детстве, в каком-то критическом возрасте. Где они в этом возрасте окажутся, там и будет их родина, на которую они станут возвращаться всю жизнь. Видимо, этот же механизм действует и у детей в возрасте старше двух и младше двенадцати лет.

Наша маленькая родина всегда прекрасна, где бы ни вырос человек — в тундре, в пустыне или на берегу моря, на островке или в городе, ибо она запечатлевается в нашем мозгу и окрашивается всеми теми положительными эмоциями, что так свойственны детству. Но многие виды животных имеют и еще один, уже врожденный образ — образ подходящей для вида экологической среды. При возможности выбора выросший в изоляции олень предпочтет лес, а сайгак — открытые пространства. Исходная среда человека — всхолмленные берега озер и рек в саванне. И для нас до сих пор самый приятный ландшафт — слабовсхолмленный, где деревья и кустарники чередуются с открытыми пространствами, а вблизи есть река или озеро. Заметьте, что люди безжалостно вырубали леса вокруг поселений в лесной зоне, но упорно сажают деревья вокруг поселений в степи. (458 слов)

По В. Дольнику

Приручение собаки

Собака была первым животным, прирученным человеком, и произошло это очень и очень давно. Само слово «собака» во многих языках гораздо старше, чем слова, обозначающие диких родственников собаки. Древний человек нашел имя сначала своему четвероногому другу. А диких хищников он называл «большими собаками» (львов, волков) и «малыми собаками» (лисиц).

Огромный материал для изучения далекого прошлого дают археологические раскопки, наблюдения антропологов, труды палеонтологов по изучению животных и растений, существовавших тысячи лет назад.

Находки, проливающие свет на происхождение собак, имеют возраст шести — десяти тысяч лет. Многие ученые считают, что именно в этот период произошло великое событие в истории человечества: были изобретены лук и стрела.

Человек далекого прошлого, живший, скажем, сто тысяч лет назад, не был ни богатырем, ни великаном, как его иногда представляют себе. Жизнь не баловала нашего далекого предка: он страдал от голода и холода, его мучили различные болезни.

Человек боялся не только хищников — он боялся многого. Мы не знаем, какие мысли роились в голове древнего человека, какие образы возникали, но знаем, что очень часто им владел страх, особенно по ночам. Первобытный человек боялся темноты не потому, что он думал о злых силах, прячущихся во мраке, а потому, что исчезало привычное очертание окружающего мира. Страх был очень силен, настолько силен, что навсегда запечатлелся в мозгу человека и сохранился до сегодняшних дней.

Но был у человека и вполне реальный страх: он боялся темноты еще и потому, что именно ночью выходили на охоту его враги — могучие хищники, и как раз ночью человек был особенно беспомощен перед ними. С ужасом вглядывался он в темноту, с трепетом прислушивался к ночным звукам. Но хищник мог подкрасться и бесшумно: его часто не пугали костры, не останавливало и то, что люди укрывались в пещерах. Правда, кое-какое сопротивление, нередко даже удачное, человек оказывал хищникам, но лишь тогда, когда успевал подготовиться к нему. Если же хищник нападал неожиданно, человек был бессилен.

Только люди не очень опасались волков, волки же не очень боялись людей и нередко подходили к стоянкам первобытного человека достаточно близко. Нельзя сказать, чтобы эти звери и люди испытывали друг к другу полное доверие, но и большого страха друг перед другом у них не было. Волки не нападали на людей, потому что вокруг было еще достаточно зверей и птиц. По этой же причине люди не охотились и на волков, разве что в крайнем случае, когда охота оказывалась особенно неудачной. Но вот люди стали замечать: в какой-то момент волки начинали проявлять беспокойство, а вслед за этим всегда появлялся опасный хищник. Человек осознавал, что рычание или лай волков совпадали с появлением пещерного медведя или саблезубого тигра. Получив такое предупреждение от волков, человек успевал подготовиться к встрече с врагом или скрыться в надежном месте.

Сколько сотен или тысяч лет прошло с того времени, когда человек сообразил, что волки его сторожат, до того момента, когда он решил оставить при себе этих сторожей, мы, конечно, не знаем. Видимо, много, очень много лет жили люди и волки на расстоянии, очень медленно сближались и очень трудно понимали выгоду сближения. Но тем не менее оно происходило. И вот наступило время, когда волкам уже не надо было бродить вокруг стоянок людей, а людям украдкой разбрасывать мясо, волк вошел в пещеру и растянулся у костра. Так вполне могло быть. И одна из существующих сейчас гипотез относительно приручения собак именно такова: сначала шло взаимное ознакомление, возникало доверие, отдельные животные приручались, а затем и одомашнивались. (545 слов)

По Ю. Дмитриеву

Синий камень Памира

Этот рассказ посвящен лазуриту, этому замечательному камню цвета неба, красочная история которого проходит через всю культуру в течение почти семи тысячелетий истории человека и его техники.

Природа исключительно скупа на синие камни, и редкость синего цвета в нашей земле как бы противопоставлена тому обилию синих тонов, которые она нам дает, особенно на юге, в разнообразных красках неба и моря. Как будто стихия земли не хочет подражать другим двум стихиям: ни синему небу, ни синему морю, — находясь с ними в вечной вражде.

Через всю длинную историю культуры проходил один камень — яркий синий лазурит Афганской земли, и сложными путями караванов попадал он в далекий Египет, Китай, Рим и Византию.

Через афганских и бухарских купцов скупались отдельные куски афганского камня, и шел он как особая ценность для украшений дворцов растущего Петербурга, и не мог с ним состязаться светлый пятнистый лазурит берегов Байкала.

Между тем уже давно ходили в Средней Азии легенды, что где-то в высотах Памира имеется камень лазурит, как его называли персы, что где-то там между синеющими снегами ледников и темно-синим небом Памира встречается на недоступных вершинах «Крыши мира» этот яркий синий самоцвет.

Об этом писали даже английские путешественники начала XVIII века, посещавшие с опасностью для жизни запретные месторождения Афганской земли; об этом говорили под секретом и старые таджики, заходившие во время охоты на труднодоступные вершины гор.

Все указывало, что месторождение синего камня должно быть где-то в верховьях бурной реки Шах-Дары, куда и отправились молодые геологи. Путь был исключительно труден. Узкая обрывистая тропа шла над левым берегом реки и после перевала, высотой почти три тысячи пятьсот метров, привела к небольшому кишлаку. Оставив здесь лошадей, группа на следующий день начала подниматься вверх по одному из потоков, который носил название Ляджуар-Дары, то есть реки лазурита.

Носильщики, измученные дорогой, отказались идти дальше по хаотическому нагромождению камней.

Началась борьба за синий камень.

И вот на темно-синем фоне чистого памирского неба, на высоте почти пяти тысяч метров, открылась белая поляна могучего ледника, покрытая громадными обломками, свалившимися с почти отвесной скалы из мрамора. Среди белоснежного мрамора в виде отдельных жил и гнезд виднелись большие куски лазурита, то кричаще синего цвета, то нежно-голубые, то с красивыми переходами в фиолетовые и зеленые тона.

Так впервые были открыты памирские месторождения настоящего темно-синего лазурита.

Да, геологи открыли их для науки, но местные жители знали о них еще раньше. Один из проводников рассказывал, что об этих месторождениях узнал он еще от своего отца.

На следующий год после этого открытия с громадным трудом была прорублена и проложена верблюжья тропа, и по ней из осыпи было вывезено шесть тонн прекрасного материала, изделиями из которого мог гордиться наш трест «Русские самоцветы». Дивный синий камень «Крыши мира» пополнил наши музеи.

Теперь мы знаем лазоревый камень Памира.

Как будто бы темно-синее небо пятикилометровых горных высот запечатлелось в этом замечательном камне, с которым Древний Восток связал так много таинственных легенд. (464 слова)

По В. Пескову

Бобр

Писатели, да и зоологи называют этих зверей «инженерами». И лучше, пожалуй, не придумашь. Внешность зверя внушительна. В бобровой шубе ходит! Дорогая шуба, с теплым подшерстком и крепкой остью, а для большей эластичности и ненамокаемости смазана маслянистым веществом. После каждого купания бобр тщательно ее чистит и напomaживает.

Живут бобры лет до двадцати пяти, во всяком случае в неволе. Бобрята рожают раз в году, в апреле — мае. Те через день-два плавают, а скоро начинают есть растения, хотя мать кормит их молоком еще некоторое время. С родителями бобрята остаются до двух-трех лет. Едят бобры кору, побеги, листья, особенно любят осину и ивы, болотные травы и тростник, водяные лилии; на зиму запасают ветки.

Физиономия бобра, если взглянуть на нее спереди, поразит великолепными резцами, торчащими поверх губы. Этот инструмент рытья и резания универсален. Мало кому доводилось видеть, как бобры орудуют резцами под водой, но на берегу их производительность фантастична: две-три минуты — и осинка толщиной в руку падает.

Типовые сооружения, которые строят бобры, просто удивительны. Тип первый — норы. Их роют, когда есть берега высокие и крепкие, на обрывах. Вход расположен на глубине метра или двух под водой. Поднявшись выше уровня реки, нора ведет куда-нибудь под корни крепкого дерева. Там мрачноватая спальня, иногда такая большая, что двое людей вполне могут в ней разместиться.

Тип сооружения второй — хатка из ветвей и земли. Она возвышается над водой метра на полтора-два и имеет диаметр в несколько метров. Тип третий — каналы. На болотистой местности в разные стороны от дома бобра расходятся неширокие и неглубокие полосы воды: это водные пути на работу и в столовую. Бобры стараются содержать свои каналы в порядке, по таким артериям они сплавляют обрубки деревьев и мусор.

Тип четвертый — плотины. Говорят, у бобров есть плотина высотой четыре с половиной метра, а длиной несколько сотен метров. Работая сообща, бобры сваливают посреди реки стволы деревьев, камни, ветки, ил, чтобы образовался островок. Потом по сторонам островка по направлению к берегам складывают годный для запруды материал, заплетают ветками, обмазывают илом, глиной, подпирают кольями, распорками из бревен. Строят плотину, пока не достигнут берега. Вода идет вширь и вверх, переливается через край, делает промоины, но упорные строители таскают, плетут, наваливают, замазывают. И вот уже уровень воды поднялся, блистает спокойной гладью, а излишки ее выливаются по надежному стоку из плотно сплетенных ветвей. Но одной плотины мало. Не могут бобры равнодушно смотреть, как бесполезно утекает куда-то драгоценная влага. Ниже по течению строят еще одну, потом еще, еще. В результате образуется целый ряд прудов, как ступени большой лестницы.

Кстати, зимой бобры спускают часть воды из запруд, чтобы подо льдом образовались пустые пространства. Там, между льдом и водой, они резвятся и кормятся.

Прежде бобры жили по всей Европе, в Сибири, Монголии, на севере Китая, в Северной Америке. Однако в течение многих столетий их безжалостно истребляли. Потом этих ценных животных стали охранять и снова разводить. Сейчас в Европе их поголовье и поселения восстанавливаются. (465 слов)

По И. Акимускину

О языке животных

Известно, что животные располагают богатейшими средствами звуковой сигнализации, чем-то напоминающими элементы человеческого языка. Подсчитано, к примеру, что домашняя свинья может издавать более двадцати звуковых сигналов, дельфин — более тридцати, а соловей — несколько десятков. С помощью таких сигналов птицы и животные выражают страх, гнев, удовольствие, призывают своих сородичей, например, к смене дежурства у гнезда, к сбору всей стаи. Последние исследования ученых показали, что поговорка «Нем как рыба» не имеет под собой никаких оснований, так как рыбы тоже разговаривают, но только в основном с помощью ультразвуковых сигналов, которые не воспринимает наше человеческое ухо.

Изучение различных способов общения между животными — увлекательное занятие, которое способно открыть совершенно неожиданные явления из жизни животного мира. Так, с помощью эксперимента ученые-биологи установили, что в муравьином языке есть числительное. Вообще муравьи обладают поразительной способностью к счету: они могут сосчитать до шестидесяти. В мире животных их следует почитать как великих математиков, так как самая толковая из птиц (например, ворона) считает только до четырех, а самое умное млекопитающее (например, волк) может сосчитать только до десяти. Биологами установлено также, что некоторые животные понимают язык других животных. Так, большие морские черепахи понимают сигналы дельфинов.

О речевых особенностях зверей и птиц рассказано немало интересных, удивительных случаев. Известны попугаи, которые знают более ста человеческих слов, умеют к месту их произносить. Знаменитый Дуров так выдрессировал собачку, что она произносила слово «мама».

Сравнительно недавно появилась в печати информация об удивительном коте, который в три года заговорил по-азербайджански и теперь поражает своей способностью выдавать виды ученых, которые полагают, что имеют дело с дрессурой, однако объяснить столь поразительный эффект ее пока не могут.

Умение издавать какое-то число звуков не означает, что животные обладают языком, подобным человеческому, который является не только средством передачи информации, но и средством познания окружающего мира, инструментом мышления. Может быть, этими свойствами обладают языки животных с высокоразвитой психикой?

Исследуя этот вопрос, ученые произвели множество опытов, среди которых наибольший интерес представляют те, что производились с обезьянами, воспитывавшимися в человеческих условиях. В результате экспериментов обнаружилась полная неспособность обезьян к человеческой речи. Чем это объяснить? Особенности их артикуляционного аппарата или же несовершенством психических способностей и строения мозга? Ученые считают, что голосовой аппарат шимпанзе не приспособлен к членораздельной речи, поэтому любая попытка научить обезьян говорить заранее обречена на провал. Зато обезьяны прекрасно понимают, хорошо усваивают и умело пользуются языком глухонемых — языком жестов. Вот пример. Американские супруги Гарднеры в течение трех лет обучали шимпанзе Уошо языку жестов. Результаты эксперимента превзошли все ожидания. Шимпанзе научился пользоваться в разговоре со своими воспитателями основными знаками американского жестового языка, понимал несколько сот других знаков, с которыми его собеседники обращались к нему. По методу Гарднеров воспитывались многие другие обезьяны, которые так же успешно осваивали язык жестов и даже пытались на нем объясниться с другими шимпанзе.

Эксперименты продолжаются и дадут нам немало нового для понимания природы общения. (453 слова)

По И. Акимускину

Причуды сна

Ночь складывается из чередующихся медленного и быстрого снов. Так называемый медленный сон, с которого и начинаются объятия Морфея, само блаженство: расслабляются мышцы, реже дыхание, пульс. На смену блаженству приходит быстрый сон: под закрытыми веками быстро двигаются глаза, растет температура мозга, подрагивают мышцы. Потом снова медленный сон, потом быстрый. И так до утра.

У людей цикл из медленного и быстрого снов занимает полтора часа, но многих млекопитающих по ночам чаще бросает из жара в холод. Чем же это плохо? Да тем, что сны снятся не когда попало, а во время быстрой фазы сна.

Зоологи утверждают, что чем длиннее быстрый сон, тем толковее животные, тем их легче дрессировать. Во всяком случае, тупиц с коротким быстрым сном (морских свинок, кроликов, антилоп) научить чему-либо чрезвычайно трудно.

Долгое время думали, будто животные на спине вообще не спят. И скелет у них для этого не приспособлен, и надо беречь уязвимый живот от когтей противника. Да и убежать от врага сподручнее, если спишь на брюхе. Но все это в прошлом: этологи — специалисты по поведению животных — выяснили, что животные каждого вида спят в определенном положении. И дело тут не только в анатомии. Конечно, змее неудобно спать на боку, а жирафу — ногами вверх. И тем не менее многие животные спят на спине. В жару любят поспать на спине львы. Они смотрят сны, мирно сложив на груди мощные передние лапы.

Казалось бы, у слонов обширные возможности выбора поз для сна. Ведь они чуть не единственные четвероногие с четырьмя коленками. Так нет — слоны предпочитают громоздиться на собственном брюхе компактной тушей, иногда подперев бивнями массивную голову. Тяжелые бивни и рога — принадлежность для сна весьма неподходящая. Животным приходится всячески изворачиваться, чтобы отдохнула шея. Так, горный козел, обладатель больших и тяжелых рогов, вынужден запрокидывать голову далеко назад, чтобы упереть рога в землю. Козел лежит на брюхе, а его подбородок смотрит в зенит.

Во сне может случиться всякое. Даже могучие слоны спокойно спят только тогда, когда выставят охрану, когда ощущают надежный бок соседа. А лисы обнимают друг друга хвостами.

Одни животные отдыхают ночью. Другие, проспав весь день напролет, выходят на охоту, когда стемнеет. А ведь есть животные, которые вроде бы вообще не спят. В этом подозревали даже дельфинов, потому что, усыпленные снотворными лекарствами, дельфины переставали дышать и тонули. Вообще-то у них отдыхает только половина мозга, то есть они находятся как бы в полусне. Но оказалось, что дельфины все-таки спят по-настоящему. Даже глаза закрывают. Просто им время от времени необходимо шевелить хвостом, чтобы всплыть, выставить из-под воды дыхало¹ и набрать в легкие воздуха.

Животные, впавшие в глубокий зимний сон, всего на доли градуса теплее окружающего воздуха. Потребление ими кислорода и выделение углекислого газа уменьшается раз в десять. Еж, который летом делает до сорока — пятидесяти вдохов в минуту, зимой, свернувшись клубочком где-нибудь под корнями деревьев, сделает лишь один вдох в минуту. Сердечко его бьется еле-еле.

Зверь спит, казалось бы, жизнь в нем чуть теплится. Но это только кажется. И в теле колючего ежа, и под теплой медвежьей шкурой идут сложные превращения, подчас совсем не такие, как летом. (492 слова)

По С. Старковичу

Может ли время повернуть вспять?

То, что на сегодняшний день нам известно о строении Вселенной, позволяет считать, что ее энергия утекает вовсе не безвозвратно. Рано или поздно может случиться, что процесс поглощения вещества «черными дырами» может прекратиться, и тогда начнется обратный процесс — выход энергии и вещества наружу. Быть может, с этого момента время потечет вспять?

Правда, весь предыдущий опыт человечества пока говорит нам о том, что большинство событий и явлений, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни, не обладают обратимостью: человек может только стареть, разбитая чашка никогда уже не станет целой, молоко, разлившееся из опрокинутой бутылки, никогда не соберется в нее вновь.

В то же время многие явления обладают обратимостью: автомобиль может проехать сначала в одну сторону, а потом вернуться, день сменяется ночью, а потом снова приходит день, все молекулы участвуют в беспорядочном броуновском движении. Откуда же возникает необратимость, если законы движения обратимы?

Об этом непростом вопросе не случайно говорят как о парадоксе обратимости. Споров было немало, пока Л. Больцман все-таки не нашел решение этой непростой проблемы. Вот ход его рассуждений.

Капля сиропа, расплывшаяся в воде, может снова собраться, тепло может перейти обратно к тому из брусков, который раньше был более горячим. Газы, выпущенные из двух баллонов в общий сосуд, могут когда-либо снова разделиться. Все эти процессы в принципе возможны хотя бы потому, что из свойств механического движения молекул следует, что возможны как перемешивание газов, так и обратный ему процесс. Ведь атомы и молекулы движутся хаотично, а раз имеется обратимость в движениях отдельных атомов, значит, возможно и обратимое поведение всего их сообщества. Категорического запрета на это нет. А то, что мы не наблюдаем их в повседневной жизни, говорит лишь о том, что обратные явления по сравнению с прямыми происходят очень и очень редко. Может случиться так, что за всю историю Вселенной нам не доведется их наблюдать, но это вовсе не значит, что они не могут происходить вообще.

Эту идею впоследствии поддержал известный исследователь профессор К. А. Козырев. Он предположил, что все знакомые нам законы движения — это лишь некоторая приближенная форма точных законов, которые еще предстоит открыть. И если в приближенных законах соблюдается обратимость, то точные законы будут обладать обратимостью, хотя, вполне возможно, она и будет выражена достаточно слабо.

Одним из итоговых выводов в данной области на сегодняшний день является положение о том, что направление времени связано с направлением большей части процессов во Вселенной. Это предположение принадлежит английскому физiku Артуру Эддингтону. Он считал, что направление течения времени связано с расширением Вселенной, и назвал это явление «стрела времени». В тот момент, когда расширение сменится сжатием, может повернуться в другую сторону и «стрела времени».

Подобное предположение имеет под собой довольно много оснований, но в степени его достоверности ученым еще предстоит разобраться. Пока же мы можем лишь констатировать то, что, с точки зрения современной науки, движение времени вспять представляется вполне возможным. (455 слов)

По С. Зигуненко

Почему светятся звезды?

В 1953 году профессор Пулковской обсерватории Николай Александрович Козырев пришел к парадоксальному выводу, что в звездах вообще нет никакого источника энергии. Они живут, излучая тепло и свет, за счет прихода энергии извне.

Надо сказать, что для такого суждения были основания. Еще в 1850 году немецкий физик Р. Клазиус сформулировал постулат, который впоследствии был назван вторым законом термодинамики. Суть его в том, что теплота не может сама собой переходить от более холодного тела к более тепловому.

Утверждение, казалось бы, самоочевидное: всем доводилось наблюдать, как, скажем, выключенный утюг постепенно становится все более холодным, но никто не видел, чтобы он вдруг стал нагреваться, забирая тепло из окружающего пространства. И все-таки против постулата Клазиуса в свое время выступали многие известные ученые, поскольку из утверждения немецкого физика вытекала неизбежность тепловой смерти Вселенной. Если все тела самопроизвольно охлаждаются, то в конце концов со временем все звезды погаснут и наступит так называемый конец света.

Сто с лишним лет назад два великих ума того времени — Гельмгольц и Кельвин — казалось бы, решили загадку. Звезды — это огромные сгустки газа. Сжимаясь под действием гравитации, они нагреваются до миллионов градусов и обогревают Вселенную. Но расчеты показали, что при такой схеме работы наше Солнце должно было израсходовать всю свою энергию задолго до того, как на Земле появились бы первые проблески жизни.

Затем наступила очередь другой точки зрения: звезды стали считать сначала ядерными, а потом термоядерными реакторами. Но и здесь не все гладко: эксперименты и расчеты показывают, что температура внутри Солнца меньше той, что требуется для поддержания термоядерной реакции. Таким образом, получается, что недостающую энергию звезды берут из окружающего пространства. Однако само по себе пространство не может быть источником энергии, поскольку оно для этого достаточно пассивно. Но, с другой стороны, пространство неотделимо от времени. Но тогда что же представляет собой само время? Не является ли оно своеобразным вечным двигателем Вселенной?

Мы помним, что второй закон термодинамики, тот самый постулат Клазиуса, гласит, что энергия из системы куда-то всегда утекает. Но есть и другой закон — закон сохранения энергии. Стало быть, энергия, или тепло, не исчезает бесследно, а во что-то переходит. Почему бы тогда не предположить, что она переходит во время или же передается ему? Но возвращает ли время полученную энергию?

В свое время тот же Козырев обратил внимание на двойные звезды. Эти образования могут состоять из звезд разных классов, но, объединившись в пару, они обретают схожие черты: одинаковую яркость, спектральный тип. Возникает впечатление, что главная звезда воздействует на свой спутник и постепенно передает ему нечто, что изменяет его облик. Но что именно? Межзвездные расстояния достаточно велики, чтобы исключить влияние обычных силовых полей. На таких расстояниях работают только силы гравитации и время. Силы гравитации удерживают небесные тела в одной системе, а время, может статься, помогает им обмениваться энергией.

Таким образом, мы можем предположить, что время способно как передавать энергию, так и возвращать ее. Значит, энергия, распространяемая звездами, уходит от них во время-пространство, которое служит той кладовой, откуда светила черпают свою энергию. Все взаимосвязано в вечный круговорот, а стало быть, не стоит опасаться конца света: звезды будут гореть и согревать планеты, приобретая энергию из окружающего пространства-времени. И надо сказать, жизнь с каждым годом позволяет нам все более утверждаться в этой точке зрения. (516 слов)

По С. Зигуненко

Спираль времени

Как движется время? Большинство из нас скорее всего его ассоциирует с рекой, текущей из будущего в прошлое и никогда не поворачивающей свои воды вспять.

А вот древние греки так не считали. По мнению философа Прокла, время не подобно прямой линии, безгранично продолжающейся в обоих направлениях. Оно движется по кругу. Его течение устроено так, что конец соединяется с началом, а потому время бесконечно.

Эту точку зрения разделял и Платон. Ему даже удалось рассчитать, что длительность «великого года», то есть одного кольцевого цикла времени, равняется тридцати шести тысячам лет.

Сегодня мы знаем, что это не так. Но данная ошибка не мешает нам согласиться с другим выводом великого мыслителя. Платон верно предположил, что человек не ощущает время само по себе и что понятие об этой категории возникло благодаря наблюдениям за постоянными изменениями окружающего нас мира. То есть время ощущается нами потому, что существует движение.

Следовательно, если нет движения, то нет и времени. И тогда нам не стоит думать о том, в каком же направлении оно течет.

Такое решение данного вопроса предложил известный в древности любитель парадоксов Зенон Элейский, заявивший, что никакого движения в мире не существует. В подтверждение своего положения он высказал предположение, дошедшее до нас в пересказе Аристотеля.

Как мы представляем себе полет стрелы? Ее движение — это изменение положения в пространстве. Летящая стрела в разное время находится в разных местах. Но мы ведь живем мгновениями. Значит, в любое определенное мгновение стрела находится в определенном, единственном положении. Она присутствует в данном месте точно так, как если бы она покоилась здесь всегда. А значит, полагал Зенон, ее никоим образом нельзя отличить от другой стрелы, которая действительно может покоиться в данном месте. А если нельзя отличить движущуюся стрелу от покоящейся, то никакого движения не существует.

Это умозаключение вызвало большие толки в научном мире. Даже современные ученые так и не могут однозначно определить свое отношение как к самому Зенону, так и к его теориям. Одни считают, что знаменитая загадка о стреле оказала громадное влияние на развитие науки. Другие же полагают, что это очень старая и глупая проблема.

Но каким бы ни было отношение к теориям Зенона, этого философа нужно поблагодарить уже за то, что он заставил ученых пристальнее всматриваться в окружающий мир, поставил вопросы, задевавшие за живое, и позволил продвинуть науку дальше. А она, в свою очередь, дала ответы на многие вопросы, в том числе и на вопрос о том, как движется время — по окружности или по прямой.

Аристотель, назвавший Зенона первым диалектиком, в стиле диалектики и ответил на этот вопрос. Он объединил круг и прямую, получив спираль. Правда, Аристотель не предлагал свое изобретение в качестве нового образа времени. Но спираль соединяет воедино то, что раньше казалось несопоставимым, что противопоставлялось друг другу, когда говорили о наглядном представлении времени.

Таким образом, наука о времени получила новый образ, физическое толкование которого предстояло найти последователям античных мыслителей. (460 слов)

По С. Зигуненко

Магия чисел

Сейчас нам трудно представить, что такая рациональная и точная наука, как математика, в древности была тесно связана с магией, религией и даже послужила средством для доказательства учения о бессмертии души. Но это факт, и мы не можем с ним не считаться.

Обожествление числа и связанная с этим мистика имеют длинную историю и своими корнями уходят в глубокую древность, хотя суеверия в отношении некоторых чисел, как известно, не перевелись и поныне. Оказали они влияние и на многих древнегреческих философов, прежде всего на Пифагора, по праву считающегося одним из отцов современной математики. Традиционные взгляды на числа и их значение в мире и в самой жизни людей укрепляли веру Пифагора и его последователей в то, что числа и числовые отношения составляют основу Вселенной и всех вещей.

Наблюдения над периодически правильным движением небесных тел, над ритмической последовательностью смены дня и ночи и времен года через определенное количество единиц времени, установление соотношения между высотой тона звучащей струны и ».е длиной — все это привело пифатов орейцев к мысли, что между числовыми рядами и явлениями действительности имеется сходство, подобие, соответствие. Религиозно-мистически настроенные пифагорейцы нашли источник его в божественных свойствах числа и числовых рядов. Они стали говорить, что вещи существуют как подражание числам. Отсюда и произошел знаменитый тезис Пифагора о том, что все сущее есть число. Он означал, что число составляет основу существования вещей, их материю. С другой стороны, пифагорейцы понимали число как то, что правит миром, определяет порядок вещей и их отношения. Вещи же подражают этому формирующему началу. Поэтому число, по мнению Пифагора, есть основа вещей, их душа и руководящий принцип.

Каждое из чисел имело для пифагорейцев сокровенный смысл и являлось символом каких-либо социально-этических явлений или религиозно-мифологических существ. Так, единица или десятка символизировали у них единство мира, его гармонию, совершенство. Число пять означало брак, так как его сумма мыслилась как результат сложения мужского и женского начал — тройки и двойки, хотя некоторые пифагорейцы утверждали, что брак — это число шесть, то есть мужское начало, умноженное на женское. Сам же Пифагор особо почитал семерку. Он рассматривал ее как верховное число, которому придавал роль мироправящего начала, ибо все в мире семерично: основные сферы космоса, периоды повторяющихся в нем процессов, периоды жизни существ подчиняются числу семь. Семерка являлась также символом судьбы и самой судьбой.

Придя к подобным суждениям, пифагорейцы пытались постичь тайны мира через соотношения чисел и тем самым дали необычайно сильный толчок развитию математики. Пифагору и его последователям принадлежит огромный ряд открытий в данной области знаний: от знаменитой теоремы до открытия иррациональных чисел и несоизмеримых величин. Кроме того, требование точности и ясности в суждениях возникло в значительной степени на почве пифагорейской математики. Это требование способствовало развитию логики мышления и дедуктивного¹ способа познания.

Но данные достижения в области математики возникли, как ни странно, на основе веры в религиозно-мистические свойства числа, так что математика и магия действительно приходится несколько сродни друг другу. (460 слов)

По Ф. Квссиди

Крыжовник

Нас два брата: я, Иван Иванович, и другой — Николай Иванович, года на два помоложе. Я пошел по ученой части, стал ветеринаром, а Николай уже с девятнадцати лет сидел в казенной палате. Наш отец оставил нам потомственное дворянство и именишко. После его смерти именишко у нас оттягали за долги, но, как бы ни было, детство мы провели в деревне на воле. Мы, все равно как крестьянские дети, дни и ночи проводили в поле, в лесу, стерегли лошадей, драли лыко, ловили рыбу и прочее тому подобное. А вы знаете, кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов, как они в ясные и прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет тянуть на волю. Мой брат тосковал в казенной палате. Годы проходили, а он все сидел на одном месте, писал все те же бумаги и думал все об одном и том же. И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определенное желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера.

Брат мой Николай, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет есть свои собственные щи, от которых идет такой вкусный запах по всему двору, есть на зеленой травке, спать на солнышке, сидеть по целым часам за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес. Сельскохозяйственные книжки и всякие эти советы в календарях составляли его радость, любимую духовную пищу; он любил читать и газеты, но читал в них одни только объявления о том, что продаются столько-то десятин пашни и луга с усадьбой, садом, мельницей, с проточными прудами. И рисовались у него в голове дорожки в саду, цветы, фрукты, скворечни, караси в прудах и, знаете, всякая эта штука. Эти воображаемые картины были различны, смотря по объявлениям, которые попадались ему, но почему-то в каждой из них непременно был крыжовник. Ни одной усадьбы, ни одного поэтического угла он не мог себе представить без того, чтобы там не было крыжовника.

Он чертил план своего имения, и всякий раз у него на плане выходило одно и то же: барский дом, людская, огород, крыжовник. Жил он скупой: недоедал, недопивал, одевался бог знает как, словно нищий, и все копил и клал в банк. Страшно жадничал. Мне было больно глядеть на него, и я кое-что давал ему и посылал на праздниках, но он и это прятал. Уж коли задался человек идеей, то ничего не поделаешь.

Годы шли, перевели его в другую губернию, минуло ему уже сорок лет, а он все читал объявления в газетах и копил. Потом, слышу, женился. Все с тою же целью, чтобы купить себе усадьбу с крыжовником, он женился на старой, некрасивой вдове, без всякого чувства, а только потому, что у нее водились деньжонки. Он и с ней тоже жил скупой, держал ее впроголодь, а деньги ее положил в банк на свое имя. Раньше она была за почтмейстером и привыкла у него к пирогам и к наливкам, а у второго мужа и хлеба черного не видала вдоволь. Стала чахнуть от такой жизни, да года через три взяла и отдала богу душу. И, конечно, брат мой ни одной минуты не подумал, что он виноват в ее смерти. Деньги, как водка, делают человека чудачком. После смерти жены брат мой стал высматривать себе имение. Конечно, хоть пять лет высматривай, но все же в конце концов ошибешься и купишь совсем не то, о чем мечтал. Брат Николай через комиссионера, с переводом долга, купил сто двенадцать десятин с барским домом, с людской, с парком, но ни фруктового сада, ни крыжовника, ни прудов с утками. Но мой Николай Иванович мало печалился, он выписал себе двадцать кустов крыжовника, посадил и зажил помещиком. (598 слов)

По А. Чехову

Нарцисс

Кто не чтит златую Афродиту, кто отвергает дары ее, кто противится ее власти, того немилосердно карает богиня любви. Так покарала она прекрасного, умного, холодного, гордого Нарцисса. Никого не любил он, кроме одного себя, лишь себя считал достойным любви.

Он отвергал любовь всех и многих нимф сделал несчастными. И раз одна из отвергнутых им нимф воскликнула:

— Полюби же и ты, Нарцисс! И пусть не отвечает тебе взаимностью человек, которого ты полюбишь!

Исполнилось пожелание нимфы. Разгневалась богиня любви Афродита на то, что Нарцисс отвергает ее дары, и наказала его. Однажды весной во время охоты Нарцисс подошел к ручью и захотел напиться студеной воды. Еще ни разу не касались вод этого ручья ни пастух, ни горные козы; ни разу не падала в ручей сломанная ветка, даже ветер не заносил в ручей лепестков пышных цветов. Вода его была чиста и прозрачна. Как в зеркале, отражалось в ней все вокруг: и кусты, разросшиеся по берегу, и стройные кипарисы, и голубое небо. Нагнулся Нарцисс к ручью, опершись руками о камень, выступавший из воды, и отразился в ручье весь, во всей своей красе. Тут-то и постигла его кара Афродиты. В изумлении смотрит он на свое отражение в воде, и сильная любовь овладевает им. Полными любви глазами смотрит он на свое изображение в воде, он манит его, зовет, простирает к нему руки. Наклоняется Нарцисс к зеркалу вод, чтобы поцеловать свое отражение, но целует только студеною прозрачную воду ручья. Все забыл Нарцисс; он не уходит от ручья, не отрываясь, любитесь самим собой. Он не ест, не пьет, не спит. Наконец, полный отчаяния, восклицает Нарцисс, простирая руки к своему отражению:

— О, кто страдал так жестоко! Нас разделяют не горы, не моря, а только полоска воды, и все же не можем мы быть с тобой вместе. Выйди же из ручья!

Задумался Нарцисс, глядя на свое отражение в воде. Вдруг страшная мысль пришла ему в голову, и тихо шепчет он своему отражению, наклоняясь к воде:

— О горе! Я боюсь, не полюбил ли я самого себя! Ведь ты — я сам! Я люблю самого себя. Я чувствую, что немного осталось мне жить. Едва расцветши, увяну я и сойду в мрачное царство теней. Смерть не страшит меня, смерть принесет конец мукам любви.

Покидают силы Нарцисса, бледнеет он и чувствует уже приближение смерти, но все-таки не может оторваться от своего отражения. Плачет Нарцисс. Падают его слезы в прозрачные воды ручья. По зеркальной поверхности воды пошли круги, и пропало прекрасное изображение. Со страхом воскликнул Нарцисс:

— О, где ты? Вернись! Останься! Не покидай меня, ведь это жестоко. О, дай хоть посмотреть на тебя!

Но вот опять спокойна вода, опять появилось отражение, опять, не отрываясь, смотрит на него Нарцисс. Тает он, как роса на цветах в лучах горячего солнца.

Наконец, измученный, слабеющим голосом воскликнул Нарцисс, глядя на свое отражение:

— Прощай!

Склонилась голова Нарцисса на зеленую прибрежную траву, и мрак смерти покрыл его очи.

Умер Нарцисс. Приготовили нимфы юному Нарциссу могилу, но когда пришли за телом юноши, то не нашли его. На том месте, где склонилась на траву голова Нарцисса, вырос белый душистый цветок — цветок смерти. Нарциссом зовут его. (500 слов)

По Н. Куну

Переполох

Машенька, молодая девушка, вернувшись с прогулки в дом Кушкиных, где она жила в гувернантках, застала необыкновенный переполох. В передней и в коридоре встретила она горничных. Одна горничная плакала. Затем Машенька видела, как из дверей ее комнаты выбежал сам хозяин Николай Сергеич. Он был красен, его передергивало.

Машенька вошла в свою комнату, и тут ей в первый раз в жизни пришлось испытать во всей остроте чувство, которое так знакомо людям зависимым, безответным, живущим на хлебах у богатых и знатных. В ее комнате делали обыск. Машенька обвела удивленными глазами свою комнату и, ничего не понимая, не зная, что думать, пожала плечами, похолодела от страха. Что Федосья Васильевна искала в ее сумке? Что случилось?

В комнату вошла горничная.

— Лиза, вы не знаете, зачем это меня... обыскивали? — спросила у нее гувернантка.

— У барыни пропала брошка в две тысячи, — сказала Лиза.

— Да, но зачем же меня обыскивать?

— Всех, барышня, обыскивали. И меня всю обыскали. А вы, барышня, напрасно это дрожите. У вас ничего не нашли! Ежели не вы брошку взяли, так вам и бояться нечего.

— Но ведь это, Лиза, низко, оскорбительно! — сказала Машенька, задыхаясь от негодования. — Ведь это подлость, низость! Какое она имела право подозревать меня и рыться в моих вещах?

— В чужих людях живете, барышня, — вздохнула Лиза. — Хоть вы и барышня, а все же как бы прислуга. Это не то, что у папаши с мамашей жить.

Машенька повалилась в постель и горько зарыдала. Никогда еще над нею не совершали такого насилия, никогда еще ее так глубоко не оскорбляли, как теперь.

Оставалось только одно — поскорее уйти, не оставаться здесь ни одного часа. Правда, страшно потерять место, опять ехать к родителям, у которых ничего нет, но что же делать? Машенька не могла видеть уже ни хозяйки, ни своей маленькой комнаты, ей было здесь душно, жутко. Машенька прыгнула с кровати и стала укладываться.

— Можно войти? — спросил за дверь Николай Сергеич. Он подошел к двери неслышно и говорил тихим, мягким голосом. — Можно?

— Войдите.

Он вошел и остановился у двери.

— Укладываюсь. Простите, Николай Сергеич, но я не могу долее оставаться в вашем доме. Меня глубоко оскорбил этот обыск!

— Я понимаю... Только вы это напрасно... Зачем?

Машенька молчала и продолжала укладываться. Николай

Сергеич продолжал заискивающим голосом:

— Я, конечно, понимаю, но надо быть снисходительной. Знаете, моя жена нервная, взбалмошная, нельзя судить строго.

Машенька молчала.

— Если уж вы так оскорблены, — продолжал Николай Сергеич, — то извольте, я готов извиниться перед вами. Извините.

Машенька ничего не ответила, а только ниже нагнулась к своему чемодану. Этот нерешительный человек ровно ничего не значил в доме, и извинение его тоже ничего не значило.

— Вы хотите, чтоб я сказал вам то, чего и на исповеди не скажу? Хотите? Послушайте, вы хотите, чтобы я признался в том, в чем даже пред смертью на духу не признаюсь?

Машенька молчала.

— Я взял у жены брошку! — быстро сказал Николай Сергеич. — Довольны теперь? Удовлетворены? Да, я взял. Только, конечно, я надеюсь на вашу скромность. Ради бога, никому ни слова, ни полнамека!

Машенька, удивленная и испуганная, продолжала укладываться. Она хватала свои вещи, мяла их и беспорядочно совала в чемодан и корзину. Теперь, после откровенного признания, сделанного Николаем Сергеичем, она не могла оставаться ни одной минуты и уже не понимала, как она могла жить раньше в этом доме.

— И удивляться нечего, — продолжал Николай Сергеич, помолчав немного. — Обыкновенная история! Мне деньги нужны, а она не дает. Ведь этот дом и все это мой отец наживал, Марья Андреевна! Все ведь это мое, и брошка принадлежала моей матери, и... все мое! А она забрала, завладела всем. Не судиться же мне с ней, согласитесь. Прошу вас убедительно, извините и останьтесь. Остаетесь?

— Нет! — сказала Машенька решительно, начиная дрожать. — Оставьте меня, умоляю вас.

Через полчаса она была уже в дороге. (600 слов)

По А. Чехову

Сталинград

Узнав, что я интересуюсь материалами Второй мировой войны, издатель развернул передо мной газету, сказал: «Хотел бы, чтобы вы встретились с фельдмаршалом Манштейном. Да, он жив, ему восемьдесят лет. Но думаю, что он побоится разговора с вами».

Издатель позвонил по телефону, и я хорошо слышал последующий разговор. Старческий голос в трубке надолго замолчал, как только издатель сказал, что господину фельдмаршалу хочет задать несколько вопросов русский писатель, занятый изучением материалов Второй мировой войны, в том числе и Сталинградской операции.

Длилась томительная пауза, потом старческий голос не без удивления переспросил: «Русский писатель? О Сталинграде? Нет, я никак не могу встретиться, у меня болит горло. Я плохо себя чувствую».

— Я так и думал, — сказал издатель, положив трубку. — У этих вояк всегда болит горло, когда надо серьезно отвечать.

Я понимал, почему фельдмаршал опасался вопросов о Сталинградской операции.

Шел декабрь второго года войны. Двухсоттысячная армия фельдмаршала Паулюса была сжата в тесном кольце тремя нашими фронтами вокруг превращенного в развалины Сталинграда. Мы стискивали кольцо с одним желанием уничтожения. И это было справедливо. Жестокость врага рождает ненависть.

Быстрое окружение шестой армии Паулюса в почти захваченном, казалось бы, почти завоеванном Сталинграде представилось сначала в Берлине невозможностью, мифом, результатом возникшего русского военного потенциала и тайной славянского характера.

Но это не было ни мифом, ни таинственностью. Это было проявлением закономерности. До предела сжатая пружина стала разжиматься с неудержимой разрушительной силой. Война вошла в новую свою фазу.

Окруженная группировка Паулюса получала одну за другой радиogramмы Гитлера с приказом держаться до последнего солдата. Он, Гитлер, понимал, что потерять Сталинград — значит потерять инициативу, навсегда уйти с берегов Волги. И вот тогда командующий группой армий «Дон» фельдмаршал Эрих фон Манштейн получил приказ начать операцию прорыва с юга к окруженным войскам. Эта операция могла решить многое, если не все. Танковые дивизии были тараном, нацеленным с юга на Сталинград.

В нескольких метрах ударная армия Манштейна — танки генерал-полковника Гота — прорвала нашу оборону, приблизилась к окруженной группировке Паулюса на шестьдесят километров, и немецкие танковые экипажи уже увидели багровое зарево над Сталинградом. Манштейн радировал Паулюсу: «Мы придем! Держитесь! Победа близка!»

Но фельдмаршал Манштейн не выручил Паулюса. Остатки танковых дивизий, видевших ночью зарево на горизонте, откатывались к Котельникову. Наши армии все теснее сжимали в кольцо напрасно ожидающую помощи окруженную группировку под Сталинградом. И одновременно часть войск, сдержав танковый натиск, начала активное наступление на юге.

Тогда и Гитлер, и Манштейн, точно улавливающий каждое желание фюрера, пришли к единому выводу: окруженную двухсоттысячную армию следует принести в жертву. Фельдмаршал Манштейн, которому непосредственно подчинена была окруженная армия, перестал отвечать на радиogramмы Паулюса. Потом холодно и расчетливо фельдмаршал прекратил снабжение с воздуха, прекратил вывоз раненых, хотя в то же время из окружения вывозились «имеющие ценность специалисты», необходимые для продолжения войны. Остальные обрекались на гибель.

Утром 31 января пришла последняя радиограмма из ставки Гитлера с пышным текстом о производстве Паулюса в генерал-фельдмаршалы. Это было скрытое приглашение к самоубийству. Паулюс все понял, но нашел другой выход — плен. Так закончилась эта невиданная в истории войн битва. Это поражение было символическим могильным крестом, замаячившим над ореолом непобедимости фашистской Германии.

Вот почему у фельдмаршала заболело горло, когда издатель позвонил ему по телефону и заговорил о Сталинграде и русском писателе. (509 слов)

По Ю. Бондареву

В цирюльне

Утро. Еще нет и семи часов, а цирюльня Макара Кузьмича Блесткина уже отперта. Хозяин, малый лет двадцати трех, неумытый, засаленный, но франтовато одетый, занят уборкой. Убирать, в сущности, нечего, но он вспотел, усердно работая. Там тряпочкой вытрет, там пальцем сколупнет, там клопа найдет и смахнет его со стены.

Цирюльня маленькая, узенькая. Бревенчатые стены оклеены обоями, напоминающими полинялую ямщицкую рубаху. Между двумя тусклыми, слезоточивыми окнами тонкая, скрипучая, тщедушная дверца, над нею позеленевший от сырости колокольчик, который вздрагивает и болезненно звенит сам, без всякой причины. А поглядите вы в зеркало, которое висит на одной из стен, и вашу физиономию перекосит во все стороны самым безжалостным образом! Перед этим зеркалом стригут и бреют. На столике, таком же неумытом и засаленном, как сам Макар Кузьмич, все есть: гребенки, ножницы, бритвы, пудры на копейку, сильно разведенного одеколону на копейку. Да и вся цирюльня не стоит больше пятиалтынного.

Над дверью раздается взвизгивание большого колокольчика, и в цирюльню входит пожилой мужчина в дубленом полушубке и валенках. Его голова и шея окутаны женской шалью.

Это Эраст Иванович Ягодов, крестный отец Макара Кузьмича.

— Макарушка, здравствуй, свет! — говорит он Макару Кузьмичу, увлекшемуся уборкой.

Целуются. Ягодов стаскивает с головы шаль, крестится.

— Даль-то какая! — говорит он, кряхтя. — Шутка ли? От Красного пруда до Калужских ворот.

Макар Кузьмич, шаркнув ногой, указывает на стул. Ягодов садится и глядит на себя в зеркало и, видимо, доволен зрелищем: в зеркале получается кривая рожа с тупым, широким носом и с глазами на лбу. Макар Кузьмич покрывает плечи своего клиента белой простыней с желтыми пятнами и начинает визжать ножницами.

— А как поживает Анна Эрастовна?

— Дочка? Ничего. На прошлой неделе, в среду, за Шейкина просватали.

Ножницы перестают визжать. Макар Кузьмич опускает руки и спрашивает испуганно:

— Кого просватали?

— Анну.

— Это как же? За кого?

— За Шейкина, Прокофия. Через неделю свадьба. Приходи, погуляем.

— Да как же это так, Эраст Иванович? — говорит Макар Кузьмич, бледный, удивленный, и пожимает плечами. — Как же это возможно? Это... это никак не возможно! Ведь Анна Эрастовна... ведь я... ведь я чувства к ней питал, я намерение имел. Как же так? Это невозможно, Эраст Иванович! Я... я влюблен и предложение сердца делал... И тетенька обещала. Я всегда уважал вас, все равно как родителя... стригу вас всегда задаром. Всегда вы от меня одолжение имели, и когда мой папаша скончался, вы взяли диван и десять рублей денег и назад мне не вернули. Помните?

— Как не помнить! Помню. Только какой же ты жених, Макар? Разве ты жених? Ни денег, ни звания, ремесло пустяковое.

— А Шейкин богатый?

— Шейкин в артельщиках. У него в залоге лежит полторы тысячи. Так-то, брат. Толкуй не толкуй, а дело уж сделано. Назад не воротишь, Макарушка. Другую себе ищи невесту. Свет не клином сошелся. Ну, стриги! Что же стоишь?

Макар Кузьмич берет ножницы, минуту глядит на них бессмысленно и роняет на стол. Руки у него трясутся.

— Не могу! — говорит он. — Не могу сейчас, силы моей нет! Несчастный я человек! И она несчастная! Любили мы друг друга, обещались, и разлучили нас люди недобрые, без всякой жалости. Уходите, Эраст Иванович! Не могу я вас видеть.

— Так я завтра приду, Макарушка. Завтра дострижешь.

У Эраста Ивановича половина головы выстрижена догола, и он похож на каторжника. Неловко оставаться с такой головой, но делать нечего. Он окутывает голову и шею шалью и выходит из цирюльни. Оставшись один, Макар Кузьмич садится и продолжает плакать потихоньку.

На другой день рано утром опять приходит Эраст Иванович.

— Вам что угодно? — спрашивает его холодно Макар Кузьмич.

— Достриги, Макарушка. Полголовы еще осталось.

— Пожалуйста деньги вперед. Задаром не стригу.

Эраст Иванович, не говоря ни слова, уходит, и до сих пор еще у него на одной половине головы волосы длинные, а на другой — короткие. Так и на свадьбе гулял. (600 слов)

По А. Чехову

Отец и сын

Кавалерийская часть генерала Башилова прорвала застоявшуюся оборону противника, я был «брошен» в прорыв вместе с другими корреспондентами нашей фронтовой газеты. Мы осели в прифронтовой деревушке. Я обосновался в большой чистой избе на краю деревни. Два всадника, расплескав лужу, вынеслись на околицу и, завернув коней, осадили их у нашего дома.

Один из них, кургузый, спешился, кинул поводья своему спутнику и, грузно переваливаясь на толстых ногах, заковылял к двери. Испуганно охнула, сорвавшись на низах, гармонь, вскочил танкист, отдавая честь. Как пружиной, подкинуло с присядки белобрысого сапера.

— Отдыхайте, отдыхайте! — ворчливо бросил тучный кавалерист.

Шаги его глухо прозвучали по земляному полу сеней, распахнулась дверь, и я увидел красное лицо, сердитые глаза и кургузую, с наклоном вперед, фигуру грозного генерала Башилова. Я встал.

— Кто такой? — недовольно, в упор спросил, словно выстрелил, Башилов.

— Из фронтовой газеты.

Дверь распахнулась, в горницу стремительно шагнул высокий кавалерист, прибывший вместе с генералом. Крыло бурки зацепилось за косяк, полы разлетелись, обнаружив в своем нутре тонкую, как тростина, юношескую фигуру.

Генерал вместе с высоким кавалеристом прошел за печь. Я услышал их тихий разговор.

— Испугался я нынче за тебя, Алеша. Больно уж ты горяч.

Этот голос, как будто вобравший в себя все тепло мира, поразил меня.

Неужели обладатель его тот самый Башилов, чей ворчливо-недовольный бас я слышал несколько минут назад?

— Ну что ты, отец. Ты же знаешь, меня пуля не берет!

— Не берет, не берет. А только смотри, ты у меня один, — с трещинкой хрипотцы сказал голос.

Скрытая нежность — эта обычная изнанка суровых душ — казалась мне поразительной в Башилове. Один из самых лихих рубак конного корпуса, Башилов был уважаем всеми, но никем не любим. А между тем он обладал всеми качествами, которые привлекают к командиру сердца подчиненных. Он был заботлив, справедлив и совершенно немелочен в своей требовательности. Нигде не жилось солдатам лучше, чем в бригаде Башилова, но он был замкнут и суров. Говорили, что Башилов потерял семью в первые дни войны.

Ваганова генерал подобрал на Полтавщине, когда бригада с боями вырвалась из окружения. Ваганов спал в придорожной канаве, положив голову на кулак, рядом с ним валялось странное самодельное оружие — кухонный нож, всаженный в длинную толстую палку. Мальчик дрожал и плакал во сне, но, разбуженный прикосновением руки генерала, сразу вскочил, схватился за свое оружие со злобным блеском мгновенно проснувшихся глаз. Оказалось, он поджидал гитлеровцев. Поджидал двое суток и, не выдержав, уснул. Его мать и сестренки погибли от вражеской бомбы в доме, когда он лежал на огороде, чтоб лучше видеть бомбежку. Говорил мальчишка неохотно, каждое слово приходилось рвать из него чуть не клещами.

— Пропадет малец, — сказал адъютант генералу. — Может, возьмем его с собой?

Генерал ничего не ответил, он только хмуро пощипывал жесткую щетину усов.

— Зато, — сказал мальчишка, бледными страстными глазами дерзко глядя прямо в лицо генералу, — вы тикаете — и тикайте! А мне фашистов убивать надо!

— Дурак, — с удивившей адъютанта мягкостью проговорил генерал, — убивать вышел, а сам дрыхнешь в канаве. Да и кого ты такой вот убьешь? Идем с нами, мы тебя научим воевать. Это вот, — он тронул висящую на боку шашку, — получше твоей орязины.

Мальчишка с жадностью взглянул на шашку:

— А мне такую дадите?

— Покажешь себя — свою отдам!

Два мрачных лица — одно — юношеское, со следами недавних слез, другое — сухое и старое — тронулись улыбкой. Определив Ваганова во второй эскадрон, генерал, казалось, забыл о нем совсем. Только через год призвал он его к себе, показал свой знаменитый удар, разнимающий надвое человека, и усыновил. В течение всего этого года генерал незаметно для окружающих внимательно следил за Вагановым. Он укрепился в своей первой догадке, что в этом юноше горит огонь более сильный, чем в других оскорбленных душах.

— Все-таки побереги себя, Алеша, — говорил генерал. — Не век же тебе убивать. С твоей душой далеко шагнуть можно. (598 слов)

По Ю. Нагибину

Важный момент

Когда Сене исполнилось одиннадцать лет, он со своим дядей-моряком приехал в Севастополь.

В первый же день Сеня уговорил дядю купить билет в музей-панораму «Оборона Севастополя». Низенький экскурсовод в полотняных брюках и сандалиях на босу ногу что-то громко объяснял. Сеня почти не слушал. Он стоял на круглой площадке с медными, как на капитанском мостике, поручнями.

Громадное полотно окружало склоны Малахова кургана. Склоны были как настоящие: с траншеями и землянками, с перевернутыми зарядными ящиками, брустверами¹ из корзин. С фигурами убитых. А дальше, на полотне, английские, французские, русские колонны, синий дым выстрелов, далекие британские фрегаты, мачты затопленных русских кораблей, желтые форты и Севастополь под первым лучом солнца.

Уже не поймешь, что нарисованное, а что настоящее. Все настоящее! Но почему оно застыло и молчит?

Бруствер — насыпь на наружной стороне окопа, траншеи.

— А здесь изображен особенно важный момент, — донесся до Сени голос экскурсовода в сандалиях.

Что за момент, он уже не слышал. Ему показалось, словно чье-то волшебство разорвало заколдованную тишину и неподвижность. Сене показалось, что все ожило. Он увидел маленького барабанщика.

Круглые бомбы с треском выбрасывали желто-красные букеты взрывов. Громкое щелканье выстрелов било по ушам. Воздух гудел от криков тысяч людей, содрогался от залпов тяжелых бом-бических пушек и мортир. И, как ни странно, слышался сквозь шум боя спокойный голос Нахимова, поднявшегося на оборонительную башню, ворчливый бас хирурга Пирогова, скрип ведер на коромысле сестры милосердия Даши Севастопольской. А маленький барабанщик в зеленом мундире с белой перевязью выбивал спокойную негромкую дробь.

Уже не нужен был сигнал тревоги. Солдаты пехотного полка почти построились в ошетилившуюся длинными штыками колонну. Не нужен был сигнал атаки. Все и так знают, что начнется она сейчас.

И все-таки барабанщик бил. Он стоял совсем спокойно среди тонкого свиста пуль и шуршания тяжелых ядер. Он чуть расставил ноги и склонил голову, глядя, как ровно пляшут палочки на желтой коже высокого барабана.

И Сеня понял, что это и есть важный момент. Было очень важно, что мальчик-барабанщик оставался очень спокойным и палочки не сбивались с ровного ритма. Вы слышали когда-нибудь, как в рокот грозного ливня, шум ветра и трескучие раскаты вливается негромкий звон струи, ударившей в пустое ведро? Кто-то выскочил на секунду и сунул его под водосточную трубу. «Тра-та-та-та», — часто бьют капли о металлическое дно. И гроза словно отходит и делается спокойнее. Так же и ровная дробь маленького барабанщика в грохоте штурма.

Голос экскурсовода, усиленный микрофоном, ворвался в грохот боя. Вздрыгнул Сеня, и кончилось волшебство. Умолкли пушки. Неподвижно повисли синие дымы. Замерли на бегу солдаты. А мальчик с барабаном стоял так же, как раньше. Чуть расставил ноги и склонил голову в зеленой с красным околышем бескозырке. Только палочки не мелькали в руках. Он отдыхал.

Экскурсия обходила площадку по кругу. И вот уже надо спускаться по лестнице, узкой и крутой, как корабельный трап. Сеня не спустился, он протолкался осторожно и пристроился к другой группе. Вернулся к барабанщику.

Так он делал три раза.

Потом он ушел из панорамы к Четвертому бастиону. Черные корабельные пушки были горячими от солнца. Два загорелых малыша прыгали с бруствера в мелкие желтые цветы. Заберутся и прыгнут. Ветер запутался в выгоревшей траве, и ее сладковатый запах смешался с запахом моря. Струился теплый воздух. В нем колебались белые ряды домиков на крутых склонах за Южной бухтой и темный памятник-танк на Красной горке.

Сеня сел на бруствер. Он вспомнил барабанщика, сохранившего мужество в очень важный момент. И показалось Сене, что он встретил хорошего друга. Ведь он тоже был из беспокойного племени мальчишек. Он был таким же, как те мальчишки, которые помогали отстаивать Севастополь и в прошлом веке, и позже, когда немецкие снаряды разбивали памятники и дома. (574 слова)

По В. Крапивину

Вертушинка

Маленькую нашу речушку, впадающую в большую многоводную реку, все называют Вертушинкой. Начало свое Вертушинка берет среди широкого, зеленого, покрытого цветами луга — там, где из земли бьет чистый прозрачный ключ.

Люди давным-давно устроили над ключом деревянный низкий сруб, на котором висел сделанный из бересты ковш-корец. Каждый мог подойти и напиться холодной ключевой воды, от которой ломило зубы. Заглянешь, бывало, в колодец и, как в зеркале, увидишь свое лицо, глубокое небо с плывущими белыми облаками, увидишь песчаное дно родника.

Вытекающий из родника ручеек колышет высокую зеленую осоку, над которой летают, повисая в воздухе, легкие прозрачные стрекозы. Напьешься из родника холодной воды, пойдешь по течению ручья дальше и дальше. Наполняясь водою из попутных ключей, в глубокий лесной овраг вливается Вертушинка, вертится, бежит среди высоких крутых берегов. Если взглядеться хорошенько, многое можно увидеть.

Вот на упавшем листке осины неведомо куда путешествует желтобрюхий толстый шмель. Быстрое течение ручья несет мохнатого путешественника среди множества препятствий. Мелкая рыбешка резвится в холодной прозрачной воде неглубоких затонов. Вот по песчаному дну ручья ползет странное существо — ручейник, живущее в крошечном домике, слепленном из мелких песчинок. Паук-водолаз с серебристым пузырем воздуха на мохнатом своем брюшке спускается по подводному стеблю на дно ручья. Там, где течение затихает, по зеркальной поверхности воды на высоких тонких ножках быстро бегают паучки-челночки.

В открытых, глубоких, освещенных солнцем прозрачных колдобинах плавают небольшие краснотелые голавли. Они греются в лучах солнца у поверхности воды. Стоит неосторожно пошевелиться — и пугливые голавлики быстро прячутся под берегом ручья. Между стеблями растений быстро плавают под водой черные жуки-плавунцы. С берега прыгнула, нырнула, загребая длинными задними лапами, и скрылась большеглазая зеленоватая лягушка. По берегам Вертушинки густо разрослись ивовые и ольховые кусты. Весною и летом здесь гнездятся, всю ночь звонко поют соловьи. На лесистых склонах глубокого оврага живут выводки рябчиков, перелетают с сучка на сучок голубокрылые сойки, поют и трещат дрозды. Ночами лесные звери подходят пить воду из Вертушинки. У берегов Вертушинки водятся проворные ночные зверьки норки.

Летом множество цветов растет на берегах Вертушинки. Цветут незабудки. В глубоких затончиках плавают белые лилии и желтые кувшинки. Порхают над цветами бабочки, резвятся стрекозы. Над заросшим подводной травой затоном жужжат, перелетая с цветка на цветок розовой кашки, пчелы, садятся на кашку тяжелые шмели.

Выводки маленьких диких уток — чирков прячутся в густой зеленой осоке. В начале лета можно увидеть проворных, покрытых пухом молодых утят, ловко ныряющих у зарослей высокого камыша. К Вертушинке подходят огромные, живущие в лесу рогатые лоси. Здесь же резвятся по ночам зайцы, прыгают легкие белки. Зимой на снегу можно видеть много беличьих, лисьих и заячьих следов.

Я очень люблю Вертушинку. Спрятавшись в густых кустах, долго сижу на ее берегу, слушаю пение птиц, тихое журчание воды, наблюдаю скрытую жизнь. Маленькие речки и лесные ручьи мне милее широких и многоводных рек. Здесь раскрывается передо мною жизнь, которую трудно наблюдать и видеть на широкой многоводной реке. Эти маленькие ручьи и речушки, носящие ласковые, милые имена, питают водою самые глубоководные и широкие реки. (474 слова)

По И. Соколову-Микитову

Ветер-хлебопашец

Когда свои войска наступают, солдату не с руки бывает попадать в тыловой госпиталь. Лучше всегда на месте, в медсанбате, свою рану перетерпеть. Из госпиталя же долго нужно идти искать свою часть, потому что она, пока ты в госпитале томился, уже далеко вперед ушла.

Шел я однажды из госпиталя в свою часть и увидел ветряную мельницу при дороге. В стороне от мельницы было недавно какое-то село, но оно погорело. На мельнице три крыла целые, а остальные повреждены.

Ну, я гляжу, мельница тихо кружится по воздуху. Неужели, думаю, там помол идет? Мне веселее стало на сердце, что люди опять зерно на хлеб мелют и война ушла от них. Подле мельницы я увидел еще, как крестьянин пашет землю под озимь.

Крестьянин был малорослый и шел за плугом натужливо, как неумелый или непривычный. Тут я заметил, что впереди плуга не было лошади, а плуг шел вперед и пахал, имея направление вперед, на мельницу. Я тогда подошел к пахарю ближе и увидел, что к плугу спереди упряжены две веревки, а далее они свиты в одно целое, и та веревка уходила по земле в помещение мельницы. Эта веревка давала плугу натяжение и тихим ходом волокла его. А за плугом шел малый, лет не более пятнадцати, и держал плуг за рукоятку одной своей правой рукой, а левая рука у него висела свободно, как неживая.

Я подошел к пахарю и спросил у него, чей он сам и где проживает. Пахарю и правда шел шестнадцатый год, и он был сухорукий. Мельница находилась близко от пахоты — сажень в двадцать всего, а далее пахать не хватало надежной веревки.

Я пошел на мельницу и узнал весь способ запашки. Дело было простое. Внутри мельницы другой конец той рабочей веревки наматывался на вал, что крутил мельничный верхний жернов. Теперь жернов был поднят над нижним лежащим камнем и гудел вхолостую. А веревка накручивалась на вал и тянула пахотный плужок. Тут же по верхнему жернову неугомонно ходил навстречу кругу другой человек. Он сматывал веревку обратно и бросал ее наземь, а на валу он оставлял три либо четыре кольца веревки, чтобы шло натяжение плуга.

Они, оказывается, смягчили почву под огород на будущее лето. Немцы угнали из их села всех годных людей, а на месте оставили только малолетних детей и изнемогших от возраста стариков и старух. Сухорукого немцы не взяли по его инвалидности, а того малого, что на мельнице, оставили помирать как чахоточного.

— Нас тут двое работников во всем нашем погорелом селе, — сказал мне сухорукий. — Мы одни и можем еще терпеть работу, а у других силы нету — они маленькие дети. А старым каждому по семьдесят лет и поболее. Вот мы и делаем вдвоем запашку на всех.

— А это кто ж вам придумал такую пахоту? — спросил я.

— Дед у нас один есть, Кондрат Ефимович. Он нам сказал, как надо, а мы сделали. С ним не помрешь. Он у нас теперь председатель, а я у него заместитель.

Однако мне, как солдату, некогда было далее на месте оставаться. И жалко мне было сразу разлучаться с этим сухоруким пахарем. Я поцеловался с ним на прощание, чувствуя братство нашего народа: он был хлебопашец, а я солдат. Он кормит мир, а я берегу его от врага. Мы с пахарем живем одним делом. (519 слов)

По А. Платонову

Воспоминания

Любить всей душой, а в остальном доверяться судьбе — таково было простое правило, которым всегда руководствовалась моя мать. «Вот запомни», — говорила она с таинственным видом, предлагая моему вниманию заветную подробность: жаворонка, поднимающегося в мутно-перламутровое небо бессолнечного весеннего дня, вспышки ночных зарниц, снимающих в разных положениях далекую рощу, краски кленовых листьев на палитре мокрой террасы, клинопись птичьей прогулки на свежем снегу.

Как будто предчувствуя, что вещественная часть ее мира должна скоро погибнуть, она необыкновенно бережно относилась ко всем вещам прошлого, рассыпанным и по ее родовому имени, и по соседнему поместью свекрови, и по земле брата за рекой. Таким образом я унаследовал восхитительные миражи, призрачное имущество — и это оказалось прекрасным закалом от предназначенных потерь.

Я до сих пор хорошо помню подъем в деревню Грязно, перед поворотом на Даймищенский большак, — подъем столь крутой, что приходилось слезать с велосипедов. Там, поднимаясь рядом с ней, сделал ей предложение мой отец.

Я помню во всех подробностях даже старую теннисную площадку. Вижу мать, отдающую мяч в сетку и топающую ножкой в плоской белой туфле. Руководство для игры в теннис перелистывается ветерком на зеленой скамейке. С добросовестными и глупыми усилиями бабочки-белянки пробивают себе путь в проволочной ограде вокруг корта. Воздушная блуза и узкая пикейная юбка матери (она играет со мной в паре против отца и брата, и я сержусь на ее промахи) принадлежат к той же эпохе, как фланелевые рубашки и штаны мужчин. Поодаль, за цветущим лугом, окружающим площадку, проезжие мужики глядят с почтительным удивлением на резвость господ.

Мать любила и всякие другие игры, особенно же головоломки и карты. Под ее умело витающими руками из тысячи вырезанных кусочков постепенно складывалась на ломберном столе картина из английской охотничьей жизни, и то, что казалось сначала лошадиной ногой, оказывалось частью дерева, а никуда не входившая пупочка (материнское слово для всякой кругловатой штучки) вдруг приходилась к крапчатому крупу, удивительно ладно восполняя пробел — вернее просинь, ибо ломберное сукно было голубое. Эти точные восполнения доставляли мне, зрителю, какое-то и отвлеченное и осязательное удовольствие.

Любимейшим ее летним удовольствием было хождение по грибы. В дождливую погоду, особенно в августе, множество этих чудных растений вылезало в парковых дебрях, насыщая их тем сырым, сытным запахом — смесью моховины, прелых листьев и фиалкового перегноя, — от которого вздрагивают и раздуваются ноздри петербуржца. Но в иные дни приходилось подолгу всматриваться и шарить, покуда не сыщется семейка боровичков в тесных чепчиках, или мрамористый «гусар», или болотная форма худосочного белесого березовика.

Под морозящим дождиком мать пускалась одна в долгий поход с корзинкой, вечно запачканной лиловым изнутри от чьих-то черничных сборов. Часа через три можно было увидеть с садовой площадки ее небольшую фигуру в плаще с капюшоном, приближавшуюся из тумана аллеи. Бисерная морось на зеленовато-бурой шерсти плаща образовывала вокруг нее подобие дымчатого ореола. Вот, выйдя из-под капающей и шуршащей сени парка, она замечает меня, и немедленно лицо ее принимает странное, огорченное выражение, которое, казалось бы, должно означать неудачу, но на самом деле лишь скрывает ревниво сдержанное упоение, грибное счастье. Дойдя до меня, она испускает вздох преувеличенной усталости, и рука и плечо вдруг обвисают, чуть ли не до земли опуская корзинку, дабы подчеркнуть ее тяжесть, ее сказочную полноту.

Около белой, склизкой от сырости садовой скамейки со спинкой она выкладывает свои грибы концентрическими кругами на круглый железный стол со сточной дырой посередине. Она

считает и сортирует их. Старые, с рыхлым исподом, выбрасываются; молодым и крепким уделяется всяческая забота. Через минуту их унесет слуга в неведомое и неинтересное ей место, но сейчас можно стоять и тихо любоваться ими. (560 слов)

По В. Набокову

Мое поколение

Нам было тогда и по двадцать лет, и по сорок одновременно. Мы мечтали вернуться в тот солнечный довоенный мир, из которого ушли, запомнив его прекрасную утреннюю яркость и тишину.

Долгие четыре года войны я каждый час чувствовал возле своего плеча огненное дыхание смерти, молча проходил мимо свежих бугорков с надписями химическим карандашом на дощечках. Мы не утратили в себе прежний мир юности, но мы повзрослели

на двадцать лет и, мнилось, прожили их так подробно, так насыщено, что этих лет хватило бы на жизнь двум поколениям.

Мы узнали, что мир и прочен, и зыбок. Мы узнали, что солнце может не взойти утром, потому что его блеск, его тепло может уничтожить бомбежка, тогда горизонт утонет в черно-багровой завесе дыма. Порой мы ненавидели солнце: оно обещало летнюю погоду и, значит, косяки пикирующих на траншеи «юнкерсов». Мы узнали, что солнце может ласково согреть не только летом, но и поздней осенью, и в жесточайшие январские морозы, но вместе с тем равнодушно и беспощадно обнажать своим светом во всех деталях недавнюю картину боя.

Мы узнавали мир вместе с человеческим подвигом и страданиями. Мы входили в разрушенные, безлюдные города, дико зияющие черными пустотами окон, провалами подъездов. Поваленные фонари с разбитыми стеклами не освещали толпы гуляющих на израненных воронками тротуарах, и не было слышно смеха, не звучала музыка, не загорались веселые огоньки папирос под обугленно-черными тополями пустых парков.

В Польше мы увидели гигантский лагерь уничтожения — Освенцим, этот фашистский комбинат смерти, день и ночь работавший с дьявольской пунктуальностью,

Мы узнали, что такое фашизм во всей его человеконенавистнической наготе. За четыре года войны мое поколение познало многое, но наше внутреннее зрение воспринимало только две краски: солнечно-белую и масляно-черную. Середины не было. Радужные цвета спектра отсутствовали.

Война была жестокой и грубой школой, мы сидели не за партами, не в аудиториях, а в мерзлых окопах, и перед нами были не конспекты, а бронебойные снаряды и пулеметные гашетки. Мы еще не обладали жизненным опытом и вследствие этого не знали простых, элементарных вещей, которые приходят к человеку в будничной, мирной жизни. Мы скрывали нежность и доброту. Слова: «книги», «настольная лампа», «благодарю вас», «простите, пожалуйста», «покой», «усталость» — звучали для нас на незнакомом и несбыточном языке.

Но наш душевный опыт был переполнен до предела, мы могли плакать не от горя, а от ненависти и могли по-детски радоваться весеннему косяку журавлей, как никогда не радовались: ни до войны, ни после войны. Помню, в предгорьях Карпат первые треугольники журавлей возникли в небе, протянулись в белых, как прозрачный дым, весенних разводах облаков над нашими окопами — и мы зачарованно смотрели на их медленное движение, угадывая их путь в Россию. Мы смотрели на них до тех пор, пока гитлеровцы из своих окопов не открыли автоматный огонь по этим косякам, трассирующие пули расстроили журавлиные цепочки, и мы в гневе открыли огонь по фашистским окопам.

Наше поколение вернулось с войны, сумев сохранить, пронести в себе через огонь этот чистый, лучезарный мир, веру и надежду. Но мы стали непримиримее к несправедливости, добрее к добру, наша совесть стала вторым сердцем. Ведь эта совесть была оплачена большой кровью. И вместе с тем четыре года войны мы сохраняли в себе тепло ушедшей юности, мягкий блеск фонарей в новогодних сумерках и вечерний снегопад.

Война уже стала историей. Но так ли это?

Для меня ясно одно: главные участники истории — это Люди и Время. Не забывать Время — это значит не забывать Людей, не забывать Людей — это значит не забывать Время. (552 слова)

По Ю. Бондареву

Не может быть

В давние времена в одном маленьком городке поселился пожилой одинокий господин. Профессия у него была благородная: он лечил людей. Он был всегда угрюм и необщителен и говорил, только когда этого требовала его профессия. Ни к кому он не ходил в гости и жил скромно, как монах. Дело в том, что он был ученый, а в ту пору ученые не были похожи на обыкновенных людей. Они проводили дни и ночи в созерцании, в чтении книг и лечении болезней и не имели времени говорить лишних слов. Жители города отлично понимали это и старались не надоедать ему своими посещениями и пустой болтовней. Они были очень рады, что Бог, наконец, послал им человека, умеющего лечить болезни, и гордились, что в их городе живет такой замечательный человек.

— Он знает все, — говорили про него.

Но этого было недостаточно. Надо было еще говорить: «Он любит всех!» В груди этого ученого человека билось чудное, ангельское сердце. Как бы ни было, ведь жители города были для него чужие, не родные, но он любил их, как детей, и не жалел для них даже своей жизни. У него самого была чахотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь, не щадил себя и, задыхаясь, взбирался на горы, как бы высоки они ни были. Он пренебрегал зном и холодом, презирал голод и жажду. Денег не брал.

И скоро он стал для города так необходим, что жители удивлялись, как это они могли ранее обходиться без этого человека. Их признательность не имела границ. Взрослые и дети, добрые и злые, честные и мошенники — одним словом, все уважали его. В городке и в его окрестностях не было человека, который позволил бы себе не только сделать ему что-нибудь неприятное, но даже подумать об этом. Выходя из своей квартиры, он никогда не запирает дверей и окон, в полной уверенности, что нет такого вора, который решился бы обидеть его. Часто ему приходилось по долгу врача ходить по большим дорогам, через леса и горы, но он чувствовал себя в полной безопасности. Однажды ночью он возвращался от больного, и на него напали в лесу разбойники, но, узнав его, они почтительно сняли перед ним шляпы и спросили, не хочет ли он есть. Когда он сказал, что сыт, они дали ему теплый плащ и проводили его до самого города, счастливые, что судьба послала им случай хоть чем-нибудь отблагодарить великодушного человека.

И этот человек, который, казалось, своею святостью оградил себя от всего злого, в одно прекрасное утро был найден убитым. Окровавленный, с пробитым черепом, он лежал в овраге, и бледное лицо его выражало удивление. Да, не ужас, а удивление застыло на его лице, когда он увидел перед собою убийцу.

Скорбь овладела жителями города и окрестностей. Все в отчаянии, не веря своим глазам, спрашивали себя: кто мог убить этого человека? Судьи, которые производили следствие, сказали:

— Так как нет на свете такого человека, который мог бы убить нашего доктора, нужно предположить, что доктор в потемках сам упал в овраг и ушибся до смерти.

С этим мнением согласился весь город. Доктора похоронили, и уже никто не говорил о насильственной смерти. Существование человека, у которого хватило бы низости и гнусности убить доктора, казалось невероятным. (513 слов)

По А. Чехову

Открытие

Инженер статский советник Бахромкин сидел у себя за письменным столом и от нечего делать настраивал себя на грустный лад. Не далее как сегодня вечером, на балу у знакомых, он нечаянно встретился с барыней, в которую лет двадцать — двадцать пять тому назад был влюблен. В свое время это была замечательная красавица. Особенно памятны Бахромкину ее большие глубокие глаза и длинные золотисто-каштановые волосы, похожие на поле поспевшей ржи. Теперь же это была худосочная, болтливая старушенция с кислыми глазами и желтыми зубами.

«Возмутительно! — думал Бахромкин, водя машинально карандашом по бумаге. — Никакая злая воля не в состоянии так напасть на человека, как природа. Знай тогда красавица, что со временем она превратится в такую чепуху, она умерла бы от ужаса».

Долго размышлял таким образом Бахромкин и вдруг вскочил как ужаленный.

На листе бумаги, по которому он машинально водил карандаш, из-за аляповатых штрихов и каракуль выглядывала прелестная женская головка, та самая, в которую он был когда-то влюблен. В общем рисунок хромал, но томный суровый взгляд, мягкость очертаний и беспорядочная волна густых волос были переданы в совершенстве.

— Что за оказия? — изумился Бахромкин. — Я рисовать умею! Пятьдесят два года жил на свете, не подозревал в себе никаких талантов, и вдруг на старости лет — благодарю, не ожидал, — талант явился! Не может быть!

Не веря себе, Бахромкин схватил карандаш и около красивой головки нарисовал голову старухи. Эта удалась ему так же хорошо, как и молодая.

— Удивительно! — пожал он плечами. — И как недурно, черт возьми! Каков? Стало быть, я художник! Значит, во мне призвание есть! Как же я этого раньше не знал? Вот диковина!

Рисовать дальше и восхищаться помешал ему лакей, внесший в кабинет столик с ужином. Съев рябчика и выпив два стакана бургонского, Бахромкин задумался: за все пятьдесят два года ни разу и не помыслил даже о существовании в себе какого-либо таланта.

«Чем черт не шутит, — подумал Бахромкин, — может быть, я еще умею стихи и романы писать? В самом деле, если бы я открыл в себе талант в молодости, когда еще не поздно было, и стал бы художником или поэтом?»

И перед его воображением открылась жизнь, не похожая на миллионы других жизней. Сравнивать ее с жизнями обыкновенных смертных совсем невозможно.

«Вольная жизнь, не будничная, — думал Бахромкин, идя к постели. — А слава, известность?»

Бахромкин опустился на кровать и кивнул лакею. Лакей подошел к нему и принялся осторожно снимать с него одежду.

Пока лакей снимал с него дневную сорочку и надевал ночную, он нарисовал себе картину. Вот он, художник или поэт, темною ночью плетется к себе домой. Лошадей у талантов не бывает; хочешь не хочешь — иди пешком. Идет он жалкий, в порыжелом пальто, быть может, даже без калош. У входа в меблированные комнаты дремлет швейцар; эта грубая скотина отворяет дверь и не глядит. Там, где-то в толпе, имя поэта или художника пользуется почетом, но от этого почета ему не тепло и не холодно. Швейцар не вежливее, прислуга не ласковее, домочадцы не снисходительнее. Имя в почете, но личность в забросе. Вот он, утомленный и голодный, входит наконец к себе в темный и душный номер. Ему хочется есть и пить, но рябчиков и бургонского, увы, нет. Спать хочется ужасно, до того, что слипаются глаза и падает на грудь голова, а постель

жесткая, холодная, отдающая гостиницей. Воду наливай себе сам, раздевайся сам, ходи босиком по холодному полу. В конце концов он, дрожа, засыпает, зная, что у него нет сигар, лошадей, что в среднем ящике стола у него нет орденов, а в нижнем — чековой книжки.

Бахромкин покрутил головой, повалился на пружинный матрац и поскорее укрылся пуховым одеялом. Нежась и сладко засыпая, он подумал: «Хорошо, что я в молодости не открыл в себе таланта». Лакей потушил лампу и на цыпочках вышел. (594 слова)

По А. Чехову

Сила детства

— Убить! Застрелить! Сейчас же застрелить мерзавца! Убить! Горло перерезать убийце! Убить, убить! — кричали мужские, женские голоса толпы.

Огромная толпа народа вела по улице связанного человека. Человек этот, высокий, прямой, шел твердым шагом, высоко поднимая голову. На красивом, мужественном лице его было выражение презрения и злобы к окружающим его людям.

Это был один из тех людей, которые в войне народа против власти воюют на стороне власти. Его схватили теперь и вели на казнь.

«Что же делать! Не всегда сила на нашей стороне. Что же делать? Теперь их власть. Умереть так умереть, видно, так надо», — думал этот человек и, пожимая плечами, холодно улыбнулся на крики, которые продолжались в толпе.

— Это городской, он еще утром стрелял в нас! — кричали в толпе.

Пленный хмурился и только выше поднимал голову. Он, казалось, ненавидел толпу еще более, чем толпа ненавидела его.

Те, кто вел за собой толпу, решили довести его до площади и там разделаться с ним.

До площади уже было недалеко, когда в минуту затишья в задних рядах толпы послышался плачущий детский голосок.

— Батя! Батя! — всхлипывая, кричал шестилетний мальчик, втискиваясь в толпу, чтобы добраться до пленного. — Батя! Что они с тобой делают? Постой, постой, возьми меня, возьми!

Толпа, расступаясь перед ребенком, как перед силой, пропускала его все ближе и ближе к отцу.

— А какой миленький! — сказала одна женщина.

— Тебе кого? — сказала другая, нагибаясь к мальчику.

— Батю! Пустите меня к батю! — пищал мальчик.

— Тебе сколько лет, мальчик?

— Что вы с батей хотите делать? — отвечал мальчик.

— Иди домой, мальчик, иди к матери, — сказал мальчику один из мужчин.

Пленный уже слышал голос мальчика и слышал, что говорили ему. Лицо его стало еще мрачнее.

— У него нет матери! — крикнул он.

Все ближе и ближе протискиваясь в толпе, мальчик добрался до отца и полез к нему на руки.

В толпе кричали все то же: «Убить! Повесить! Застрелить мерзавца!»

— Зачем ты из дома ушел? — сказал отец мальчику.

— Что они с тобой хотят делать? — говорил мальчик.

— Ты вот что сделай, — сказал отец. — Знаешь Катюшу?

- Соседку? Как не знать.
- Так вот, пойдй к ней и там побудь. А я... я приду.
- Без тебя не пойду, — сказал мальчик и заплакал.
- Отчего не пойдешь?
- Они прибьют тебя.
- Нет же, они ничего, они так просто.

И пленный спустил с рук мальчика и подошел к тому человеку, который распоряжался в толпе.

— Послушайте, — сказал он, — убивайте меня, как и где хотите, но только не при нем, — он показал на мальчика. — Развяжите меня на две минуты и держите за руку, а я скажу ему, что мы с вами гуляем, что вы мой приятель, и он уйдет. А тогда... тогда убивайте, как хотите.

Тот согласился. Тогда пленный взял опять мальчика на руки и сказал:

- Будь умник, пойдй к Кате.
- А ты что же?
- Ты же видишь, я гуляю вот с этим приятелем, мы пройдем еще немного. Ты иди, а я скоро приду. Иди же, будь умник.

Мальчик уставился на отца, нагнул головку на одну сторону, потом на другую и задумался.

- Иди, милый, я приду.
- Придешь?

И ребенок послушался. Одна женщина вывела его из толпы.

Когда ребенок скрылся, пленный сказал:

- Теперь я готов, убивайте меня.

И тут случилось что-то совсем непонятное, неожиданное. Какой-то единый дух проснулся во всех этих за минуту до того жестоких, безжалостных, ненавидящих людях, и одна женщина сказала:

- А знаете что. Отпустить бы его.
- И то, бог с ним, — сказал еще кто-то.
- Отпустить, отпустить! — загремела толпа.

И гордый, безжалостный человек, минуту назад ненавидевший толпу, зарыдал, закрыл лицо руками и, как виноватый, выбежал из толпы, и никто не остановил его. (573 слова)

По Л. Толстому

Счастье

Внучка Леночка стояла от меня всего в двух шагах, не больше. Задрав голову, с любопытством глядела, как я работал молотком. Близилась зима, надо было утеплить курятник. Работа пустяковая, но я так и не научился тому, что крестьянам дается с молоком матери. Один гвоздь пошел вкось, и доска легла не на свое место, и от этого другая сместилась, и третья, и четвертая, и для последней, конечно, не хватило места. Пришлось сбивать весь ряд вправо, в ту сторону, где стояла Леночка. Мне и в голову не приходило, что молоток может вырваться из руки. Я бил, бил что есть силы по обрезу крайней доски. Промаяхнулся, и молоток, будто намазанный маслом, скользнул из ладони и с силой пролетел всего в нескольких сантиметрах от головы внучки. Он пролетел так стремительно, что Леночка даже не заметила, по-прежнему глядела, задрав голову. А я весь омертвел от ужаса. Мне не так уж трудно было представить, что было бы, если бы молоток не пролетел мимо. Случилось бы непоправимое, случилось бы настолько страшное, что я, наверно, сошел бы с ума от ужаса! Я чуть не заплакал, сознавая, что только добрый случай спас внучку.

— Боже мой, Леночка! — и тут же закричал: — Марш отсюда!

Не понимая, чего это я, она отодвинулась.

— Дальше! Дальше! — кричал я, хотя ей теперь уже совсем не надо было никуда уходить. Она немного отбежала и остановилась.

— Ведь я же мог тебя убить, — не ей, а себе сказал я, чувствуя, как мною все больше овладевает сложное состояние — не избавления от страха, а нагнетание какого-то тягостного ощущения кошмара, который должен испытывать нечаянный убийца.

Когда я сказал «мог бы тебя убить», Леночка засмеялась, думая, что я с ней играю. И глазенки у нее засверкали от предвкушения, что я сейчас за ней побегу, начну хлопать в ладони и кричать: «Поймаю! Поймаю!» И для нее и для меня все было по-прежнему, но ведь этого могло бы и не быть.

Я никогда не верил в судьбу, но тут впервые подумал о том, что кто-то или что-то отвело жестокий удар, сломавший бы мне жизнь, спасло Леночку, и вот она смотрит на меня, смеется, ничего не понимает и ждет, что будет дальше. Ничего не изменилось. Все осталось по-прежнему. И в этой неизменности был великий, прекрасный смысл!

«Как все рядом лежит, — удивленно думал я, — жизнь и смерть. Счастье и горе. Их отделяет неуловимая граница, которую всегда можно незаметно для себя перешагнуть нечаянно, бездумно. Этого я не понимал раньше. Случалось, что мне надоедало однообразие, хотелось, чтобы необычное нарушило привычное, и только тут я понял, что привычное, однообразное — это установившийся порядок, когда в семье все здоровы, когда уверенно чувствуешь себя на работе, когда в доме тепло и все сыты, обуты, одеты и твоя совесть чиста и спокойна. Когда во всей окружающей тебя жизни порядок! То есть когда ничто извне не нарушает твоего привычного, обыденного. Да ведь это же счастье! Это и есть самое настоящее счастье, о котором все время говорят, пишут, которое ищут люди!»

Я прижал ее голову к груди, ощущая ее, живую! И почувствовал, как сердце наполняется такой нежной и ласковой любовью к внучке, какой до этого дня я еще никогда не испытывал.

И во всей своей полувековой жизни не находил такого громадного счастья, как это. (519 слов)

По С. Воронину

Эксперимент

Спросите любого взрослого, что такое счастье, и вы увидите, как трудно ему будет ответить на этот вопрос. Я же хотя и не взрослый, но без всякого затруднения скажу, что счастье — это когда у нашей кошки Мурки появляются маленькие котятка.

Глаза ее светятся счастьем, я бы даже сказал — блаженством. Видно, что она очень довольна тем, что у нее есть маленькие котятка и ей можно заботиться о них. Котятка с таким усердием, с таким наслаждением, с таким упоением сосут молоко, припав к животу матери, что не возникает никакого сомнения в том, что они тоже счастливы.

И если человеческое счастье заключается в том, чтобы видеть счастливыми тех, кого любишь, то я очень счастливый человек, так как очень люблю этих милых, симпатичных зверьков и могу любоваться ими, когда мне вздумается.

Одного любования, впрочем, ребенку мало, так как ему из всего хочется устроить игру. Мой старший брат придумывает эксперимент: взять у кошки одного котенка, положить подальше в траву и посмотреть, что она станет делать. Кошка тотчас же вскакивает, подбегает к котенку, хватая его прямо зубами и тащит обратно в свое логово. Меня прямо передергивает от страха. Ведь котенку, наверное, больно. Мне уже известно, какие острые у кошки и зубы и когти. Я внимательно осматриваю котенка, но не замечаю на его теле никаких следов кошачьих зубов. Видно, кошка умеет очень осторожно брать котенка зубами и не причиняет ему вреда.

В дальнейшем опыты усложняются. Мы с братом прячем от кошки в траву всех котят и наблюдаем, как она переносит в зубах по одному котенку обратно в гнездо. Потом прячем котят подальше за домом. Но где бы мы их ни прятали, кошка обязательно находит их и водворяет на место.

Дни между тем идут. Котятка подрастают, начинают играть между собой. Кошка с удовлетворением наблюдает за их игрой. Этой безмятежной идиллии наступает конец, когда появляемся мы с братом. В руках у нас довольно большой, сколоченный из толстых сосновых досок ящик из-под гвоздей.

Мурка бежит за нами, трется боками о наши ноги и заглядывает нам в глаза, как бы умоляя не сделать зла ее детям.

Подойдя к пруду, мы спускаем ящик с котятками на воду и отталкиваем его от берега. Ящик выплывает на середину пруда. Котятка выглядывают из ящика, словно заправские матросы из-за бортов парохода.

Кошка встревоженно мечется вдоль берега пруда, но, видя, что посуху ей до котят не добраться, вдруг прыгает в воду и плывет к ящику. Я всегда был уверен, что кошки боятся воды и не умеют плавать. Но Мурка плыла с таким умением, будто всю жизнь только этим и занималась. Из воды торчали только ее голова и кончик хвоста. Вот она подплывает к ящику и... цепляется когтями за борт. Ящик опрокидывается и начинает наполняться водой. Кошка успевает схватить одного котенка зубами и плывет с ним обратно к берегу.

Погружаясь все больше в воду, ящик ложится набок, но котятка не тонут. Спасаясь от заливающей ящик воды, они выкарабкиваются на боковую стенку. Но ящик, продолжая вращаться, переворачивается кверху дном. Каким-то чудом котятка успевают перебраться со стенки на дно. Ящик между тем вертится дальше и ложится на другой бок. Спасаясь от наступающей воды, котятка перекачывают на этот бок. Вращение ящика все убыстряется, и котяткам все труднее удержаться на поверхности.

— Спасай! — раздается команда брата. Я быстро лезу в воду. Добравшись до тонущего ящика, вытаскиваю его вместе с котятками на берег. Кошка уже тут как тут. Собрав измокших котят вокруг себя, она ведет их обратно в свое гнездо, где тщательно облизывает каждого.

Этот кошачий «цирк» мы с братом устраивали для себя чуть ли не ежедневно, пока котята не подросли настолько, что научились выскакивать из ящика и удирать от нас до того, как нам удастся спустить ящик на воду. (596 слов)

По Н. Носову

Большая перемена

С тех пор как его сын поступил в школу, он с воспитателем еще не говорил и теперь, спустя месяц являясь к нему, был полон щекочущего ожидания, некоторого волнения и робости — всех тех чувств, которые он некогда испытал, когда, юношей в студенческой форме, пришел к редактору, которому недавно послал первую свою повесть. И теперь, как и тогда, вместо слов изумления, которых он смутно ожидал, вместо всех тех слов, которые он бы с такой охотой сам подсказал, если бы не надежда, что все-таки их дождется, — он услышал пасмурные, холодноватые слова, доказывавшие, что его сына воспитатель понимает еще меньше, чем он сам. О какой-либо тайной даровитости тот и не обмолвился. Наклонив бледное бородатое лицо, воспитатель начал говорить первым, сказал, что мальчик мог бы учиться лучше, что мальчик, кажется, не ладит с товарищами, что мальчик мало бегает на переменах... «Способности у мальчика, несомненно, есть, — сказал воспитатель, — но наблюдается некоторая вялость». В это мгновение где-то внизу родился звонок, перекинулся наверх, невыносимо пронзительно прошел по всему зданию. После этого были две-три секунды полнейшей тишины — и вдруг все ожило, зашумело, захлопали крышки парт, зал наполнился говором, топотом. «Большая перемена, — сказал воспитатель. — Если хотите, сойдемте во двор, посмотрите, как резвятся ребята».

Дети быстро съезжали по каменной лестнице, обняв балюстраду, скользя подошвами сандалий по отшлифованным краям ступеней. Внизу, в темной тесноте вешалок, переобувались; иные сидели на широких подоконниках, кряхтели, поспешно затягивая шнурки. Вдруг он увидел сына, который, сгорбившись, брезгливо вынимал сапоги из мешочка. Белобрысый мальчик второпях толкнул его, он посторонился и вдруг увидел отца. Отец улыбался ему, держа свой каракулевый колпак и ребром руки выдавливая необходимую бороздку. Лужин прищурился и отвернулся, словно отца не заметил. Присев на пол спиной к отцу, он завозился с сапогами; те, кто успел уже одеться, ступали через него, и он после каждого толчка все больше горбился, забивался в сумрак. Когда он наконец вышел в длинном, сером пальто и каракулевом колпачке, который один и тот же детина постоянно с него смахивал, отец уже стоял у ворот, в том конце двора, и выжидательно смотрел в его сторону. Рядом стоял воспитатель, и, когда серый резиновый мяч, которым играли в футбол, подкатился случайно к его ногам, учитель словесности, инстинктивно продолжая очаровательное предание, сделал вид, что хочет его пнуть, неловко потоптался, чуть не потерял галошу и рассмеялся с большим добродушием. Отец поддержал его за локоть, и Лужин-младший, уловив мгновение, вернулся в переднюю, где уже было совсем спокойно и, скрытый вешалками, блаженно зевал швейцар. Через дверное стекло, между чугунных лучей звездообразной решетки, он увидел, как отец вдруг снял перчатку, быстро попрощался с воспитателем и исчез под воротами. Только тогда он выполз опять и, осторожно обходя игравших, пробрался налево, под арку, где были сложены дрова. Там, подняв воротник, он сел на поленья.

Так он просидел около двухсот пятидесяти больших перемен, до того года, когда он был увезен за границу. (460 слов)

По В. Набокову

Утя

Когда ему было четыре года, пришла похоронка на отца. Мать закричала так страшно, что от испуга он онемел и с тех пор говорил только одно слово: «Утя».

Его так и звали: Утя. Мы играли с ним по вечерам в большом пустом учреждении среди столов, стульев, шкафов. В этом учреждении его мать служила уборщицей и ночным сторожем. Утя не мог говорить, но слышал удивительно. Ни разу не удалось мне спрятаться от него за шкафом или под столом. Утя находил меня по дыханию.

Было у нас и еще одно занятие — старый патефон. Иголок не было, и мы приловчились слушать пластинку через ноготь большого пальца. Ставили ноготь в звуковую дорожку, приникали ухом и терпели, так как ноготь сильно разогревался. Потом патефон у нас отобрали.

Утя учился с нами в нормальной школе. На одни пятерки, потому что на вопросы отвечал письменно и умел списать. Тем более при его слухе, когда он слышал шепот с последней парты. Учителя жалели Утю. В общем, его все жалели, кроме нас, сверстников. Мы обходились с ним как с ровней, и это отношение было справедливым, потому что для нас Утя был вполне нормальным человеком.

Мать возила Утю по больницам, таскала по знахаркам.

Однажды мы купались, и я его нечаянно столкнул с высокого обрыва в реку. Он упал в воду во всей одежде, быстро всплыл и заорал:

— Ты что, зараза, толкаешься?!

После этого, ошалело выпучив глаза, растопырил руки и стал тонуть. Мы вытащили его, он выскочил на берег, плясал, кувыркался, ходил на руках, кричал и говорил непрерывно, боясь закрыть рот. Думал, что если замолчит, то насовсем.

Помню, мы особо не удивились, что Утя заговорил. Мы даже оборвали его болтовню, что было несправедливо по отношению к человеку, молчавшему десять лет.

Утя побежал домой, по дороге называл вслух все, что видел: деревья, траву, заборы, дома, машины, столбы. Он ворвался в дом и крикнул:

— Есть хочу!

Его мать упала без чувств. Утя говорил без умолку. Он уснул после полуночи. Мать сидела у кровати до утра. Утром Утя увидел одетую мать, сидящую у него в ногах, и вспомнил, что он может говорить, но испугался, что снова замычит или скажет только «Утя». Он выбежал из комнаты и залез на крышу. Сильно вдыхал в себя воздух, раскрывал рот и снова закрывал, не решаясь сказать хотя бы слово.

Наконец он вдохнул и, не успев решить, какое скажет слово, выдохнул, и выдох получился со стоном, но этот стон был не мычанием, а голосом, и Утя засмеялся. Его мать расспросила нас о происшедшем на реке и испекла много-много ватрушек. Мы ели их на берегу, и, когда съели, я снова спихнул Утю в воду, тем самым окончательно равняя его со всеми. Он, однако, обиделся всерьез.

В сентябре учителя подходили к Уте, гладили по голове и вызывали к доске с удовольствием, чтоб слышать его голос. (454 слова)

По В. Крупину

В крепости

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзала, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погрузился в размышления, большею частью печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро. «Далече ли до крепости?» — спросил я у своего ямщика. «Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна». Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал, но ничего не видал, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесенные снегом; с другой — скривившаяся мельница с лубочными крыльями, лениво опущенными. «Где же крепость?» — спросил я с удивлением. «Да вот она», — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку, улицы были тесны и кривы, избы низки и большею частью покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту. Через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — наши дома». Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой, на стене висел диплом офицерский за стеклом и в рамке, около него красовались лубочные картинки. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, батюшка?» — спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимая его за коменданта, но хозяйка перебила затверженную мною речь. «Ивана Кузьмича дома нет, — сказала она, — он пошел в гости к отцу Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника. «А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя упекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иванов вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал. Он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять, а Алексей Иванов и заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет». (460 слов)

По А. Пушкину

Печорин

Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор. Перед воротами расстилалась широкая площадь, за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье, босые мальчишки-осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шел с полковником Н., который, доведя его до гостиницы, простился с ним и поворотил в крепость.

Навстречу Печорину вышел его лакей, подал ему ящик с сигарами и, получив несколько приказаний, отправился хлопотать. Его господин, закулив сигару, зевнул раза два и сел на скамью по другую сторону ворот. Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста. Стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными. Пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость: он сидел, как сидит балзаковская тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, выходящие от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей? Это признак или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его, непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно разное впечатление; но так как вы о нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским. (540 слов)

По М. Лермонтову

Хохлома

Еще совсем недавно можно было услышать легенду о том, как пришла на волжскую землю хохлома и где она взяла свои огненные краски.

Рассказывают, жил в давние времена в Москве мастер-иконописец. Царь высоко ценил его мастерство и щедро награждал за труды. Любил мастер свое ремесло, но больше всего любил он вольную жизнь и поэтому однажды тайно покинул царский двор и перебрался в глухие леса.

Срубил он себе избу и стал заниматься прежним делом. Мечтал он о таком искусстве, которое стало бы родным всем, как простая русская песня, и чтобы отразилась в нем красота родной земли. Так и появились первые хохломские чашки, украшенные пышными цветами и тонкими веточками.

Слава о великом мастере разнеслась по всей земле. Отовсюду приезжали люди, чтобы полюбоваться на его мастерство. Многие рубили здесь избы и селились рядом.

Наконец дошла слава мастера и до грозного государя, и повелел он отряду стрельцов найти беглеца и привести. Но быстрее стрелецких ног летела народная молва. Узнал мастер о своей беде, собрал односельчан и раскрыл им секреты своего ремесла. А утром, когда вошли в село царские посланцы, увидели все, как горит ярким пламенем изба чудо-художника. Сгорела изба, а самого мастера, как ни искали, нигде не нашли. Только остались на земле его краски, которые словно вобрали в себя и жар пламени, и чернь пепелища.

Исчез мастер, но не исчезло его мастерство, и до сих пор ярким пламенем горят хохломские краски, напоминая всем и о счастье свободы, и о жаре любви к людям, и о жажде красоты. Видно, не простой была кисть мастера — кисть из солнечных лучей.

Такова легенда. Рассказывают ее всегда чуть-чуть по-разному, и каждый любознательный сможет прочитать ее в сборниках легенд и сказок Горьковской области. Как и во всякой легенде, в ней много вымысла, но ее правда в том, что большое мастерство и большое искусство сохраняются только тогда, когда передаются из рук в руки, от учителя к ученику.

В начале XX века крестьяне чаще покупали сделанную на заводах фарфоровую, фаянсовую и стеклянную посуду. У хохломских мастеров стало меньше покупателей. Да к тому же поредели окрестные леса, не одно столетие вырубавшиеся для хозяйственных нужд и поделок. Мастера создавали изделий все меньше и меньше, роспись становилась грубее и проще. Но разве можно было допустить, чтобы погибло это искусство, так полно и ярко отразившее душу создавшего его народа?

В 1918 году в городе Семенове открыли школу художественной обработки дерева, в которой стали учителями опытные токари и красильщики.

Профессиональный художник Георгий Петрович Матвеев возглавил школу. Обучение новых мастеров росписи длилось три года. Вначале они терпеливо повторяли образцы, сделанные для этой цели лучшими хохломскими художниками. Ученикам надо было «поставить руку» — добиться точности и быстроты в выполнении травных узоров.

Работы современных хохломских мастеров мы можем увидеть на художественных выставках и в экспозициях крупнейших музеев страны. Они радуют нас яркими красками, щедростью узоров и мастерством исполнения. (457 слов)

По П. Беднику

Встреча с человеком

Однажды одна из вылазок с отлучкой от логова на целый день и ночь чуть было не кончилась для волков неожиданной бедой.

В то раннее утро Акбара повела свой выводок на дальнюю окраину Моюнкумской саванны, где на степных просторах произрастали стеблевые травы с тягучим, ни на что не похожим запахом. Волчица помнила эти места еще с детства и наведывалась сюда раз в году. Охотясь по пути на мелкую степную живность, она любила поваляться в жарком настое травяного духа, почувствовать парение в беге и потом заснуть.

В этот раз они с Ташчайнаром были уже не одни: за ними следовали волчата — трое нескладно длинноногих щенков. Молодняку надлежало как можно больше узнавать в походах окрестности, осваивать сызмальства будущие волчьи владения. Пахучие луга, куда вела на ознакомление волчица, были на краю тех владений, дальше простирался чужой мир. Там могли встретиться люди, оттуда доносились порой протяжно завывающие, как осенние ветры, паровозные гудки. То был враждебный волкам мир. Туда, на этот край саванны, шли они, ведомые Акбарой.

За Акбарой трусил Ташчайнар, а волчата резво носились от избытка энергии и все норовили выскочить вперед, но волчица-мать не давала им своевольничать. Она строго следила, чтобы никто не смел ступить на тропу впереди нее.

Места шли вначале песчаные. Уже к вечеру волчье семейство прибыло к краю саванны. Травы в этом году были высоки. Нагревшись за день на жарком солнце, невзрачные соцветия на мохнатых стеблях источали сильный запах. Здесь, в небольшом овражке, волки сделали привал после долгого пути. Неугомонные волчата не столько отдыхали, сколько бегали вокруг, принюхиваясь и присматриваясь ко всему, что привлекало их любопытство. Возможно, волчье семейство осталось бы здесь на всю ночь, но одно чрезвычайное происшествие заставило их срочно покинуть это место и повернуть восвояси, к логову в глубине саванны.

А случилось то, что уже на закате вдруг раздался человеческий голос. Прежде человека увидели волчата, игравшие на верху овражка. Звереныши не могли предположить, что неожиданно появившееся здесь существо — человек. Некий субъект в одних плавках и кедах бегал по травам. Волчата вначале притаились, недоумевая и побаиваясь, потому что такого они никогда не видели. Потом зверюги осмелели, любопытство взяло верх, им захотелось затеять игру с этим невиданным двуногим зверем. А тут и сам человек приметил волчат. Этот чудака пошел к ним, ласково протягивая руки.

— Смотри-ка, что это? — приговаривал он, тяжело дыша и отирая пот с лица. — Никак волчата? Или это мне почудилось? Да нет, трое, да такие пригожие, да такие большие уже! Что вы тут делаете? Меня-то нелегкая занесла, а вы что тут, в этих степях?

Неразумные волчата и в самом деле поддались на его ласки. Виляя хвостиками, игриво прижимаясь к земле, они поползли к человеку, надеясь пуститься с ним наперегонки, но тут из овражка выскочила Акбара. Волчица в мгновение оценила опасность положения. Глухо зарывав, она кинулась к голому человеку, розово освещенному предзакатными лучами степного солнца. Ей ничего не стоило с размаху полоснуть его клыками по горлу или по животу. А человек, совершенно обалдевший при виде яростно набегающей волчицы, присел, в страхе схватившись за голову. Это его и спасло. Уже на бегу Акбара почему-то переменила свое намерение. Она перескочила через человека, голого и беззащитного, которого можно было поразить одним ударом. Потом бросилась к волчатам, погнала их прочь, оттесняя к оврагу, и тут столкнулась с Ташчайнаром, страшно вздыбившим загривок при виде человека. Куснула и повернула его. Все они, гурьбой скатившись в овраг, в мгновение ока исчезли.

И тут только тот голый и нелепый тип спохватился, бросился бежать. И долго бежал по степи, не оглядываясь и не переводя дыхания.

Это была первая нечаянная встреча Акбары и ее семейства с человеком. (580 слов)

По Ч.Айтматову

Лебедь и лебедушка

В районный центр Марьянов приехал вечером. До родного села оставалось восемнадцать верст проселочной дороги, и он пошел пешком, легко неся на плече рюкзак, а в руке чемодан. Далеко впереди, влево от дороги, горел костер. В насыщенной звездами ночи жила чуткая тишина.

— Как хорошо! Как хорошо! — шептал Марьянов, шагая по уезженной дороге.

Через полчаса пути он увидел костер, который тлел неярым светом, и Марьянову почудилось, что он уловил в воздухе ароматный дух испеченной в золе картошки. Огонек мерцал все ближе и ближе. Марьянов не спускал глаз с красной манящей точки. «Пойду предложу колбасы за картошку», — подумал он и свернул с дороги.

У костра, разложенного между буртов сахарной свеклы, сидели двое: старик в дубленом полушубке и парень в промасленной телогрейке и модной кепке с миниатюрным козырьком. «Сторож и тракторист», — определил Марьянов и вежливо поздоровался, остановившись у костра. Ему медлительно, с достоинством хозяина, ответил старик.

Люди не были знакомы Марьянову. Они не проявляли внешнего любопытства к нему и, выждав, пока он уселся чуть в стороне от костра, продолжили свою беседу. Негромко, с большими паузами говорил молодой:

— Прилетали они на заре. Сядут на середину озера, обнимутся шеями и плавают. Сами белые как снег. Полюбуются, помилуются и улетают, как только солнце взойдет повыше. Бабушка, бывало, говорит: «Храни тебя Бог, Данилыч, от причинения обиды птицам. Не тронь их!» Но дедушка не послушался. Подкараулил он их в одно прекрасное утро, полыхнул из ружья с берега. И убил лебедя, а лебедка осталась. Подплыл дед на лодке, хочет снять убитого, а она прикрыла его крыльями, сипит на убийцу и норовит клюнуть. Насилу отнял, а ее пожалел. Улетела лебедка. Дома дед распахнул лебедя на полу. Бабушка увела меня тогда в лес и долго плакала, жалела старушка загубленную красоту.

Прошел день, другой. На четвертую зарю на озеро прилетела лебедка, растрепанная, исхудавшая. Начала она метаться: то на воду сядет, то нырнет, то взвьется. А как стонет! Понимаешь, Матвеич, в жизни не слышал я такого крика — одна живая боль! И так каждое утро. Сторожка наша у самого берега стояла, поэтому слышно все было. Бабушка захворала: не вынесла она лебединой тоски. А дед? Он тоже переживал, как от зубной боли. Одним словом, не стало жизни нам. Мы с бабушкой начали уговаривать деда перевестись в другое лесничество. Но он, старый хрыч, нашел другой выход из положения. Как-то с ночи собрался будто бы в обход, а сам залез в кусты на берегу озера и стал дожидаться лебедку. Выпалил по ней, да не попал: руки, видно, тряслись. Взвилась лебедка над озером и стала чуть заметной, а потом сложила крылья и камнем полетела прямо на деда, на ружье.

Положив под голову рюкзак, Марьянов лежал, ожидая конца лебединой повести. Но рассказчик молчал, и тогда старик спросил сурово:

— Убил?

— Дед хорошо делал чучела, — не сразу отозвался рассказчик. — Все равно ведь лебеди не живут друг без друга, а тут...

— Врал твой дед, — сердито перебил старик, — совесть свою оправдывал. Люди и те живут после гибели любимого человека, а то — вольная птица! Люди-то, по-твоему, меньше птичек в любви смыслят?

— Может, и не меньше, — глухо ответил парень, — но только у людей чуть что — и готово: нашелся другой или другая. (508 слов)

По К. Воробьеву

Лось и лосиха

Шел уже второй час моего блуждания по лесу. Лес казался бескрайним и диким, полным первобытной тайны и непознанного значения, когда за каждым деревом можно встретить что-то неожиданное.

И вдруг я увидел издали лося. Он стоял наверху, с краю просеки, и глядел в мою сторону. Я посигналил и только потом сообразил, что этого не нужно было делать. Зверюга резко вскинул голову, подтянул живот и пошел ко мне. Он ступал медленно, пружинисто, и вся его могучая стать выражала величие и вызов. Он не прибавлял и не убавлял ходу. Он был как ожившее изваяние древних и нес свою рогатую корону с непреклонным и устрашающим изяществом. Я уже хорошо различал его глаза — глубокие, синие и большие, устремленные на фары. Вероятно, стеклянные фары возбуждали в нем презрение пополам с любопытством. У меня не оставалось никакого сомнения в намерении этого лесного гвардейца. Наверное, таким шагом гвардейцы сходятся на решающий поединок. И я гадал, как он поступит: боднет рогами машину или ударит ее передним копытом? И что для меня лучше: оставаться в машине или, пока не поздно, лезть на ближайшее дерево?

Я на всякий случай поднял боковые стекла и тогда же увидел лосиху. Она стояла тоже наверху, но позади лося. В том, как она выступала из чащи на просеку, не было готовности ни к тревоге, ни к нападению. Лосиха просто, наверно, удивилась, когда не заметила супруга на прежнем месте, и теперь шла в недоумении, грациозно и бережно переставляя ноги. Голова ее под лучом солнца казалась бронзовой. Увидев машину, лосиха остановилась, трепетно раздула ноздри, а уши поставила торчком. Я убежден, что она «сказала» что-то лосю, потому что он оглянулся на нее и встал.

Нас — его и меня в машине — разделяло не больше десяти метров, но я смотрел на лосиху, мысленно заклиная ее остаться там, наверху. «Зови его назад, — молил я шепотом, — пусть сейчас же возвращается к тебе, слышишь?» Я произносил слова, и лосиха не двигалась, а лось растерянно стоял на месте. Мне нельзя было оставлять его совсем без присмотра, оттого я не заметил, что сделала лосиха. Ударила ли она ногой о землю или показала какой-нибудь другой знак власти и каприза — не знаю, только лось неожиданно свечой встал на задние ноги, переместился ко мне задом и побежал к лосихе, повинно склонив рога почти к самой земле.

Они подались куда-то вправо. Я смотрел на лосиху и любовался ее гарцующей плавной поступью, напоминавшей мне слышанный давным-давно какой-то неизъяснимый музыкальный аккорд. В гордом парении вольной головы было что-то от лебедя. У меня не было тогда времени размышлять о неисповедимых тайнах человеческой души. Я не испытывал ни скрытой, ни явной благодарности ни небу, ни лесу за благополучный конец этой встречи. Наоборот, когда лоси скрылись, мне стало очень грустно, как бывало в детстве после большого весеннего праздника, который выпадал всего лишь раз на весь длинный-длинный год. (455 слов)

По К. Воробьеву

Белый гусь

Если бы птицам присваивали воинские чины, то этому гусю следовало бы дать адмирала. Все у него было адмиральское: и выправка, и походка, и тон, каким он разговаривал с прочими деревенскими гусями. Ходил он важно, обдумывая каждый шаг.

Этот гусь никогда не бежал, даже если за ним припустит собака. Он всегда высоко и неподвижно держал длинную шею, будто нес на голове стакан воды.

Белый гусь был самой важной птицей во всей округе. На него засматривались лучшие гусыни деревни. Ему безраздельно принадлежали отмели, которым не было равных по обилию тины, ряски, ракушек и головастика.

Этой весной, как только сошел снег, я собрал свой велосипед и покати́л открывать рыбачий сезон. Заметив меня, гусь пригнул шею к траве и с угрожающим шипением двинулся навстречу. Я едва успел отгородиться велосипедом. А он ударил крыльями по спицам, отскочил и снова ударил.

— Кыш, проклятый! — это кричал Степка, соседский мальчишка. Он схватил гуся за шею и поволок.

— Вот собака! — сказал Степка. — Никому прохода не дает. У него сейчас гусята, вот он и лютует.

— А мать-то их где? — спросил я мальчика.

— Гусыню машина переехала.

— Га-га-га-га! — издевался надо мной гусь.

Переругиваясь с гусем, я и не заметил, как из-за леса напoлзла туча. Она росла, поднималась серо-синей тяжелой стеной, без просветов, без трещинки.

Я едва успел набросить на себя плащ, как туча прорвалась и обрушилась холодным косым ливнем. Гуси, растопырив крылья, полегли в траву. Под ними спрятались выводки.

Вдруг по козырьку кепки что-то жестко стукнуло, и к моим ногам скатилась белая горошина. Я выглянул из-под плаща. По лугу волочились седые космы града. Гуси замерли в траве, тревожно перекликаясь. Белый гусь сидел, высоко вытянув шею. Град бил его по голове, гусь вздрагивал и прикрывал глаза. Когда особенно крупная градина попадала в темя, он сгибал шею и тряс головой. На тропинке в неудержимой пляске подпрыгивали, отскакивали, сталкивались белые ледяные горошины.

Гуси не выдержали и побежали. То здесь, то там в траве, перемешанной с градом, мелькали взъерошенные головки гусят, слышался их жалобный призывный писк. Порой писк внезапно обрывался, и желтый одуванчик, иссеченный градом, поникал в траву.

А гуси все бежали, пригибаясь к земле, тяжелыми глыбами падали с обрыва в воду и забивались под кусты лозняка. Вслед за ними мелкой галькой в реку сыпались малыши — те немногие, которые еще успели добежать. Я с головой закутался в плащ. К моим ногам скатывались уже не круглые горошины, а куски наспех обкатанного льда.

Туча промчалась так же внезапно, как и набежала. Тропинка покрылась лужицами. В поваленной мокрой траве, будто в сетях, запутались иссеченные гусята. Они погибли почти все, так и не добежав до воды.

Луг, согретый солнцем, снова зазеленел. И только на его середине никак не растаивала белая кочка. Я подошел ближе. Это был Белый гусь. Он лежал, раскинув могучие крылья и вытянув по траве шею. По клюву из маленькой ноздри сбегала струйка крови.

Все двенадцать пушистых одуванчиков, целые и невредимые, толкаясь и давя друг друга, высыпали наружу. Один гусенок, с темной ленточкой на спине, неуклюже переставляя широкие кривые лапки, пытался взобраться на крыло гусака. Но всякий раз, не удержавшись, кубарем летел в траву. Малыш сердился, нетерпеливо перебирал лапками и упрямо лез на крыло. Наконец гусенок вскарабкался на спину своего отца и замер. Он никогда не забирался так высоко. Перед ним открылся удивительный мир, полный сверкающих трав и солнца. (533 слова)

По Е. Носову

Арктур и доктор

Однажды у доктора в доме появился интересный обитатель. Вот как это произошло. Возвращаясь как-то с дежурства, доктор увидел слепого пса. С обрывком веревки на шее он сидел, забившись между бревен, и дрожал. Доктор и раньше несколько раз видел его. Теперь он остановился, рассмотрел его во всех подробностях, почмокал губами, посвистал, потом взялся за веревку и потащил слепого к себе домой.

Дома доктор вымыл его теплой водой с мылом и накормил. По привычке пес вздрагивал и поджимался во время еды. Ел он жадно, спешил и давился. Лоб и уши его были покрыты побелевшими рубцами.

— Ну, теперь ступай! — сказал доктор, когда пес наелся, и подтолкнул его с террасы. Пес уперся и задрожал.

— Гм, — произнес доктор и сел в качалку.

Наступил вечер, небо потемнело, но не гасло совсем. Загорелись самые крупные звезды. Пес улегся на террасе и задремал. С виду он был совсем взрослой собакой с крепкими ногами, черной спиной и рыжими подпалинами на животе и на морде. Но худобу скрыть было невозможно: ребра выпирали, лопатки стояли торчком. Иногда пес приоткрывал свои мертвые глаза, настораживал уши и, принюхиваясь, поводил головой. Потом снова клал морду на лапы и закрывал глаза.

А доктор растерянно рассматривал его, ерзал в качалке и придумывал ему имя. Как его назвать? Или лучше избавиться от него, пока не поздно? Зачем ему собака? Доктор задумчиво поднял глаза: низко над горизонтом переливалась синим блеском большая звезда.

— Арктур, — пробормотал доктор. Он решил назвать пса именем звезды, сияющей на вечернем небе.

Пес шевельнул ушами и открыл глаза.

— Арктур! Иди сюда, Арктур! — уже уверенно, властно и радостно позвал доктор.

Пес встал, подошел к хозяину и осторожно ткнулся носом в его колени. Доктор засмеялся и положил руку ему на голову.

Собаки бывают разные, как и люди. Есть собаки нищие, побирушки, есть свободные и угрюмые бродяги, есть глупые и восторженные брехуны. Есть унижающиеся, вымаливающие подачки, подползающие к любому, кто свистнет им. Встречаются и преданные собаки, собаки покорные, капризные, гордецы, подлизы, равнодушные, лукавые и пустые. Арктур не был похож ни на одну из них. Чувство его к своему хозяину было необыкновенным и возвышенным. Он любил его страстно и поэтично, быть может, больше жизни. Но он был целомудрен и редко позволял себе раскрываться до конца.

У хозяина бывало минутами плохое настроение, иногда он был равнодушным, часто от него раздражающе пахло одеколоном — запахом, никогда не встречающимся в природе. Но чаще всего он был добр, и тогда Арктур изнывал от любви, шерсть его становилась пушистой, а тело кололо как бы иголками. Ему хотелось вскочить и помчаться, захлебываясь радостным лаем. Но он сдерживался. Уши его распускались, хвост останавливался, тело обмякало и замирало, только громко и часто колотилось сердце. Арктур испытывал огромное наслаждение, когда хозяин начинал толкать его, щекотать, гладить и смеяться прерывистым, воркующим смехом. Каждый звук рождал какие-то искры и смутные запахи, и Арктуру казалось, что все это уже было с ним, было так давно, что он никак не мог вспомнить, где же и когда. Пес был счастлив: он вновь обрел дом и хозяина. (485 слов)

По Ю. Казакову

Учение — свет

У всех высших животных воспитание потомства — это не только кормление, это целая школа приспособления к жизни: избегание опасностей, добывание пищи, приемы охоты, самолечение. Инстинкт свое делает. Но кое-чему надо учиться. На примере волков и медведей это особенно хорошо видно. Медведица — мать внимательная. На защиту своего отпрыска бросится, рискуя собственной жизнью. Она может быть ласковой. Но на глаза наблюдателей часто попадают такие вот сцены, как эта.

Иногда с матерью ходят два медвежонка: прошлогодний (его еще называют пестуном) и маленький, или прибылой. Старший уже опытен. Жизнь его где обласкала, где ущипнула, многому он научился, наблюдая за поведением матери. Мать этот опыт учитывает, поручая младшего медвежонка старшему, и тот обязан младшего пестовать, то есть опекать.

Охотник в Сибири как-то наблюдал переправу медвежьей семьи через реку. Вода была неглубокой, но быстрой. Мать перешла поток, уверенная, что пестун поможет малышу его одолеть. Но пестун перескочил воду, отряхнул брызги так, что в них радуга засияла, и побежал к матери. А младший скулил на том берегу, испугавшись течения. Любопытно, что мать на помощь ему не бросилась. Подскочила она к пестуну и отвалила ему по заду такую затрещину, что тот кубарем покатился с откоса. И пестун понял, за что получил наказание. Вернулся к брату и увлек его в воду. Мать спокойно наблюдала с берега эту картину.

Приобретение опыта — это часто метод проб и ошибок, чреватый опасностями. Рождаясь, мы не знаем, что дверца у печки горячая, и, только обжегшись, будем это хорошо знать.

В природе эта учеба идет непрерывно. Для хищников очень важно научиться приемам охоты. Но поначалу врожденное чувство надо как следует пробудить. И родители, к примеру волки и лисы, приносят к логову еще живую добычу. На ней молодые волчата и лисы «пробуют зубы» — это значит крадутся к жертве, находят наиболее уязвимое место.

Замечено: всякая учеба лучше всего идет смолоду. Вот один любопытный пример. Несколько лет подряд проводили эксперименты с обезьянами на озерных островах в Псковской области. Обезьяны каждое лето хорошо обживались на этих «курортах». Они здоровели, в них пробуждались заглушенные инстинкты, возникала обычная для них в природных условиях иерархия, утверждался вожак.

Одним из вожakov стал сильный, здоровый шимпанзе Бой. Он все умел: кого надо, утихомирит, накажет, малышей приласкает, защитит от пришельцев. Вся его подопечная группа к ночи или к ненастью строила на деревьях гнезда. Полчаса — и готово убежище. Строили все, исключая шимпанзе Гамму и всесильного вожака Боя. Пока сородичи со всеми удобствами, как у себя в Африке, спали на дереве, две эти сильные обезьяны прятались либо в ящиках, либо под деревом. Строить гнезд они не умели. Дело в том, что умевшие строить гнезда были пойманы в Африке в трехлетнем возрасте, а неумехи — Гамма и Бой — совсем малышами. Гнездостроительные способности в каждой из обезьян заложены от рождения. Но у первых в процессе подражания взрослым эти способности пробудились, получили развитие, а Бой и Гамма это не проходили. Возник вопрос: разве поздно Бою теперь научиться простому делу? Выходит, всему свое время. Сесть на ушедший поезд уже нельзя.

То же самое наблюдается и у людей при обучении, например, музыке, иностранному языку, плаванию, катанию на коньках. Все, что легко и свободно прививается в возрасте раннем, очень трудно дается человеку, когда «поезд уже ушел». Закон этот универсален для всего сущего. Вот почему так строго выговаривает шаловливому медвежонку многоопытная медведица-мама. (528 слов)

По В. Пескову

Собака

Ее детство было бесприютным и голодным, но детство — самая счастливая пора жизни.

Особенно хороша была первая весна, майские дни за городом. Запах земли и молодой травы наполнял душу счастьем. Она припадала на передние лапы перед цветком одуванчика и отрывисто лаяла сердитым и счастливым детским голосом, приглашая цветок участвовать в беготне.

Она была упитанной, с розовым пузом, с толстыми лапами, хотя ела она и в эту добрую пору мало. Казалось, она толстела от счастья, от радости быть живой.

А потом уж не стало легких детских дней. Мир наполнился октябрем и ноябрем, враждой и равнодушием, ледяным дождем, смешанным со снегом, грязью.

Она была безродной дворнягой, маленькой, кривоногой. Но она успешно преодолевала вражью силу, потому что любила жизнь и была очень умна. Лобастая дворняжка знала, откуда крадется беда, она знала, что смерть не шумит, не замахивается, не швыряет камней, не топает сапогами, а протягивает кусок хлеба и приближается, вкрадчиво улыбаясь, держа за спиной мешковую сетку.

Тяжелая жизнь не ожесточила бродячую собаку, а добро, жившее в ней, никому не было нужно.

Ее поймали ночью, когда она спала. Ее не умертвили, а отправили в институт. Ей предстояло знакомство с наивысшим разделом техники двадцатого столетия. Она получила имя Пеструшки.

Собака понимала, что уколы, головокружительные путешествия в центрифугах и виброкамерах, — все это шло от Алексея Георгиевича, хозяина. Она ждала его, обретенного ею хозяина, томилась, когда его нет, радовалась его шагам, и, когда он вечером уходил, ее карие глаза, казалось, увлажнялись слезами.

Алексей Георгиевич не сразу заметил, что Пеструшка вызывает у него жалостливое чувство, а не только обычный деловой интерес. Кривоногая дворняга платила ему добром за зло, любовью за страдания, что он приносил ей. А однажды он сказал Пеструшке, что она первая за все время существования жизни на земном шаре увидит истинную космическую глубину. Ему казалось, что собака понимает его. Он всматривался в ее глаза. Эти добрые собачьи глаза, а не глаза Нильса Бора первыми увидят мировое пространство, не ограниченное земным горизонтом. Пространство, в котором нет ветра, а одна лишь сила тяготения, пространство, в котором нет облаков, ласточек, дождя. И Алексею Георгиевичу казалось, что глаза Пеструшки перескажут ему, что видели. Казалось, собака инстинктом ощущала, что человек приобщил ее к самому большому, что происходило на земле за все времена истории.

Начальники и подчиненные Алексея Георгиевича, его домашние и друзья замечали в нем странные изменения: никогда он не был таким уступчивым, мягким, грустным.

И вот полет совершился. Животное ушло в прорубь пространства. Алексей Георгиевич был убежден, что связь его с Пеструшкой не порывается, он ощущал ее и когда корабль был отдален от земли на сто тысяч километров.

Он сам поехал к месту приземления космического контейнера, потому что должен был первым увидеть Пеструшку. Они встретились так, как хотел того Алексей Георгиевич. Она бросилась к нему, робко повиливая кончиком опущенного хвоста. Собака лизала его руки в знак своей покорности, в знак вечного отказа от жизни свободной странницы, в знак примирения со всем, что есть и будет. (475 слов)

По В. Гроссману

На войне

До войны Николай Богачев учился в школе-десятилетке, потом пошел работать на завод. У него был замкнутый, спокойный характер. В школе его не любили за молчаливость и нежелание участвовать в волейбольных состязаниях. На заводе Николая уважали как хорошего рабочего, отлично знавшего свое дело, но и здесь он ни с кем из товарищей не сошелся близко. Мать часто хвалилась перед соседками тем, что сын у нее такой серьезный, солидный: придет домой, пообедает и сразу принимается за какое-нибудь дело. Но в глубине души ее огорчало, что Николай такой молчаливый и нелюдимый. Правда, она видела и чувствовала его внимание. Он всегда помогал ей: то наколет дров, то воды принесет. И получку Николай всегда отдавал полностью матери, оставляя себе немного денег.

Когда его призвали в армию, он простился с товарищами легко и просто. Проводов ему не устраивали, одна лишь мать стояла на платформе и махала ему рукой.

Николай попал в танковую часть. Он отлично справлялся с работой водителя танка, превосходно изучил мотор, смело водил машину по самым трудным дорогам. Богачев ни с кем и здесь не дружил, и ему казалось, что танкисты относятся к нему так же, как когда-то относились товарищи по школе.

Он сам не замечал, как изо дня в день все больше привязывался к товарищам. Ведь все время были они вместе: и на обеде, и на занятиях, и спали они всегда рядом. Он уже хорошо знал, кто во сне похрапывает, кто произносит невнятные фразы, кто спит по-младенчески тихо.

Война застала Николая под Львовом. Он прошел в жестоких боях весь тяжелый путь летнего отступления нашей армии.

Здесь, на полях сражений, ощутил он горечь разлуки. Он ни с кем не говорил о своих чувствах, никому не рассказывал о них. И вместе с ним днем и ночью были товарищи-танкисты. Николай не знал, не подозревал, как велика сила, которая спаяла его с этими людьми потом и кровью битв.

Темным осенним вечером танки поддерживали кавалерийскую атаку. Лил дождь, было очень грязно. Машина Богачева шла с полуоткрытым люком. Липкая грязь обхватывала машину, но танк лез все вперед и вперед. Нождаанно страшный удар потряс стены танка. Богачеву показалось, что он сидит внутри гудящей гитары, по которой кто-то с размаху ударил кулаком. Потом сразу стало очень тихо, лишь в ушах продолжало булькать, свистать, звенеть. Товарищи окликнули его. Он слышал их голоса, но не ответил. Его вытащили из машины. Он попробовал встать и упал в грязь. У него от удара снаряда отнялись ноги. Несколько километров несли его на руках по липкой грязи.

Николай пролежал в госпитале около трех месяцев. После страшного напряжения боев было необычайно странно лежать на спокойной койке в тихой белой палате. Часами терзали его мысли о товарищах-танкистах. Он писал им письма, чтобы напомнить о себе, но отправить их нельзя было. Неужели он не сможет вернуться в батальон?

Но Богачев вернулся. Он вошел в избу, где был штаб. Все чужие, незнакомые люди. Несколько мгновений он оглядывался.

— Богачев! — вдруг кто-то радостно окликнул его, и Богачев увидел майора Карпова. И по этому радостному голосу Богачев сразу понял, что его не забыли и не могли забыть. Весь день не проходило удивительное ощущение возвращения в родной дом.

Николай не спал до утра. Он думал о друзьях, о прекрасной земле, за которую отдал свою кровь, о матери, о родном городе. Это была большая, вечная любовь, ибо всю силу ее он измерил лишь теперь, в суровые месяцы войны. (544 слова)

По В. Гроссману

Под Сталинградом

За всю свою жизнь не припомню я такой осени. Прошел сентябрь — ясно-голубой, по-майски теплый. По утрам плещется в Волге рыба, и большие круги расходятся по зеркальной поверхности реки. Высоко в небе, курлыча, пролетают запоздалые журавли. Медленно и неохотно рассеивается туман.

И задолго до первых лучей солнца ударяет первая дальнобойка. Затем вторая, третья, четвертая, и, наконец, все сливается в сплошном, торжественном гуле утренней канонады. Так начинается день.

Ровно в семь бесконечно высоко, сразу глазом и не заметишь, появляется «рама» — самолет-разведчик. Долго, старательно кружит она над нами. Назойливо урчит своим особым мотором и медленно уплывает к себе на запад.

Едва протерев глаза, вылезает мы из своих землянок и, сощурившись, следим за первой десяткой самолетов. Она определит весь день. По ней мы узнаем, какой у немцев по расписанию квадрат, где сегодня земля будет дрожать, как студень, где солнца не будет видно из-за дыма и пыли, на каком участке всю ночь будут хоронить убитых, ремонтировать поврежденные пулеметы и пушки. Когда цепочка проплывает над нашей головой, мы облегченно вздыхаем, скидываем рубашки и поливаем друг другу воду на руки из котелков.

Мы уже знаем, что каждый из самолетов тащит у себя под брюхом от одиннадцати до восемнадцати бомб, что сбросят их не все сразу, сделают еще два или три захода, психологически распределяя дозы. И так будет длиться целый день, пока солнце не скроется за Мамаевым курганом. Или нас, или соседей. Если не соседей, так нас. Если не бомбят, так лезут в атаку. Если не лезут в атаку — бомбят.

По утрам, с первыми лучами солнца, неистово гудя, проносятся над головами наши «иллюши» — штурмовики, и почти сейчас же возвращаются, продырявленные, бесхвостые, чуть не задевая нас колесами. Возвращается половина, а то и меньше. «Мессеры» долго еще кружатся над Волгой, а где-то далеко чернеет печальный черный гриб горящего самолета.

Здрав до боли в позвоночнике головы, мы следим за воздушными боями и не можем угадать, где наши и где немцы.

А дни стоят один другого лучше — голубые, безоблачные, самые что ни на есть лётные. Хоть бы туча появилась, хоть бы дождь когда-нибудь пошел! Мы ненавидим эти солнечные, ясные дни, этот застывший в своей голубизне воздух. Мы мечтаем о слякоти, тучах, дожде, об осеннем хмуром небе. Но за весь сентябрь и октябрь мы только один раз видели тучу. О ней много говорили, гадали, куда она пойдет, но она, проклятая, прошла стороной, и следующий день по-прежнему был ясный, солнечный, жужжащий самолетами.

В начале октября немцы дали нам отдых — два дня. Материальную часть, должно быть, чистили. В эти два дня купали в корытах бойцов и меняли белье. Потом опять началось.

Немцы рвутся к Волге. Кричат как оглашенные, поливают нас дождем из автоматов. Так длится (кто его знает сколько) пять, шесть, семь, а может быть, и восемь дней.

И вдруг — стоп. Тишина. Только минометы работают да наша артиллерия с того берега. И мы сидим у своих землянок, курим, ругаем немцев, войну, авиацию и тех, кто ее придумал, и гадаем, когда же свалится последняя труба на заводе «Красный Октябрь». Позавчера их было шесть, вчера три, сегодня осталась одна — продырявленная, с отбитой верхушкой. Стоит себе и не падает назло всем. (505 слов)

По В. Некрасову

Рождение мечты

Это случилось с Володей Устименко в девятом классе школы. Внезапно он охладел ко всему, даже к шахматному кружку, который тотчас же без него развалился, даже к учителю Смородину, который до сих пор считал Устименко своим лучшим учеником, даже к Варе Степановой, с которой он еще в ноябрьские праздники бегал на обрыв медленно текущей Унчи. Жизнь — такая веселая и занятая, такая переполненная и шумно-хло-потливая, такая увлекательная во всех своих подробностях — вдруг словно бы остановилась, и все вокруг Володи замерло, прислушиваясь настороженно и опасливо. Что, дескать, будет дальше, мальчишка, посмотрим!

Ничего, казалось бы, особенного не произошло. Просто они с Варей пошли в кино. В тот вечер моросил обычный осенний дождик. Варя говорила, как обычно, о театре, что несколько не удивительно, потому что она была главной артисткой в драмкружке двадцать девятой школы.

Начался сеанс. По экрану разгуливали какие-то самодовольные, особой породы курицы. А потом Володя засопел и затаил дыхание.

- Молчи! — сказал он Варе.
- Чего ты? — удивилась она.
- Ты замолчишь?! — прошипел он.

На экране ученый набирал в шприц какую-то жидкость. Это был лобастый, видимо, измученный человек. Ничего симпатичного или, как любила выражаться Варина мама, обаятельного нельзя было обнаружить в облике этого великого первооткрывателя. И работу свою он делал не так чтобы уж очень ловко, наверное, сердился на тех людей, которые снимали его для кино. Такие люди очень не любят, чтобы их фотографировали, а тут еще эти кинооператоры!

Приговоренную морскую свинку Варя пожалела.

- Душечка, какая бедненькая! — сказала Степанова и опасливо взглянула на Володю.

Но он даже не шикнул на Варю. Он весь словно бы светился, слушая человека в белой шапочке и в белом халате, который строго говорил в зал о мудром старце Эскулапе и его дочери Панацее.

- Ничего не понимаю! — шепотом пожаловалась Варя. — Ну ничегошеньки. Ты понимаешь, Владимир?

Он кивнул. А потом, когда показывали художественный кинофильм, Володя сидел угрюмый, грыз ногти и думал. И ни разу не улыбнулся, хоть картина была смешная. Он вообще умел вдруг отделяться от всех, начинал жить не болтовней, а размышлениями, словно забирался в какую-то нору. И нынче, провожая Варю домой из кинотеатра, он тоже шел не с нею, а совершенно отдельно, сам по себе.

- О чем ты думаешь? — спросила Варвара.
- Ни о чем! — буркнул он, весь погруженный в свои мысли.
- Очень весело с тобой! — сказала Варя. — Прямо умора! Буквально животики надорвешь от смеха.
- Что? — спросил он.

Так они и расстались месяца на три (Варя была обидчивой и самолюбивой), а перед ним распахнулся неведомый еще мир поисков и умственной сумятицы, мир бессонных ночей, мир беспредельных знаний, в которых он был ничем, пустяком, соринкой, попавшей в бурю. Его вертело и швыряло среди слов, из-за которых поминутно нужно было справляться в энциклопедии. Он прорывался через книги, в которых очень мало понимал. Бывали часы, когда он едва не плакал от сознания собственного бессилия, но бывали мгновения, когда ему чудилось, что он понимает написанное, разбирается в нем. Нужно только вникать глубже — и все пойдет отлично.

С этой минуты Устименко ни на минуту не сомневался, что станет врачом. (484 слова)

По Ю. Герману

Последний поклон

Садами пробрался я к нашему дому. Мне хотелось первому встретить бабушку, и оттого я не пошел улицей. Старые жерди на нашем и соседнем огородах осыпались. Торчали подпорки, хворостины, тесовые обломки.

Вдруг отчего-то сделалось боязно, какая-то неведомая сила пригвоздила меня к месту, сжала горло, и, с трудом преодолевая себя, я двинулся в избу, но двинулся тоже боязливо, на цыпочках.

Дверь была распахнута. В сенцах гудел заблудившийся шмель, пахло прелым деревом. Краски на двери и на крыльце почти не осталось. Лишь лоскутки ее светлели в завалах половиц и на косяках двери. И хотя шел я осторожно, половицы со щелями все равно шевелились и постанывали под сапогами.

Бабушка сидела на скамейке возле подслеповатого кухонного окна и сматывала нитки в клубок.

Я замер у двери. Буря пролетела над землей! Смешались и перепутались миллионы человеческих судеб, исчезли и появились новые государства, фашизм, грозивший роду человеческому смертью, подход. А тут как висел настенный шкафчик из досок и на нем ситцевая занавеска в крапинку, так и висит; как стояли чугунки и синяя кружка на припечке, так они и стоят; даже бабушка на привычном месте, с привычным делом в руках.

- Что ж ты стоишь, батюшко, у порога? Подойди, подойди! Перекрещу я тебя, милого.
- Я думал, ты меня не узнаешь.
- Да как же не узнаю? Что ты, Бог с тобой!

Я оправил гимнастерку, хотел вытянуться и гаркнуть заранее придуманное: «Здравия желаю, товарищ генерал!» Да какой уж тут генерал!

Бабушка сделала попытку встать, но ее шатнуло, и она ухватилась руками за стол. Клубок скатился с ее колен. Какие маленькие сделались у бабушки руки! Кожа на них желта и блестит, что луковая шелуха. Сквозь сработанную кожу видна каждая косточка и синяки. Пласты синяков будто слежавшиеся листья поздней осени. Я обнял бабушку.

- Живой я остался, бабушка, живой!
- Молилась, молилась за тебя, — торопливо шептала она и по-птичьи тыкалась мне в грудь. Она целовала там, где сердце, и все повторяла:
- Молилась, молилась.
- Потому я и выжил.

Я послушно замер перед бабушкой. На дряхлой щеке ее осталась и не сходила вмятина от Красной Звезды.

— Устала я, батюшко. Вся устала. Восемьдесят шестой годок. Работы сделала — иной артели впору. Тебя все ждала. Теперь пора. Теперь скоро помру. Ты уж, батюшко, приедь похоронить-то меня. Закрой мои глазоньки.

Бабушка ослабла и говорить ничего уже не могла, только целовала мои руки, мочила их слезами, и я не отбирал у нее рук. Я тоже плакал молча и просветленно.

Вскорости бабушка умерла. Мне прислали на Урал телеграмму с вызовом на похороны. Но меня не отпустили с производства. Начальник отдела кадров вагонного депо, где я работал, прочитав телеграмму, сказал:

— Не положено. Мать или отца — другое дело, а бабушек да дедушек...

Откуда знать он мог, что бабушка была для меня отцом и матерью — всем, что есть на этом свете дорогого для меня! Мне надо бы послать того начальника куда следует, бросить работу, продать последние штаны и сапоги да поспешить на похороны бабушки, а я не сделал этого.

Я еще не осознал тогда всю огромность потери, постигшей меня. Случись это теперь, я бы ползком добрался от Урала до Сибири, чтобы закрыть бабушке глаза, отдать ей последний поклон.

И живет в сердце вина. Гнетущая, тихая, вечная. Пытаюсь поведать о бабушке людям, чтоб в своих бабушках и дедушках, в близких и любимых людях отыскали они ее и была бы жизнь моей бабушки беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта. Нет у меня таких слов, которые оправдали бы меня перед нею. Я знаю, бабушка простила бы меня. Она всегда и все мне прощала. Но ее нет. И никогда не будет. И некому прощать. (578 слов)

По В.Астафьеву

Концерт классической музыки

Среди многих постыдных поступков, которые я совершил в жизни, более всех памятен мне один. В детдоме в коридоре висел репродуктор, и однажды в нем раздался голос, ни на чей не похожий и чем-то меня раздражавший, наверное, как раз своей непохожестью.

— Ха! Орет, как жеребец! — сказал я и выдернул вилку репродуктора из розетки. Голос певицы оборвался. Ребятня сочувственно отнеслась к моему поступку, поскольку был я в детстве самым певучим и читающим человеком.

Много лет спустя в Ессентуках, в просторном летнем зале, слушал я симфонический концерт. Все повидавшие и пережившие на своем веку музыканты крымского оркестра со славной, на муравьишку похожей, молоденькой дирижершей Зинаидой Тыкач терпеливо растолковывали публике, что и почему они будут играть, когда, кем и по какому случаю то или иное музыкальное произведение было написано. Делали они это вроде как бы с извинениями за свое вторжение в такую, как им казалось, перенасыщенную духовными ценностями жизнь граждан, лечащихся и просто так отдыхающих на курорте. И поэтому концерт классической музыки начали с лихой увертюры Штрауса, чтоб подготовить переутомленных культурой слушателей ко второму, более серьезному отделению.

Но и сказочный Штраус, и огневой Брамс, и кокетливый Оф-фенбах не помогли. Уже с середины первого отделения концерта слушатели, набившиеся в зал на музыкальное мероприятие только потому, что оно бесплатное, начали покидать зал. Да если бы они просто так его покидали, молча, осторожно. Так нет, покидали с возмущениями, выкриками, бранью, как будто обманули их в лучших вожделениях и мечтах.

Стулья в концертном зале стояли старые, венские, с круглыми деревянными сиденьями, сколоченные по рядам, и каждый гражданин, поднявшись с места, считал своим долгом возмущенно хлопнуть сиденьем.

Я сидел, ужавшись в себя, слушал, как надрываются музыканты, чтоб заглушить шум и ругань в зале, и мне хотелось за всех за нас попросить прощения у милой дирижерши в черненьком фраке, у оркестрантов, так трудно и упорно зарабатывающих свой честный, бедный хлеб, извиниться за всех нас и рассказать, как я в детстве совершил постыдный поступок, как выдернул вилку репродуктора.

Но жизнь — это не письмо, в ней возврата назад не бывает. Что из того, что певица, которую я оскорбил когда-то словом, была великой Надеждой Обуховой? Позднее она стала моей самой любимой певицей, и я не раз плакал, слушая ее.

Она-то, певица, уже никогда не услышит моего раскаяния, не сможет простить меня. Зато, уже пожилой и седой, я содрогаюсь от каждого хлопка и бряка стула в концертном зале. Меня бьет по лицу грубое слово в тот момент, когда музыканты изо всех сил, возможностей и таланта своего пытаются передать боль рано отстрадавшего близорукого юноши в беззащитных кругленьких очках.

Он в своей предсмертной симфонии, неоконченной песне своего измучившегося сердца, уже более века протягивает руки в зал и с мольбой взывает: «Люди, помогите мне! Помогите! Ну если мне помочь не можете, хотя бы себе помогите!» (451 слово)

По В. Астафьеву

Второй сорт

Он приезжает с некоторым опозданием, когда гости уже в сборе и виновница торжества, его двоюродная племянница, то и дело поглядывает на часы.

Моложавый, с крупной серебристой головой и выразительным, энергичным лицом, он, войдя в комнату и радушно улыбаясь, здоровается общим полупоклоном. Для хозяев он — дядя Сережа или просто Сережа, а для гостей — Сергей Васильевич, и все уже знают, что он писатель, человек известный и уважаемый.

И подарок привезен им особенный — чашка с блюдцем из сервиза, которым многие годы лично пользовался и незадолго до смерти передал ему сам Горький. Эту, можно сказать, музейную ценность сразу же устанавливают на верхней полке серванта за толстым стеклом, на видном месте.

Сажает Сергея Васильевича рядом с именинницей во главе стола и ухаживают, угощают наперебой; впрочем, он почти от всего отказывается.

Он, должно быть, тяготится этой вынужденной ролью свадебного генерала, но виду не подает. Зная себе цену, держится с достоинством, однако просто и мило: улыбается, охотно поддерживает разговор и даже пошучивает.

А на другом конце стола не сводит с него глаз будущий филолог, студент первого курса, застенчивый белобрысый паренек из глухой вологодской деревушки. В Москве он лишь второй месяц и, охваченный жадой познания, ненасытно вбирает столичные впечатления. Попал паренек на именины случайно, и, увидев впервые в своей жизни живого писателя, забыв обо всем, ловит он каждое его слово, и улыбку, и жест, смотрит с напряженным вниманием, восхищением и любовью.

По просьбе молодежи Сергей Васильевич негромко и неторопливо рассказывает о встречах с Горьким, о столь памятных сокровенных чаепитиях, под конец замечая с болью в голосе:

— Плох был уже тогда Алексей Максимович, совсем плох.

И печально глядит поверх голов на полку серванта, где покоится за стеклом горьковская чашка, и задумывается отрешенно, словно смотрит в те далекие, уже ставшие историей годы, вспоминает и воочию видит великого коллегу.

Окружающие сочувственно молчат, и в тишине совсем некстати, поперхнувшись от волнения, сдавленно кашляет будущий филолог.

Когда начинают танцевать, он после некоторых колебаний, поправив короткий поношенный пиджачок и порядком робея, подходит к Сергею Васильевичу и, достав новенький блокнот, неуверенно просит автограф. Вынув толстую, с золотым пером ручку, тот привычно выводит свою фамилию — легко, разборчиво и красиво.

Уезжает Сергей Васильевич раньше всех. Его было уговаривают остаться еще хоть немного, но он не может.

Прощаясь, он дружески треплет вологодского паренька по плечу, целует именинницу и ее мать, остальным же, устало улыбаясь, делает мягкий приветственный жест поднятой вверх рукой.

Он уходит, и сразу становится как-то обыденно.

А в конце вечера будущий филолог, находясь всецело под впечатлением этой необычной и радостной для него встречи, стоит у серванта, зачарованно уставясь на горьковскую чашку. Толстое стекло сдвинуто, и она, доступная сейчас не только глазам, манит его — страшно

хочется хотя бы дотронуться. Не в силах более удерживаться, он с волнением, осторожно, как реликвию, обеими руками приподнимает ее. С благоговением рассматривая, машинально переворачивает и на тыльной стороне донышка видит бледно-голубоватую фабричную марку.

«Дулево. Второй сорт. Пятьдесят первый год», — мысленно повторяет он, в растерянности соображает, что Горький умер на пятнадцать лет раньше, и вдруг, пораженный в самое сердце, весь заливается краской и, расстроенный буквально до слез, тихо, беспомощно всхлипывает и готов от стыда провалиться сквозь землю, будто и сам в чем-то виноват.

Дурная это привычка — заглядывать куда не просят. Дурная и никчемная... (522 слова)

По В. Богомолу

Воскрешение Раскольников

Раскольников пролежал в больнице весь конец поста и Святую. Стояли теплые и ясные весенние дни. В арестантской палате отворили окна.

Соня могла только два раза навестить его в палате. Каждый раз нужно было спрашивать разрешения, а это было трудно. Но она часто приходила на госпитальный двор, чтобы постоять на дворе минутку и хоть издали посмотреть на окна палаты. Однажды под вечер Раскольников нечаянно подошел к окну и вдруг увидел вдали, у госпитальных ворот, Соню. Она стояла и как бы чего-то ждала. Что-то пронзило в ту минуту его сердце, он вздрогнул и поскорее отошел от окна. В следующий день Соня не приходила, на третий день тоже. Он заметил, что ждет ее с беспокойством. Наконец его выписали. Придя в острог, он узнал от арестантов, что Софья Семеновна заболела, лежит дома и никуда не выходит.

Раскольников был очень беспокоен, посылал о ней справляться. Узнав в свою очередь, что он о ней так тоскует и заботится, Соня прислала ему записку, написанную карандашом, и уведомила его, что ей гораздо легче, что у нее легкая простуда и что она скоро, очень скоро, придет повидаться с ним на работу. Когда он читал эту записку, сердце его сильно и больно билось.

День опять был ясный и теплый. Ранним утром, часов в шесть, он отправился на работу на берег реки, где в сарае устроена была обжигательная печь для алебаstra. Раскольников сел на сложенные у сарая бревна и стал глядеть на широкую и пустынную реку. С дальнего берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, вовсе не похожие на здешних. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь. Он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила.

Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Лицо ее еще носило признаки болезни: похудело, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему и робко протянула свою руку. Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсем, как бы боялась, что он оттолкнет ее. Он всегда будто с отвращением брал ее руку, всегда точно с досадой встречал ее, иногда упорно молчал во все время ее посещения. Случалось, что она уходила в глубокой скорби.

Но теперь их руки не разнимались. Он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился.

Как это случилось, он и сам не знал. Но вдруг что-то подхватило его и бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, посмотрела на него. Но в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье. Для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута.

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы, но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего. Их воскресила любовь. Сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого.

Они положили ждать и терпеть. Им оставалось еще семь лет нестерпимой муки и бесконечного счастья! Но он воскрес, и он знал это, чувствовал всем своим обновившимся существом. А она? Она ведь и жила только одной его жизнью! (558 слов)

По Ф. Достоевскому

Достоевский в Инженерном училище

Михаил Андреевич Достоевский довольно рано определил будущее двух старших сыновей, Михаила и Федора. Братьям предстояло стать военными инженерами. В то время это была профессия, обещавшая им солидный доход и хорошие виды на будущее. Но сами они не чувствовали призвания ни к инженерному делу, ни к военной карьере как таковой. Их мечтой была литературная деятельность.

Встреча с Инженерным училищем стала для пятнадцатилетнего Федора Достоевского новым прозрением русской действительности. Федору было отказано в приеме на казенный счет, и отец должен был внести немалую сумму за обучение. Позднее Достоевский узнал, что несколько человек, сдавших вступительные экзамены хуже него, были приняты на казенный счет. Дело было, конечно, в том, что преподаватели брали взятки за эти бесплатные места. «Какая подлость! — писал Достоевский отцу, узнав о причине отказа. — Это меня совершенно поразило. Мы, которые бьемся из последнего рубля, должны платить, когда другие — дети богатых — приняты безденежно. Бог с ними!» Брата же Михаила не приняли в училище по состоянию здоровья.

Оказавшись в стенах училища, Достоевский попал во многом в чуждый ему мир. Внешняя дисциплина была важнейшим атрибутом в этом заведении, в одинаковой степени являвшемся как инженерным училищем, так и военной школой. Страх и подхалимство перед старшими порождали садизм по отношению к младшим. Новички со стороны старших воспитанников подвергались насмешкам и издевательствам, походившим на пытки. Воздух училища был пропитан духом тщеславия и карьеризма. По словам Достоевского, он увидел «мальчиков тринадцати лет, уже рассчитавших свою жизнь: где, какой чин получить, что выгоднее, как деньги загребать».

Тем не менее Достоевскому удалось по-своему пережить этот непростой период в жизни. При малейшей возможности он погружался в имевшиеся у него книги, записывал интересные мысли, не оставляя надежды рано или поздно стать литератором. Строгий режим училища и муштра были тяжелыми препятствиями, но и их Достоевский научился преодолевать: он читал и работал по ночам, стал редактором и главным автором газеты, которая издавалась в училище. Он приобрел приятелей, вместе с которыми пытался отстаивать подвергавшихся нападкам преподавателей и воспитанников, хотя это не всегда удавалось.

Но научился ли Достоевский военно-инженерному делу? Осенью 1838 года он потерпел неудачу на экзаменах и был оставлен на второй год. Однако в дальнейшем учеба наладилась. Выпускные экзамены за высший офицерский класс были успешно сданы.

После окончания училища, получив звание полевого инженера-поручика, он начал служить в чертежной военно-инженерного департамента, где пробыл несколько месяцев вплоть до своего увольнения со службы. К этому времени он успел сделать чертеж крепости, забыв, как рассказывают, обозначить ворота.

Но в программу училища входило и гуманитарное образование. Хорошим было преподавание иностранных языков. Достоевский усовершенствовал свое знание французского и немецкого. Он посещал лекции по литературе и религии, по архитектуре и строительному искусству.

Кроме того, он научился работать, несмотря на невозможные условия, и знал, что барабанная дробь означает отмену приказа. Это знание пригодилось ему, когда через шесть лет после выхода из училища, осужденный на смерть, он ждал исполнения приговора.

Достоевский также прошел и жестокую школу быть одиноким среди сверстников, хотя ему удалось выработать некоторые приемы, благодаря которым в конце концов он получал

признание товарищей. Проблема одиночества, отверженности позднее стала одной из основных для многих его героев. (497 слов)

По П. Воре

Пушкин в Лицее

Лицей считался высшим учебным заведением. Профессора и все лицейское начальство смотрели на лицеистов как на взрослых студентов и предоставляли им полную свободу. Кто хотел учиться, тот учился, а кто не хотел, тот мог откровенно и безнаказанно предаваться лени.

Пушкин не был усердным школьником. Он охотно и даже с увлечением занимался только такими науками, которые ему были по душе. Он любил французскую, русскую словесность, историю, любил лекции профессора политических наук Куни-цына и пренебрегал другими. Профессора почти единодушно отмечали его блистательное дарование и крайнее неприлежание. Особенно слаб он был в математике.

Вызвал раз его Карцов к доске и задал алгебраическую задачу. Пушкин долго переминался с ноги на ногу и все писал молча какие-то формулы. Карцов спросил его наконец: «Что же вышло? Чему равняется x ?» Пушкин, улыбаясь, ответил: «Нулю». — «Хорошо! У вас, Пушкин, в моем классе все кончается нулем. Садитесь на свое место и пишите стихи».

Начальство поощряло литературные опыты лицеистов. Пушкин, Дельвиг, Кюхельбекер — лицейские поэты — объединились в кружок, издавали рукописные журналы со стихами и карикатурами.

В Лицее была огромная библиотека. В ней были те самые книги, которые принадлежали когда-то Вольтеру. Эти книги, эту «заразу умов» Александр I получил в наследство от бабки своей Екатерины II и передал Лицею.

Лицеисты часто собирались в библиотеке и читали насмешливые, гневные книги Вольтера и Руссо. В Пушкине рос дух независимости, любовь к человеку, презрение к чинам. Не о генеральских чинах, не о богатстве мечтал Пушкин в Лицее. Он мечтал быть поэтом, чтоб огненным словом своим пробуждать в сердцах подлинно человеческие чувства.

Где бы он ни был — бродил ли он в уединении по царскосельскому парку с мраморными статуями, с белыми лебедями на дремлющем пруду, гулял ли по окрестным лугам, замыкался ли в «келье» своей, сидел ли в классе, — всегда в голове его теснились рифмы и образы поэм, посланий, эпиграмм.

Пушкин не давал покоя ни бумаге, ни гусиным перьям, писал и переделывал стихи почти ежедневно. Вместе с друзьями он выпускал лицейские журналы, номер за номером, с веселыми, задорными стихами. Живой и пылкий, он серьезные занятия перемежал с проказами и шалостями, оттого воспитателям казался легкомысленным, ленивым и крайне неприлежным. Но Пушкин не был лентяем. Все существо его всегда было в непрестанном действии, голова всегда полна мыслями, а сердце — чувствами.

В 1815 году на экзамен в Лицей приехал знаменитый, уже дряхлеющий поэт Державин. Шестнадцатилетний Пушкин в его присутствии читал свои стихи «Воспоминания в Царском Селе». Когда Пушкин дошел до строк, в которых упоминалось имя Державина, голос его зазвенел и сердце забилося с упоительным восторгом. Державин был в восхищении.

После экзамена министр народного просвещения граф Разумовский устроил торжественный обед, на котором присутствовал и Державин, и отец Пушкина Сергей Львович. За обедом разговор шел о поэтическом даровании Пушкина и о воспитанниках, только что переведенных с младшего курса на старший. Граф Разумовский, обращаясь к Сергею Львовичу, сказал:

— Я бы желал, однако же, образовать сына вашего к прозе.

— Оставьте его поэтом! — с жаром воскликнул Державин.

Так в Лицее Пушкин получил благословение на трудный путь

поэта. (484 слова)

По Б. Житкову

Свидание с другом

Пушкин стоял у окна и глядел на сугробы, на отягченные снегом деревья. Белобокие сороки резво скакали по веткам, стряхивая снежный убор, пророча гостей. И в ту же минуту Пушкин услышал веселый глухой перекат бубенцов. Сани въехали во двор, что-то мелькнуло родное, и Пушкин порывисто выскочил на крыльцо. Навстречу ему, путаясь в шубе, бежал Пуцин! Александр едва не соскочил к нему в снег. Он вовсе не чувствовал холода и стоял в длинной ночной рубашке, приветственно подняв руки.

— Дорогой! Сумасшедший! Здравствуй! Простудишься!

Пуцин накрыл Пушкина своей теплой шубой и потащил скорей в дом. Няня так и застала их в комнате. Она поняла только одно: приехал, должно быть, кто-то очень желанный, и кинулась обнимать незнакомого гостя.

Разговор загорался почти только одними вопросами. Не верилось, что опять они вместе, и порою казалось, что их комнаты рядом, как было в Лицее. Как в праздник, вместо обычного чая Арина Родионовна вскипятила им кофе.

— А что обо мне говорят в Петербурге?

Тут Пуцин счел нужным произнести маленькую речь на тему, что стихи Пушкина приобрели народность во всей России и что друзья ждут не дождутся его возвращения.

Пушкин внезапно начал один из тех разговоров, которые были мучительны Пуцину. Однако же Пуцин не стал отпираться и подтвердил существование тайного общества. Пушкина охватило сильнейшее волнение. Он знал про себя, что общество есть, может быть, есть и прямой заговор, но откровенность эта, впервые подтвердившая все предположения, вывела его из равновесия. Пуцин подошел и молча и крепко обнял опального друга. Волнение Пушкина быстро прошло.

А потом вспомнили Лицей. Вспомнили знаменитую историю с гоголь-моголем: как их накрыли за незаконной пирушкой, как раз когда Иван Малиновский тихонечко с ними обоими чокнулся за здоровье Бакуниной, в которую все трое были влюблены. Пушкин задумался о чем-то своем, но через минуту друзья от души хохотали опять, припоминая, как вместо Наташи, хорошенькой горничной, Пушкин в Лицее в потемках поцеловал в коридоре старую фрейлину и как сам государь в это дело вмешался.

Так за обедом болтали они, перескакивая с предмета на предмет, понимая друг друга с полуслова. Няня глядела на них и любовалась. Пушкину вдруг загорелось ехать в Тригорское, показать своих милых соседей, но Пуцин отговорился:

— Мне впору и на тебя одного наглядеться! Я привез тебе «Горе от ума», вещь замечательную. Ты мне и свое прочитай непременно!

Пушкин читал Грибоедова вслух, читал с большим воодушевлением, все более и более разгораясь.

— Знаешь ли что? — вдруг прервал сам себя Пушкин. — Знаешь ли, кто у него в комедии самый умный из всех? Ответ: Грибоедов! Он сам. А Чацкий? Кому же он говорит свои умные вещи? Фамусову? Скалозубу? Молчалину? Бабушкам нашим московским? Это непростительно, это — метание бисера.

Пушкин только мотнул головой и продолжил читать дальше.

Часы приближались к отъезду. Под конец такая понятная грусть овладела обоими. Пушкин так живо представил себе, как опять останется один. Пуцин глядел на смуглое лицо друга и чувствовал, как ему больно было покидать его. Смахнув незаметно слезу, он кинулся к шубе.

Прощание долгое было бы невыносимо. Друзья еще раз обнялись, и Пущин побежал прямо к саням.

Так судьба подарила Пушкину свидание с другом. Он остался стоять со свечой на крыльце. Редкие снежинки падали в пламя, но не тушили его. (514 слов)

По И. Новикову

Слово о Пушкине

Пушкин! С самым именем Пушкина у нас невольно связывается вздох облегчения, улыбка. Какое легкое имя взшло над тяжелой и неуклюжей Российской империей!

Для читающей России Пушкин своими солнечными стихами, можно сказать, утеплит ее климат. У веселого пушкинского очага мы греемся и сегодня, потому что ничего теплее Пушкина не было в русской культуре, не говоря о ее истории.

Два ярких, счастливых впечатления детства у меня связаны с именем Пушкина.

Александра Ивановна, наша старая учительница первых классов, читала нам «Капитанскую дочку». Как уютно было ее слушать, с какой невероятной радостью я ожидал появления Савельича, как хохотал над его вечно бунтующей преданностью. Его преданность доходила до того, что с невероятной комичностью оттесняла сам объект преданности. И барин Петруша ничего с этим не мог поделать.

Другое впечатление связано с моим случайным чтением «Песни о вещем Олеге».

Мне повезло: в комнате никого не было, а потому мне не стыдно было плакать сладостными слезами над судьбой вещего Олега. Мне было безумно жаль его, и я плакал. Но отчего же слезы были сладостны? Видимо, от музыки стихов, от правильности правды случившегося, оттого, что сам конь все-таки не виноват в гибели Олега. Опять преданность оказалась незапятнанной. Тогда я в первый раз столкнулся с веществом поэзии в чистом виде и на всю жизнь был потрясен этим.

Пушкин не только лучший поэт России, но и создатель первых лучших образцов русской прозы.

Лев Толстой не раз высказывался по поводу прозы Пушкина, что, мол, слишком просто пишет, слишком голо. Хотя сам завершил свой путь как художник «Хаджи-Муратом» — вещью пушкинской прозрачности и простоты.

Сознательно или бессознательно настоящий художник создает вторую действительность, помогающую нам выжить в первой. Я думаю, более всего это удавалось Пушкину. По-моему, «Мороз и солнце — день чудесный...» — это не только прекрасные стихи, но и средство от простуды, и, что еще важнее, средство от депрессии. Все творчество Пушкина — средство от депрессии.

Пушкин гениален не только в том, что он написал, но даже в том, чего не написал. Он гениален в том, что сюжет «Ревизора» и «Мертвых душ» отдал именно Гоголю. Скажем прямо: так Пушкин об этом не мог бы написать, здесь Гоголь был сильнее. И Пушкин это понял. Но какая интуиция, какая общенациональная литературная стратегия! И сам Гоголь ничего лучшего не написал, чем эти вещи. Такое впечатление, что Гоголь, обожествлявший Пушкина, сделал все, чтобы доказать Пушкину, что он был достоин его доверия.

Пушкин не явился на голом месте, величайший скачок поэзии с появлением Пушкина есть необъяснимое чудо. При необыкновенном богатстве русской поэзии это чудо больше не повторилось. И нет ли в творениях Пушкина высшего знака для нас? Есть.

Но есть и загадочность Пушкина как великого национального поэта. Темная, запутанная история России — и ясный, четкий Пушкин. Бедность умственной жизни — и Пушкин-гейзер, брызжащий оригинальными мыслями.

Не правда ли, странный национальный гений? Но так и должно быть. Национальный гений бессознательно лечит нацию и культивирует в ней свойства, которые ей необходимы, но находятся в зачаточном состоянии.

Пушкинская улыбчивость, пушкинская бодрость, пушкинская мудрость вооружают нас мужеством и надеждой, что в печальную историю нашей страны в конце концов прольется пушкинская гармония. Можно ли поверить, что явление Пушкина — случайная игра генов, некий коктейль природы из горячей Африки и холодной России? Такое скопление великих талантов в одном человеке не может быть случайным, а может быть только путеводной звездой. (531 слово)

По Ф. Искандеру

Поэзия Пастернака

Помнится, школьником, роясь в груде книг, разбросанных на стойке сухумского букиниста, я вытащил книжку стихов с именем Пастернака на обложке. Имя мне ничего не говорило. Я уже собирался положить книгу на место, но тут старый букинист сказал:

— Берите, не пожалеете. Это современный классик.

Я тогда абсолютно не верил, что классик может быть современным. Но то ли для того, чтобы не обижать букиниста, то ли для того, чтобы показать ему, что я и сам разбираюсь в стихах, листанул книгу. Я впервые прочел стихотворение «Ледоход». Впечатление было ошеломляющее и странное. Оно даже не казалось мне поэтическим. Скорее, это было ощущение физического наслаждения, только с огромным избытком. Как будто в жаркий летний день я ловлю ртом лимонадный водопад. И вкусно, и слишком много.

Конечно, я купил эту книгу. Чуть позже, в студенческие времена, я доставал все его книги, которые были изданы к тому послевоенному времени. Я уже знал, что Борис Пастернак — поэт, не слишком угодный властям, что его подолгу не издавали, а еще раньше много ругали. В мое студенческое время его почти не трогали, во всяком случае, не помню статей, написанных против него. Можно подумать, что тогда обе стороны объявили перемирие и набирались сил, готовясь к грандиозному скандалу появления романа «Доктор Живаго». Но тогда до этого было далеко и никто об этом ничего не знал.

Общение с поэзией раннего Пастернака напоминает разговор с очень интересным человеком. Изумительные откровения прерываются невнятным бормотанием, и в процессе беседы мы догадываемся, что и не надо пытаться расшифровывать невнятицу, а надо просто слушать и наслаждаться понятным. Репутация малопонятного поэта сразу же установилась за Пастернаком.

Кроме того, я думаю, его высокая, чисто музыкальная одаренность сыграла в этом свою роль.

Как известно, в юности Пастернак готовил себя в профессиональные музыканты, и его первые опыты были одобрены самим Скрябиным. Но он бросил музыку из-за какой-то мистической сверхчестности. У него не было абсолютного слуха, в чем он и признался композитору. Утешение Скрябина, что и у Чайковского, и у Вагнера тоже не было абсолютного слуха, не остановило его. Безумно любя музыку Скрябина, он ждал, что Скрябин назовет себя, так как у Скрябина тоже не было абсолютного слуха. По-видимому, абсолютный слух есть только у Бога и у настройщиков роялей.

Одним словом, юный Пастернак бросил музыку, но музыка его не бросила. Самые невнятные его стихи преимущественно музыкального происхождения, и слова тут играют роль мелодических обрывков.

Есть любители стихов, которым ранний Пастернак кажется интересней. И в этом есть доля истины. Развитие стиля и творческая победа не бывают без потерь.

В поздних стихах поэта мы не встретим ураганных ритмов, головокружительных образов, захлебывающихся импровизаций. Долгий путь послереволюционного развития таланта Пастернака действительно привел его к неслыханной простоте. Немыслимые страдания Родины, которые всегда были и его собственными страданиями, в конце концов укротили субъективность его творческой фантазии. Романтические водопады музыки ранних стихов сменились тихим журчанием подмосковных ручьев.

Поэт нашел своего большого читателя. Благородство силы заключается в чувстве равенства со слабым. И это единственное условие, при котором слабый может полюбить и, распрямляясь, дотягиваться до уровня духовной силы. (487 слов)

По Ф. Искандеру

О Шмелеве

Бомбили Париж. Было утро, когда недалеко от дома упали сразу четыре бомбы, превратив в развалины два здания напротив. Обычно Иван Сергеевич вставал рано, а тут залежался в постели. Это и спасло ему жизнь. Окна разбиты вдребезги, спинку его рабочего кресла насквозь изрешетили острые осколки. Маленький листок бумаги влетел в комнату и опустился прямо ему под ноги. Это была репродукция «Богоматерь с Иисусом» итальянского художника Балдовинетти. Как залетела она сюда? Видимо, Царице Небесной было угодно сохранить жизнь русскому писателю-эмигранту, больному и одинокому. На следующий день в одном из православных храмов он отслужил благодарственный молебен. И — за работу.

Старается много писать, продолжает роман «Пути небесные», посвященный светлой памяти своей супруги Ольги Александровны. Студент юридического факультета Московского университета многим обязан в своем духовном становлении именно ей, худенькой, синеглазой девушке, дочери генерала Охтерло-ни, героя обороны Севастополя. Это она предложила свадебное путешествие не куда-нибудь, а на Валаам. А впоследствии вышла книга «На скалах Валаама». Вначале расходилась она вяло, почти весь тираж Шмелев продал за гроши букинистам. А перед Первой мировой войной ни у одного букиниста найти книгу было нельзя.

Был голодный 1921 год. Супруги Шмелевы ехали из Алушты на бревне, положенном поверх тележных колес. В Феодосии зарегистрировались в коммунальной столовой, чтобы можно было получать двести граммов хлеба в день. Как-то пришли, а столовая закрыта, хлеб кончился. И вдруг подошел человек, оглянулся по сторонам, тихо спросил: «Вы Шмелев? Это вы написали "Человек из ресторана"?» — и вложил ему в руку сверток. Хлеб! Целая буханка! Эта буханка была лучшим его гонораром.

Повесть «Человек из ресторана» сделала Шмелева известным. Талант был признан. И процветать бы ему, крепнуть на своей земле, питаться ее самобытными соками. Но в этом же страшном 1921 году расстреливают сына Сергея. Писатель в одночасье сгорбился, поседел, резко ухудшилось зрение. Шмелевы уезжают за границу.

Эпопеей «Солнце мертвых» начался эмигрантский период его творчества. Это одна из самых трагических книг за всю историю человечества, которая рассказывает об одичании людей в братоубийственной войне. «Читайте, если у вас хватит смелости», — так сказал о «Солнце мертвых» Томас Манн, немецкий писатель.

Жизнь во Франции благополучной не получилась: Шмелев часто болеет, много страдает от критики нового времени, тоскует по России. В 1936 году умерла жена Ольга Александровна. Горе сломило писателя. Сорок один год они не разлучались. Однажды в порыве страшной тоски воскликнул, обращаясь к жене: «Чувствуешь ли ты, как я одинок?! Ответь каким-нибудь знаком, чтобы я знал, что ты меня слышишь». Через несколько дней он получил письмо от незнакомой женщины. «Не думайте, что Вы одиноки...» — так начиналось оно. И подпись: Ольга Александровна. Письмо пришло в день рождения его жены.

Потянулись годы одиночества. Друзья и читатели поддерживали старого, больного писателя, присылали посылки. В последние годы ему хотелось монастырского покоя и тишины, неспешной молитвы и тихих праздников. И семидесятишестилетний Иван Сергеевич Шмелев летом 1950 года отправляется в монастырь близ Парижа. Наконец-то! Распаковал вещи, распахнул окно в зелень монастырского сада, постоял, вдыхая свежий воздух летнего вечера под негромкий колокольный звон. И спустя несколько часов умер. Так в ликовании душевном закончилось его Господне лето. (488 слов)

По Н. Сухининой

«Вечерний альбом»

В конце 1910 года вышел в свет первый сборник стихов Марины Цветаевой.

Увидев готовую книгу, Марина испытала некоторый прилив тщеславия. Достаточно ли быть напечатанной, чтобы заявить себя поэтом? Двести двадцать шесть страниц. Название набрано жирным шрифтом — «Вечерний альбом». Пониже можно прочесть заголовки разделов: «Детство», «Любовь», «Толькотени».

И действительно, здесь можно найти отголоски ее детских и отроческих заблуждений и метаний.

Когда «Вечерний альбом» попал на прилавки книжных магазинов, Марина Цветаева еще прилежно посещала гимназию. Никто из окружающих и не подозревал, что у восемнадцатилетней гимназистки вышла книга. Даже отец, профессор Цветаев, поглощенный приготовлениями к открытию созданного им Музея изящных искусств, не пытался узнать, правдивы ли слухи о том, что его старшая дочь намерена посвятить себя литературной карьере. Марина ничуть не страдала от этого заговора молчания вокруг своего первого творения. Наоборот, это ее успокаивало. Гордая и застенчивая девушка смертельно боялась, что ее вытащат из тени. Всякая шумиха, любые пересуды наводили на нее ужас.

Однако среди разнообразия книжной продукции этого времени некоторые критики заметили книгу, написанную никому не известной поэтессой, чья фамилия так прелестно напоминала слово «цветок». Максимилиан Волошин в московской газете «Утро России», обзоревав женскую поэзию, посвятил «Вечернему альбому» теплые строки, говоря, что он очарован гармонией наивного стиха. Никто не сообщил Марине о появлении этой рецензии, подписанной тридцатитрехлетним и вполне авторитетным поэтом. Не подозревая о реакции на свою первую книгу, она думала только о том, что надо писать новые стихи, не заботясь ни о своем будущем, ни о будущем своих произведений.

Как-то декабрьским вечером 1910 года в цветаевском доме в Трехпрудном переулке раздался звонок. Марина открыла дверь, думая, что это кто-то из друзей семьи. Но перед ней предстал незнакомец и сразу представился:

- Макс Волошин. Можно мне видеть Марину Цветаеву?
- Я.
- Вы читали мою статью о вас?
- Нет!
- Я так и думал и потому принес ее вам. Она уже месяц как появилась.

Пока Марина пробегала глазами хвалебную статью, Волошин внимательно изучал ее лицо. Заметно было, что статья взволновала юную поэтессу.

Они стали говорить о поэзии. Имена иностранных поэтов звучали рядом с именами русских поэтов-современников. Когда Волошин удивился, неужели Марине было не любопытно просмотреть прессу после выхода «Вечернего альбома», она призналась: «Я газет не читаю и никого не вижу. Мой отец до сих пор не знает, что я выпустила книгу. Может быть, знает, но молчит. И в гимназии молчат». Улыбнувшись последнему замечанию, гость вежливо поинтересовался: «А что вы делаете в гимназии?», на что получил мгновенный ответ: «Пишу стихи». Волошин сразу же попросил ее прочесть несколько стихотворений. Тронутая его интересом, она повиновалась. Марина читала строфы, где было взвешено каждое слово, голос ее дрожал, глаза горели. Волошин был покорен. А на следующий день прислал Марине стихи, в которых называл ее книгу «утренней благостной вестью», чудом.

Небольшой сборник стихов открыл дверь Марине Цветаевой в большую поэзию. (451 слово)

По Анри Труайя

Гиляровский

Ничто не может дать такого живого представления о прошлом, как встреча с его современником, особенно с таким своеобразным и талантливым, каким был Владимир Александрович Гиляровский — человек неукротимой энергии и неудержимой доброты.

Прежде всего в Гиляровском поражала цельность и выразительность его характера. Если может существовать выражение «живописный характер», то оно целиком относится к Гиляровскому. Он был живописен во всем: в своей биографии, в манере говорить, в ребячливости, в разносторонней бурной талантливости.

По строю своей души Гиляровский был запорожцем. Недаром Репин написал с него одного из своих казаков, пишущих письмо турецкому султану, а скульптор Андреев лепил с него Тараса Бульбу для барельефа на своем превосходном памятнике Гоголю.

Гиляровский был воплощением того, что мы называем широкой натурой. Это выражалось у него не только в необыкновенной

щедрости, доброте, но и в том, что от жизни Гиляровский тоже требовал многого. Если красоты земли, то уж такие, чтобы захватывало дух, если работа, то такая, чтобы гудели руки, если бить — так уж бить сплеча.

Среди многих свойств таланта было одно, которое покоряло всех, — это ребячливость. У каждого были свои ребяческие страсти и выдумки. Горький любил разводить костры даже в пепельницах, Пушкин любил розыгрыши, Грин — делать луки и стрелять из них в цель, Чехов — ловить карасей.

Гиляровский был неистощим на мальчишеские выдумки. Однажды он придумал послать письмо в Австралию какому-то вымышленному адресату, чтобы, получив это письмо обратно, можно было судить (по множеству почтовых штемпелей), какой удивительный и заманчивый путь прошло оно.

Гиляровский происходил из исконной русской семьи, отличавшейся строгими правилами и установленным из поколения в поколение неторопливым бытом. Естественно, что в такой семье рождались люди цельные, крепкие, физически сильные. Гиляровский легко ломал пальцами серебряные рубли и разгибал подковы.

Однажды он приехал погостить к отцу и, желая показать свою силу, завязал узлом кочергу. Отец не на шутку рассердился на сына за то, что тот портит домашние вещи, и тут же в сердцах развязал и выпрямил кочергу.

Естественно, что человек такого размаха и своеобразия, как Гиляровский, не мог оказаться вне передовых людей своего времени. С Гиляровским дружили Чехов, Куприн, Бунин и многие писатели, актеры и художники.

Но, пожалуй, Гиляровский мог гордиться больше, чем дружбой со знаменитостями, тем, что был широко известным и любимым среди московской бедноты. Он был знатоком знаменитой московской Хитровки — приюта нищих, босяков, отщепенцев — людей, не нашедших себе ни места, ни занятия в тогдашней жизни. Хитровцы любили его как своего защитника, как человека, который один понимал всю глубину хитрованского горя. Один только Гиляровский мог безнаказанно приходить в любое время дня и ночи в самые опасные хитровские трущобы. Его никто не посмел бы тронуть пальцем. Лучшей охранной грамотой было его великодушие. Оно смирало даже самые жестокие сердца.

Никто из писателей не знал так всесторонне Москву, как Гиляровский. Было удивительно, как может память одного человека сохранять столько историй о людях, улицах, рынках, церквях, площадях, театрах, садах, трактирах.

Каждому времени нужен свой летописец не только в области исторических событий, но и в области быта, уклада. Летопись быта с особой резкостью и зримостью приближает к нам прошлое. Чтобы до конца понять хотя бы Льва Толстого или Чехова, мы должны знать быт того времени. Даже поэзия Пушкина приобретает свой полный блеск лишь для того, кто знает быт пушкинского времени. Поэтому так ценны для нас рассказы таких писателей, как Гиляровский.

Есть люди, без которых трудно представить себе существование общества и литературы. Не имеет значения, много ли они или мало написали. Важно, что они жили, что вокруг них кипела литературная и общественная жизнь, что они определяли собой свое время.

Таким был Владимир Александрович Гиляровский — поэт, писатель, знаток Москвы и России, человек большого сердца, чистейший образец талантливости нашего народа. (584 слова)

По К. Паустовскому

Качалов

Трудно рассказать в нескольких словах, какое место занимает в жизни моего поколения Василий Иванович Качалов. От спектакля до спектакля мы бережно хранили в памяти каждую его интонацию, каждый его жест, исполненный благородной простоты и свободы. Но всякий раз, когда мы видели Качалова на сцене, он казался нам неожиданным и новым.

Бывая в Москве по делу или проездом, мы считали невозможным упустить случай попасть в Художественный театр, чтобы увидеть Качалова. Часто случалось нам во время поездок в Москву встречать на ее улицах высокого, статного, неторопливого человека, всегда со вкусом одетого, — артиста с головы до ног. Шел он обычно один, занятый своими мыслями, немного рассеянный. Походка его была легкой и твердой, даже в том возрасте, который называют преклонным. Годы мало отражались на его облике. До конца дней сохранил он и внешнюю молодость, и молодой интерес ко всему новому.

Пожалуй, среди актеров, которых я знал на своем веку, никто так не любил и не чувствовал слова, как Василий Иванович Качалов. Никто не умел передавать с такой свободой и точностью лучшие поэтические страницы Льва Толстого, Чехова, Горького, сонеты Шекспира, мужественное слово Маяковского. Это был актер-поэт.

Помню, мы встретились с ним в санатории в Архангельском, в бывшем имении Юсупова, которому Пушкин посвятил свою оду «К вельможе».

В руках у Качалова была книжка. Он раскрыл книгу, надел пенсне и принялся неторопливо читать, едва скользя глазами по строчкам.

Это были два маленьких рассказа Горького «Могильщик» и «Садовник». Первые строчки рассказа Качалов прочел ровным, спокойным голосом, не играя, а именно читая. Но вот книга отодвинута, пенсне сброшено, и вместе со стеклами исчез знакомый нам качаловский облик. Перед нами предстал одноглазый кладбищенский сторож Бодрягин, страстный любитель музыки. Горький нежданно осчастливил героя щедрым подарком — гармоникой. Захлебнувшись от радости, Бодрягин не говорит, а будто выдыхает слова.

Василий Иванович перелистывает еще несколько страниц книги. На смену кладбищенскому сторожу является садовник — обстоятельный, деловитый, в чистом переднике, то с лопатой, то с лейкой, то с большими ножницами в руках. Дело происходит в различные месяцы 1917 года в Петрограде, в Александровском саду. Под треск пулеметной стрельбы, под грохот и рев пролетающих мимо грузовых машин садовник неуклонно и добросовестно занимается своим хозяйством, да при этом еще по-отцовски поучает пробегающего по саду солдата:

— Ружье-то почистил бы, заржавлено ружье-то.

Качалов читал все это, вернее играл, с такой необыкновенной точностью памяти и наблюдения. И дело было не только в таланте и мастерстве большого актера. Главное было в том, что рассказы Горького читал его современник, родственно переживший с ним одни и те же события, мысли и чувства, повидавший на своем веку те же города, те же дороги, тех же людей.

Василий Иванович закрыл книжку и превратился в прежнего Качалова — спокойного, холодновато-любезного, слегка рассеянного. А когда он ушел, пожилой военный врач, приехавший на несколько дней с фронта, сказал мне:

— Вот уж никак не думал, что попаду на качаловский концерт, да еще такой блестящий. Ведь это тот самый Василий Иванович Качалов, ради которого я в студенческие годы простаивал ночи у театральных касс. Иной раз продрогнешь, промокнуешь под дождем, а все стоишь. Может быть, посчастливится получить билетик на галерку! (497 слов)

По С. Маршаку

Анна Павлова

Было морозное январское утро 1881 года, когда у бедной швеи, подрабатывающей иногда стиркой, родилась девочка. Ее крестили и нарекли Анной в честь святой, праздник которой в тот день значился в церковном календаре.

Первое воспоминание Анны — маленький деревянный домик на окраине Петербурга, где они жили вдвоем с матерью. А когда Анне исполнилось восемь лет, мать объявила, что они поедут в Мариинский театр.

Увиденное и услышанное потрясло воображение девочки. Во втором акте группа мальчиков и девочек танцевала «Вальс цветов».

— Хотела бы ты так танцевать? — спросила мама Анну.

— Нет. Я хочу танцевать так, как та красивая дама, что изображает Спящую Красавицу. Когда-нибудь и я буду так танцевать, и в этом же театре.

Мать посмеялась, назвала дочь глупенькой, не подозревая, что та уже нашла свое призвание в жизни. На следующее утро только и было разговоров, что о театре и о танцах. Анна «заболела» балетом. После слез и настоятельных просьб мать повела девочку в балетную школу. В тот год ее не приняли. Но в десять лет она все же стала ученицей Императорской балетной школы. Свою карьеру в Петербурге Павлова начала по обычно заведенному порядку: сначала выпускные экзамены, потом кордебалет, из кордебалета в первые танцовщицы и, наконец, в балерины.

Тон газетных статей о молодой балерине Мариинского театра становился все восторженнее.

Первые гастроли в Европе принесли Анне Павловой небывалый успех. После одного из представлений в Стокгольме до самого отеля за экипажем Павловой молча шла толпа зрителей. Люди не аплодировали, не переговаривались, не желая нарушать отдыха артистки. Никто не ушел и тогда, когда балерина скрылась в отеле. Павлова недоумевала, как ей поступить, пока горничная не подсказала, что нужно выйти на балкон и поблагодарить зрителей. Анну встретили бурей рукоплесканий. Она только кланялась. А потом бросилась в комнату, вытащила корзину, подаренную в тот вечер, и стала бросать в толпу цветы: розы, лилии, фиалки, сирень.

Наверное, секрет отличия Павловой от других танцовщиц, блиставших на сцене до и после нее, крылся в неповторимой индивидуальности ее характера. Современники говорили, что, глядя на Павлову, они видели не танцы, а воплощение своей мечты о танцах. Она казалась воздушной и неземной, летая по сцене.

Когда французский композитор Сен-Санс увидел Павлову, танцующую его «Лебедя», он добился встречи с ней, чтобы сказать: «Мадам, благодаря вам я понял, что написал прекрасную музыку!» Небольшая хореографическая композиция « Умиравший лебедь» стала ее коронным номером. Исполняла она его совершенно сверхъестественно. На сцену, огромную или маленькую, спускался луч прожектора и следовал за исполнительницей. Спина к публике на пуантах появлялась фигурка, одетая в лебяжий пух. Она металась в замысловатых зигзагах предсмертной агонии и не спускалась с пуантов до конца номера. Силы ее ослабевали, она отходила от жизни и покидала ее в бессмертной позе.

Павлова была чрезвычайно суеверной. Она подмечала приметы: боялась грозы, встречи со священником, пустых ведер, черных котов. То, что для других было пустяком, для нее превращалось в какой-то особый, тайный знак. Однажды в гостях, заглядевшись на огромный куст чайных роз, она сказала: «Вот, когда этот куст умрет, и я умру. Это так. Я точно знаю».

Анну не раз убеждали поехать в отпуск, отдохнуть. «Что вы, — лепетала она, — я должна работать. У меня на руках труп. Если я не имею времени жить, то уж умирать я должна на ходу, на ногах». На следующий год она спешила на гастроли в Гаагу. По дороге простудилась. Легкий насморк перенесла на ногах, затем — воспаление легких.

Странно, но слова Анны Павловой по поводу куста роз оказались пророческими. Когда она заболела, цветы покрылись ржавыми пятнами и погибли в несколько дней. Через три дня, не дожив восьми дней до своего пятидесятилетия, умерла и великая русская балерина.

Последний раз, приподнявшись в постели, будто готовясь встать, она отчетливо и строго, как всегда распоряжаясь, сказала: «Приготовьте мне костюм Лебедя». (597 слов)

По С. Шевцовой

Улыбка Моны Лизы

Поздняя ночь опускается на улицы Флоренции. Город делается похож на огромный корабль без огней.

— Если синьора хочет, я расскажу ей сказку, — говорит Леонардо.

Она кивнула утвердительно головой и приготовилась слушать. А Леонардо вспомнил любимую сказку бабушки Люции.

Случилось это очень давно, когда еще не было положено ни одного камешка в постройки нашей Флоренции, не было и Рима. Жил-был один бедный человек, и у него было четыре сына: три умных, а один и так и сяк, ни ума, ни глупости. Да, впрочем, о его уме не могли судить как следует: он больше молчал и любил ходить в поле, к морю. Любил слушать и думать про себя, а ночью смотреть на звезды. И вот пришла за отцом смерть. Перед тем как расстаться с жизнью, он призвал к себе детей и говорит: «Сыны мои, скоро я умру. Как только вы меня схороните, закройте хижину и идите на край света добывать себе счастье. Пусть каждый чему-нибудь научится, чтобы мог кормить сам себя».

Отец умер, а сыновья, похоронив его, пошли на край света добывать свое счастье. Они сговорились, что через три года вернутся на полянку родной рощи, куда ходили за валежником, и расскажут друг другу, кто чему выучился за это время.

Прошло три года, и, помня уговор, вернулись братья с края света на полянку родной рощи. Пришел первый брат. Он научился плотничать. От скуки срубил дерево, обтесал его и сделал из него женщину. Отошел немного и ждет. Вернулся второй брат, увидел деревянную женщину, и так как он был портной, то решил одеть ее. Сейчас же, в одну минуту, как искусный мастер, сделал ей красивую шелковую одежду. Пришел третий сын, украсил деревянную девушку золотом и драгоценными камнями. Ведь он был ювелир и сумел накопить большое богатство.

И пришел четвертый брат. Он не умел ни плотничать, ни шить — он умел только слушать, что говорит земля, говорят деревья, травы, звери и птицы, знал ход небесных планет и еще умел петь чудесные песни. Он увидел деревянную девушку в роскошной одежде, в золоте и драгоценных камнях. Но она была глуха и нема и не шевелилась. Тогда он собрал все свое искусство (а искусство его заключалось в том, что он научился разговаривать со всем, что есть на земле, научился оживлять своей песней камни) и запел прекрасную песню, от которой плакали притаившиеся за кустами братья, и песней этой вдунул душу в деревянную женщину. Она улыбнулась и вздохнула.

Тогда братья бросились к ней, и каждый кричал одно и то же:

— Я тебя создал, ты должна быть моей женою!

— Ты должна быть моей женою, я тебя одел!

— Я тебя сделал богатой, ты должна быть моей женою!

Но женщина отвечала:

— Ты меня создал — будь мне отцом. Ты меня одел, а ты украсил — будьте мне братьями. А ты, что вдохнул в меня душу и научил радоваться жизни, ты один будешь мне мужем на всю жизнь.

И деревья, и цветы, и вся земля вместе с пташками запели им гимн любви.

Кончив сказку, Леонардо взглянул на Мону Лизу. Что сделалось с ее лицом! Оно будто озарилось светом, глаза сияли. Потом, точно пробудившись от сна, она вздохнула, провела по лицу рукою и без слов пошла и села на свое место, сложила руки и приняла обычную позу.

Улыбка блаженства, медленно исчезая с ее лица, осталась в углах рта и трепетала, придавая лицу загадочное и чуть лукавое выражение, как у человека, который узнал тайну и, бережно храня ее, не может сдержать торжество.

И Леонардо молча работал, боясь упустить этот момент, этот луч солнца, осветивший его Мону Лизу. (569 слов)

По Ал. Алтаеву

О Ландау

Он родился в 1908 году в Баку в семье преуспевающего инженера-нефтяника. Читать и писать Леву научила мама, она рано заметила необыкновенные способности сына. Мальчик прекрасно учился, в двенадцать лет уже умел дифференцировать, в тринадцать — интегрировать, но потом, когда гимназию закрыли, Лев год сидел дома. Мать стала твердить сыну, что от безделья человек превращается в ничтожество, увядает. Ее слова возымели совсем не то действие, на которое она рассчитывала. Мальчик и без того страдал от насмешек сверстников, потому что был хил и слаб, а тут решил, что жизнь не удалась и лучше все это разом покончить. Он уже обдумывал, каким способом это сделать, когда ему в руки попал роман французского писателя Стендаля «Красное и черное». Эта книга буквально перевернула его жизнь. Он понял, что человек может стать настолько сильным, что в его власти будет решать свою судьбу.

Выучив, подобно своему герою Сорелю, наизусть страницу газетного текста, Лев решил впредь учить не нудные статьи, а стихи. Так родилась любовь к поэзии. В зрелые годы он часто декламировал своих любимых поэтов: по-видимому, стихи помогали ему отключаться от привычных дум. И все это способствовало развитию памяти. Льву достаточно было прочитать стихотворение три-четыре раза, и он запоминал его навсегда.

Окружающие заметили происшедшие в нем перемены. Они решили, что мальчик взрослеет. Никому и в голову не могло прийти, что он пережил. Постигание святых и вечных истин далось ему нелегко, он умел держать себя в узде. Ни в чем не давал спуску.

В четырнадцать лет Лев Ландау блестяще сдал вступительные экзамены в Бакинский университет. Он был самым молодым студентом. Но после первой же сессии заслужил уважительное отношение и однокурсников, и преподавателей, а спустя два года преподаватели посоветовали его матери перевести сына в Ленинград.

Шестнадцатилетним юношей Лев Ландау попал в северную столицу и очутился в центре студенческой жизни. За полгода до окончания университета была опубликована его первая научная работа, и вскоре в числе лучших молодых научных работников Лев Ландау был послан в длительную заграничную командировку для пополнения образования.

За границей Ландау много работал и приобрел известность в научных кругах. Ему не раз предлагали остаться работать в лучших европейских университетах, но он неизменно отвечал отказом: «Нет, я вернусь в свою рабочую страну, и мы создадим лучшую в мире науку». До тридцать седьмого года было еще далеко, и у молодого ученого были все основания гордиться своей родиной. У него появилось много друзей, он был приветлив, скромен.

Главное в Ландау — фантастическая работоспособность и научная честность. Разумеется, человек, претендующий на роль лидера в своей отрасли знаний, должен быть специалистом высокого уровня. В теоретической физике Ландау знал все. Было время, когда его ученики не всегда могли понять работы друг друга, он же понимал всех.

Представьте себе очень молодого преподавателя. На первой же лекции он заявил студентам: «Меня зовут Дау, я ненавижу, когда меня зовут Львом Давидовичем». Это не помешало ему стать одним из самых уважаемых лекторов. По окончании занятий его ожидала целая толпа студентов, он подолгу беседовал со своими учениками, отвечал на их вопросы.

Это было общение с людьми, без которого Ландау не мог жить. Недаром впоследствии, выводя свою формулу счастья, он сделает общение одной из трех составляющих счастливой жизни.

Ландау любили и уважали коллеги и ученики. При его энергии и силе внушения он умел растормошить человека, заставить его отбросить лень. Он пробуждал желание жить и работать. (535 слов)

По М. Бессараб

Размышляя о Вселенной

Мы живем в странной и замечательной Вселенной. Неординарное воображение требуется, чтобы оценить возраст ее, размеры, неистовство и даже красоту. Место, занимаемое людьми в этом безграничном космосе, может показаться ничтожным. И все же мы пытаемся понять, как устроен весь этот мир и как мы, люди, смотримся в нем.

Несколько десятилетий назад известный ученый выступал с публичной лекцией по астрономии. Он рассказал, что Земля обращается вокруг Солнца, а оно — вокруг звездной системы, называемой нашей Галактикой. В конце лекции маленькая пожилая леди, сидевшая в задних рядах, встала и заявила:

— Вы рассказали нам здесь полную ерунду. В действительности мир — это плоская плита, покоящаяся на спине гигантской черепахи.

Улыбнувшись с чувством превосходства, ученый спросил:

— А на чем стоит черепаха?

— Вы очень умный молодой человек, очень, — ответила старая леди. — Она стоит на другой черепахе, и так дальше, до бесконечности!

Сегодня большинство людей нашло бы довольно смешной такую картину Вселенной. Но что заставляет нас думать, будто мы знаем больше?

Забудьте на минуту то, что вы знаете о космосе. Вглядитесь в ночное небо. Чем представляются вам все эти светящиеся точки? Может, это крошечные огоньки? Нам трудно догадаться, чем они на самом деле являются.

Если вы часто наблюдаете за ночным небом, то, вероятно, замечали в сумерках над самым горизонтом ускользающую искорку света. Это Меркурий — планета, разительно отличающаяся от нашей собственной. Сутки на Меркурии длятся более полугода. На солнечной стороне температура зашкаливает за плюс четыреста, а глубокой ночью падает почти до минус двадцати.

Но как бы ни отличался Меркурий от нашей планеты, еще труднее вообразить обыкновенную звезду — колоссальное пекло, ежегодно сжигающее миллионы тонн вещества и разогретое в центре до десятков миллионов градусов.

Другая вещь, которая с трудом укладывается в голове, — это расстояния до планет и до звезд. Древние китайцы строили каменные башни, чтобы увидеть их поближе. Расстояния эти настолько велики, что нет смысла выражать их в привычных единицах — метрах или километрах. Вместо них используют световые годы (световой год — путь, который свет проходит за год). Ближайшая к нам звезда удалена примерно на четыре световых года. Это так далеко, что самый быстрый из проектируемых ныне космических кораблей летел бы к ней около десяти тысяч лет.

И еще в древности люди пытались постичь природу Вселенной,

но они не обладали возможностями, которые открывает совре-

менная наука, в частности математика. Сегодня мы располагаем мощными технологическими инструментами вроде компьютеров и телескопов. С их помощью ученые собрали воедино огромное количество сведений о космосе. Но что мы действительно знаем о Вселенной и как мы это узнали? Откуда она появилась? Имела

ли начало? Можно ли вернуться назад во времени? Недавние крупные физические открытия, сделанные отчасти благодаря новым технологиям, предлагают ответы на некоторые из этих давних вопросов. Возможно, когда-нибудь эти ответы станут столь же очевидными, как

обращение Земли вокруг Солнца, или, быть может, столь же курьезными, как башня из черепаш. |
Только время это покажет. (455 слов)

По Стивену Хокингу

[Как говорить?

Неряшливость в одежде — это прежде всего неуважение к окружающим вас людям, да и неуважение к самому себе. Дело не в том, чтобы быть одетым щегольски. В щегольской одежде |
есть, может быть, преувеличенное представление о собственной

элегантности, и по большей части щеголь стоит на грани смешного. Надо быть одетым чисто и опрятно, в том стиле, который больше всего вам идет, который соответствует вашему возрасту. Спортивная одежда не сделает старика спортсменом, если он не занимается спортом. «Профессорская» шляпа и черный строгий костюм невозможны на пляже или в лесу за сбором грибов.

А как расценивать отношение к языку, которым мы говорим? Язык ведь в большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе.

Есть разного рода неряшливости в языке человека. Если человек родился и живет вдали от города и говорит на своем диалекте, в этом никакой неряшливости нет. Диалекты часто бывают неиссякаемым источником обогащения русского литературного языка. Иное дело, если человек долго живет в городе, знает нормы литературного языка, а сохраняет формы и слова своей деревни. Это может быть оттого, что он считает их красивыми и гордится ими. Пусть он и окает, и сохраняет свою привычную напевность. В этом заключается гордость своей родиной — своим селом. Это вовсе не плохо, и человека это не унижает. Это так же красиво, как забытая сейчас косоворотка, но только на человеке, который ее носил с детства, привык к ней. Если же он надел ее, чтобы покрасоваться в ней, показать, что он истинно деревенский, то это и смешно, и цинично: мол, глядите, каков я, плевать я хотел на то, что живу в городе. Хочу быть непохожим на всех вас!

Бравирование грубостью в языке, как и бравирование грубостью в манерах, неряшеством в одежде, — распространенное явление, и оно в основном свидетельствует о психологической незащищенности человека, о его слабости, а вовсе не о силе. Говорящий стремится грубой шуткой, резким выражением, иронией, циничностью подавить в себе чувство страха, боязни, иногда просто опасения. Это происходит полусознательно, не говоря о том, что это признак невоспитанности, неинтеллигентности, и иногда и жестокости. В основе любых жаргонных, циничных выражений и ругани лежит слабость. «Плюющиеся словами» люди потому и демонстрируют свое презрение к тем жизненным явлениям, которые их травмируют, потому что эти явления их беспокоят, мучают, волнуют, и люди чувствуют себя слабыми, не защищенными против них.

По-настоящему сильный, здоровый и уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо.

Наш язык — это важнейшая часть нашего общего поведения в жизни. И по тому, как человек говорит, мы сразу и легко можем судить о том, с кем мы имеем дело: мы можем определить степень интеллигентности человека, степень его психологической уравновешенности, степень его возможной «закомплексованности».

Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно — прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. Но хоть и трудно — это надо. Наша речь —

важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она затягивает. (492 слова)

По Д. Лихачеву

О русской интеллигенции

Что такое интеллигенция? Как я ее вижу и понимаю? Понятие это чисто русское, и содержание его преимущественно ассоциативное, эмоциональное. Я пережил много исторических событий, насмотрелся чересчур много удивительного и поэтому могу говорить о русской интеллигенции, не давая ей точного определения, а лишь размышляя о тех ее лучших представителях, которые, с моей точки зрения, могут быть отнесены к разряду интеллигентов.

К интеллигенции, по моему жизненному опыту, принадлежат только люди свободные в своих убеждениях, не зависящие от принуждений экономических, партийных, государственных, не подчиняющиеся идеологическим обязательствам.

Не свободен интеллигентный человек только от своей совести и от своей мысли. Человек должен иметь право менять свои убеждения по серьезным причинам нравственного порядка. Если он меняет убеждения по соображениям выгоды, то это высшая безнравственность. Русская интеллигенция в целом выдержала испытание нашим смутным временем, и мой долг человека — свидетеля XX века — восстановить справедливое к ней отношение.

Какими высокими и мужественными интеллигентами были интеллигенты из потомственных дворян! Я часто вспоминаю Георгия Михайловича Осоргина, расстрелянного 28 октября 1929 года на Соловках. Он уже находился в камере смертников, когда к нему неожиданно для соловецких властей приехала жена, урожденная Голицына. Неожиданность произошла от полного беспорядка в тогдашних лагерях: власти на материке не знали, что по своему произволу предпринимали начальники на острове. Так или иначе, но под честное слово дворянина Осоргина выпустили из камеры смертников на свидание с женой, обязав не говорить ей, что его ожидает. И он выполнил свое обещание, данное палачам. Через год после краткого свидания Голицына уехала в Париж, не зная, что на следующий же день Георгий Михайлович был зверски расстрелян.

Или одноногий профессор баллистики Покровский, который сопротивлялся в Святых воротах и бил своей деревянной ногой конвоиров только для того, чтобы не быть послушным стадом.

Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор. Преклоняюсь перед русской интеллигенцией старшего, уже ушедшего поколения. Она выдержала испытания красного террора, начавшегося сразу же после пришествия к власти большевиков.

Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. О сопротивлении интеллигенции мы можем судить по тому, какие жестокие меры были против нее направлены, как разгонялся Петроградский университет, как реформировались программы в школах и высших учебных заведениях, как насаждалась политграмота. Детей интеллигенции вообще не принимали в вузы. И тем не менее в университетских городах возникали кружки самообразования. Петербургские профессора читали лекции на дому, издавали свои работы за собственный счет.

Два парохода понадобились осенью 1922 года, чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности.

Можно было бы привести пример сотен и тысяч ученых, художников, музыкантов, которые сохраняли свою духовную самостоятельность в науке и творчестве. За спинами главарей различного рода разоблачительных кампаний стояли толпы полузнаек, полуинтеллигентов, которые осуществляли террор, прихватывали себе ученые степени и академические звания на этом выгодном для них деле. Нет ничего опаснее полужначества. Полужнайки уверены, что они

знают все, и действуют нагло и бескомпромиссно. Сколько людей были выброшены этими полужайками на улицу!

Вопрос о нравственных основах интеллигентности очень важен. Совесть не только ангел-хранитель человеческой чести. Это рулевой его свободы, она заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, а указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни, особенно современной. (529 слов)

По Д. Лихачеву

Пифагор

Пифагор был великим математиком и мудрецом, но этого ему было мало. Он хотел быть пророком и полубогом.

О нем рассказывали чудеса. Белый орел слетал к нему с неба и позволял себя гладить. Переходя вброд реку Сирис, Пифагор сказал: «Здравствуй, Сирис!» И все слышали, как река прошумела в ответ: «Здравствуй, Пифагор!» В один и тот же полдень его видели в городе Кротоне и в городе Метапонте, хотя между Кротонем и Метапонтом была неделя пути. Он говорил: «Я не учу мудрости, я исцеляю от невежества». Он разговаривал с медведицей, и медведица с тех пор не трогала ничего живого; он разговаривал с быком, и бык с тех пор не касался бобов. Однажды на берегу моря он увидел рыбаков, которые тянули тяжелую сеть. Он им сказал: «В сети будет пятьсот восемнадцать рыб». Так и оказалось, и, пока рыб пересчитывали на сухом песке, ни одна из них не издохла.

Пифагор говорил, что после смерти душа человека переселяется в новое тело и начинает новую жизнь. Например, его душа была когда-то душой сына Гермеса.

Самое известное из открытий Пифагора — это, конечно, теорема о том, что в треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Повод для этого открытия был самый прозаический. Нужно было решить задачу, с которой сталкивается любой землемер или строитель: как по данному квадрату построить квадрат, вдвое больший? Пифагор решил ее. Нужно провести через данный квадрат диагональ и построить на ней квадрат, и он будет вдвое больше данного. А потом, разглядывая свой чертеж, он достиг и более общей формулировки теоремы. После этого он объявил, что сами боги подсказали ему это решение, и принес богам самую щедрую жертву, какую знало греческое благочестие, — стадо из ста голов скота.

У Пифагора было много учеников. Их учение продолжалось пятнадцать лет. Первые пять лет ученик должен был молчать: это приучало его к сосредоточенности. Вторые пять лет ученики могли только слушать речи учителя, но не видеть его. Пифагор говорил с ними ночью и из-за занавеси. Только последние пять лет ученики могли беседовать с учителем лицом к лицу.

Как и семь мудрецов, он давал наставления о том, как надо жить. Но у мудрецов все было сказано кратко и ясно, а Пифагор говорил загадочно и иносказательно. Что, например, могут значить такие заветы: «Что упало, не поднимай», «Не разламывай хлеба надвое», «Через весы не шагай»?

Некоторые отгадки сохранились. «Что упало, не поднимай» — это значит перед смертью не цепляйся за жизнь. «Не разламывай хлеба надвое» — не разрушай дружбы. «Через весы не шагни» — соблюдай меру во всем.

Самое же знаменитое его требование было — не есть бобов. Объяснений ему приводилось очень много: и потому, что это слишком насыщенная белками пища, и потому, что с виду они похожи на врата Аида, и потому, что они состоят из двух половинок, точно так же, как человек, у которого всего по два.

Из-за бобов Пифагор и погиб. Он жил в городе Кротоне в Ита-мпи, знать его почитала и училась у него, а народ ненавидел. 11 ротив Пифагора и его учеников вспыхнуло восстание. Пифагор Лежал, за ним гнались. Впереди было поле, засеянное бобами. 11 ифпгор остановился: «Лучше погибнуть, чем потоптать бобы». Лдееь его и убили.

Почему же Пифагор и его ученики так много занимались математикой? Почему потом Платон, многое перенявший от пифагорейцев, написал на дверях своей школы: «Не знающим геометрии вход воспрещен»? Потому что знание математики более всего приближает человека к богам. Если есть в мире законы, которым повинуются все на свете, то это прежде всего законы математические. (554 слова)

По М. Гаспарову

Эзоп

Эзоп был сочинителем басен. Считалось, что все басенные рассказы, которые потом на разный лад пересказывались в течение многих веков, впервые были придуманы Эзопом: и про волка и ягненка, и про лису и виноград, и про лягушек, просящих царя.

Эзоп сочинял басни потому, что он был раб и говорить прямо то, что он думал, было для него опасно. Это был его иносказательный, «эзоповский язык». А о том, каким он был рабом и что из этого получалось, в народе рассказывали множество веселых историй.

На острове Самос жил философ Ксанф. Много лет Эзоп был его рабом.

Устроил Ксанф угощение ученикам, послал Эзопа на рынок: «Купи нам всего лучшего, что есть на свете!» Пришли гости. Эзоп подает одни только языки — жареные, вареные, соленые. «Что это значит?» — спрашивают его. «А разве язык не самое лучшее на свете? Языком люди договариваются, устанавливают законы, рассуждают о мудрых вещах. Ничего нет лучше языка!» — «Тогда на завтра купи нам всего худшего, что есть на свете!» На следующее утро Эзоп опять подает одни только языки. «Что это значит?» — «А разве язык не самое худшее на свете? Языком люди обманывают друг друга, начинают споры, раздоры, войну. Ничего нет хуже языка!» Рассердился Ксанф, но придраться не мог.

Много раз просил Эзоп Ксанфа освободить его, а Ксанф не хотел. Но случилась на Самосе тревога: заседал перед народом государственный совет, а с неба налетел орел, схватил государственную печать, взмыл ввысь и оттуда уронил ее за пазуху рабу. Позвали Ксанфа истолковать знамение. Ксанф, по своему обычаю, говорит: «Это ниже моего философского достоинства, а вот есть у меня раб, он вам все растолкует». Вышел Эзоп и отвечает: «Растолковать могу, да не к лицу рабу давать советы свободным: освободите меня!» Освободил народ Эзопа. Эзоп говорит: «Орел — птица царская; очевидно, царь Крез решил покорить Самос и обратить его в рабство». Огорчился народ и отправил Эзопа к царю Крезу просить снисхождения. Щедрому царю умный раб понравился, с самосцами он помирился, а Эзопа сделал своим советником.

Долго еще жил Эзоп, сочинял басни, побывал и у вавилонского царя, и у египетского, и на пиру семи мудрецов. А погиб он в Дельфах. Посмотрел он, как живут дельфийцы, которые не сеют, не жнут, а кормятся от жертв, приносимых Аполлону всеми эллинами, и очень ему это не понравилось. Дельфийцы испугались, что он разнесет о них по свету дурную молву, и пошли на обман: подбросили ему в мешок золотую чашу из храма, а потом схватили, обвинили в краже и приговорили к смерти. Эзоп припал к алтарю Муз, но его оторвали и повели на казнь. Он сказал: «Не к добру вы обидели Муз! Так же вот спасался однажды заяц от орла и попросил помощи у навозного жука. Посмеялся орел над таким заступником и растерзал зайца. Жук стал мстить: высмотрел орлиное гнездо, вытолкнул оттуда орлиные яйца, а сам улетел. Где ни вил орел гнездо, всюду жук разбивал его яйца. Наконец положил их орел за пазуху к самому Зевсу. А жук скатал навозный ком, взлетел к Зевсу и тоже бросил его богу за пазуху; изомутился Зевс, вскочил, чтобы отряхнуться, и орлиные яйца упали и разбились. Пришлось Зевсу, чтобы не перевелся орлиный род, устроить так, чтобы орлы несли яйца в ту пору, когда жуки не летают. Не обижайте слабых, дельфийцы!»

Но дельфийцы не послушались и сбросили Эзопа со скалы. За это их город постигла чума, и еще долго пришлось им расплачиваться за Эзопову смерть. (546 слов)

По М. Гаспарову

Орфей и Эвридика

Орфей любил юную Эвридику, и сила этой любви не имела себе подобных. Однажды, гуляя по лугу, Эвридика нечаянно наступила на змею. Вскрикнула Эвридика и упала. Лицо девушки побледнело. Ясный лоб покрылся испариной, закатились светлые очи.

На крик прибежал Орфей и увидел свою невесту. Ударил певец по струнам кифары, но не открыла Эвридика глаз, не потянулась к нему, как прежде. Долго оплакивал Орфей любимую. И решил он спуститься в подземный мир, чтобы вернуть Эвридику и соединиться с нею. Ничего Орфей не взял с собой, кроме кифары и нераспустившейся веточки вербы.

Вышел он к берегам священного Стикса, за которым лежал мир мертвых. Вот и Харон. Но когда Орфей сделал шаг к ладье, то натолкнулся на весло, поставленное поперек. Старый лодочник знал свое дело, он сказал: «Царство мертвых не для живых. Явишься, когда придет твое время!»

Рванул певец струны кифары, и над царством вечного безмолвия зазвучала песня прекрасного верхнего мира. Опустил Харон свое весло и, опершись на него, прислушался к неведомым звукам. Не прекращая петь, вступил Орфей в ладью и вскоре оказался на другом берегу. Навстречу песне бежали толпы теней, а за ними гнался ужасный подземный пес Кербер. Услышав пение, Кербер замедлил свой бег и замер, как земная собака по знаку охотника.

Вот и трон великих владык подземного мира Аида и Персефоны. Остановившись перед ними, запел Орфей лучшую из своих песен — песню о любви. И пока пел, веточка вербы, которую он принес, распустилась. Из лопнувших почек показались зеленые листочки. Как упоителен запах свежей зелени, не ведающей смерти и тлена! Слезы навернулись на глаза Персефоны.

Замерла песня, и наступило глубокое молчание. И прозвучал в нем голос Аида:

— Что ты просишь, пришелец?

— Я пришел ради моей возлюбленной Эвридики, пребывающей в мире теней. Танат (Смерть) похитил ее у меня на заре любви. Тебе ли не знать, что все мы сюда придем. Вернется она под твою власть, и я явлюсь вместе с нею. На время прошу ее у тебя. Дай испытать Эвридике радость жизни.

— Пусть будет по-твоему, — молвил Аид. — Веди Эвридику в верхний мир. Она пойдет за тобой, а ты за Гермесом. Только помни: оглянешься — дар будет отнят.

Привел Гермес тень Эвридики. Бросился к ней певец, но бог, провожатый душ, его остановил.

— Имей терпение!

И двинулись они в путь. Миновали царство Аида. Харон их взял на ладью, и вот уже Стикс остался позади. Вверх поднималась крутая тропинка. Гермес шел впереди. Орфей за ним. Уже забрезжил свет. Волнение охватило Орфея. Не отстала ли Эвридика? Не осталась ли в царстве мертвых? Замедлил движение герой. Прислушался. Но тени ходят беззвучно. До верхнего мира оставалось несколько шагов, но не выдержал Орфей и оглянулся. Он ничего не увидел, но уловил легкое дуновение. Аид отнял свой дар. И сам Орфей был тому виной.

Снова к Стиксу спустился Орфей, надеясь вновь умолить подземных богов. Но милость дается лишь один раз. (459 слов)

По А. Немировскому

Национальная библиотека

Национальная библиотека Республики Беларусь была основана в 1922 году на базе фондов, созданных для Белорусского государственного университета. Через четыре года она была разделена на две отдельные библиотеки — Белорусскую государственную библиотеку и библиотеку БГУ.

До начала Великой Отечественной войны в библиотеке была собрана замечательная книжная коллекция. По количеству экземпляров и ценности изданий Белорусская государственная библиотека в то время входила в тридцатку лучших библиотек мира. Ее роскошная книжная коллекция была, к сожалению, безжалостно разграблена во время немецко-фашистской оккупации Минска в годы Великой Отечественной войны. После освобождения белорусской столицы в 1944 году библиотечные фонды пришлось создавать заново, однако многие ценные рукописи и старопечатные издания были безвозвратно утрачены.

Из года в год росло количество читателей самой лучшей и самой престижной библиотеки нашей страны. В конце концов старое здание стало непригодно для обслуживания девяноста тысяч читателей. Поэтому в республике был проведен конкурс на лучший проект нового здания библиотеки. Победителем стал проект М. Виноградова и В. Крамаренко — здание в виде хрустального алмаза, стоящего на подставке.

16 июня 2006 года библиотека открыла свои двери для читателей.

Рядом с библиотекой находится бронзовый памятник белорусскому первопечатнику Франциску Скорине. Просветитель стоит на гранитном постаменте, изображения на гранях которого напоминают о трех городах, связанных с его жизнью и творчеством: Полоцка, Падуи, Праги. Старинный Полоцк — родной город Скорины, где он появился на свет. В Падуе он учился в университете и получил степень доктора медицины. В Праге Скорина издал первую книгу на белорусском языке — «Псалтирь».

Высотная часть нового здания Национальной библиотеки Беларуси похожа на сияющий алмаз — драгоценный камень, символизирующий, с одной стороны, духовные и материальные ценности, хранящиеся в библиотеке, которые создавались и собирались человечеством тысячелетиями, с другой стороны — ценность знаний и бесконечность познаваемого мира. Вход в библиотеку напоминает открытую книгу, на страницах которой изображены этапы развития мировой, в том числе и славянской письменности.

«Алмаз» находится на главной транспортной магистрали столицы — проспекте Независимости. Здание библиотеки органично вписывается в городской пейзаж.

В Париже есть ракурс, «поймав» который можно поставить на ладонь Эйфелеву башню. Минчане не менее изобретательны. После возведения нового здания Национальной библиотеки, имеющего форму алмаза, нашлось немало желающих «поддержать» драгоценный камень на ладони. В вечернее время, когда из-за игры подсветки «Алмаз» превращается в красный рубин, зеленый изумруд, синий аметист, можно «насобирать» целую коллекцию необычных сокровищ. «Алмаз на ладони» можно «подарить» друзьям или любимой, а гостям Минска — «взять» с собой как незабываемое воспоминание о визите в белорусскую столицу.

Залы нового здания библиотеки рассчитаны на две тысячи мест и размещены на трех этажах. Светлые, комфортные, с видом на живописный парк, они предлагают все условия для плодотворной работы.

В оформлении интерьеров библиотеки много внимания уделено национальной символике. В качестве украшения использованы витражи, художественная роспись, металлокерамика, которые рассказывают о жизни и деятельности знаменитых белорусских просветителей: Ефросиньи

Полоцкой, Франциска Скорины и других, а также дают представление о развитии источников информации — от старинных рукописей до современных электронных носителей. (460 слов)

Из книги «Минск цветущий»

Иван Шамякин

Иван Шамякин — выдающийся писатель современности, чье имя широко известно за пределами Беларуси. Его произведения переведены более чем на тридцать языков мира, издавались многотысячными и миллионными тиражами.

Известным писатель стал после выхода в свет романа «Глубокое течение». Ивану Шамякину не было и тридцати лет, когда к нему пришла литературная слава. Более полувека писатель работал в национальной литературе. Начиная с послевоенного времени, он заметно обогащал духовный мир белорусской прозы, наращивал ее художественные возможности. Произведения мастера слова вызвали отклик у миллионов читателей у себя на Родине и за ее рубежами.

Жизнь Ивана Шамякина была чрезвычайно насыщенной. И ней всегда главное место, безусловно, занимало литературное творчество. Первые его произведения посвящены Великой Отечественной войне, которая существенно повлияла на формирование мировоззрения молодого писателя. Гуманистическое осмысление войны как всенародной трагедии нашло воплощение в романе «Глубокое течение», созданном на обширном жизненном материале. Он раскрыл весь драматизм военных событий, показал изломы человеческих судеб в условиях жесткого времени. Но вопреки суровым испытаниям простые белорусы оставались людьми, стремились сохранить свою истинную человеческую природу.

В повести «Огонь и снег» из пенталогии «Тревожное счастье», романе «Снежные зимы» и других произведениях, в которых писатель возвращается в военное прошлое, убедительно проводится мысль о духовной и нравственной силе человеческой личности.

Шамякина называют писателем современной темы. И это не случайно, поскольку он всегда был тесно связан с современностью, обществом и его социально-нравственными исканиями. На протяжении многих десятилетий Иван Шамякин был художественным летописцем народной судьбы, исследователем духовной жизни социума.

Конфликт в романе «Сердце на ладони», как и в других произведениях Ивана Шамякина, выносится в морально-этическую плоскость, приобретает острое гуманистическое звучание.

В некоторых своих произведениях Иван Шамякин соединил современность с военным прошлым с целью выяснить важные нравственно-философские моменты человеческого существования. Так, в основе романа «Возьму твою боль» лежит необычайно сложный гуманистический вопрос: есть ли оправдание злу? Писатель показывает, что память — трудное и ответственное бремя души.

События и потрясения девяностых годов XX века (перестройка, Чернобыль, распад СССР) вызвали в душе писателя взволнованные, тревожные чувства. Его художественная реакция была незамедлительной и быстрой, о чем свидетельствуют книги прозы «Драма», «Злая звезда», «Сатанинский тур», «Полесская мадонна».

Иван Шамякин видит жизнь, судьбу личности и народа, будущее общества «из глубины своего дня». В книгах прозы, вышедших за последнее десятилетие жизни и творчества писателя, предложена художественная концепция мира на основе четко сформулированной этической и гуманистической позиции автора.

К любому значимому явлению действительности, особенно негативному, писатель подходит, руководствуясь категориями совести и нравственности, самой высокой мерой — мерой человечности. Тревогой за судьбу народа, родного края наполнены страницы «Злой звезды» — первого романа в белорусской прозе, в котором отражена трагедия Чернобыля и ее последствия. Это произведение написано со страстной публицистичностью, ярко выраженным гуманистическим пафосом. То же самое можно сказать и о повести «Зона повышенной

радиации», посвященной чернобыльской теме. В ней Шамякин осмысливает сущность своей эпохи через судьбу конкретного человека, семьи. I [роизведение написано от первого лица. Это исповедь человека, который, пережив глубокие страдания, приходит к пониманию жизни как большой и непреходящей ценности.

Жить честно, по справедливости — вот нравственная основа, воплощенная писателем в его творчестве. (484 слова)

Из книги «Лауреаты премии Союзного государства»

Любите читать!

Каждый человек обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии. Это его обязанность перед обществом, в котором он живет, и перед самим собой. Основной, но, разумеется, не единственный способ своего интеллектуального развития — чтение.

Чтение не должно быть случайным. Это огромный расход времени, а время — величайшая ценность, которую нельзя тратить на пустяки. Чтение, для того чтобы оно было эффективным, должно интересовать читающего. Интерес к чтению вообще или по определенным отраслям культуры необходимо развивать в себе. Интерес может быть в значительной мере результатом воспитания.

Литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание — понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником к другим эпохам и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей. Одним словом, делает вас мудрыми. Но все это дается только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится и вы почувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать. Если первый раз прочли произведение невнимательно — читайте еще раз, в третий раз.

У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку, то посмеяться, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-либо другим. «Бескорыстному» чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были отсутствовать на уроках: то они рыли окопы под Ленинградом, то должны были помочь какой-либо фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой учитель отсутствовал, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя и радоваться предстоящему. Так мы прослушали многие места из «Войны и мира», «Капитанской дочки», былину о Добрыне Никитиче, басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда в детстве.

«Незаинтересованное», но интересное чтение — вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека.

Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все, потому что она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь.

Почему телевизор частично вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор заставляет вас не торопясь просмотреть какую-то передачу, сесть поудобнее, чтобы вам ничего не мешало, он вас отвлекает от забот, он вам диктует, как смотреть и что смотреть. Но постарайтесь выбирать книгу по своему вкусу, отвлекитесь на время от всего на свете тоже, сядьте с книгой поудобнее, и вы поймете, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи. Определите сами свой выбор, сообразуясь с тем, какую роль приобрела выбранная вами книга в истории человеческой культуры, чтобы стать классикой. Это значит, что в ней что-то существенное есть. А может быть, это существенное для культуры человечества окажется существенным и для вас?

Классическое произведение — то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может ответить на все вопросы сегодняшнего дня.

Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суетны. Суетность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, — свое время. (600 слов)

По Д. Лихачеву

Колокольный звон

Любила Русь колокольный звон. Уже в первой половине четырнадцатого века колокола делали в Москве и Новгороде.

Церковные колокола, звучавшие на десятки верст, были своеобразным эпическим оркестром, музыкой для всех, грандиозным музыкальным инструментом. Колокола звучали в дни торжеств и бед народных. Многие века колокольный звон сопровождал народную жизнь: оповещал о приближении врага, созывал ратников на битву, был криком о помощи во время бедствия, приветствовал победоносные полки, вносил в праздники веселье и торжественность.

Радостным мелодичным звоном встретила Москва воинов, возвратившихся с Куликова поля. Под колокольный звон проходили по Москве ополчения Минина и Пожарского, изгнавшие интервентов из столицы. Колокол созывал вольнолюбивых новгородцев на вече, на котором решались судьбы Отечества.

Колокола обычно изготавливались в пушечных мастерских. 11ушечных дел мастера лили преимущественно крупные колокола, а колокольники (была и такая специальность), как правило, отливали мелкие звоны и била. Литье колоколов и бил считалось почетным делом. Когда отливался большой колокол, то летописец заносил это событие в свою хронику, не забывая упомянуть и имя мастера литейного дела.

С колоколами были связаны самые различные поверья. Когда, например, приступали к литью крупного колокола, то нарочито распускали ложный слух. Надо было выдумать что-нибудь совершенно маловероятное, чтобы молва расходилась от села к селу, от города к городу. Считалось, что, чем дальше распространится слух, тем сильнее будет гудеть колокол.

Было дурной приметой, если колокол ночью позвонит сам по себе. Тот, кто услышит ночью звон, должен ждать для себя величайшего несчастья. Так, в Москве, в самом центре, висел набатный колокол, который в разговорной речи именовался всполошным. Все знали, что за колоколом числилась крамола. До тысяча четыреста семьдесят восьмого года он был вечевым колоколом Великого Новгорода, затем его отобрали у новгородцев, перевезли в Москву и перелили.

Но бывшему новгородцу мало пришлось послужить москвичам. В тысяча шестьсот восемьдесят первом году глухой ночью царь Федор Алексеевич вскочил в испуге: ему показалось, что всполошный колокол сам по себе позвонил. Разгневанный царь утром созвал ближайших бояр и держал совет. Колокол отправили в ссылку за тридевять земель, в глухую и лесистую Карелию. Так новгородский «бунтовщик» и не прижился в Москве.

О колоколах и колокольном звоне складывалось в народе множество остроумных притч, пословиц, поговорок, загадок и шуток. Колокол был, например, для деревенских жителей своего рода часами, возвещающими о начале дня. Поэтому в ходу была поговорка: первый звон — пропадай мой сон, второй звон — земной поклон, третий звон — из дому вон.

Иногда звонница с колоколами представлялась селянину неким ревушим чудищем, поэтому и говорили: стоит бык на горах о семи головах, ребра стучат, бока горят. О колокольных звонах повествовали метафорично: сидит петух на воротах, косы до полу, голос до неба.

На берегах озера Неро, между Москвой и Ярославлем, стоит Ростов Великий. Этому небольшому городу перевалило за тысячу лет. В этом городе вы себя чувствуете так, словно перенеслись в эпоху былинных богатырей.

Ростовский архитектурный ансамбль сложился в пору, когда здешним митрополитом стал энергичный деятель Иона Сысоевич, выходец из крестьян, одаренный могучей волей, честолюбивый, много повидавший на своем веку, начитанный, обладавший художественным вкусом. Иона Сысоевич затеял в Ростове огромное строительство.

Возникла необходимость в новом звоне, который настраивал бы слушателей на торжественный лад. Мастер Фрол Терентьев создал гигантский музыкальный инструмент, отличавшийся бодрой, радостной звуковой окраской.

Каждый заметный колокол в Ростове имеет свое имя: Большой Сысой, Лебедь, Голодарь, Красный... Более мелкие колокола безымянны. У каждого колокола — свои переливы, у каждого звона — свое назначение.

Народная музыка привлекала в Ростов людей со всей России. В середине прошлого века знаток акустики Аристарх Израилев сделал нотную запись ростовских звонов. (559 слов)

По Е. Осетрову

Сады и парки

Садово-парковое искусство — наиболее захватывающее и наиболее воздействующее на человека из всех искусств. Такое утверждение кажется на первый взгляд странным. С ним как будто бы трудно согласиться. Почему, в самом деле, садово-парковое искусство должно быть более действенным, чем поэзия, литература в целом, философия, театр, живопись? Но вдумайтесь беспристрастно и вспомните собственные впечатления от посещения наиболее дорогих нам всем исторических парков.

Парк окружает вас со всех сторон. Вы и парк обращены друг к другу, парк открывает вам все новые виды. Вас окружает тишина, и в тишине с особой остротой возникает шум весенней листвы вдали или шуршание опавших осенних листьев под ногами, слышится пение птиц или легкий треск сучка вблизи. Все чувства ваши раскрыты для восприятия впечатлений, и смена этих впечатлений создает особую симфонию красок, объемов, звучаний и даже ощущений, которые приносит вам воздух, ветер, туман, роса.

Сады и парки — это тот важный рубеж, на котором объединяются человек и природа. Нет ничего более захватывающего, увлекающего, волнующего, чем вносить человеческое в природу, а природу торжественно, «за руку» вводить в человеческое общество: смотрите, любуйтесь, радуйтесь.

Есть и еще одна сфера, которую человеку дарит по преимуществу парк или даже только парк. Это сфера исторического времени, сфера воспоминаний и поэтических ассоциаций.

Исторические воспоминания и поэтические ассоциации — это и есть то, что больше всего очеловечивает природу в парках и садах, что составляет их суть и особенность. Парки ценны не только тем, что в них есть, но и тем, что в них было. Временная перспектива, которая открывается в них, не менее важна, чем перспектива зрительная.

Отношение к прошлому может быть двух родов: как к некоторому зрелищу, театру, представлению, декорации и как к документу. Первое отношение стремится воспроизвести прошлое, возродить его зрительный образ. Второе стремится сохранить прошлое хотя бы в его частичных остатках. Первое отношение к прошлому требует вырубить в аллее старые деревья и насадить новые: так аллея выглядела. Второе отношение сложнее: сохранить все старые деревья, продлить им жизнь и подсадить к ним на места погибших молодые. Две-три старые дуплистые липы среди сотни молодых будут свидетельствовать: это та самая аллея — вот они, старожилы. А о молодых деревьях не надо заботиться: они растут быстро, и скоро аллея приобретет прежний вид.

Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек — носитель прошлого и носитель национального характера. Человек — часть общества и часть его истории.

Культура прошлого и настоящего тоже сад и парк. Недаром «золотой век», «золотое детство» человечества — средневековый рай — всегда ассоциировались с садом. Сад — это идеальная культура, культура, в которой облагороженная природа идеально слита с добрым в ней человеком.

Не случайно Достоевский мечтал превратить самые значные места Петербурга в сад. Самый светлый эпизод «Идиота» Достоевского — свидание князя Мышкина и Аглаи — совершается в Павловском парке утром. Это свидание нигде в ином месте и не могло произойти. Именно для этого свидания нужен Достоевскому Павловск. Вся эта сцена как бы вплетена в приветливый пейзаж Павловска.

Самый счастливый момент в жизни Обломова — его объяснение в любви — также совершается в саду.

В «Капитанской дочке» у Пушкина радостное завершение хлопот Маши Мироновой также происходит именно в «лорре-новской» части Екатерининского парка. Именно там, а не в дворцовых помещениях оно только и могло совершиться. (508 слов)

По Д. Лихачеву

О русской литературе

Литература всегда вторгалась в жизнь, а жизнь — в литературу, и это определяло характер русского реализма. Подобно тому как древнерусское повествование пытается рассказывать о реально бывшем, так и в новое время Достоевский заставляет действовать своих героев в реальной обстановке Петербурга или провинциального города, в котором он сам жил. Тургенев пишет свои «Записки охотника» к реальным случаям. Гоголь объединяет свой романтизм с самым мелочным натурализмом.

Особенности эти переходят и в литературу советского и постсоветского периода. И эта конкретность только усиливает нравственную сторону литературы — ее учительный и разоблачительный характер. В ней не ощущается прочности быта, уклада, строя. Действительность постоянно вызывает нравственную неудовлетворенность, стремление к лучшему в будущем.

Литература, созданная русским народом, — это не только его богатство, но и нравственная сила. Она помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых он оказывался. К этому нравственному началу мы всегда можем обращаться за духовной помощью.

Русская литература как бы сжимает настоящее между прошлым и будущим. Неудовлетворенность настоящим составляет одну из основных черт русской литературы, которая сближает (*(> с народной мыслью, типичными для русского народа поисками счастливого царства, где нет притеснения начальников п помещиков.

Сами писатели не уживались на одном месте. Постоянно был в дороге Гоголь, много ездил Пушкин. Даже Лев Толстой, казалось бы, обретший постоянное место жизни в Ясной Поляне, уходит из дома и умирает. Затем Горький...

Говоря о тех огромных ценностях, которыми русский народ владеет, я не хочу сказать, что подобных ценностей нет у других народов. Но ценности русской литературы своеобразны в том отношении, что их художественная сила лежит в тесной связи ее с нравственными ценностями. Русская литература — совесть русского народа. Она носит при этом открытый характер по отношению к другим литературам человечества. Она теснейшим образом связана с жизнью, с действительностью, с осознанием ценности человека самого по себе.

Русская литература (проза, поэзия, драматургия) — это и русская философия, и русская особенность творческого самовыражения, и русская всечеловечность.

Русская классическая литература — это наша надежда, неисчерпаемый источник нравственных сил наших народов. Пока русская классическая литература доступна, пока она печатается, библиотеки работают и для всех раскрыты, в русском народе будут всегда силы для нравственного самоочищения.

Место русской культуры определяется ее многообразнейши-ми связями с культурами многих и многих других народов Запада и Востока. Об этих связях можно было бы говорить и писать без конца. И какие бы ни были трагические разрывы в этих связях, какие бы ни были злоупотребления связями, все же именно связи — самое ценное в том положении, которое заняла русская культура (именно культура, а не бескультурие) в окружающем мире.

Значение русской культуры определялось ее нравственной позицией в национальном вопросе, в ее мировоззренческих исканиях, в ее неудовлетворенности настоящим, в жгучих муках совести и поисках счастливого будущего, пусть иногда ложных, лицемерных, оправдывающих любые средства, но все же не терпящих самоуспокоенности.

Русская культура иная по типу, чем культуры Запада. Это касается прежде всего Древней Руси, и особенно ее XIII—XVII веков. В России были всегда отчетливо развиты искусства. Игорь

Габарь считал, что зодчество Древней Руси не уступало западному. Уже в его время, то есть в первой половине XX века, было ясно, что не уступает Русь и в живописи, будь то иконопись или

фрески. Сейчас к этому списку искусств, в которых Русь никак не уступает другим культурам, можно прибавить музыку, фольклор, летописание, близкую к фольклору древнюю литературу. (527 слов)

По Д. Лихачеву

Царь-колокол и Царь-пушка

Есть несколько олицетворений Москвы, таких, как, скажем, бронзовая четверка несущихся коней и правящий ею Аполлон — знаменитая квадрига, украшающая Большой театр, или Останкинская башня. Но, пожалуй, даже более известны такие столичные долгожители, как Царь-колокол и Царь-пушка. Без их изображения не обходится ни один путеводитель по Москве, их всегда увидишь на открытках, марках, виньетках. Кремлевские ветераны не только свидетели многостолетних событий. У них богатая родословная, с ними связаны имена государственных деятелей, умельцев, воинов и дипломатов.

Царь-пушка водружена на лафет, украшенный львиной головой. Рядом — чугунные ядра неимоверной тяжести. Почему длинноствольное орудие прозвали Царь-пушкой? Есть разные толкования. В народной речи, в разговоре необыкновенное, заметно выделяющееся — величиной, весом, значением — принято именовать так: царь-рыба, царь-дерево, царь-девица. Неудивительно, что и крупнейшее артиллерийское чудо Древней Руси именовали Царь-пушкой. Историки доказывают, что прозвание пушка получила потому, что на ней, на правой стороне дульной части, изображен царь Федор Иванович, едущий на коне. Одно не исключает другое.

На орудии имеется надпись, гласящая: «Делал пушку пушечной литец Ондрий Чохов». Случилось это в 1586 году. Андрей Чохов был знаменитым мастером, вызванным в Москву из Муром на Оке. Андрей Чохов мастер был отменный. Крепость и раньше видела богатырские орудия, но никогда еще на холме не стояла пушка весом около сорока тонн, длиною почти пять с половиной метров, а диаметр дула составлял чуть ли не метр.

Долгое время считали, что Царь-пушка — это своего рода декорация, отлитая для устрашения. Подробное изучение показало, что орудие предназначалось для стрельбы. Стояла Царь-пушка не в Кремле, а в Китай-городе, хотя утверждают, что из орудия не было сделано ни одного выстрела. Ныне пушка покоится на новом станке, и ядра, лежащие возле нее, декоративные.

Немногие знают, что у Царь-пушки есть младший брат — пушка «Царь Ахиллес», отлитая также Андреем Чоховым. Название примечательно: значит, в Москве издавна знали быстрого и непобедимого героя, как и других гомеровских героев Троянской войны. «Ахиллес» немного уступает по размеру и весу Царь-пушке.

Царь-пушка — знаменитейшее, но не единственное древнее орудие холма над Москвой-рекой. И поныне стоят на Троицкой площади медные «боги войны». Их ревностно почитали в старину, давая им причудливые наименования. Есть отлитые Андреем Чоховым «Троил» и «Аспид». Троил — Троянский царь, Аспид — крылатый змей с двумя хоботами и клювом. Есть «Единорог», отлитый в семнадцатом веке и украшенный затейливыми медными травами. Наши пращурь называли единорогом фантастического однорогого коня, в честь которого названо и небесное созвездие.

Царь-колокол не менее знаменит, чем Царь-пушка. Отливал Царь-колокол Иван Моторин, знаменитый московский литейщик, с сыном Михаилом в 1733—1735 годах. В мире нет колокола, который превосходил бы Царь-колокол по весу.

Было это в 1737 году. Отлитый колокол-гигант находился в яме, на строительных лесах. Приключился пожар, объявший Кремлевский холм. Плающие головни летели в Москву-реку. В этой огненной суматохе была сделана попытка спасти музыкального титана. Воду лили усердно, раскаленный металл треснул, и выпал кусок двухметровой высоты.

Колокола — грандиозный оркестр под открытым небом, концерт для всех. Древняя Русь складывала песни, поговорки, изречения о колокольном звоне. Стозвучные голоса колоколен встречали воинов из походов и провожали их в дальний путь. На звон колокола шли в ночи путники и возвращавшиеся с охоты. Искусство звонаря ценилось необыкновенно высоко.

И Царь-пушка и Царь-колокол напоминают нам об умельцах старинных, чьи золотые руки вызывают восхищение. (512 слов)

По Е. Осетрову

Барбос и Жулька

Барбос был невелик ростом, но приземист и широкогруд. Благодаря длинной, чуть-чуть вьющейся шерсти в нем замечалось отдаленное сходство с белым пуделем, но только с пуделем, к которому никогда не прикасались ни мыло, ни гребень, ни ножницы. Летом он постоянно с головы до конца хвоста бывал унизан колючими «репьями», осенью же клоки шерсти на его ногах, животе, извалявшись в грязи и потом высохнув, превращались в сотни коричневых болтающихся сталактитов. Таких собак, как он, искони и всюду зовут Барбосами. Эти собаки происходят от простых дворняжек и овчарок. Они отличаются верностью, независимым характером и тонким слухом.

Жулька также принадлежала к очень распространенной породе маленьких тонконогих собачек с гладкой черной шерстью и желтыми подпалинами над бровями и на груди. Основной чертой ее характера была деликатная, почти застенчивая вежливость. К доброму человеку она подходила со смелой доверчивостью, опиралась на его колено своими передними лапками и нежно протягивала мордочку, требуя ласки. Деликатность ее выражалась в манере есть. Она никогда не попрошайничала, наоборот, ее всегда приходилось упрашивать, чтобы она взяла косточку. Если же к ней во время еды подходила другая собака, Жулька скромно отходила в сторону.

Конечно, Жулька единогласно признавалась комнатной собачкой. Что касается до Барбоса, то очень часто приходилось его отстаивать от справедливого гнева и пожизненного изгнания во двор. Во-первых, он имел весьма смутные понятия о праве собственности. Этому разбойнику ничего не стоило стрескать в один присест добрую половину жареного пасхального индюка, воспитанного с особенною любовью и откормленного одними орехами, или улечься, только что выскочив из глубокой и грязной лужи, на праздничное, белое, как снег, покрывало.

Летом к нему относились снисходительно, и он обыкновенно лежал на подоконнике раскрытого окна в позе спящего льва, уткнув морду между вытянутыми передними лапами. Однако он не спал: это замечалось по его бровям, все время не перестававшим двигаться. Барбос ждал... Едва только на улице против нашего дома показывалась собачья фигура, Барбос стремитель - но несся на дерзкого нарушителя территориальных законов. Он твердо памятовал великий закон всех единоборств и сражений: бей первый, если не хочешь быть битым. Поэтому он наотрез отказывался от всяких принятых в собачьем мире дипломатических приемов: предварительного взаимного обнюхивания, угрожающего рычания, завивания хвоста кольцом и так далее.

Барбос, как молния, настигал соперника, грудью сшибал его с ног и начинал грызню. В течение нескольких минут среди густого столба коричневой пыли барахтались, сплетаясь клубком, два собачьих тела. Наконец Барбос одерживал победу. Когда враг обращался в бегство, поджимая хвост между ногами, визжа и трусливо оглядываясь назад, Барбос с гордым видом возвращался на свой пост на подоконник. Иногда при этом триумфальном шествии он сильно прихрамывал, а уши его украшались лишними фестонами, но, вероятно, тем слаще казались ему победные лавры.

Между ним и Жулькой царствовало редкое согласие и самая нежная любовь. Может быть, втайне Жулька осуждала своего друга за буйный нрав и дурные манеры, но явно она никогда этого не высказывала. Она даже и тогда сдерживала свое неудовольствие, когда Барбос, проглотив в несколько приемов свой завтрак, нагло облизываясь, подходил к Жулькиной миске и засовывал в нее свою мокрую мохнатую морду.

Вечером, когда солнце жгло не так сильно, обе собаки любили поиграть и повозиться на дворе. Они то бегали одна от другой, то устраивали засады, то с притворно-сердитым рычанием делали вид, что ожесточенно грызутся между собой. (522 слова)

По А. Куприну

Памяти Чехова

Ялтинская дача Чехова стояла почти за городом, глубоко под белой и пыльной дорогой. Она была, пожалуй, самым оригинальным зданием в Ялте. Дача была белая, чистая, легкая, красиво несимметричная, построенная вне какого-нибудь определенного архитектурного стиля, с вышкой в виде башни, с неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и с открытой террасой вверх. Она походила бы на здания в стиле модерн, если бы в ее плане не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкус.

Дача стояла в углу сада, окруженная цветником. Цветник был маленький, а фруктовый сад еще очень молодой. Росли в нем груши и яблони-дички, абрикосы, персики, миндаль. М последние годы сад уже начал приносить кое-какие плоды, доставляя Антону Павловичу много забот и трогательного, какого-то детского удовольствия.

Когда наступало время сбора миндальных орехов, то их снимали и в чеховском саду. Лежали они обыкновенно маленькой горкой в гостиной на подоконнике, и, кажется, ни у кого не хватало жестокости брать их, хотя их и предлагали.

Антон Павлович не любил и немного сердился, когда ему говорили, что его дача слишком мало защищена от пыли, летящей с шоссе, и что сад плохо снабжен водой. Не любя вообще Крыма, а в особенности Ялты, он с особенной, ревнивой любовью относился к своему саду. Многие видели, как он иногда по утрам, сидя на корточках, заботливо обмазывал серой стволы роз или выдергивал сорные травы из клумб.

Но не чувство собственника сказывалось в этой хлопотливой любви, а другое, более мощное и мудрое сознание. Как часто говорил он, глядя на свой сад прищуренными глазами:

— Послушайте, при мне здесь посажено каждое дерево, и, конечно, мне это дорого. Но и не это важно. Ведь здесь же до меня был пустырь и нелепые овраги, все в камнях и в чертополохе. А я вот пришел и сделал из этой дичи культурное, красивое место.

Мысль о красоте грядущей жизни, так ласково, печально и прекрасно отзывавшаяся во всех его последних произведениях, была и в жизни одной из самых его задушевных, наиболее лелеемых мыслей. Как часто, должно быть, думал он о будущем счастье человечества, когда по утрам один молчаливо подрезывал свои розы, еще влажные от росы, или внимательно осматривал раненный ветром молодой побег. И сколько было в этой мысли кроткого, мудрого и покорного самозабвения!

Это была тоска исключительно тонкой, прелестной и чувствительной души, непомерно страдавшей от пошлости, грубости, скуки, праздности, насилия, дикости.

Вся сумма его большого и тяжелого житейского опыта, все его огорчения, скорби, радости и разочарования выразились в этой прекрасной, тоскливой, самоотверженной мечте о грядущем, близком, хотя и чужом счастье.

— Как хороша будет жизнь через триста лет!

И потому-то он с одинаковой любовью ухаживал за цветами, точно видя в них символ будущей красоты, и следил за новыми путями, пролагаемыми человеческим умом и знанием. Он с удовольствием глядел на новые здания оригинальной постройки и на большие морские пароходы, живо интересовался всяким последним изобретением в области техники и не скучал в обществе специалистов. Он с твердым убеждением говорил о том, что преступления становятся все реже, почти исчезают в настоящем интеллигентном обществе, в среде учителей, докторов, писателей. Он верил в то, что истинная культура облагораживает человечество.

Рассказывая о чеховском саде, я позабыл упомянуть, что посредине его стояли качели и деревянная скамейка. И то и другое осталось от «Дяди Вани», с которым Художественный театр

приезжал в Ялту, приезжал, кажется, с одной целью — показать больному тогда Антону Павловичу постановку его пьесы. Эти прекрасные артисты своей исключительной деликатной чуткостью к чеховскому таланту и дружной преданностью ему самому много скрасили последние дни незабвенного художника. (564 слова)

По А. Куприну

Полевые цветы

Утренняя роса лежала серебристым ковром, покрывая все бескрайнее поле разноцветных цветов. И все цветы блистали в это утро особенно ярко. Тут были все цвета радуги.

Свет, излучаемый как будто самими цветами, казался мягким и свежим. Если смотреть на все это поле, полное чудесной тайны природы, то начинаешь понимать, о чем думали философы и литераторы древности.

В воздухе уже начинали кружить суетливые пчелы, еще сильно заспанные, но уже деловитые. Они собирали последний урожай в это лето.

Я стоял и смотрел. А потом, не выдержав, просто лег на траву, широко раскинув руки. Моя рубашка сразу промокла до последней нитки. Но это была мелочь по сравнению со всей этой красотой, которую можно встретить только здесь, на Земле, и нигде более во вселенной. Мне показалось, что я лег в ванну, наполненную запахами цветов, травы и земли. А со всех сторон меня окружили цветы. Их простой и незатейливый вид перенес меня сразу в мир мечтаний. А запах закружил голову в водовороте удовольствия. Несмотря на то что я промок, я получал истинное удовольствие, которое испытывали мои далекие предки.

Небо было еще серым, а роса холодной. Цветы склонили надо мной свои разноцветные головки, одетые в серебристые капельки росы. И казалось, говорили: «Посмотри на нас! Мы сегодня надели лучшие наряды, как будто созданные для того, чтобы ими наслаждаться».

Удивительно, все, что создавали художники, писатели и просто обыватели, не могло передать всей полноты мира цветов. Сколько ни изображали их люди, эти простые дикие полевые цветы всегда были верхом совершенства. Художники не могли передать всю их красоту и цвет. Чтобы в полной мере насладиться этой красотой, нужно быть здесь. Здесь, когда солнце только поднимается, когда нет еще безжалостной жары, когда утренняя прохлада дарит тебе ощущение безмятежности, легкости и бодрости.

Я встал, поскольку эта простая красота, которая замерла и совершенстве цветов, уводила меня в свой мир. Их запахи, источаемые сотнями бутонов, меня усыпляли. Я поднялся как будто из рая. И огляделся. В цветах промелькнул соловей, который спешил по своим важным делам. А пчелы уже начали собирать нектар. Солнце уже почти поднялось, а облака создавали из света неповторимые узоры в небе, которые расстилались по полю столбами света. Я стоял на этом поле в окружении земной красоты, созданной природой. Я буквально чувствовал, как красота цветов заряжает меня энергией жизни.

Или просто я, живущий в современном городе, где природа была культивирована и загнана в клетку, истосковался по жизни, по чистому воздуху и настоящему небу, не отравленному выхлопами автомобилей и бытовой химии.

Незабудки и васильки кивали мне своими отяжелевшими от [юсы головками, как бы подтверждая мои мысли. Я не мог оставаться тут. Хотя у меня и было неодолимое желание остаться здесь навсегда и слушать эти звуки настоящей жизни, жизни, не закованной в металл и пластик. Но мне надо было идти назад. Мне очень хотелось унести хоть капельку этих прекрасных цветов с собой. И я, мысленно движимый самыми древними инстинктами, извинился перед цветами и аккуратно, чтобы не сделать цветам лишней боли, начал набирать их в свои мокрые от росы руки.

Находясь уже в современном городе, наполненном людьми и всеми благами цивилизации, я подарил своей любимой частичку того, что смог унести с того поля, — живые полевые цветы с еще не высохшей росой и свежестью настоящей жизни. (521 слово)

По А. Наумову

Федор Иванович Тютчев

Тютчев — один из самых замечательных русских людей. Жить — значило для него мыслить. И с первым, еще слабым возвратом сил его мысль задвигалась, заиграла и засверкала, как бы тешась своей живучестью.

Всю жизнь он действительно тешился сверкающей игрой своего ума, гнался за ясностью мысли, за ее стройностью. Но своего истинного и исключительного величия достигал, когда внезапно открывалось ему то, чего «умом не понять».

В ту пору, когда сам Тютчев еще не был «открыт», составители хрестоматий рекомендовали его как «выдающегося описателя природы» >. Но для того чтобы понимать его как «описателя», приходилось в его стихах не замечать главного, проходить мимо того, что лежало под кажущейся поверхностью описания. Иногда поступали с варварской наивностью: просто зачеркивали то, что было истинным предметом стихотворения и для чего «картина природы» служила только мотивировкой или подготовкой.

Так, знаменитое стихотворение «Люблю грозу в начале мая» сплошь и рядом печаталось без последней строфы, важнейшей для тютчевского замысла, но лишней для любителей описательства.

Тютчев никогда не падает до описательства, никогда не предается констатации явлений. Ищущим описаний он говорит прямо: «Не то, что мните вы, природа — // Не слепок, не бездушный лик. // В ней есть душа, в ней есть свобода, // В ней есть любовь, в ней есть язык».

Только ради того, чтобы услышать этот язык, как «голос матери самой», обращается он к природе.

В мире сменяется день и ночь. Но для Тютчева не ночь покрывает природу, а, наоборот, день есть «златотканый покров», наброшенный над «безымянной бездной». Природа только узор этого тканья. Настает ночь, и благодатный успокоительный покров исчезает, бездна под ним обнажается «со своими страхами и мглами».

Изоощренный слух и изоощренное зрение приводят Тютчева к одному: к нарушению «созвучья полного в природе», к обнажению бездны, родины всего сущего. И ночь, и «ветр ночной» равно страшны тем, что они уничтожают преграду меж человеком и этой бездной.

Но вот вопрос: где же благо? В гармонии природы или в лежащем под нею Хаосе? В «покрове» или в «бездне»? Только ли день обольщает и утешает своим обманом, или он есть истинное прибежище? Нахождение человека в природе — есть ли это изгнание из Хаоса или спасение от него? И, наконец, что такое тоска по Хаосу: возвышение или падение?

Тютчев ответа не нашел. Он чувствовал себя навсегда раздвоенным. Вещая душа его вечно билась «на пороге как бы двойного бытия». Несомненно было одно для него, что человек не прикреплен до конца ни к тому, ни к другому. Страстное желание слиться с природой, благословить ее всю чередовалось с неутолимой и нескрываемою тоской по родине.

Тютчев боялся этого, а все-таки для него не было ничего упоительнее прикосновения к Хаосу, хотя бы ценой собственного уничтожения. Он поклонялся природе и чувствовал себя в ней | сиротой бездомным».

От неясных, мучительных, но все же, по его собственному гордому признанию, пророческих снов находил он прибежище не в философском преодолении и не в лирическом изживании разлада, но в религиозном возвышении над ним.

Он всю жизнь философствовал. Но мысль была для него тоже «златотканым покрывалом» над бездной пророческих снов подавляющего, но величественного беспамятства, духовного Хаоса.

Оттуда к нему доносились любимые голоса непостижимого, невыразимого. Любил темную, хаотическую природу души. Не страшился любить само зло за то, что оно таинственно и незримо разлито во всем. (518 слов)

По В. Ходасевичу

О Горьком

Большая часть моего общения с Горьким протекла в обстановке почти деревенской, когда природный характер человека не заслонен обстоятельствами городской жизни.

День его начинался рано: он вставал часов в восемь утра и, выпив кофе и проглотив два сырых яйца, работал без перерыва до часу дня. В час полагался обед, который с послеобеденными разговорами растягивался часа на полтора. После этого Горького начинали вытаскивать на прогулку, от которой он всячески уклонялся. После прогулки он снова кидался к письменному столу часов до семи вечера. Стол всегда был большой, просторный, и на нем в идеальном порядке были разложены письменные принадлежности. Алексей Максимович был любитель хорошей бумаги, разноцветных карандашей, новых перьев и ручек.

Часы от прогулки до ужина уходили по большей части на корреспонденцию и на чтение рукописей, которые присылались ему в несметном количестве. На все письма, кроме самых нелепых, он отвечал немедленно. Все присылаемые рукописи и книги, порой многотомные, он прочитывал с поразительным вниманием и свои мнения излагал в подробнейших письмах к авторам. На рукописях он не только делал пометки, но и тщательно исправлял красным карандашом описки и расставлял пропущенные знаки препинания. Так же поступал он и с книгами: с напрасным упорством усерднейшего корректора исправлял в них все опечатки. Случалось, что он то же самое делал с газетами, после чего их тотчас выбрасывал.

Часов в семь бывал ужин, а затем — чай и общий разговор.

Около полуночи он уходил к себе и либо писал, облачаясь в свой красный халат, либо читал в постели, которая всегда у него была проста и опрятна как-то по-больничному. Спал он мяло и за работу проводил в сутки часов десять, а то и больше. Ленивых он не любил и имел на то право.

На своем веку он прочел колоссальное количество книг и запомнил все, что в них было написано. Память у него была изумительная.

От нижегородского цехового Алексея Пешкова, учившегося мп медные деньги, до Максима Горького, писателя с мировой известностью, — огромное расстояние, которое говорит само за себя, как бы ни расценивать талант Горького. Казалось бы, сознание достигнутого, да еще в соединении с постоянной памятью о «биографии», должно было дурно повлиять на него. Этого не случилось. В отличие от очень многих он не гонялся за славой » не томился заботой о ее поддержании; он не пугался критики, так же как не испытывал радости от похвалы любого глупца или невежды; он не страдал чванством и не разыгрывал, как многие знаменитости, избалованного ребенка. Я не видал человека, который носил бы свою славу с большим умением и благородством, чем Горький.

Философствуя и резонируя за своих героев, Горький в сильнейшей степени наделял их мечтою о лучшей жизни, то есть об искомой нравственно-социальной правде, которая должна надо всем воссиять и все устроить во благо человечества. В чем заключается эта правда, горьковские герои поначалу еще не знали, как не знал и он сам. Вся его жизнь пронизана острой жалостью к человеку, судьба которого казалась ему безвыходной. Единственное спасение человека он видел в творческой энергии, которая немыслима без непрестанного преодоления действительности — надеждой. Способность человека осуществить надежду ценил он невысоко, но сама эта способность к мечте, дар мечты приводили его в восторг и трепет. Создание какой бы то ни было мечты, способной увлечь человечество, он считал истинным признаком гениальности, а поддержание этой мечты — делом великого человеколюбия. (527 слов)

По В. Ходасевичу

«Надежда»

Есть несравненная прелесть в этих осенних днях, серых и прохладных, когда, возвращаясь из города на дачу, встречаешь только одних ломовых, нагруженных мебелью запоздавших дачников.

Уже прошли сентябрьские ливни, переулки между садами стали грязны, сады желтеют и редеют, до весны остаются наедине с морем. Вдоль дороги, среди садовых оград и решеток, только и видишь закрытые фруктовые лавки, будки, где продавали летом воды. По всему пути, от дорогих вилл и до выбеленных известкой домишек на отдаленном каменистом побережье, видишь раскрытые балконы, увитые длинными сухими ветвями дикого винограда, закрытые ставни, наглухо забитые двери, завернутые в рогожу нежные южные растения. И чем дальше от города, тем все тише, безлюдней.

Паровик ходит уже редко, и требовательные свистки его на остановках далеко отдаются в чистый воздух. Шагаешь вдоль пути между садами и слушаешь. Вот паровик где-то остановился и два раза жалобно и гулко крикнул, но где, близко или далеко, не скажешь. Свисток похож на эхо, эхо на свисток, а замерло то и другое, растаял удаляющийся шум за садами — и опять ничем не нарушаемая тишина. Не спеша шагаешь по шпалам, сердце бьется ровно, идти и дышать осенней прохладой легко и сладко. Остаться бы тут до весны, слушать по ночам шум бушующего в темноте моря, бродить по целым дням на обрывах!

Мы шли и заглядывали в аллеи, любуясь старыми мраморными статуями среди цветников и деревьев, желтыми листьями, которые покрывали садовые дорожки и ступени балконов. День был серый и спокойный, прохладный, в свежем воздухе сыро и крепко пахло морем. Море выглядывало то там, то здесь из-за кустов и деревьев, оно наполняло своим присутствием всю окрестность, его свобода и дыхание чувствовались все время и всюду. Мы шли, а воздушно-голубое море все шире открывалось то там, то здесь за деревьями и красными черепичными крышами дач на обрывах. И как раз в то время, когда мы дошли до того места, где сады вдруг расступаются, где всегда внезапно останавливаешься, пораженный простором далей, почти на черте горизонта увидали мы паруса «Надежды».

В море был штиль, и оно разворачивалось безграничной равниной нежно-зеленой, отчасти сиреневой стали, которая смелым и вольным полукругом касалась вдали неба. «Надежда» < как ска* ночная плавучая колокольня, четко серела на той зыбкой грани, где море касалось неба. Она была одна и необыкновенно подчеркивала эту ровную ширь, во всей полноте воскресшая своими парусами поэзию старого моря. Летом судно вернулось из Австралии, и мы встретили его, как друга, смотрели на него, как на живое. (Сколько стран и морей видело оно, сколько океанских волн омывало его острую, высокую грудь! Гавань была переполнена судами, но все это были тяжелые и неуклюжие пароходы, дымившие черными приземистыми трубами, нагруженные черепицей, железом, хлебом, бочками, по целым дням грохотавшие лебедками. Они знали только свои грузы, а на «Надежде» странствовали, учились молодые моряки, и как выделялась в этом плавучем городе судов легкая и вольная «Надежда», входившая в гавань под шестью рядами своих парусов! Теперь она снова покидала нас.

Куда она держала путь? К югу, к Босфору, Средиземному морю? Завтра перед ней откроются более нежные дали, тонко засияют новые берега. Стройная, одинокая на последней грани моря, она удалялась незаметно, но неуклонно. И уже новые горизонты разворачивались перед теми, которые были на ней.

Ночью, когда набегающий ветер беспокойно и осторожно, точно ища чего-то, шелестел сухими ветвями дикого винограда на нашем балконе и доносил полусонный шум волн, я все еще провожал «Надежду» на ее пути в темном море. (543 слова)

По И. Бунину

Несколько слов о Пушкине

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов не выше его и не может более назваться национальным. Это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и показал все его пространство.

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, един-етвенное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Сама его жизнь совершенно русская. Тот же разгул и раздолье, к которому, иногда позабывшись, стремится русский и которое всегда нравится свежей русской молодежи, отразились на его годах вступления в свет. Судьба как нарочно забросила его туда, где границы России отличаются резкою, величавою характерностью; где гладкая неизмеримость России перерывается подоблачными горами и обвеивается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ поразил его. Он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги. С этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию.

Если должно сказать о тех достоинствах, которые составляют принадлежность Пушкина, отличающую его от других поэтов, то они заключаются в чрезвычайной быстроте описания и в необыкновенном искусстве немногими чертами означить весь предмет. Его эпитет так отчетист и смел, что иногда один заменяет целое описание. Его небольшая пьеса всегда стоит целой поэмы. Вряд ли о ком из поэтов можно сказать, чтобы у него в коротенькой пьесе вмещалось столько величия, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Явление это, кажется, не так трудно разрешить: будучи поражены смелостью его кисти и волшебством картин, все читатели его, образованные и необразованные, требовали наперерыв, чтобы отечественные и исторические происшествия сделались предметом его поэзии, позабывая, что нельзя теми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить более спокойный и гораздо менее исполненный страстей быт русский.

Сочинения Пушкина так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух. Потому что чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было совершенной истиной.

В мелких своих сочинениях Пушкин разносторонен необыкновенно и является еще обширнее, виднее, нежели в поэмах. Некоторые из этих мелких сочинений так резко ослепительны, что их способен понимать всякий, но зато большая часть из них, и притом самых лучших, кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы понимать их, нужно иметь слишком тонкое обоняние. Нужен вкус выше того, который может понимать только одни слишком резкие и крупные черты. Собрание его мелких стихотворений — ряд самых ослепительных картин. !то тот ясный мир, который так дышит чертами, знакомыми одним древним, в котором природа выражается так же живо, как в струе серебряной реки.

Тут все: и наслаждение, и простота, и мгновенная высота мысли, вдруг объемлющая священным холодом вдохновения читателя. Слов немного, но они так точны, что обозначают все. И каждом слове бездна пространства; каждое слово необъятно, как поэт. Отсюда

происходит то, что эти мелкие сочинения перечитываешь несколько раз, тогда как достоинства этого не имеет сочинение, в котором слишком просвечивает одна главная идея. (Г)80 слов)

По Н. Гоголю

В недрах земли

Раннее весеннее утро — прохладное и росистое. В небе ни облачка. Только на востоке, там, откуда сейчас выплывает в огненном зареве солнце, еще толпятся, бледнея и тая с каждой минутой, сизые предрассветные тучки. Весь безбрежный степной простор кажется осыпанным тонкой золотой пылью. Степь иосело пестреет цветами: ярко желтеет дрок, скромно синеют колокольчики, белеет целыми зарослями пахучая ромашка, дикая гвоздика горит пунцовыми пятнами. В утренней прохладе разлит горький, здоровый запах полыни, смешанный с нежным, похожим на миндаль ароматом повилики. Все блещет и нежится и радостно тянется к солнцу. Высоко в воздухе трепещут и звенят жаворонки. Неугомонные кузнечики давно подняли свою торопливую, сухую трескотню. Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышит глубокими, ровными и могучими вздохами.

Резко нарушая прелесть этого степного утра, гудит на Голо-любовской шахте обычный шестичасовой свисток, гудит бесконечно долго, хрипло, точно жалуюсь и сердясь. Звук этот слышится то громче, то слабее; иногда он почти замирает, как будто обрываясь, захлебываясь, уходя под землю, и вдруг опять вырывается с новой, неожиданной силой.

На огромном зеленеющем горизонте степи только одна эта шахта со своими черными заборами и торчащей над ними безобразной вышкой напоминает о человеке и человеческом труде. Издали слышен частый звон молотов, бьющих по железу, и протяжный грохот цепей, и эти тревожные металлические звуки принимают какой-то суровый, неумолимый характер среди тишины ясного, улыбающегося утра.

Сейчас должна спуститься под землю вторая смена. Сотни две человек толпятся на шахтенном дворе между штабелей, сложенных из крупных кусков блестящего каменного угля. Понемногу толпа уменьшается, вливаясь в узкую деревянную дверь, над которой прибитая белая дощечка с надписью «Ламповая». Ламповая битком набита рабочими. Десять человек, сидя за длинным столом, непрерывно наполняют маслом стеклянные лампочки, одетые сверху в предохранительные проволочные футляры. Когда лампочки совсем готовы, ламповщик вдевает в ушки, соединяющие верх футляра с дном, кусочек свинца и расплющивает его одним нажимом массивных щипцов. Таким образом достигается то, что шахтер до самого выхода обратно из-под земли никак не может открыть лампочки, а если даже случайно и разобьется стекло, то проволочная сетка делает огонь совершенно безопасным. Эти предосторожности необходимы, потому что в глубине каменноугольных шахт скопляется особый горючий газ, который от огня мгновенно взрывается, бывали случаи, что от неосторожного обращения с огнем на шахтах погибали сотни человек.

Получив лампочку, шахтер проходит в другую комнату, где старший табельщик отмечает его фамилию в дневной ведомости, двое подручных тщательно осматривают его карманы, одежду и обувь, чтобы узнать, не несет ли он с собою папирос, спичек или огнива.

Убедившись, что запрещенных вещей нет, или просто не найдя их, табельщик коротко кивает головой и бросает отрывисто: «Проходи». Тогда через следующую дверь шахтер выходит в длинную крытую галерею, расположенную над «главным стволом».

В квадратном отверстии, ведущем в глубь шахты, ходят на цепи, перекинутой высоко над крышей через блок, две железные платформы. В то время когда одна из них подымается, другая опускается на сотню сажен. Платформа точно чудом выскакивает из-под земли, нагруженная вагонетками с влажным, только что вырванным из недр земли углем. В один миг рабочие стаскивают вагонетки с платформы, ставят их на рельсы и бегом влекут их на шахтенный двор. Пустая платформа тотчас же наполняется людьми. В машинное отделение дается условный знак электрическим звонком, платформа содрогается и внезапно со страшным грохотом исчезает из глаз, проваливается под землю. Проходит минута, другая, в продолжение которых ничего не слышно, кроме пыхтенья машины и лязганья бегущей цепи, и другая платформа, но уже не с углем, а битком набитая мокрыми, черными и дрожащими от холода людьми, вылетает из-под

земли, точно выброшенная наверх какой-то таинственной, невидимой и страшной силой. И эта смена людей и угля продолжается быстро, точно, однообразно, как ход огромной машины. (586 слов)

По А. Куприну

Павел Михайлович Третьяков

Возможно, многим в настоящее время покажется странным, что еще каких-нибудь сто лет назад в России не было ни одного доступного народу музея, если не считать Эрмитажа (как известно, принадлежавшего царствующему дому Романовых), где русских картин было немного, да еще музея при академии.

Однако это вовсе не означает, что в то время в России не было любителей и ценителей настоящего искусства.

Но любовь любви рознь. Вельможные меценаты любили искусство, как скупой рыцарь свое золото. Они лелеяли его, но держали под семью замками. Творения русских живописцев были заперты в залах княжеских дворцов и помещичьих усадеб, и для простого народа России в то время картина оставалась чем-то невиданным и недоступным.

Но те же причины, какие пробудили к жизни новую русскую живопись, сделали неизбежным и возникновение общедоступных музеев.

Имя Павла Михайловича Третьякова навсегда останется среди имен тех людей, кто бескорыстной любовью и преданностью своей двигал вместе с художниками русскую живопись вперед. Его горячая вера в будущее народного искусства, его действенная и постоянная поддержка укрепляли художников в сознании необходимости дела, которое они делают.

Третьяков не был «покровителем искусств», меценатом того толка, какими были в свое время многие родовитые вельможи в России. Он не красовался, не тешил собственное тщеславие, не выбирал себе любимцев среди художников и не швырял деньги по-княжески. Он был рассудителен, расчетлив и не скрывал этого.

«Я вам всегда говорю, — писал он однажды Ивану Николаевичу Крамскому, — что желаю приобретать как можно дешевле, и, разумеется, если вижу две цифры, то всегда выберу меньшую: ведь недаром же я купец, хотя часто и имею антикупеческие достоинства».

Именно эти «антикупеческие достоинства»: просвещенность, гуманизм, понимание общенародной роли искусства — и позволили Третьякову выбирать для своей галереи все самое лучшее, самое правдивое и талантливое, что давала тогда русская живопись.

С первой же выставки передвижников он приобрел около десятка картин. Среди них были такие шедевры, как «Грачи прилетели» Алексея Кондратьевича Саврасова, «Петр Первый допрашивает царевича Алексея в Петергофе» Николая Николаевича Ге, «Сосновый бор» Ивана Ивановича Шишкина и «Майская ночь» Ивана Николаевича Крамского. С тех пор он стал постоянным членом товарищества и тем самым присоединился к общим задачам и целям.

Третьяков известен был своим удивительным чутьем. Тихий, молчаливый, сдержанный, он появлялся в мастерских, где еще только заканчивались будущие шедевры живописи, и, случалось, покупал их для своей галереи прежде, чем они успевали появиться на выставке.

Бескорыстие его было беспримерным. Приобретя у Василия Васильевича Верещагина огромную коллекцию его картин и этюдов, он тут же предложил ее в качестве дара Московскому художественному училищу. Свою галерею он с самого начала задумал как музей национального искусства и еще при жизни своей — в 1892 году — передал в дар городу Москве. И лишь спустя шесть лет (как раз в год смерти Павла Михайловича Третьякова) открылся первый государственный русский музей в столичном Петербурге, да и то куда уступавший «Третьяковке», ставшей уже к тому времени местом паломничества многих тысяч людей, приезжавших в Москву со всех концов России. (468 слов)

По Л. Волынскому

О Петре Ильиче Чайковском

Дом разохся от старости. А может быть, и оттого, что стоял он на поляне в сосновом лесу и от сосен все лето тянуло жаром.

Иногда дул ветер, но он не проникал даже в открытые окна мезонина. Он только шумел в вершинах сосен и проносил над ними вереницы кучевых облаков.

Чайковскому нравился этот деревянный дом. В комнатах слабо пахло скипидаром и белыми гвоздиками. Они в изобилии цвели на поляне перед крыльцом. Растрепанные, высохшие, они даже не были похожи на цветы, а напоминали клочья пуха, прилипшего к стебелькам.

Единственное, что раздражало композитора, — это скрипучие половицы. Чтобы пройти от двери к роялю, надо было переступить через пять шатких половиц. Со стороны это выглядело, должно быть, забавно, когда пожилой композитор пробирался к роялю, приглядываясь к половицам прищуренными глазами.

Если удавалось пройти так, чтобы ни одна из них не скрипнула, Чайковский садился за рояль и усмехался. Неприятное осталось позади, а сейчас начнется удивительное и веселое: разохшийся дом запоет от первых же звуков рояля. На любую клавишу отзовутся тончайшим резонансом сухие стропила, двери и люстра-старушка, потерявшая половину своих хрусталей, похожих на дубовые листья.

Самая простая музыкальная тема разыгрывалась этим домом как симфония.

«Прекрасная оркестровка!» — думал Чайковский, восхищаясь певучестью дерева.

С некоторых пор Чайковскому начало казаться, что дом уже с утра ждет, когда композитор сядет за рояль. Дом скучал без звуков.

Иногда ночью, просыпаясь, Чайковский слышал, как, потрескивая, пропоет то одна, то другая половица, как бы вспомнив его дневную музыку и выхватив из нее любимую ноту.

Прислушиваясь к ночным звукам, он часто думал, что вот проходит жизнь, а все написанное — только небогатая дань своему народу, друзьям, любимому поэту Александру Сергеевичу Пушкину. Но еще ни разу ему не удалось передать тот легкий восторг, что возникает от зрелища радуги, от ауканья крестьянских девушек в чаще, от самых простых явлений окружающей жизни.

Нет, очевидно, это ему не дано. Он никогда не ждал вдохновения. Он работал, и вдохновение рождалось в работе.

Пожалуй, больше всего ему помогали леса, лесной дом, где он гостил этим летом, просеки, заросли, заброшенные дороги (в их колеях, налитых дождем, отражался в сумерках серп месяца), этот удивительный воздух и всегда немного печальные русские закаты.

Он не променяет эти туманные зори ни на какие великолепные позлащенные закаты Италии. Он без остатка отдал свое сердце России — ее лесам и деревушкам, околицам, тропинкам и песням. Но с каждым днем его все больше мучает невозможность выразить всю поэзию своей страны. Он должен добиться этого. Нужно только не щадить себя.

К счастью, в жизни выдаются удивительные дни — вот такие, как сегодняшней. Он проснулся очень рано и несколько минут не двигался, прислушиваясь к перезвону лесных жаворонков. Даже не глядя в окно, он знал, что в лесу лежат росистые тени.

Он встал, подошел к окну. Дом стоял на пригорке. Леса уходили вниз, в веселую даль, где лежало среди зарослей озеро.

Там у композитора было любимое место, оно называлось Рудым Яром.

Сама дорога к Яру всегда вызывала волнение. Бывало, зимой в сырой гостинице в Риме он просыпался среди ночи и начинал шаг за шагом вспоминать эту дорогу: сначала по просеке, где около пней цветет розовый иван-чай, потом березовым грибным мелкокольем, потом через поломанный мост над заросшей речкой в корабельный бор.

Он вспоминал этот путь, и у него тяжело билось сердце. Это место казалось ему наилучшим выражением русской природы. (536 слов)

По К. Паустовскому

Охотничьи собаки

Охотничья собака — это ключ от дверей, которыми закрываются от человека в природе звери и птицы. И самое главное в этом ключе — собаке — это ее нос, удивительный аппарат для человека, способного чутье лишь немного дальше своего носа.

Нос собаки, или чутье, как говорят охотники, никогда не перестанет удивлять человека. Еще удивительней кажется чутье гончих, несущихся во весь дух по невидимому на черной тропе следу зайца или же лисицы. И мало того! Случается, гончая на своем сумасшедшем пробеге старается держаться в стороне от следа, чтобы сила запаха зверя не сбивала чутье. Поразительна тоже для человека мощность легких у гончих и мускульная сила их ног. Сплошь и рядом бывает, что гончая с короткими перерывами лая и бега на заячьих скидках и сметках так и прогоняет зайца весь день.

А какой слух у собак! В лесу глухом, заваленном снегом, охотник идет с лайкой по следу куницы. Вдруг куница махнула на дерево и, невидимая, верхом пошла по кронам, почти сходящимся. Тогда охотник глядит на царапинки куньих лапок по снежным веткам деревьев, на посорки, падающие сверху из-под лапок зверька, царапающих кору на стволах и ветках деревьев. И вот как будто и нет никаких признаков зверя, охотник ничего больше не слышит и ничего не может рассмотреть. Но лайка остановилась, поставила уши рожками и все поняла по слуху: она слышала, как упала посорка, точно определила место на дереве, откуда слетела частичка коры, и что-то увидела там. Охотник поглядел туда внимательно и тоже увидел.

Точно так же каждый охотник-любитель, что бывал с легавой собакой на тяге вальдшнепов, когда в полной для нас тишине в напряженном ожидании вдруг видит, будто электроток пробежал по собаке. Как стрелка компаса, повернулась собака туда-сюда и, наконец, стала, и носом своим, как стрелкой, указывает место, откуда следует ждать желанного звука. Охотник повертывается по собаке, как по компасной стрелке, ждет, ждет и вот сам действительно слышит, — собака никогда его не обманет, — слышит известный волнующий звук токующего на лету вальдшнепа, знакомый всякому охотнику.

Так собака на охоте бывает как бы дополнением человека, как тоже и лошадь, когда человек на ней едет верхом.

Но собака не лошадь, собака настоящий, можно сказать, задушевный друг человека, и все-таки не сливается с ним в один образ, как сливается лошадь с человеком в кентавре. Может быть, это потому так, что самое главное в собаке для человека — это чутье. Но чутье это не как хвост у лошади. Чутье надо приставить к самому лицу человека, а лицо человека для поэта неприкосновенно. Впрочем, и то надо помнить, что время древних натуралистов прошло, и теперь мы больше заняты душой человека и животных, не внешним их выражением, а внутренней связью.

И если понадобится нам найти имя такой связи между человеком и собакой, то мы все знаем, имя этой связи есть дружба.

И тысячи поэтических произведений в стихах и прозе, тысячи живописных и скульптурных произведений посвящены дружбе человека с собакой.

Среди охотников распространено даже такое поверье, будто у настоящего охотника за всю его жизнь бывает только одна-единственная настоящая собака.

Конечно, фактически это поверье является нелепостью. Собачья жизнь короткая в сравнении с жизнью человека, мало ли за жизнь свою человек может раздобыть себе собак с превосходным чутьем и поиском. Смысл этого поверья относится, конечно, не к рабочим качествам собаки, а к самой душе человека: по-настоящему любимой у человека может быть собака только одна. И это правда! (539 слов)

По М. Пришвину

Перевал

Ночь давно, а я все еще бреду по горам к перевалу, бреду под ветром, среди холодного тумана, и безнадежно, но покорно идет за мной в поводу мокрая и усталая лошадь, звякая пустыми стремянами.

В сумерки, отдыхая у подножия сосновых лесов, за которыми начинается этот голый, пустынный подъем, я смотрел в необъятную глубину подо мною с тем особым чувством гордости и силы, с которым всегда смотришь с большой высоты. Еще можно было различить огоньки в темнеющей долине далеко внизу, на побережье тесного залива, который, уходя к востоку, все расширялся и, поднимаясь туманно-голубой стеной, обнимал полнеба.

В горах уже наступала ночь. Темнело быстро, я приближался к лесам. Горы вырастали все мрачней и величавее. В пролеты между их отрогами с бурной стремительностью валился длинными облаками густой туман, гонимый бурей сверху. Он срывался с плоскогорья и своим падением как бы увеличивал хмурую глубину пропастей между горами. Он уже задымил лес, надвигаясь на меня вместе с глухим и нелюдимым гулом сосен. Повеяло зимней свежестью, понесло снегом и ветром.

Наступила ночь, и я долго шел под темными, гудящими в тумане сводами горного бора, склонив голову от ветра.

«Скоро перевал, — говорил я себе. — Скоро я буду в затишье, за горами, в светлом и людном доме».

Но проходит полчаса, час. Каждую минуту мне кажется, что перевал в двух шагах от меня, а голый и каменистый подъем не кончается. Уже давно остались внизу сосновые леса, давно прошли низкорослые, искривленные кустарники, и я начинаю уставать и дрогнуть.

Я чувствую, на какой дикой и безлюдной высоте я нахожусь. Чувствую, что вокруг меня только туман, обрывы, и думаю: хватит ли у меня сил спуститься с гор, когда я уже и теперь теряю представление о времени и месте?

Впереди что-то смутно чернеет среди бегущего тумана, какие-то темные холмы, похожие на спящих медведей. Я пробираюсь по ним, с одного камня на другой. Лошадь, срываясь и лязгая подковами по мокрым голышам, с трудом влезает за мною. Вдруг я замечаю, что дорога снова начинает медленно подниматься в гору. Тогда я останавливаюсь, и меня охватывает отчаяние. Я весь дрожу от напряжения и усталости. Одежда моя вся промокла от снега, а ветер так и пронизывает ее насквозь.

Поздно. Бор глухо и сонно гудит в отдалении. Ночь становится все таинственнее, и я чувствую это, хотя не знаю ни времени, ни места. Теперь погас последний огонек в глубоких долинах. Седой туман воцаряется над ними, зная, что пришел его час, долгий час. Кажется, что все вымерло на земле и уже никогда не настанет утро, а будут только возрастать туманы, окутывая величавые в своей полночной страже горы, будут глухо гудеть леса по горам и все гуще лететь снег на пустынном перевале.

Закрываясь от ветра, я поворачиваюсь к лошади. Единственное живое существо, оставшееся со мною! Но лошадь не глядит на меня. Мокрая, озябшая, сгорбившись под высоким седлом, которое неуклюже торчит на ее спине, она стоит, покорно опустив голову с прижатыми ушами. И я злобно дергаю повод, и снова подставляю лицо мокрому снегу и ветру, и снова упорно иду навстречу им. Когда я пытаюсь разглядеть то, что окружает меня, я вижу только седую бегущую мглу, которая слепит снегом. Когда я вслушиваюсь, я различаю только свист ветра в уши и однообразное позвякивание за спиной. Это стучат стремяна, сталкиваясь друг с другом.

Вот и перевал. Но мне уже все равно. Я иду по ровной и плоской степи, ветер несет туман длинными космами и валит меня с ног, но я не обращаю на него внимания.

Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов! (570 слов)

По И. Бунину

Золотая рыбка

Вообще-то Золотая рыбка, жившая в аквариуме, была красного цвета, но, когда она поводила туда-сюда хвостом, на ее бликующих боках загорались золотые искры. Так что ее не зря прозвали Золотой.

Аквариум стоял у окна в конце школьного коридора. Мальчишки, любящие побегать на перемене, к нему не приближались. А если какого-нибудь скачущего сюда заносило, ему говорили: «Успокойся. Золотая этого не любит».

Денису много раз так говорили, и он ополчился на всеобщую любимицу. Подумаешь, краля! Носят с ней, как с какой-нибудь драгоценностью, а толку от нее никакого. Однажды, когда рядом с аквариумом никого не было, он, движимый своей неприязнью, постучал по стеклу пальцем. Маленькие рыбки, восторженно встрепенувшись, метнулись в разные стороны, но Золотая даже хвостом не вильнула. Денису это не понравилось. А тут еще подошла какая-то малявка-первоклашка и спросила: «Ты тоже любишь Золотую рыбку?» Хотел он ее щелкнуть по лбу, чтобы не лезла с дурацкими вопросами, но вдруг его осенило: вот кто поможет ему расправиться с этой золотой кралей.

А в это время Золотая рыбка, не ждущая ниоткуда беды, мирно плавала среди струящихся водорослей. Денис же, охваченный злым азартом, возводил на нее небылицы: «Это она с виду такая добренькая, красненькая, почти золотая, — говорил он девочке, — а на самом деле хищница. Ночью, когда все спят, она поедает своих беззащитных соседок». И добился своего. Девочка ринулась к аквариуму, погрузила в него руки и стала ловить Золотую рыбку. Поймала и протянула ее Денису: «На!» Тот завел руки за спину: «Зачем она мне?»

Наташа, так звали девочку, бросила рыбку на пол и побежала из школы домой. На улице день был весенний, солнечный, но Наташа, шедшая из школы, ничего вокруг не замечала. Ни солнечных лучей, ни молодой листвы, зеленым дымом окутавшей деревья. А все из-за рыбки, которую она достала из аквариума и бросила на пол. Надо было ее вернуть обратно в аквариум. Но, наверное, старшеклассник так и сделает.

Она свернула во двор, укорачивающий дорогу к дому, и продолжила свой путь. Но что это?

У дорожки, словно выросший грибок подосиновик, сверкнул на солнце оранжевый кубик. Наташа взглядела: обыкновенный кубик, наверное, какой-нибудь малыш потерял. Ей же этот предмет был ни к чему. Но все-таки подняла.

Нет, тот, кто потерял его, не был малышом. На оранжевой квадратной грани уверенным, четким почерком было написано: «Не горюй!» Повернула кубик, а на другой грани еще одно пожелание: «Не отчаивайся!» Третье — словно подводило итог:

«Все будет хорошо!» На каждой из шести граней кубика были добрые, ободряющие слова. Несомненно, человек, написавший все это, был большим выдумщиком. И как же он, наверное, горевал, потеряв свой замечательный кубик!

Рыбка погибла. Потом, конечно, было разбирательство. Странная это была картина: Денис, заявляющий, что он к этой рыбке не прикасался, и маленькая девочка, что-то невнятно лопочущая в свое оправдание.

Есть такое не очень приятное слово «науськать». Это когда на кого-нибудь натравливают собаку. Но можно, оказывается, науськать на кого-либо и доверчивого человека, как эту девочку на рыбку. Спровоцировать, подстрекнуть, науськать, а потом, отскочив в сторону, потирать руки: вот я какой ловкий! А может, ловкость здесь совсем ни при чем и это что-то другое? (492 слова)

По Р. Коваленко

Орехи

Никогда Петя, проводивший все лето на даче, не бывал здесь в конце сентября. Начался учебный год — какая уж дача. Но вот пришлось приехать, вынудили кое-какие дела: землю в парнике надо было перекопать, воду из бочки, стоящей под водосточной трубой, вылить.

Приехал рано и, быстро со всем управившись, отправился в лес. А там такая красота! Грибов, правда, почти уже не было, а попадавшиеся не годились — перестойники. Свернул в орешник. Год был урожайный на орехи: может, на каких-нибудь ветках что-нибудь осталось? Шел, задрал голову, но нет, не было на ветках ни одного орешка. Вошел в глубь леса, но и там ничего. Голова закружилась оттого, что смотрел все время вверх. Решил посидеть на пеньке, отдохнуть. И тут увидел, что вся пожухлая лесная трава устлана орехами. Откуда их столько? Потом уж сообразил: да это же те, что выросли на самых верхних ветках. До них никто не мог дотянуться, и они, созрев, сами упали. Стал собирать их с бьющимся сердцем: такая удача, всем ребятам в классе достанется! Но старик, возникший на тропинке, охладил его пыл:

— Не усердствуй! Оставь белкам и другим зверькам.

— Так зима скоро, — ответил Петя, — пропадут орехи под снегом.

Старик объяснил: не пропадут, перезимуют в лучшем виде, а весной, в самое голодное время, выручат зверье.

«Белки ему дороже людей», — подумал Петя и, когда старик ушел, продолжил собирать орехи. Но радость куда-то пропала: собирал уже с какой-то опаской, словно брал чужое. А тут еще дрогнула над его головой ветка: большая пестрая птица взлетела вверх. Петя проводил ее взглядом: не улетела в теплые страны, будет зимовать в лесу. А потом белку увидел. Она замерла на стволе сосны и стала глядеть на него пытливыми глазками.

Встреча со стариком и этот вопросительный взгляд белки что-то перевернули в Петиней душе. Он поднял тяжелую корзину, отсыпал из нее половину своей добычи и раскидал ее в орешнике. Знал, что поступает хорошо, но почему-то хмурился и тяжело вздыхал. Было обидно, что ни белка, ни даже старик, надоумивший его поделиться с хозяевами леса, никогда не узнают о его благородном поступке.

Но зато через час, когда он шагал к электричке, ему стало так легко и весело, как никогда не бывало. До станции было далеко, моросил холодный дождик, а он шел и шел, не замечая усталости, зато замечая чудеса в образовавшейся луже.

Как интересно глядеть в воду! По поверхности лужи скользят презабавные длинноногие водомерки. Они не тонут, потому что их тоненькие лапки смазаны жиром. Вот из глубины поднимается большой черный жук-водолюб и набирает в свои воздушные мешки запас свежего воздуха.

Водолюб — миролюбивое существо. Он питается мелкими подводными растениями, водорослями. А у паучка-серебрянки среди водорослей имеется воздушный колокол, как у настоящего водолаза.

Если бы кто-то шедший навстречу спросил Петю, чему он радуется, почему так легко шагает, Петя бы ответил: «Да корзина не очень тяжелая!» (450 слов)

По Р. Коваленко

Размышления о «чувстве слова»*

А действительно, что это такое? Педагоги отвечают, что без чувства слова человек, даже знаток орфографических правил, никогда не станет грамотным.

Чувство слова — это, во-первых, знание языковых законов и системных связей, благодаря которым человек не умеет делать ошибки, пишет и говорит правильно. Вспоминается пушкинское: «Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки...» Обычно говорят: «Он Пушкин, ему можно». В Лицее звали его Французом потому, что по-французски он заговорил раньше, чем по-русски, и даже первые стихи у него были на французском! Невозможность представить русской речи без ошибки для Пушкина объясняется не только влиянием форм (в данном случае русских и французских), но прежде всего тем же чувством слова, прямо-таки заставляющим нас делать ошибки там, где сами правила противоречат грамматическим моделям. Прислушаемся: многие говорят «звонит» — не грамматическая, но все же ошибка. Между тем влияние давнего процесса переноса ударения на основу очевидно: гонит, стонет, тонет, клонит. То же проявляется и на письме. Даже при знании многочисленных моделей русского языка, их взаимовлияния без чувства слова выбрать необходимую ох как непросто!

Чувство слова... Оно формируется активной работой над книгой, над речью, над эстрадными миниатюрами, над политическими выступлениями, над текстом лекции в институте. Но развивается оно и в процессе создания обычного школьного сочинения. Приступая к написанию, всегда необходимо помнить о том, что в разных ситуациях одно и то же слово может звучать по-разному, что слово — это не только феномен, отличающий человека от животного мира, но и сила, данная ему, и важно уметь ею воспользоваться. Слово полководца определяет участь сражений и народов. Слово оратора начинало и кончало столкновения между государствами. Слово может ранить, и не метафорически. Горький, писавший «Жизнь Матвея Кожемякина», так ясно увидел внутренним взором рану героя, что сам рухнул без сознания, а тонкая струйка крови сочилась из груди писателя, образуя темное пятно на рубашке. Гоголь писал смешные рассказы, чтобы развеселить себя, когда случалась депрессия. А Байрон за четыре ночи написал поэму «Абидосская невеста», чтобы отогнать душившие его слезы. Написал — и понял, что настроение изменилось, что горечь и приступы самобичевания передались бумаге, на которой темнели строки законченной поэмы. Для Тараса Шевченко самым страшным наказанием оказался запрет писать и рисовать, наложенный на него Николаем I. Власть человека над языком, умение выразить тончайшие колебания души и самые заветные мысли — это и есть «чувство слова».

Язык управляет миром. Язык управляет человеком. Но управляет он им не как тиран, а предлагает систему суждений и ориентиров в мире, исполненном еще не познанных вещей, не сделанных открытий, не созданных образов.

Умение создавать каламбуры, как и умение сочинять стихи «на спор», а то и перед зрительным залом, не-медля ни минуты, — безусловное проявление «чувства слова». Н. Богословский не только известный композитор, но и обладавший этим чувством мастер остроумных розыгрышей, содержавших шутку, а иногда и насмешку. И становится очевидным, что чувство слова — одно из важнейших и очень редких качеств человека, который умеет создавать, который видит то, что сокрыто от остальных, который может метко и остроумно ответить собеседнику или удивить его яркой мыслью или неповторимой строкой. Умение грамотно писать. Умение быть творцом. Остроумие. Возможность относиться к слову так, как дети: уважительно, удивленно и восхищенно. Все это и составляет «чувство слова», делающее человека интересным и желанным, мудрым и романтичным. (514 слов)

По А. Мурашеву

В. П. Астафьев. «Последний поклон»

Одна из основных тем в творчестве В. П. Астафьева — человек и природа — с особой любовью раскрыта в автобиографической повести «Последний поклон». Природа является не просто фоном, декорацией в произведении, а неотъемлемой частью жизни главного героя, стремящегося к гармонии с окружающим миром. При описании пейзажа Астафьев использует богатейшие возможности языка, в том числе глагольную метафору, которая позволила писателю в живой, образной и одновременно экономайной форме показать растительный и животный мир сибирского края. В жизни растений, птиц писатель подмечает незаметные на первый взгляд детали, находит в них аналогию человеческим действиям и состоянию: млел березнячок; горбатились боярки; подорожник набирался сил; осинник густо взнимался по косоугору; дерево жалуется, умеет стонать и плакать нутряным, безутешным голосом; ласточки наговаривали меж собой.

Астафьев точно находит глаголы, подчеркивающие бытовые детали: осинник сомлел от жары; капуста уж так опилась, такие вилки закутила, что больше ей ничего не хочется.

Нередко автор приписывает растениям, животным свойства человеческого сознания — способность к принятию решений, различные чувства, желания.

Луковица, например, терпеливо дожидалась весны, чтоб порадовать людей надеждами на близкое лето; и всякая травка хотела скорее занять свое место на земле; среди огорода стоит корова и не то дремлет, не то думает, тужась понять, почему люди так изменчивы в обращении с нею; возле лужицы с ладошку величиной сидела большая лягуха в скорбном молчании и думала, куда ей теперь деваться.

Туман у Астафьева может уютно дремать, все плотнее прижиматься к земле, украдчиво ползти, тихо над рекою умирать, Фо-кинская речка умеет картаво наговаривать, резвость и светлость свою беречь, а Енисей и Мана долго-долго спешили навстречу друг дружке, Енисей поталкивает Ману в бок, заигрывает, прижимает в угол.

Обычные глаголы, получая в контексте метафорического значения, придают языку писателя своеобразие и неповторимость.

Особого внимания заслуживают метафоры, вызывающие ассоциации со стихией огня и воды: забытыми кострами бездымно догорают в желтой пене курослепа дикие пионы; все было залито разноцветной зеленью густеющих хлебов.

О состоянии, форме и строении цветов говорят следующие индивидуально-авторские метафоры: жеваным горохом рассыпался набравший цвет курослеп; ромашки приморщили белые ресницы на желтых зрачках.

Глагол-метафора здесь является центром образности, которая распространяется на более широкий отрезок речи, тем самым вызывая общую метафоризацию.

Приобрести эмоционально-экспрессивную окраску пейзаж может и при помощи видовременной соотнесенности глагольных форм. В пейзажных описаниях Астафьева представлены и глаголы прошедшего времени несовершенного вида, и настоящее историческое время, и глаголы будущего времени в форме настоящего. Например, в описании растительного мира длительные действия, продолженные во времени, передают глаголы несовершенного вида: (подорожник) набирался сил; (травка) зеленела, тянулась, плелась; (морковники) силились пойти; (жарки) сорили; (саранки) взнимались; (красоднев) стоял, ждал...

При описании летнего дня глаголы времени дают возможность не только представить совершающиеся действия в определенном временном аспекте, но и указывают на их одновременность.

В целом же складывается единая картина летнего дня. Настоящее историческое время довольно часто используется писателем для более «осязательного» изображения описываемого.

Иногда писатель соединяет в описании пейзажа сразу три времени глагола: прошедшее (описательное), настоящее историческое, будущее в форме настоящего. Например, картина пробуждения весны представлена так, будто все в ней происходит в настоящем времени или вот-вот произойдет.

В пейзажах Астафьева мы встретим глаголы с разной стилистической окраской: общелитературные, разговорные, просторечные. Писатель активно использует лексико-семантические и стилистические особенности глагола как важного языкового элемента в создании пейзажа. (512 слов)

По Т. Савченко

«Все это уж было когда-то...»

У А. К. Толстого рано обнаружился интерес к национальной истории. Она не только образует особую сферу эпического, но и вторгается даже в лирику, внося в нее «балладные» мотивы и образы. Стихотворения А. К. Толстого, таким образом, совмещают в себе разнородные жанровые начала — собственно лирическое и балладное.

Исторические ассоциации осложняют лирическое начало многих стихотворений, даже тех, в которых отсутствуют прямые «выходы» в историю, но в них тем не менее ощутим исторический «элемент». Таково, например, стихотворение «Погребле неровной и тряской...». Простое по содержанию и построению, оно далеко не однозначно по заключенному в нем смыслу. «Вот картина, нарисованная верными и простыми красками, — писал критик Н. Н. Страхов об этом стихотворении, — сверх того, уловлено весьма тонкое душевное настроение, притом уловлено совершенно просто, без всякого подхода, без всякого напряжения. Стих так прост, что едва подымается над прозою; между тем поэтическое впечатление совершенно полно».

Что же это за душевное настроение, «уловленное» поэтом «совершенно полно»?

А. К. Толстой в поэтической образной форме выражает мысль: жизнь наша строится на повторяющихся вещах, или, как об этом писали в самом начале XX века, уже после смерти поэта, на своего рода «рядах изменений». Повторяемость компенсирует нам необратимость жизни. Она же помогает освобождаться от пережитого и мысленно путешествовать во времени. Жизнь — вечное возвращение, — вот, собственно, «философия» этого стихотворения. Все уже было, и все еще будет.

Кстати, эту мысль «прочел» в стихах А. К. Толстого и Н. С. Лесков, который отметил следующее: «Если смотреть побеспристрастнее, то жизнь наша как будто некая планета, обежав свою сферу, снова является в некоторых знакомых фазах, и это даже как будто почему-то необходимо». И далее: «Так вообще у народов целого мира, так и у отдельных государств. Поэт, граф Алексей Константинович Толстой, в своем спиритуалистическом настроении, замечал такие повороты даже в жизни индивидуальной».

Отметим, к слову, что «спиритуалистические настроения» составляли основу мироощущения Толстого, который признавал сущностью мира духовное первоначало. Они же являлись основой его эстетических взглядов, согласно которым источником творчества является «царство вечных идей», а искусство — это не что иное, как мост между реальным, земным миром и «мирами иными».

Интонационно-синтаксический «ход» стихотворения воспроизводит будничную картину деревенской жизни в «серый и пасмурный день». Стихи необычного повествовательного облика, как бы прозаические по своему колориту и по характеру вкрапленных в них предметных деталей.

При всей конкретности предметного рисунка смысл данного стихотворения, однако, не может быть сведен к простой деревенской зарисовке или дорожным наблюдениям путника, едущего в коляске. Простота и естественность внутреннего движения стихотворения создает второй план, сугубо лирический подтекст. Предметные детали становятся средством выражения авторского интуитивного проникновения в жизнь. Поэту кажется «знакомо» все, что он видит перед собой. «Знакомо» потому, что все это уже изрядно примелькалось, но не только поэтому. Память поэта необъятна, она способна проникнуть в «до-историю». Все, что его (и нас, разумеется) окружает, существует не только в настоящем, но и в прошлом: «Все это когда-то уж было, Но мною забыто давно». Именно на эти строки переносится смысловая тяжесть стихотворения.

Незатейливый ритм, оголенная простота прямой и точной речи, прозаизированный словарь. И при этом поэт не впадает в прозаичность. Здесь уместно привести слова Гейне о том, что

только подлинный поэт умеет «с самыми ничтожными средствами производить самые поразительные эффекты». (501 слово)

По П. Гапоненко

Льняное поле в цвету

Закрою глаза — и вот оно явственно передо мною. Слабенькая с виду зелень, отраженная от другой, более буйной, напористой растительности. Тишина поля открыта доверчивому сердцу. Древняя во всем покорность жизни царствует здесь — солнцу, свету небесному, от которого набирается поле скромного, домашнего и тоже доверчиво-тихого цвета. Но эта однообразность и уединенность его кажущаяся, застенчивость вкрадчивая. Уже в близком отдалении поле разливается в мглисто-небесную ширь, чем далее к горизонту, и уже не понять: где поле, где небо — живая, все в свою глубину погружившая синь.

Льняное поле в цвету словно бы вслушивается в себя, бережно, как бы даже чуть тайно наливает свои слабые на вид стебельки ситцевым дождевым крапом. И неназойливая, но непоборимая уверенность присутствует в поле и над полем. Никто не сможет облететь его, пройти мимо, всяк задержится на нем взглядом, приостановит шаг, zalюбуется им, помягчает сердцем, пожалеет о чем-то прошедшем и решит, что не все еще в жизни утрачено, раз есть на земле всем доступная, обнадеживающая эта красота. Над цветущим полем льна даже пчелы и шмели смиреют. Летают неторопливо, долго усаживаются на гибкий стебелек, сосредоточенно прицеливаются к цветку и, нашарив его лучистую сердцевину, замирают в сладкой дреме. Жаворонок выберет минуту, освободится от семейных хлопот, взойдется в небо и звенит над полем, сзывает всех сущих и зрячих подивиться на него. Стремительный ястреб, высмотрев в гущах льна мышку, падет вдруг сверху, и дрогнет поле от его вихревых крыльев, катится по нему голубая волна. От струящегося из впадин прохладного воздуха ходят беззвучные молнии по льну, брызгами осыпая подножие стеблей, и стоят льны по колено в синей раскрошенной воде.

Мне послышался смутный, ухом едва уловимый, но бесконечно повторявшийся взрыв звуков и рукоплесканий. Казалось, где-то страшно далеко, в какой-то бездонной глубине, внезапно зашевелили стебли льна — и поднимались, поднимались они, волнуясь и перекликаясь, чуть слышно, как бы сквозь сон, сквозь подавляющий сон. Потом воздух заструился и потемнел над развалиной. Мне начали мерещиться тени, мириады теней, миллионы очертаний, то округленных, как шлемы, то протянутых, как копыя. Лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этих копыях и шлемах — и вся эта армия, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно. Несказанное волнение, напряжение, достаточное для того, чтобы приподнять целый мир, чувствовалось в ней; но ни один образ не выдавался ясно. И вдруг мне почудилось, как будто трепет льняных цветов пробежал волной.

Короткой летней ночью объявится на небе всеми забытая луна, и тогда идет к ней от поля голубое свечение, и остановятся, замрут сами в себе ночное небо, ночная луна, сберегая мир поднебесный от волнений и тревог, и это робкое, тайно сияющее поле оберегая.

Уймись и ты, тревожный человек, успокойся, мятущаяся душа. Слушай! Внимай! Любуйся! В мире царствует благодать. Поверь в незыблемость и вечность его. И не говори никаких слов. Не плачь, не стнай — сон и покой кругом. Тихое-тихое поле. Дивная даль. Россия. (457 слов)

По В. Астафьеву

Старый сад

Я перешел через широкую дорогу, осторожно пробрался сквозь запыленную крапиву и прислонился к низкому плетню.

Неподвижно лежал передо мною небольшой сад, весь озаренный и как бы успокоенный серебристыми лучами луны, весь благовонный и влажный; разбитый по-старинному, он состоял из одной продолговатой поляны. Прямые дорожки сходились на самой ее середине в круглую клумбу, густо заросшую астрами; высокие липы окружали ее ровной каймой. В одном только месте прерывалась эта кайма, и сквозь отверстие виднелась часть низенького дома с двумя, к удивлению моему, освещенными окнами.

С одной стороны сада липы смутно зеленели, облитые неподвижным бледно-ярким светом; с другой — они стояли все черные и непрозрачные. Станный шорох возникал по временам в их сплошной листве: они как будто звали на пропадавшие под ними дорожки, как будто манили под свою глухую сень.

Все небо было испещрено звездами. Они, казалось, с живым вниманием глядели на далекую землю. Тонкие облака, изредка налетая на луну, превращали на мгновение ее спокойное сияние в неясный, но светлый туман. Все дремало. Воздух, весь теплый, весь пахучий, даже не колыхался, он только изредка дрожал, как дрожит вода, возмущенная падением ветки.

Я нагнулся через плетень: передо мной красный полевой мак поднимал из загложшей травы свой прямой стебелек, большая круглая капля ночной росы блестела темным блеском на дне раскрытого цветка. Все дремало, все нежилось вокруг; все как будто глядело вверх, вытянувшись, не шевелясь и выжидая.

Чего ждала эта теплая, эта незаснувшая ночь?

Звука ждала она; живого голоса ждала эта чуткая тишина, но все молчало. Соловьи давно перестали петь, а внезапное гудение мимолетного жука, легкое чмокание мелкой рыбы в сажалке за липами на конце сада, сонливый свист востроухой птички, далекий крик в поле (до того далекий, что ухо не могло различить, человек ли то прокричал, или зверь, или птица), короткий быстрый топот по дороге — все эти слабые звуки, эти шелесты только усугубляли тишину.

По саду и дому можно судить о его хозяине, и часто, взглянув на человека, можно представить себе его дом. Но иногда бывает, что дом и его хозяин по природе своей и по внешнему виду являются полной противоположностью друг другу, и невесело выглядят тогда и дом, и его обитатели. На всем лежит печать какого-то беспокойства и неустроенности. Но бывает и так, что человек настолько сроднится со своим жильем, что подчас и понять трудно, где кончается обиталище и начинаются обитатели.

В зимнее время графский сад бывал обыкновенно наглухо заперт. Но едва весна вступала в свои права, он отпирался и становился всем доступным. Летом граф жил вместе с двором в Царском Селе, но накануне праздников и воскресных дней он неизменно приезжал на свою дачу, и тогда здесь наступало с утра и до вечера великое празднование. Музыка всюду оглашала древесные своды. Петербургские жители стремились в графский сад и зачастую проводили со своими семьями весь день. (450 слов)

По И. Тургеневу

Величественное зрелище

В Новороссийске работа у нас была легкая. Там на горе стоит зерновой элеватор, этажей в двенадцать высоты, а из самого верхнего этажа по наклонному желобу, чуть ли не в версту длинной, льется непрерывным золотым потоком тяжелое, полновесное зерно. Вливается к нам прямо в трюм и заполняет весь корабль, заставляя его постепенно погружаться в воду. Нам приходилось только разравнивать лопатами его тяжелые груды, причем мы утопали в зерне по самые колени и чихали от пыли.

Наконец, когда парусник принял столько груза, сколько он мог вместить, и даже, кажется, немножко более, потому что он осел в воду ниже ватерлинии, мы тронулись в путь. По правде сказать, величественное зрелище представляет из себя пяти-мачтовый парусник, когда все его паруса выпуклы и натянуты. А ты, стоя на рее, с гордостью сознаешь, что тобой любуются с других судов старые специалисты.

Раньше Гущин никогда не видел настоящих белокрылых парусников. При слове «корабль» представлялся ему стремительный клипер с бело-голубыми грудями четырехугольных парусов или шхуна.

Заря пламенеет на небе и в воде. Завтра будет ветреный день. Приречные кусты черно-зелены. В дальней темной деревушке все стекла горят праздничным красным светом заката, точно там справляют свадьбу. Где-то в лужах или на болотах звенят ровным дрожащим хором лягушки. Воздух еще легко прозрачен.

Приближается осень. Солнце уже не греет, и ветерок все чаще тянет с севера. Сивучьи лежбища заливают. А тут, глядишь, ночью ударит мороз, и появится ледок. Приходит время собираться в путь птицам острова. Молодежь подросла, птенцы летают так, что их от взрослых птиц не отличишь, да и сивучата стали совсем взрослыми. Правда, размером им со старыми не сравняться, да и темная окраска выдает их, но в плавании они ни от кого не отстанут.

На левом борту парусника, на белой скамейке сидит девушка. Гущин раньше не замечал ее, и внимание егостораживается. На ней черное гладкое платье с широкими рукавами, а черный платок повязан, как у монашенки. В обращении с женщинами Гущин труслив и ненаходчив. Однако он подтягивается и несколько раз проходит взад и вперед мимо девушки, заложив руки в карманы брюк, приподняв плечи, слегка раскачиваясь на каждой ноге и грациозно склоняя голову то на один, то на другой бок.

Наконец, он садится рядом, кладет ногу на ногу и правую руку на выгнутую спинку скамейки. Некоторое время он барабанит пальцами и беззвучно насвистывает какой-то несуществующий фальшивый мотив. Потом крикает, снимает мешающее ему пенсне и поворачивается к девушке. У нее простое, самое русское, белое и сейчас розовое от зари лицо, в котором есть какая-то робкая, точно заячья прелесть. Она чуть-чуть курносенькая, губы пухлые, розовые, безвольные, а на верхней губе наивный молочный детский пушок.

Гущин набирается смелости и спрашивает особенным, вежливым, петроградским тоном: «Извините меня, пожалуйста. Не знаете ли вы, какая будет следующая пристань?» — «Нет, не знаю», — ответила она, отвернувшись и стала смотреть в воду. (453 слова)

По А. Куприну

Вечер на Кавказе

Был тот особенный вечер, какой бывает только на Кавказе. Солнце зашло за горы, но было еще светло. Заря охватила треть неба, и на свете зари резко отделялись бело-матовые громады гор. Воздух был редок, неподвижен и звучен. Длинная, в несколько верст, тень ложилась от гор на степи.

В степи, за рекой, по дорогам — везде было пусто. Ежели редко-редко где покажутся верховые, то уже казаки с кордона и чеченцы из аула с удивлением и любопытством смотрят на верховых и стараются догадаться, кто могут быть эти недобрые люди. Как вечер, так и люди из страха друг перед другом жмутся к жильям, и только зверь и птица, не боясь человека, свободно рыщут по этой пустыне.

Из садов спешат с веселым говором до захождения солнца казачки, привязывавшие плети. И в садах становится пусто, как и во всей окрестности; но станица в эту пору вечера особенно оживляется. Со всех сторон подвигается пешком, верхом и на скрипучих арбах народ к станице. Девки в подоткнутых рубахах, с хворостинами, весело болтая, бегут к воротам навстречу скотине, которая толпится в облаке пыли и комаров, приведенных ею за собой из степи. Сытые коровы и буйволицы разбредаются по улицам, и казачки в цветных бешметах снуют между ними. Слышен их резкий говор, веселый смех и визги, перебиваемые ревом скотины.

Там казак в оружии, верхом, выпросившийся с кордона, подъезжает к хате и, перегибаясь к окну, постукивает в него, и вслед за стуком показывается красивая молодая голова казачки и слышатся нежные, ласковые речи. Там скуластый оборванный работник-ногаец, приехав с камышом из степи, поворачивает скрипящую арбу на чистом широком дворе есаула, и скидает ярмо с мотающих головами быков, и перекликается по-татарски с хозяином.

Около лужи, которая занимает почти всю улицу и мимо которой столько лет проходят люди, с трудом лепясь по заборам, пробирается босая казачка с вязанкой дров за спиной, и возвращающийся казак-охотник шутя целится в нее, и казачка роняет дрова. Старый казак с засученными штанами и раскрытой седой грудью, возвращаясь с рыбной ловли, несет через плечо в сетке еще бьющихся серебристых рыбок, но, чтоб ближе пройти, лезет через проломанный забор соседа и отдирает от забора зацепившийся зипун.

Там баба тащит сухой сук, и слышатся удары топора за углом. Визжат казачата, гоняющие кубари на улицах везде, где вышло ровное место. Через заборы, чтобы не обходить, перелезают бабы. Из всех труб поднимается душистый дым кизяка. На каждом дворе слышится усиленная хлопотня.

Между вершинами деревьев и водой, шумящей у их корней, прижавшись друг к другу, расселись соловьи и стали петь, всячески расцвечивая свои песни. Вслед за деревьями в сиреневую мглу скрылись и широкие разноцветные купола мечетей. Как мечи пророка, они пронзили небо. И небо, пронзенное мечами веры, истекало нежным светом, постепенно заменяясь другим, тревожным и мрачным. Это было светлое кольцо вокруг луны, которое показалось раньше самого светила. (452 слова)

По Л. Толстому

Праздник

На другой день был праздник. Вечером весь народ, блестя на заходящем солнце праздничным нарядом, был на улице. Вина было нажато больше обыкновенного. Народ освободился от трудов. Казаки через месяц собирались в поход, и во многих семействах готовились свадьбы.

На площади, перед станичным правлением, больше всего стояло народа. На завалинке дома правления сидели и стояли старики в серых и черных степенных зипунах, без галунов и украшений. Старики спокойно, мерными голосами беседовали между собой об урожаях и молодых ребятах, об общественных делах и о старине, величаво и равнодушно поглядывая на молодое поколение. Проходя мимо них, бабы и девки приостанавливались и опускали головы. Молодые казаки почтительно уменьшали шаг и, снимая папахи, держали их некоторое время перед головою. Старики замолкали. Кто строго, кто ласково осматривал проходящих и медленно снимал и снова надевал папаху.

Казачки еще не начинали водить хороводы, а, собравшись кружками, в цветных бешметах и белых платках, обвязывающих голову и лицо, сидели на земле и завалинках хат, в тени от косых лучей солнца, и звонко болтали и смеялись. Мальчишки и девчонки играли в лапту, зажигая мяч высоко в ясное небо, и с криком и писком бегали по площади. Девочки-подростки на другом углу площади уже водили хороводы и тоненькими, несмелыми голосами пищали песню. Пришедшие на праздник молодые ребята, в нарядных белых и новых красных черкесках, обшитых галунами, с праздничными, веселыми лицами, по двое, по трое, взявшись рука с рукой, ходили от одного кружка баб и девок к другому и, останавливаясь, шутили и заигрывали с казачками. Армянин-лавочник в синей черкеске тонкого сукна с галунами стоял у отворенной двери, в которую виднелись ярусы свернутых цветных платков. С гордостью восточного торговца и сознанием своей важности он ожидал покупателей. Два краснобородых босых чеченца, пришедших из-за Терека полюбоваться на праздник, сидели на корточках у дома своего знакомца и, небрежно покурявая из маленьких трубочек, перекидывались, глядя на народ, быстрыми гортанными звуками. Изредка непраздничный солдат в старой шинели торопливо проходил между пестрыми группами по площади. Все хаты были заперты, крылечки с вечера вымыты. Даже старухи были на улице. По сухим улицам везде в пыли под ногами валялась шелуха арбузных и тыквенных семечек.

В воздухе было тепло и неподвижно, в ясном небе голубо и прозрачно, бело-матовый хребет гор, видневшийся из-за крыш, казался близок и розовел в лучах заходящего солнца. Изредка с заречной стороны доносился дальний гул пушечного выстрела. Но над станицей, сливаясь, носились разнообразные веселые, праздничные звуки.

Но вот солнце коснулось вершин гор и стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись, а в долине тихо угасал красноватый сумрак. Потом солнце скрылось за острым хребтом, и тотчас оттуда вылетел в зеленоватое небо стремительный веер ярко-рыжих лучей. Он держался недолго, вскоре тихо угас, и в небе в той стороне пошла полыхать заря. (452 слова)

По Л. Толстому

«Урядник сокольничьего пути»

В истории русского литературного языка важное место занимают источники, отражающие процессы живой разговорной речи, где традиции деловой письменности естественно сочетаются с местным колоритом, обиходной терминологией, бытовой словесной культурой. Один из подобных памятников — «Домострой» — явление в историко-культурной традиции XVI века. Но в дальнейшем приобретают особое значение такие сочинения, которые видоизменяют церковнославянскую ориентацию и продолжают синтез светской и приказной культуры.

Такие труды нельзя, конечно же, в полной мере отнести к деловым памятникам: они находятся в пограничной полосе между жанрового разнообразия. Важную роль в них играет исторический фон, на основе которого и разрабатываются своды правил: как лечить (лечебники), как учить (азбуковники, письмовники), как устраивать охоту по чину (урядник). В отличие от жанров древнерусской литературы, это не фантастические и не сатирические произведения, в них нет ничего вымышленного и изобретенного с художественной точки зрения.

XVII век — это не только переходный период в сфере лингвокультурных связей, но и важный этап в образовании новых жанров и произведений, иногда единичных и уникальных в своем роде. Одним из таких интересных и малоизученных источников является «Урядник сокольничьего пути». Это историко-культурный и одновременно деловой трактат, рассказывающий о соблюдении сложного церемониала соколиной охоты.

Предполагают, что это произведение было создано при непосредственном участии царя Алексея Михайловича, бывшего знатоком, устройтелем церемониала и инициатором ведомства царской соколиной охоты. Уже само название «Урядник» свидетельствует о приказном характере сочинения и его обращенности в сферу правил гражданского устава.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля фиксируется слово уряд как порядок, обиход, законный или обычный ход, устройство; чиновник, распорядитель, распорядчик. Урядом в старину называли также управление, «место, заведывающее порядком».

Соответственно назначению этого памятника строится и текстовой формуляр, и обслуживающие его лексико-фразеологические средства, в выражении которых ощутимый импульс придается компонентами деловой письменности, светской речи. Показателен зачин произведения, который определяет суть «государева указа», в чем состоит новое уложение, для каких целей оно предназначено.

До сих пор не встречался такой источник, где с таким колоритом и любовью включались эпитеты, прославляющие соколиную охоту. В контексте указа, наряду с яркими изобразительными средствами, находятся элементы делового стиля. Поэтому «Урядник», не лишенный литературности, в то же время воспринимается как памятник особого жанра светского, бытового устава, имеющего специальную профессиональную направленность.

Интересен церемониальный этикет с подробностями, характеризующими атмосферу и обычаи приготовления к пожалованию сокольника из рядовых в «начальные». Несмотря на необычный обряд, он оформлен согласно законам делового письма. В нем наличествуют упрощенный синтаксис, приближенный к разговорному, а также элементы живой речи.

Текст составлен профессионалами — знатоками соколиной охоты — и отражает богатый опыт приказного, этикетного делового письма. В сочинении зафиксированы специальные термины соколиного обихода, специфические понятия соколиной охоты, представлены наименования должностей, чинов.

В стилистических особенностях текста памятника нашли отражение черты, свойственные двум жанрам — деловому и этикетному. Очевиден и тот факт, что эволюция русского литературного языка в XVII веке не только охватывала книжные жанры, но и активно внедрялась

в другую культурно-языковую традицию. Поэтому деловая словесность стала той экспериментальной лингвотекстологической базой, на фоне которой проходили апробацию новые приемы и способы выражения письменности. (473 слова)

По О. Никитину

Подвиг Ивана Федорова

Время — лучший судия. Сегодня, из исторического далека, нам особенно отчетливо видны истинные масштабы деяний «друкаря книг, пред тем невиданных». Да он и сам вырастает в гигантскую фигуру, характерную для эпохи Возрождения, и занимает достойное место в ряду других древнерусских деятелей отечественной культуры, литературы и искусства, таких как Андрей Рублев, Феофан Грек, Дионисий с сыновьями или автор «Слова о полку Игореве». Иван Федоров — мастер на все руки. Он и типограф, и художник, и редактор, и издатель, и ученый, и писатель, и изобретатель, и организатор. Наконец, он и энциклопедист-просветитель. Словом, не только его деяния, но и личность Ивана Федорова была исключительная, в чем-то, может быть, таинственная. Все говорит о том, что он был горячий патриот, храбрый и мужественный человек, подвижник печатного слова, выдающийся деятель отечественной культуры.

Почему мы называем Ивана Федорова первопечатником? Ведь анонимные печатные издания были на Москве уже и в 1552— 1553 годах. Но то, в общем, если можно так сказать, пробные издания.

«Апостол» и другие книги Ивана Федорова выделяются по своему назначению. Это книги — ученые. Они предназначены для индивидуального чтения, для обучения, для справок. Каждому назначению книги Иван Федоров ищет соответствующее наиболее удобное и практичное оформление. Все книги имеют художественное оформление в пределах, гармонирующих с назначением. Кое в чем этому могли бы поучиться и мы.

Знакомясь с «Апостолом» 1564 года, ясно осознаешь, что Иван Федоров и Петр Мстиславец заботились не о доходах, не о выгодности способа размножения книг, а, не щадя сил, используя огромный опыт русской рукописной книги и "некоторых европейских образцовых изданий, стремились создать как бы эталоны книгопечатания.

В этом убеждает и то, что «Апостол» 1564 года был снабжен превосходно написанным послесловием. Самый факт этого послесловия свидетельствовал о том, что издатели придавали огромное значение своему детищу именно как образцу, модели, эталону для будущих книг. Они продумали все, чтобы сделать книгу максимально удобной для чтения, для пользования и вместе с тем красивой.

Заботой о читателе пронизана и вся организация текста книги. Отысканию нужных текстов помогает система нумерации страниц, ссылки. Первая печатная книга производит впечатление, будто она явилась результатом многовековой типографской практики, замечательной полиграфической культуры и вся пронизана заботой о читателе. До сих пор исследователи ломают голову над таким феноменом: в первопечатной русской книге нет ни одной типографской погрешности, нет и ни одной опечатки. Это ли не лучшее доказательство высокой филологической образованности и высокой культуры, умственного труда первопечатника?

Вся жизнь Ивана Федорова была сопряжена с титаническим трудом, трудом бескорыстным, беззаветным и самоотверженным. Ничто его не останавливало: ни лишения, ни житейские невзгоды, ни технические и творческие трудности. Дело жизни Ивана Федорова было подвигом по цели, по своей жертвенности и по достигнутым результатам. Он весь вдохновлен любовью к своему народу. Иван Федоров не просто создатель книгопечатания — он великий сеятель славянской культуры, создатель русской и украинской печатной книжности, книжной печатной культуры. (451 слово)

По Д. Лихачеву

Урок корректора Благова

Часто к нам в редакцию заходил Андрей Соболев. Он был милым, всегда чем-нибудь взволнованным, неусидчивым человеком. Однажды Соболев принес свой рассказ, раздерганный, спутанный, хотя, безусловно, талантливый, интересный по теме.

Все прочли этот рассказ и смутились: печатать его в таком небрежном виде было нельзя, а предложить Соболеву исправить его никто не решался. В этом отношении писатель был неумолим.

Мы сидели и думали: что делать? Сидел с нами и наш корректор, старик Благоев, бывший директор самой распространенной в России газеты «Русское слово», правая рука знаменитого издателя Сытина, человек неразговорчивый и напуганный своим прошлым.

— Дайте мне рукопись, — сказал он, — клянусь, я не изменю в ней ни слова.

— А что же вы сделаете?

— А вот увидите.

В словах Благоева я почувствовал нечто загадочное. Надо было узнать эту тайну, и поэтому я согласился.

Благоев вынул из кармана огарок необыкновенно толстой церковной свечи. Золотые полоски вились по ней спиралью. Он зажег этот огарок, сел на мой потрепанный чемодан и склонился над рукописью с плоским плотницким карандашом в руках. Кончил работу над рукописью он только утром.

Я прочел рассказ и онемел. Это была прозрачная литая проза. Все стало выпуклым, ясным. От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и следа. При этом, действительно, не было выброшено или прибавлено ни одного слова.

— Это чудо! — сказал я. — Как вы это сделали?

— Да просто расставил правильно все знаки препинания. Особенно тщательно я расставил точки. И абзацы. Это великая вещь, милый мой. Еще Пушкин говорил: они существуют, чтобы выделить мысль, дать фразе легкость и гармонию. Знаки препинания — это нотные знаки. Они твердо держат текст и не дают ему рассыпаться.

Рассказ был напечатан. А на другой день в редакцию ворвался Соболев. Волосы его были растрепаны, глаза горели огнем.

— Кто трогал мой рассказ? — закричал он неслышанным голосом.

Тогда Благоев сказал спокойным и даже унылым тоном:

— Если вы считаете, что правильно расставить знаки в вашем рассказе — это тронуть его, то извольте: это сделал я. По своей обязанности корректора.

— Спасибо! — сказал взволнованно Соболев. — Вы дали мне чудесный урок. Я чувствую себя преступником по отношению к своим прежним вещам.

Корректор ответил: «Русский язык открывается до конца лишь тому, кто кровно любит свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли».

Особенно ясными для меня стали эти мысли после встречи с одним лесником.

Мы остановились у одного оконца-колодца и напились воды.

— Родник! — сказал лесник. — Должно, Волга тоже начинается из такого оконца?

— Да, должно быть, — согласился я.

— Я большой любитель разбирать слова, — неожиданно сказал лесник и смущенно усмехнулся. — И вот скажи на милость! Бывает же так, что пристанет к тебе одно слово и не дает покоя. Вы, говорят, вроде книги пишете?

— Да, пишу.

— А я вот как ни прикидываю, а редко какому слову найду объяснение.

— А какое слово к вам привязалось сейчас? — спросил я.

— Да вот этот самый «родник». Надо думать, получилось оно от того, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льется-течет через всю нашу матушку-землю, через всю родину, кормит народ. Вы глядите, как это складно выходит: родник, родина, народ. (487 слов)

По К. Паустовскому

Функции русского языка*

Н. В. Гоголь когда-то сказал: «Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твердых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно...»

Прежде всего богатство языка заключено в количестве слов. В самом известном одностомном Словаре С. И. Ожегова объяснено около пятидесяти тысяч слов. В академическом семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» истолковано более ста двадцати тысяч слов, но его составители пишут в предисловии, что в этом словаре можно найти в основном только слова общеупотребительные и нормативные. Целые разряды слов остались за пределами этого труда.

Богатство русского языка заключается и во множестве различных выражений, словесных оборотов, синтаксических конструкций и форм слов, которые имеют близкое или одинаковое значение, но различную стилистическую окраску, и мы можем выбирать из них именно те слова, выражения, конструкции, которые лучше подходят в каждом отдельном случае.

У языка два названия, две работы. Служить общению людей и быть средством мысли. Если соберутся несколько человек и начнут общаться, то между ними сразу появится «невидимка» — язык. Он объединяет людей, дарит им возможность взаимопонимания.

Представьте, что люди лишились языка. Не могут говорить, понимать речь, читать, писать. Они немедленно опустились бы на уровень коров, кошек и зайцев. Человеческое общество прекратилось бы, началось стадо. Человеку необходимо общение с другими людьми. Когда говорят об этой важной функции языка — быть средством общения, на первый план выдвигается обозначающее, то есть то, что мы непосредственно воспринимаем. Оно делает речевое намерение явным, доступным для других.

Язык служит и для мышления. Знаки языка позволяют соединять значения, строить из них рассуждения, сопоставлять их — мыслить. Даже если я мыслю не вслух, а про себя, все равно мои мысли должны быть как-то явлены мне самому, иметь обозначающее, а значит, и здесь нужен язык.

Язык как средство общения — это мышление «на людях», для всех. Язык как средство мышления — это общение с самим собой, внутренний диалог, спор с собой, согласие. Эти назначения языка связаны неразрывно.

Конечно, мысль рождается в голове отдельного человека. Но родившись, она требует жизни, ей нужно существование, достойное мысли. Ею надо действовать, ее надо высказывать, объяснять, истолковывать, уточнять, совершенствовать, доказывать и оспаривать, подтверждать и отрицать; нужно приводить новые аргументы «за» и «против» нее. Без этой естественной жизни мысль не существует.

Есть у языка и другие назначения. Например, экспрессивная функция. Говорящий выражает не только словами, но и интонацией, тембром, темпом речи свое отношение к тому, что сообщается в высказывании, и к ситуации, в которой происходит разговор. Радость при встрече, приветливость, расположение, дружеское участие или, наоборот, недоброжелательность, отчужденность, раздражение, вражда — это огромное множество оттенков выражается во всех языках, хотя и по-разному. Каждый язык выделяет свои особые средства для их выражения.

Есть поэтическая функция языка: создаются произведения, где язык становится художественной ценностью.

Назначения языка многочисленны, но в основе их все-таки лежат две основные функции: быть средством общения и средством мысли. (460 слов)

По М. Панову

Система образов-символов в балладе «Светлана» В. А. Жуковского

В балладе В. А. Жуковского «Светлана» нашла отражение стихия народной жизни. Не случайно именно святочные дни описываются в произведении. Это дни ожесточенной борьбы темных и светлых сил в природе и в душе человека. Поэтому принципиально важно время действия: «крещенский вечерок». Следовательно, уже в начале содержания баллады мы видим проявление двойственности культурного пространства: вечер накануне Богоявления и древнее языческое гадание, в котором участвует героиня. С самого начала задан основной конфликт произведения: борьба светлых и темных сил в душе человека.

Раскрытию основной мысли автора способствует композиция баллады. Рассказ о гадании и встрече героини с любимым вмещает в себя сон Светланы, то есть повествование имеет внешний и внутренний планы. Сон является кульминацией для внешнего плана произведения. Мистические события, борьба света и тьмы происходят в сне Светланы, который имеет двойственную характеристику. С одной стороны, гадания, вера в сны свойственны древним культам, следовательно, этот факт характеризует героиню как человека, имеющего глубокие славянские корни.

С другой стороны, именно в сне во всей своей спасительной мощи проявляются христианские символы.

Сон тоже имеет самостоятельную композицию, в которой интересна двойная кульминация: первая — победа светлых сил в душе Светланы; вторая — победа самой героини, защищенной светлыми силами, над тьмой. Фрагменты, описывающие реальную жизнь, наполнены реалистическими деталями. Баллада завершается своеобразным поучением, в котором автор объясняет основную идею произведения.

Итак, баллада «Светлана» начинается подробным описанием святочных гаданий, которые тесно связаны с древними славянскими обычаями и верованиями: появляются образы луны, тумана, сумрака, сопровождающие этот ритуал. Героиня Светлана погружена во мрак древних верований. Звучат фольклорные мотивы, демонстрирующие обрядовой песне народные предания: венец, кольцо, обручение — атрибуты христианских обрядов, каждое из которых несет древнюю общеславянскую образность.

Далее следуют жалобы героини на жизнь, на судьбу. Автор баллады отмечает, что судьба — это только линия жизни, но есть случай — это узел на этом пути, который следует развязать. И оттого, как героиня развяжет его, и будет определяться ее истинная судьба. Следуя за текстом баллады, мы видим, как тьма в зеркале порождает тьму, робость и страх в душе Светланы, но постепенно реальность изменяется, создается впечатление, что произведение ставит условие: счастье будет при обращении героини к свету христианства. И начинается путь Светланы к истинному свету, появляются светлые библейские образы-символы, символы чистоты. Строки, описывающие состояние Светланы после пробуждения, абсолютно прозрачны. Героиня устремлена в «божий храм», к «небесам». Победа света окончательная.

Как видим, система образов-символов в балладе В. А. Жуковского четко организована и служит раскрытию основной мысли автора, ясно сформулированной в конце: «Лучший друг нам в жизни сей — вера в провиденье».

Кульминационный структурный элемент баллады — сон — воплощает деяния героини; ее обращение к вере и горячая молитва вознаграждаются счастливым пробуждением. Следовательно, жалобы Светланы в начале баллады — это то, что могло привести ее к гибели, если бы не спасение в «вере провиденье».

Судьба, которую клянет Светлана в начале баллады, оборачивается счастьем.

Практически каждый образ-символ баллады имеет древние корни, уходящие в глубокое прошлое. Почти каждый образ-символ «двоится», поскольку известно, что христианство впитало в себя многие славянские верования. А противостояние темных и светлых сил (язычества и христианства), заканчивающееся победой провидения, организует сюжет и структуру баллады. (488 слов)

По О. Левушкиной

Интеллигентный дилетант*

Абитуриент элитарного коммерческого вуза со сложной аббревиатурой в названии Ипполит Аполлонов готовился к экзаменам. Он считал себя интеллектуалом, имел хобби, любил плавать в бассейне брассом и баттерфляем и играть в волейбол. Ипполит мечтал стать кинорежиссером или продюсером. Он часто грезил о съемках где-нибудь на коралловом атолле среди муссонов и пассатов, об аплодисментах в Каннах или Ницце, о триумфе с иллюминацией, аттракционами и спецэффектами, о льющихся рекой долларах.

Квартира Ипполита напоминала территорию, занятую оккупантами. На стеллажах валялось колоссальное количество иллюстрированных фолиантов. В холле были разбросаны карикатуры на известных импресарио, поэтесс и актрис. Баррикады из бестселлеров, написанных беллетристами всех народов и рас, загромождали коридор. Аннотированные указатели и эссе по искусству покрывали импортные паласы.

В субботу состоялся экзамен по русистике. Вытянув билет, Аполлонов стал декламировать перед экзаменаторами балладу известного российского поэта, который некогда считался диссидентом и был вынужден эмигрировать в Голландию. Ипполит, как ему казалось, искусно имитировал манеру чтения самого автора и поэтому сильно грассировал. Однако такое чтение профессор и его коллеги сочли искусственным. Они велели прекратить буффонаду и проанализировать содержание баллады. Подобное поведение комиссии показалось Ипполиту агрессивным. Ощувив прессинг, он в состоянии стресса начал лепетать что-то об аллитерациях, однако не смог найти в стихотворении ни аллюзий, ни аллегорий, ни асимметричной композиции. В результате ему поставили два балла по пятибалльной системе.

В состоянии полного аффекта Ипполит написал своим аккуратным, каллиграфическим почерком апелляцию, однако никаких иллюзий он при этом не испытывал. И действительно, аттестационная комиссия не пошла на компромисс и после короткой дискуссии оставила оценку без изменений.

Ипполита охватила апатия, переходящая в депрессию. Он чувствовал какое-то жжение в груди, его терроризировала бессонница и мучили галлюцинации. Ипполит потерял аппетит и стал отказываться даже от деликатесов. После колоссального провала на экзамене жизнь перестала казаться ему идиллией. Но зато он понял, что если не будет упорно трудиться, то может так и остаться на всю жизнь интеллигентным дилетантом.

Ипполит стал готовиться к экзамену по русскому языку более серьезно. На первом этапе подготовки к будущему экзамену — написанию изложения — он поставил перед собой конкретную задачу: выявить проблемы, которые поднимает автор текста, отметить и объяснить роль не менее двух наиболее характерных для прочитанного текста средств выразительности. Однако, как показала работа над изложением, необходимо было составить общее представление о теме, определить последовательность событий, описаний и рассуждений, обратить внимание на синтаксические конструкции, смысловые части текста. Далее необходимо не только воспроизвести логику (а не пересказать содержание) и композицию предложенного текста, но и сохранить присущие ему приемы отбора языкового материала. Ведь при оценке работы учитываются и полнота рассуждений, и сохранение особенностей предложенного текста, и правильность изложения, и логичность, и ясность речи, и, конечно, отсутствие орфографических, пунктуационных, грамматических и речевых ошибок. И еще необходимо помнить о том, что относительно завершенные по смыслу части работы нужно начинать с красной строки, так как нарушения в смысловом членении текста экзаменаторы рассматривают как логическую ошибку. (457 слов)

По И. Баклановой

Актуальный язык XXI века

Лингвисты не раз уже писали о словах и выражениях, которые являются заведомо жаргонными или выглядят как «неуклюжий» перевод с иностранного языка. Короче, типа того, прикинь, по-любому стали просто бедствием для языка, из обыденной речи переходят в кино- и телеэкран и даже в официальную речь. А чего стоят выражения: Ты лучший! Ты этого достойна! Мы сделали это! Жаргонные слова и молодежный сленг замещают нормативные слова и выражения в разговорном языке.

С начала XX века отмечены четыре волны в развитии молодежного сленга. Первая датируется двадцатыми годами. В результате революции и гражданской войны появилась целая армия беспризорных и речь молодежи окрасилась множеством «блатных» словечек. Вторая волна приходится на пятидесятые — шестидесятые годы — время так называемых «стиляг» и их «зашифрованного» языка. Появление третьей волны связано с периодом застоя и возникновением разных неформальных молодежных движений и — соответственно — сленга как языкового жеста противостояния официальной идеологии. Четвертая волна пришлась на конец XX века, на эпоху компьютеризации, когда наряду с общеупотребительной лексикой стала стремительно развиваться лексика техническая, понятная только тем, кто владеет компьютерной грамотой и знаком с мобильными технологиями. Вот лишь несколько примеров такой лексики: клон, скан — повторение, списывание, воспроизведение; мобила — телефон, связь; самса — от 8М8 (способ мобильной связи); комп — компьютер; мыло — Е-таП; пентюх — Репйит.

Компьютерный язык активно проникает в нашу жизнь. Закономерным следствием глобальных процессов в экономической, культурной и политической сферах является то, что словарный запас постоянно пополняется терминами, которые с течением времени начинают активно использоваться носителями языка. Современный язык — это язык коммуникации, язык информационного поля, информационной среды. Наиболее яркий пример этого — Интернет, где доминирует английский язык (часто его сленговый вариант). Это, конечно, удобно пользователям, но дальнейшее распространение этого языка представляет трудности для тех членов общества, которые не владеют таким универсальным языком. Новые слова нуждаются в переводе, трактовке значения.

Компьютерный язык проникает и на страницы газет, журналов, где уже можно встретить кликать, чатиться, хакерный и другие. Это вызывает у лингвистов большую озабоченность и тревогу. Говоря сегодня о речевой культуре, необходимо рассматривать ее как составную часть общей культуры. Расшатывание языковых и стилистических норм, огрубление языка — следствие снижения уровня культуры современного человека и общества.

В четвертую волну в русский язык вошло и множество экономических и финансовых терминов иноязычного происхождения: бартер, брокер, дилер, инвестор, инвестиции, тендер, дефолт, профицит и другие. Специальные экономические и финансовые термины вошли в общелитературный язык, стали употребляться на страницах печати, зазвучали по радио и с телеэкранов.

Почему же все эти экономические и финансовые явления называются не по-русски? Да потому что они — результат влияния на нашу экономику распространенных на Западе методов и механизмов экономического и финансового управления. Вместе с новыми понятиями к нам пришли и новые слова и термины. Эти слова интернациональны, они известны и понятны говорящим на многих современных языках. А принадлежность того или иного слова к общему, международному лексическому фонду часто облегчает его укоренение и в каждом конкретном национальном языке (в данном случае в русском). (463 слова)

По Л. Крысину

Неожиданная встреча

Ранним студеным осенним утром в современно устроенной квартире корреспондента газеты «Районная хроника» Иннокентия Овчинникова неожиданно раздался телефонный звонок. Ответственный секретарь редакционной коллегии Геннадий Серебряный передал ему экстренное задание — немедленно выехать в станицу Каменную и подготовить материал о незаконно приватизированном мошенниками общественном здании станции юных натуралистов. По словам Серебряного, приватизация была аннулирована только после кассационной жалобы, направленной квалифицированными юристами в апелляционный суд.

Будучи собранным и организованным человеком, Овчинников мгновенно приготовился к отъезду. В считанные минуты он бросил в дорожную сумку сменное белье, стиранные и отглаженные рубашки и латаный-перелатаный зеленый шерстяной шарф, вязанный еще бабушкиными руками.

В Каменной Иннокентий быстро отыскал станцию юннатов. Она была размещена в деревянном особняке с колоннами, окруженном старинной кованой оградой. Деревянный дом, как правило, строится нерасчетливо. Проходит несколько лет после его возведения, и с изумлением замечают: дома не узнать. Справа выросла несообразная пристройка, слева обрушился карниз (первоначально милая затея), плещ разросся как бешеный и совсем закрыл балкон. Хорошо, что обрушился карниз, он был бы теперь некстати.

Судьба семей зависит от того, в каменном ли доме они живут или в деревянном. В деревянном доме семья не рушится, она расплзается. Вырастает нелепая пристройка. Кто-то женится, рождает детей, жена умирает. Вдовец зарастает плющом, новый карниз возводится... Опять идут дети, — и уж муж умирает. Вдова остается, а у детей подруги и приятели из соседнего дома... И вдова берет соседских детей к себе на воспитание. Все это растет, смеется, и опять кто-то выходит замуж. Приезжает подруга, с которой лет тридцать не виделась вдова, и остается навсегда, возводится новая пристройка, ни на что не похожая.

Кто здесь мать? дочь? сын?

Дом один все за всех знает: он помогает всем своим жильцам жить. Видимо, и деревянный дом, в котором была размещена станция юннатов, был предназначен для совместной жизни родителей, детей, внуков.

Нежданно-негаданно незванным и непрошеным гостем предстал Иннокентий перед директором станции. Это была энергичная и уверенная в себе женщина с необыкновенно холеным лицом и крашенными в какой-то странный цвет волосами. Неожиданно Овчинников узнал в ней свою давнюю возлюбленную Инну Блинникову. Несмотря на преданную и самозабвенную любовь Иннокентия, Инна совершенно необоснованно считала его ветреным и легкомысленным юношей. После одной из постоянных и беспочвенных ссор они расстались, и Овчинникову казалось, что Инна была потеряна для него навсегда.

Ошеломленно и подавленно, с деланной улыбкой смотрел Иннокентий на удивленную Инну. Было видно, что она обрадована и немного растеряна. Умудренный жизненным опытом, Овчинников уверенно пригласил Инну в ресторан.

В ресторане все было устроено в подлинно народном духе. Помещение было освещено масляными лампами. У беленных мелом стен стояла старинная мебель из мореного дуба, а на скобленном до белизны некрашеном полу лежали плетеные дорожки. Ободренный и несказанно обрадованный встречей, Овчинников почувствовал себя подлинным именинником и предложил Инне провести следующий день вместе. Та жеманно, но благосклонно согласилась. Это была неслыханная победа: Иннокентий был прощен. (454 слова)

По И. Баклановой

Рассказ В. Токаревой «Самый счастливый день»

События рассказа происходят в не столь отдаленное время, и перед сегодняшними старшеклассниками стоят те же проблемы, что и перед героиней рассказа, размышляющей о честности и лжи во имя достижения личных целей, об эгоизме и карьеризме в современном обществе, об истинных и ложных целях и ценностях, умении сочувствовать и сопереживать. Ее одноклассники «строчат с невероятной скоростью и страстью» сочинение на не очень корректную тему, заданную учительницей, а главная героиня все еще стоит перед выбором — написать что-нибудь общепринятое или, махнув рукой на все условности, написать пусть и не о самом счастливом, но о просто счастливом дне своей жизни, потому что самого счастливого дня у нее еще не было. «Он у меня впереди», — убеждена девочка.

Задача писателя — заставить читающего задуматься о смысле жизни, о самой главной ее составляющей — о счастье. Слово счастье и производные от него употреблены в рассказе двадцать семь раз. Этому слову отведена центральная роль в организации содержания текста. В рассказе слово счастье реализуется в двух значениях: польза и удовольствие. Отсюда и сочетаемость слова счастье со словами лексико-семантических групп польза и семья, ведь именно в семье с родными людьми героиня испытывает «невыразимо прекрасные» чувства.

Важной отличительной чертой стиля В. Токаревой является афористичность. В организации текста рассказа «Самый счастливый день» афористические высказывания, цитаты играют немаловажную роль. В них раскрываются основные жизненные представления героини рассказа и ее своеобразного оппонента — учительницы Марьи Ефремовны. «Человек бывает по-настоящему счастлив только в том случае, когда приносит людям пользу», — произносит Марья Ефремовна, и в ее устах это известное высказывание звучит несколько искусственно. От частого употребления оно несколько стерлось, и читатель не верит в его истинность. В то же время не менее известная цитата: «Каждый человек за свою жизнь должен посадить дерево, родить ребенка и написать книгу о времени, в котором он жил», — естественна и вполне созвучна душевному настрою героини, поэтому и не вызывает у нее неприятия. Афоризмы в тексте В. Токаревой прямо либо косвенно помогают раскрыть основное ключевое понятие рассказа — счастье. Они несут не только идейно-смысловую, но и эмоциональную нагрузку.

Особый интерес представляет для нас ироничность как отличительная черта стиля автора. Героиня рассказа, как и многие современные девушки, умна и иронична. Она знает свои сильные стороны: много читает, у нее «большой словарный запас и она легко им орудует». Но, сравнивая себя с одноклассниками, героиня с сожалением убеждается в том, что эти ее достоинства совершенно не нужны современному человеку. За своей иронией, как за маской, она прячет то, что хочет скрыть от окружающих: свои сомнения, тревоги и острое чувство счастья в общении с близкими людьми. В тексте рассказа не случаен афоризм «воспитание дано человеку именно для того, чтобы скрывать свои истинные чувства. В том случае, когда они неуместны». И задача текста — научить подростка не скрывать свои взгляды, открыто высказывать свое мнение и уметь приводить убедительные аргументы в его защиту.

Круг проблем, поднятых в рассказе, важен и имеет первостепенное значение для формирования жизненной позиции человека. Но Токарева говорит о них не в назидательном тоне, что почти всегда вызывает резкое неприятие, особенно у молодых людей, а с иронией. (490 слов)

По Л. Коротенко

Круиз по Оке и Волге

Для того чтобы отдохнуть от московской жары, мы отправились в круиз по Оке и Волге.

Когда мы прибыли на речной вокзал, нам сообщили, что теплохода нет, потому что Ока обмелела и поэтому теплоход отправится из Рязани. Пришлось начать отдых со штурма автобусов, в которых все стремились занять места получше. Заметим, что в автобусах, которые доставили нас до Рязани, не было кондиционеров и окна не открывались. Казалось, что за те два часа, в течение которых мы продирались сквозь московские пробки, солнце расплавит автобус.

Рязани мы достигли, когда стемнело. Капитан заверил отдыхающих, что как только механики починят двигатель, теплоход отправится в рейс, но не смог сказать когда.

После того как мы покинули автобусы, единственным нашим желанием было как следует вымыться. Однако когда мы подошли к душевой, мы увидели дежурную, которая терпеливо объясняла пассажирам, что если найдется ключ, то они обязательно примут душ.

Новая проблема возникла, когда нам понадобилось зарядить проголодавшийся мобильник. Оказалось, что в каюте, которая запиралась на ключ и где можно было оставить телефон без присмотра, не было электрических розеток. Выяснилось, что две или три розетки есть в коридоре, по которому ходят все кому не лень. Из одной из розеток уже торчало нечто, на чем висел пластиковый пакет. Когда мы приблизились, стало понятно, что кто-то воткнул в розетку зарядник, который был подсоединен к телефону, а на зарядник повесил пакет, где лежал мобильник. Мы поняли, что выход из любой ситуации есть всегда, особенно если хорошо подумать. Подозреваю, что хозяин этого пакета — очень богатый человек, если он не побоялся, что в течение ночи кто-нибудь позвонит по его телефону в Магадан или Кливленд.

Почему-то к старинным русским городам, которые манили своей красотой и в которых хотелось облазить каждый закоулок, теплоход причаливал часов в шесть утра. Нам было очень трудно проснуться, так как накануне мы долго не ложились спать, потому что кормили крикливых чаек.

Несмотря на то что неожиданности так и сыпались на нас, мы радостно фотографировали монастыри, которые отражались в реке, а если удавалось вздремнуть часок-другой, то чувствовали себя счастливыми. Жаль только, что мы проспали тот момент, когда теплоход все же сел на мель.

Сперва все бытие ваше как будто расширяется, и существование ваше станет вам яснее от одного взгляда на роскошную картину приволжского берега. Налево у ног наших, под ужасною крутизною, мы увидели широкую реку-матушку, любимую народом, прославленную русскими поверьями; гордо играет она, и блещет серебряной чешуей, и плавно и величественно тянется в сизую даль. Направо, на скате горы, громоздятся дружною кучей между кустов и деревьев живописные хаты, а над ними, на обрыве, вдавшемся в реку, мы видим белую ленту монастырской ограды, из среды которой возвышаются купола церквей и кельи иноков.

С одной стороны, на гористом берегу возвышается древний кремль, и чешуйчатые колокольни высоко обозначаются в голубом небе, и весь город наклоняется и тянется к приволжскому скату. С другой, луговой стороны, взор объемлет необозримое пространство, усеянное селами и орошенное могучими течениями Оки и Волги, которые смешивают свои разноцветные воды у самого подножия города. (485 слов)

По И. Баклановой

Эсперанто и его создатель*

Эсперанто — искусственный международный язык, получивший распространение в конце XIX века. Его создателем был Людвиг Заменгоф.

Заменгоф родился в городе Белостоке, который находился тогда на территории Российской империи. Заменгоф закончил Варшавскую гимназию, а затем медицинский факультет Московского университета. Работал врачом-окулистом под Каунасом, потом в Херсоне и Гродно, пока окончательно не поселился в Варшаве, где приобрел широкую известность как врач бедняков.

С детства Заменгоф прекрасно владел польским, немецким, французским, древнееврейским языками, позднее изучил латинский, древнегреческий, церковнославянский, итальянский, литовский, английский. «Идея международного языка, — писал Заменгоф, — осуществлению которой я посвятил всю свою жизнь, появилась у меня в детстве». В наличии международного языка будущий создатель эсперанто видел способ преодоления межнациональных противоречий и конфликтов, средство установления гармонических социальных отношений. Первоначально Заменгоф надеялся возродить латинский язык, который, по его замыслу, должен был стать всеобщим. Однако затем он отказался от этой идеи и начал работать над проектом нового искусственного языка. Этот проект под названием «Всеобщий язык» был завершен в 1878 году — в год окончания Заменгофом гимназии. На новом «языке» уже увлеченно общались его одноклассники и друзья. Однако по настоянию отца Заменгоф прервал работу по созданию универсального языка (был уничтожен и первый его проект). Лишь в восьмидесятые годы Заменгоф, уже став врачом, вновь вернулся к этой идее. В 1887 году им был издан учебник «международного языка». На титульном листе этого пособия, предназначавшегося для русских, был указан автор — Доктор Эсперанто. Своим псевдонимом Заменгоф избрал слово, которое значило «надеющийся». Это слово и стало названием нового искусственного языка. Позднее появился и символ эсперантистов — зеленая (цвет надежды) пятиконечная (знак связи пяти континентов) звезда.

Заменгоф создал первые словари эсперанто, начал выпускать на нем газету, перевел на этот язык ряд произведений Г. Гейне, Н. В. Гоголя, Шолом-Алейхема, Э. Ожешко и других. Первыми же литературными произведениями, изданными на эсперанто, стали «Метель» А. С. Пушкина и «Княжна Мери» М. Т. О. Лермонтова.

Созданию эсперанто предшествовало множество проектов искусственных языков. В лингвистических экспериментах участвовали выдающиеся ученые: И. Ньютон, Г. В. Лейбниц, Я. А. Коменский, Р. Декарт и многие другие. Однако именно эсперанто суждено было завоевать широкую популярность. Уже в 1905 году состоялся международный конгресс эсперантистов, объединивший представителей разных стран. В декларации, принятой на этом конгрессе, отмечалось, что «эсперантизм есть стремление распространить по всему миру нейтральный язык для людей, который, не вторгаясь во внутреннюю жизнь народа... дал бы людям различных наций возможность объясняться между собой...». Этот международный язык получил высокую оценку Л. Н. Толстого, А. Эйнштейна, К. Э. Циолковского, Р. Роллана и многих других деятелей науки и культуры. И в настоящее время эсперанто сохраняет свои позиции. Этот искусственный язык изучается в 29 университетах мира, на нем развивается оригинальная литература, во многих странах существуют клубы и ассоциации эсперантистов.

Что же сделало эсперанто столь популярным, позволило считать его, по мнению Л. Толстого, «вполне удовлетворяющим требованиям международного языка»? Прежде всего эсперанто близок естественным языкам. Его словарь формировался на основе лексики романских, германских и частично славянских языков. Алфавит эсперанто разработан на основе латинского и включает 28 букв, при этом каждая буква обозначает только один звук. Ударение фиксированное: оно падает на предпоследний слог слова. Основным принципом орфографии является фонетический.

Грамматика эсперанто предельно логична. Она сводится к нескольким правилам и практически не знает исключений.

Л. Заменгофу удалось создать международный язык с достаточно большим лексическим составом, развитой словообразовательной системой и несложной грамматикой. Искусственный язык Заменгофа известен уже более ста лет и продолжает развиваться. (518 слов)

По Н. Николиной

Долгожданная гроза

Еще только одиннадцатый час на исходе, а уже никуда не денешься от тяжелого зноя, каким дышит июльский полдень. Раскаленный воздух едва-едва колыхнется над немощной песчаной дорогой. Еще не кошенная, но наполовину иссохшая трава никнет и стелется от зноя, почти невыносимого для живого существа. Дремлет без живительной влаги зелень рощ и пашен. Что-то невнятное непрестанно шепчет в полудремоте неугомонный кузнечик. Ни человек, ни животное, ни насекомое — никто не борется с истомой. По-видимому, все сдались, убедившись в том, что сила истомы, овладевшей ими, непобедима и непреодолима. Одна лишь стрекоза чувствует себя по-прежнему и как ни в чем не бывало пляшет без усталости в пахучей хвое. На некошенных лугах ни ветерка, ни росинки. В роще, под пологом листвы, так же душно, как и в открытом поле. Вокруг беспредельная сушь, а на небе ни облачка.

Одна надежда на грозу: лишь она одна может разбудить скованную жаром природу и развеять сон. И вдруг впрямь что-то грохочет в дали, неясной и туманной, и гряда темных туч движется с юго-восточной стороны. В продолжение очень короткого времени, в течение каких-нибудь десяти — пятнадцати минут, царит зловещая тишина, и все небо покрывается тучами.

Полуденное солнце, готовое поразить каждым своим лучом, жжет невыносимо. Бесшумно, едва приметно струится в низких берегах кристально чистая вода, зовущая освежить истомленное зноем тело в прохладной глубине. Но отправиться купаться не хочется, да и незачем: после купания еще больше распаришься на солнцепеке.

Но вот, откуда ни возмись, в мертвую глушь врывается резкий порыв ветра, который, кажется, ничем не сдержишь. Он стремительно гонит перед собой столб пыли, беспощадно рвет и мечет древесную листву, безжалостно мнет и приклоняет к земле полевые злаки. Ярко блеснувшая молния режет синюю гущу облаков. Вот-вот разразится гроза и на обнаженные поля польется освежающий дождь. Хорошо бы укрыться от этого совсем нежданного, но желанного гостя. Добежать до деревни не удастся, а усесться в дупло старого дуба впору только ребенку. Гроза надвигается: изредка вдалеке вспыхнет молния, слышится слабый гул, постепенно усиливающийся, приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты, обнимающие весь горизонт.

И вот солнце выглянуло в последний раз, осветило мрачную сторону небосклона и скрылось. Вся окрестность вдруг изменилась, приняла мрачный характер, и гроза началась.

Дождь полил ручьями, но вдруг сразу перестал. Гроза туманно и устало вспыхивала уже далеко, а гром рокотал глухо, как пустая бочка на телеге, когда едут за водой на реку. Всюду звенели и смеялись ручьи, и было приятно слушать это ребячье журчание и милую игру бурливых потоков. Воздух был чистый, прозрачный и свежий, словно ливень промыл его и освободил от дыма и грязи. Между разорванными тучами синели клочья чистого неба, и лучистыми искорками зажигались и гасли звездочки. На востоке, над крутой горой, кудрявые облака озарялись далеким розовым пламенем, а небо было синее и прозрачное, как вода в роднике. Хлопая крыльями, порывисто пролетели стаи голубей, а над вётвами кружились галки. Низко над мокрой и черной землей носились ласточки. Небо голубело среди играющих облаков и как будто улыбалось приветливо и ласково. Вверху невидимый жаворонок залился колокольчиком. (482 слова)

По Д. Розенталю